

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА :
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 2 2016 (февраль)

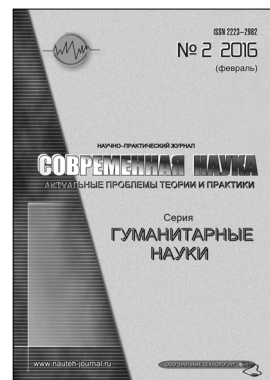
Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редационный совет

- В.Л. Степанов – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
 Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, МГМУ
 Э.Н. Алиева – д.ф.н., профессор, МИЭП
 А.А. Белик – д. филос.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН
 А.П. Миньяр–Белоручева – д.ф.н., профессор, МГУ им. Ломоносова
 М.В. Михайлова – д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
 Я.М. Нейматов – д.п.н., профессор, Фонд развития инновационных технологий РФ
 Н.О. Осипова – д.ф.н., профессор, Московский гуманитарный университет
 В.В. Петрусинский – д.п.н., профессор, РАНХ и государственной службы при Президенте РФ
 Г.М. Пономарева – д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
 Н.Л. Пушкарева – д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН
 А.И. Савостьянов – д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет
 А.С. Сенявский – д.и.н., г.н.с. ИРИ РАН,
 В.И. Тюпа – д.ф.н., профессор, Институт филол. и истории РГГУ
 А.Е. Чирикова – д.соц.н., г.н.с., Институт социологии РАН
 В.Н. Шаленко – д.соц.н., профессор РГСУ
 Н.А. Шведова – д.полит.н., профессор, ИСК РАН
 Н.М. Щедрина – д.ф.н., профессор, МГОУ
 С.Н. Ханбалаева – д.ф.н., МГИМО
 С.А. Экштут – д.филос.н., профессор, ИВИ РАН
 Н.В. Юдина – д.ф.н., профессор, ректор Владимирского филиала ФУ при Правительстве РФ

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр–т, 116–1–10
Тел/факс: 8(495) 755–1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
http://www.nauteh-journal.ru
http://www.vipstd.ru/nautehЖурнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор
В.Л. СтепановВыпускающий редактор
Ю.Б. МиндлинВерстка
VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» – 80015В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.Авторы статей
несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»
тел./факс: (495) 973–8296Подписано в печать 29.02.2016 г.
Формат 84x108 1/16
Печать цифроваяЗаказ № 0000
Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

ИСТОРИЯ

- И.А. Агакишиев** – Проблемы нефтяной промышленности азербайджана в начале 90-х годов XX века
I. Agakishiyev – The problems of oil production in Azerbaijan in the 1990s 4
- Н.П. Бучко** – Воспоминания генерала В.Г. Болдырева как отражение политических позиций командования белых армий в годы Гражданской войны на Востоке России (1918 – 1920 гг.)
N. Buchko – Memoirs of general V.G. Boldyrev as a reflection of political positions of command of the white armies during the Civil war in the East of Russia (1918 – 1920) 14
- Е.П. Гросс** – Деятельность общественных объединений Республики Беларусь на мировой арене в 2000-е гг.
E. Gross – The activities of public associations of the Republic of Belarus on the world stage in the 2000s. 18
- А.В. Грызлова** – Взаимоотношения Московского государства с Крымским ханством в первой трети XVI в. отечественная историография XVIII–начала XXв.
A. Gryzlova – Relationship of the Moscow state with the Crimean khanate in the first third of the XVI century. The national historiography of XVIII – in the beginning of the XX century 22
- Л.И. Зайнуллин** – История развития отношений к миграциям населения в гуманитарных науках
L. Zainullin – History of development of the relations to population shifts in the humanities 28
- О.В. Зубко, А.Ю. Суслов** – Слухи и сплетни в среде Украинской, Русской и Белорусской пражских эмиграций (1921–1939 гг.)
O. Zubko, A. Suslov – Rumors and gossip among the Ukrainian, Russian and Belorussian emigration in Prague (1921–1939) ... 32
- А.Э. Котов** – М.Ф. Де-Пуле – редактор "Виленского Вестника"
A. Kotov – M.F. De-Poulet – The editor of "Vilensky Vestnik" newspaper 38
- В.В. Круглов** – Социокультурный феномен спорта, этимология понятия "Спорт" в различных исторических условиях
V. Kruglov – Phenomenon, etymology concept of "Sport" in different historical conditions 44
- Н.В. Кудрявцев** – Деятельность советских представительных органов в Сибирской глубинке в 1923–1930 гг. (на примере Ишимского округа Уральской области)
N. Kudryavtsev – The activity of the soviet representative bodies in the depth of Siberia in 1923–1930 (on the example of the Ishim district in the Ural region) 50
- И.С. Турлай** – Факторы послевоенного восстановления Минска
I. Turlai – Factors of Minsk post-War reconstruction 53
- Г.С. Чувардин** – Психоментальные проекции и особенности мировоззрения военно-политической элиты Российской Империи конца XIX – нач. XX в.
G. Chuvardin – Psycho-mental projection and features of the worldview of the military-political elite of the Russian Empire of late XIX – early XX centuries 56
- Е.Е. Ямаева, А.К. Тискинек** – Культурные ландшафты Чемальского района Горного Алтая
E. Yamaeva, A. Tiskinek – Cultural landscapes of the Chermal district of the Mountainous Altai 63

ПЕДАГОГИКА

- А.Н. Бережнева, А.И. Голиков** – Повышение уровня учебной мотивации детей среднего школьного возраста в условиях реализации ФГОС
A. Berezhneva, A. Golikov – Increasing learning motivation of students of secondary school age in the conditions of implementation of the fses 67
- В.М. Бикбаев** – Самостоятельная работа при обучении иностранному языку в военных вузах
V. Bikbaev – Independent work in teaching foreign Language in Military high schools 72
- И.В. Долгополова** – Эффективный трудовой контракт в системе дополнительного образования: проблемы и перспективы внедрения
I. Dolgopolova – An effective employment contract in the system of additional education: problems and prospects of implementation 75
- Б.П. Дьяконов** – Асинхронное обучение как фактор развития силы воли
B. Dyakonov – Asynchronous learning as the factor of students' will power development 81
- Д.В. Качалов** – Формирование инновационной компетенции студентов – будущих менеджеров
D. Katchalov – Future managers' innovative competence formation 85
- А.В. Керженцева** – Развитие акмеологической компетентности будущих специалистов в области образования
A. Kerzhentseva – Development of acmeological competence of future specialists in the field of education 88
- С.Н. Кириллова** – Педагогические условия развития субъектной позиции младшего школьника
S. Kirillova – Pedagogical conditions of development of subjective position of the younger school student 92
- Л.А. Козубовская, Е.Л. Сентебова** – Системная подача грамматического материала при изучении сказуемого и неличных форм глагола в английском языке
L. Kozubovskaja, E. Sentebova – Easy systematic way of teaching grammar while studying english predicate and non-finate forms of verb 98
- Т.И. Кочнева** – Социальное творчество учащихся, как средство формирования личности в системе дополнительного образования
T. Kochneva – Social work students as a means of identity formation in additional education system 103
- М.С. Ляшенко, А.Г. Аmano** – Психолого-педагогическая культура как характеристика педагога нового типа
M. Lyashenko, A. Amano – Psycho-pedagogical culture as a new type of teacher feature 106
- Е.В. Намсинк** – Воспитание культуры досуга младших школьников в условиях сельского социума
E. Namsing – Leisure culture upbringing of junior students under the condions of rural community 110
- Н.А. Неведова** – "Музыкально-творческая активность личности" как педагогическое понятие
N. Nefedova – "Music and creative activity of personality" as a pedagogical concept 114

Н.Б. Погибельская, А.П. Погибельский – Цели и перспективы развития естественно-научного образования
N. Pogibelskaya, A. Pogibelskiy – Aims and prospects of the development of science education 118

Д.А. Суарес Ромеро, Ф.И. Молина Роа – Мораль и аксиология: от философской перспективы к новой педагогической концепции образования
D. Suarez Romero, F. Molina Roa – Morals & axiology: from philosophical perspective to new pedagogical concept of education 122

О.В. Ястреб, А.Б. Серых – Профессиональная гибкость специалиста как педагогическая проблема
O. Yastreba, A. Serykh – Professional the flexibility of a specialist as a pedagogical problem 127

ФИЛОЛОГИЯ

Х.Д. Айдоган – Сущностные изменения в Российской прессе постсоветского периода
H. Aydogan – Intrinsic changes in the Russian press of the post-soviet period 131

Ю.Д. Багров – Аргументированное Эссе как жанр в образовательной и языковой культуре
I. Bagrov – Argumentative Essay in educational and language culture 134

К.Е. Барабошкин – Некоторые проблемы литературной теории Ван Чуна (I в.н.э) в трактате "Весы суждений" (красота, истина, природа и естественность)
K. Varaboshkin – Some problems of literary theory Wang Chung (1 century of our era) in his treatise "The balance of judgment" (beauty, truth, nature and naturalness) 138

К.Б. Волкова – Европейское влияние на традиционный Тайский театр в начале XX в.
K. Volkova – European influence on Thai traditional theatre in the beginning of the 20th century 141

В.В. Иванова – Эффективное использование функционально-стилистических приемов в условиях жанра репортаж для достижения максимального воздействия на реципиента
V. Ivanova – Effective use of functional-stylistic devices of the genre in a report in order to achieve maximum impact on the recipient 144

Е.Г. Кашицына – Одночастеречная и межчастеречная антонимия в прозе М.И. Цветаевой
Y. Kashitsyna – Odnogchasterechnaya and mezhchasterechnaya antonymy in Marina Tsvetaeva's prose 149

О.А. Крапивкина – Культурная детерминированность научно-технического перевода
O. Krapivkina – Cultural factors in scientific and technical translation 154

Н.Н. Молитвина – Интенциональные типы автора (на материале литературных рецензий)
N. Molitvina – Intentional types of authors (a case study of literary reviews) 158

О.А. Морозова – Классификация и систематика социальных диалектов
O. Morozova – Classification and taxonomy of social dialects 162

Е.А. Ошева, С.В. Шустова – К вопросу о вариантности в сфере функционирования паремий в русском и английском языках
E. Osheva, S. Shustova – To the question about the variation in the sphere of functioning of proverbs in the russian and english languages 164

Е.А. Пержу – Слова категории состояния как средства выражения "Состояния"
E. Perzhu – The words of the category of state as a means of expressing "State" 169

Д.А. Самарин – Сравнение концептуальных черт Казанской лингвистической школы и Пражского лингвистического кружка
D. Samarina – The contrast of conceptual features of the Kazan linguistic school and the Prague linguistic circle 174

А.Ю. Сапожникова – Литературная баллада в поэзии Прерафаэлитов (Д.Г. Россетти, А.Ч. Суинберна, У. Морриса)
A. Sapozhnikova – Literary ballad in the poetry of Pre-raphaelites (D.G. Rossetti, A.Ch. Swinburne, W. Morris) 178

ИНФОРМАЦИЯ

Наши Авторы / Our Authors 184

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале 186

№ 2 2016 (февраль)

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА В НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ XX века

THE PROBLEMS OF OIL PRODUCTION IN AZERBAIJAN IN THE 1990s

I. Agakishiyev

Annotation

The article considers the problems of oil production after the collapse of the USSR and the ways in which they were solved during the first years of the existence of Azerbaijan as an independent state in the 1990s. Particular emphasis in the article is placed on the future of oil production, due to the need to make the transition from a command-administrative to a market economy, and the ways of resolving financial and technological issues for exploring the oil deposits on the Caspian Sea shelf.

Keywords: market relations, financing, modern (high) technologies, oil deposits, oil production, natural gas.

Агакишиев Исмаил Аловсат Оглы

*К.ист.н., доцент
исторического фак., МГУ
им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы нефтяной промышленности в связи с распадом советского государства и пути их решения в первые годы суверенитета Азербайджанской Республики в начале 90-х годов прошлого века. Особое внимание в статье уделяется судьбе нефтяной промышленности в связи с необходимостью перехода от командно-административной к рыночной экономике, пути решения финансовых и технологических вопросов для освоения нефтяных месторождений на дне Каспийского море.

Ключевые слова:

Рыночные отношения, валютные вложения, передовые технологии, нефтяные месторождения, добыча, природный газ.

1990 г. вошел в историю СССР как полный драматизма и непредсказуемых событий. Лидер страны М.С. Горбачев, инициатор системных изменений в государстве, взламывая старую, отжившую свой срок структуру управления, не смог предложить обществу новую, более совершенную модель развития. Провозглашенная им политика "перестройки", проводимые под лозунгом повышения жизненного уровня советского народа нововведения завершились, по сути, развалом системы, построенной в течение 70 лет ценой огромного напряжения, а порой страданий и потери жизни миллионов людей. Очень скоро стало ясно, что у Горбачева отсутствуют четкий план и программа действий.

Некоторые внешние и внутренние силы, враждебно настроенные к СССР, были заинтересованы в распаде страны. Осознавая, что в многонациональной стране для сохранения ее целостности и единства нет более серьезной опасности, чем межнациональные конфликты, эти силы приложили немало усилий для разжигания межэтнических и межреспубликанских противоречий. В этих условиях властные структуры СССР, располагавшие информацией о подготовке конфликтов, проявили полную безответственность. Самым большим и опасным, переросшим затем в межреспубликанский межэтнический конфликт, основательно расшатавший устои союзного государства, стал армяно-азербайджанский территори-

альный конфликт. Начало ему было положено в 1988 г. [1].

Следствием длительного недальновидного и провокационного бездействия центра стал указ Горбачева о вводе войск в Баку 20 января 1990 г. [2], в город, спасший своей нефтью СССР от поражения годы Великой Отечественной войны.

В результате военного вандализма погибли сотни бакинцев, отцы и деды которых героически сражались в годы Великой Отечественной войны в рядах многонациональной Советской армии [3]. Ввод войск в Баку, бесцеремонное поведение военных, несомненно, подогрели сепаратистские настроения в Азербайджане. И хотя в результате смены партийного и государственного руководства и введения режима чрезвычайного положения политическая ситуация в республике на какое-то время несколько стабилизировалась, становилось все более очевидным, что возврата к прежней системе взаимоотношений с московским центром нет. А. Везиров, первый секретарь ЦК КП Азербайджана, и его окружение оказались между центральной партийной властью и набиравшим силу Народным фронтом. По ряду объективных и субъективных причин управлять республикой в сложившейся ситуации они не могли, а лично Везиров как руководитель и партийный лидер Азербайджана оказался не-

способным удержать данную ему власть [4].

М.С. Горбачев, объективно способствовавший развалу СССР, ввел в СССР институт президентского правления и стал первым президентом страны. Затем он способствовал введению президентского правления в союзных и автономных республиках. К марту 1991 г. в большинстве союзных республик были избраны президенты. Правда, эти должности носили формально-директивный характер: по существу, почти все бывшие первые секретари ЦК КП республик стали их президентами. Тем самым была заложена основа политического противоречия в высшем политическом руководстве, приведшая в ближайшем будущем к распаду СССР [5].

Первый президент Азербайджана Аяз Ниязи оглы Муталлибов родился 12 мая 1938 г. в Баку. Трудовую деятельность начал в 1958 г. старшим техником-конструктором бюро научно-исследовательского института. В 1962 г. окончил Азербайджанский институт нефти и химии имени М. Азизбекова. В 1963 г. стал членом КПСС. В 1959–1974 гг. он работал на Бакинском заводе электробытовых приборов мастером сборочного цеха, инженером, начальником ОТК, главным конструктором, главным инженером, директором. С 1974 г. Муталлибов – генеральный директор производственного объединения "Бакэлектробытмаш". В 1977 г. его перевели на партийную работу, и он занял должность второго секретаря Наримановского райкома партии в Баку. В 1979 г. Муталлибов был назначен министром местной промышленности республики а в 1982 г. – заместителем председателя Совета министров, председателем Госплана Азербайджанской ССР. С января 1989 г. Муталлибов – председатель Совета министров республики, член Бюро ЦК Компартии Азербайджана. На XXX и XXXI съездах Компартии Азербайджана избран членом Ревизионной комиссии и членом ЦК Компартии Азербайджана. После ввода войск в Азербайджан в январе 1990 г. Муталлибов стал руководителем партийной организации Азербайджана. На январском (1990 г.) Пленуме ЦК КП Азербайджана избран первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. 18 мая 1990 г. на сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР одиннадцатого созыва Муталлибов был избран первым президентом Азербайджана [6].

После распада СССР новое азербайджанское государство стало называться Азербайджанской Республикой. Постепенно перемены произошли и в государственном устройстве республики. Восстановилась государственная символика: государственным знаменем Азербайджана стал трехцветный (синий, зеленый, красный) флаг Азербайджанской Демократической Республики (просуществовавшей всего 24 месяца, с 1918 г. по 1920 г.), на котором красуются полумесяц и восьмиконечная звезда. Из названия страны к марту 1991 г. были изъяты слова "союзная советская", и она стала назы-

ваться Азербайджанской Республикой [7].

Несомненно, что Муталлибов был сторонником сохранения союзного государства и ведущей роли Москвы в решении всех основных вопросов единой державы. Тем не менее, он осознавал, что в новых условиях политика Горбачева ведет к развалу страны, что действия московских властей непродуманны, а в ряде случаев губительны для страны. Муталлибова особенно возмущала антиазербайджанская по сути политика Горбачева в вопросах разрешения карабахского кризиса.

Между тем политическая обстановка в республике, ухудшавшаяся с 1988 г., еще более осложнилась в связи с нарастающим экономическим кризисом, выселением азербайджанцев из Армении и нагорно-карабахским конфликтом. Муталлибова также не устраивали явно непродуманные, хаотичные шаги Москвы по переходу от плановой к рыночной экономике. В связи с этим он все чаще выражал свое несогласие с политикой, проводимой центральной московской властью. В докладе "О текущем моменте и задачах партийных организаций по перестройке своей деятельности и переходу республики на рыночные отношения" на пленуме ЦК Компартии Азербайджана 28 января 1991 г. Муталлибов заявил, что в ходе "перестройки" руководство СССР допустило ряд стратегических и тактических ошибок, что "не спрогнозировав возможные последствия, мы стали разрушать десятилетиями функционировавшую систему управления" [8]. По его мнению, декларирование суверенитета привело к синдрому тотальной суверенизации. Муталлибов смело обвинил КПСС в соглашательстве: "КПСС, не проанализировав допущенные руководством ошибки, заняла по всем вопросам соглашательскую позицию" [9].

На наш взгляд, КПСС задолго до войны встала на путь соглашательства. Постоянные репрессии внутри партии сделали политически безвольными практически всех ее членов – от рядовых партийцев до руководителей всех звеньев. Совершенно особой фигурой являлся лидер партии. Все сказанное генеральным секретарем принималось страной как руководство к действию. Это понимали противники СССР в холодной войне. Склонив М.С. Горбачева на свою сторону, они нанесли сокрушительный удар не только по партии, но и по государству.

В результате загнившая система руководства, большей частью отошедшая в 1960–1980-е гг. от ценностей гуманной социальной доктрины марксизма и социалистической политики, занималась в основном укреплением своей власти и захватом материальных богатств. Причиной экономического кризиса стали бездействие руководства страны и ее зависимость от экспорта нефти и газа. Существует мнение, что одной из причин распада СССР был тайный сговор президента США Р. Рейгана с королем Саудовской Аравии о резком снижении цены на

нефть, которое привело к критическому уровню цены на мировые углеводороды [10].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в условиях нарастающего кризиса партийная власть вынуждена была использовать новые инструменты для выхода из тяжелого положения. На октябрьском Пленуме 1990 г. ЦК КПСС высказался за введение рыночных отношений, расценивая их как один из путей выхода из тисков экономического кризиса [11]. События конца 1980-х – начала 1990-х гг. привели к серьезным последствиям для экономики Азербайджана. Вследствие постоянных волнений и забастовок в республике нарастал дефицит бюджета. В начале 1990 г. он составил 5 млрд руб., или 35% республиканского бюджета. В феврале 1990 г. возникли трудности с выплатой зарплаты. Только чрезвычайные меры позволили несколько снизить дефицит бюджета [12]. Необходимо было разработать экономическую стратегию Азербайджана, направленную на системные изменения, позволяющие перейти от командно-административной к рыночной экономике.

Анализируя решения, принятые в годы руководства А.Н. Муталлибова, мы приходим к заключению, что, в общем, разработать новую экономическую стратегию, к сожалению, не удалось. Справедливости ради отметим, что этого не удалось осуществить на всем постсоветском пространстве. А.Н. Муталлибов поддержал мысль о переходе к рынку. В складывании рыночных отношений он видел выход из экономического тупика и путь к оздоровлению экономики Азербайджана. Однако партийное руководство, еще не до конца понимая законы и основные рычаги рыночной экономики, не собиралось в начальный период отойти от управления экономикой. Так, Муталлибов говорил: "Партия не должна уходить из экономики, а должна лишь менять форму участия в ней". [13]

Ведущее значение в развитии экономики Азербайджана на перспективу имела нефтяная промышленность. Это тогда понимали все, в том числе и Муталлибов. Баку, некогда один из мировых центров нефтяной промышленности, дававший до середины XX века в среднем 85% нефтедобычи России и СССР, утратил ведущие позиции. После Великой Отечественной войны для СССР решающее значение постепенно приобрели нефтяные месторождения Западной Сибири. Тем не менее, к началу 1990-х гг., по мнению авторитетных специалистов, в бакинских залежах еще осталось примерно 30% нефти [14]. Сокращение добычи нефти в Баку было связано в определенной степени с сокращением капитальных вложений в нефтедобычу, что, в свою очередь, явилось следствием уменьшения интереса в Азербайджане к этой отрасли. Чтобы оживить процессы добычи нефти в Баку, необходимы были крупные финансовые вложения. В "Каспморнефти" была похожая ситуация: на глубине моря находились большие запасы нефти, но не было, ни ресурсов, ни соответствующей техники и технологии для их ус-

пешного освоения. К началу 1990-х гг. в Бакинском регионе – на суше и на море – ежегодно добывалась примерно 10 млн тонн нефти, что покрывало в основном лишь внутренние потребности республики. Однако в Баку было сосредоточено целое объединение "Союзнефтемаш", производившее 70% оборудования, которое применялось в нефтяной промышленности СССР и стран СЭВ. В рамках этого объединения функционировало 14 крупных предприятий по производству оборудования нефтяного машиностроения и два отраслевых научно-исследовательских института. Азербайджан был поистине центром нефтяного машиностроения СССР. Баку также оставался крупным промышленным центром по переработке сырой нефти. Два крупных завода – Бакинский нефтеперерабатывающий завод (БНЗ) им. XXII съезда КПСС и Новый бакинский нефтеперерабатывающий завод (НБНЗ) им. Владимира Ильича – перерабатывали в год более 10 млн тонн нефти. В г. Сумгаите в советские годы был построен целый нефтехимический комплекс. В Баку находился всемирно известный Азербайджанский нефтяной институт, готовивший высококвалифицированных специалистов. Предпринимались и шаги по вовлечению нефтяной промышленности в систему рыночных отношений. 24 января 1991 г. правительство АзССР приняло постановление об образовании Бакинской биржи. Учредителями первой в республике товарной биржи стали Бакгорисполком, Госснаб АзССР, объединение "Азнефть", "Каспморнефтегаз", "Бакэлектросбытприбор", БНЗ им. XXII съезда КПСС и НБНЗ им. Владимира Ильича. Основной целью биржи было привлечение в республику необходимых товарных масс, насыщение рынка продукцией товарно-технического назначения и товарами народного потребления.

Привлечение западного капитала в экономику СССР и, в частности, в нефтяную промышленность Азербайджана в конце 1980-х – начале 1990-х гг. было необходимо. Без крупных валютных вложений и мировой передовой технологии добыча со дна Каспийского моря оставалась несбыточной мечтой. Преодолеть экономический кризис без инвестиций в нефтяную и газовую промышленность республики и без крупных валютных поступлений, получаемых в зачет будущей реализации, считалось невозможным. Путь осуществления постановления республиканского правительства руководство республики видело в создании совместных предприятий. Переговоры с международными нефтяными компаниями интенсивно велись как центральным, так и республиканским руководством.

Сложность ведения переговоров состояла в том, что советская международная система не была интегрирована в финансовую систему стран Западной Европы и США. Поэтому международные нефтяные компании не могли рассчитывать на партнерство первоклассных международных банков. Трудности переходного периода Муталлибов объяснял тем, что, по существу, партнеры

идут на риск, так как "наше государство не может обеспечить международные нефтяные компании банковскими кредитами: приходится договариваться на основе джентльменского соглашения и гарантий авторитета президентской власти" [15].

Однако отдельные принципы рыночных отношений разрабатывались и принимались на вооружение. Такими были намерения о создании совместных предприятий, осторожное допущение иностранного капитала в нефтяную промышленность. В марте 1991 г. Муталлибов заявил о возможности сотрудничества с иностранными нефтяными компаниями. 5 июля 1990 г. на совместном заседании палаты Верховного Совета СССР было принято Основное законодательство об иностранных инвестициях [16]. Этот правовой акт предоставлял иностранным инвесторам национальный режим, то есть не менее благоприятные правовые условия по сравнению с советскими предприятиями, и содержал развитую систему возможных гарантий иностранных капиталовложений. Согласно этому закону на территории СССР разрешалось создание предприятий со 100% процентным иностранным участием, что стало существенным изменением в законодательной и экономической политике. Разрешалось создание дочерних фирм и филиалов, но их доля не должна была превышать 50%. Закон также предоставлял иностранным вкладчикам право экспорта и импорта без лицензий и освобождал их от таможенных пошлин на импорт и налога на экспорт. Этим утверждался в экономике принцип либерализации в пользу иностранных компаний.

Все это должно было способствовать, по мнению руководства страны, реализации стратегического экономического курса, основой которого было привлечение инвестиций. Председатель Совета министров СССР В.С. Павлов утверждал: "Привлечение иностранных инвестиций в советскую экономику было для страны стратегическим курсом" [17]. Основу новой экономической стратегии составляли к началу 1991 г. привлечение иностранных инвестиций и создание совместных предприятий с зарубежными компаниями. Среди наиболее востребованных объектов для инвестиций были нефтяные месторождения. Крупные нефтяные компании США после провозглашения М.С. Горбачевым политики "перестройки" активизировались для участия в нефтяной отрасли СССР. Первые плоды своей деятельности эти компании стали получать в 1990 г. По свидетельству вице-президента нефтяной корпорации "Континент ойл компани" ("Коноко") М.Дж. Питера, его компания подписала с советской стороной три предварительных соглашения по разведке нефти и природного газа в Советском Союзе. Проекты, разрабатываемые "Коноко" совместно с рядом советских ведомств, включали оценку объема и освоения месторождений путем создания совместных предприятий для Тимоно-Печерского бассейна на севере Европейской части СССР, Западно-Сибирского бассейна и Штокманского газового месторождения [18]. Сотрудничество в

области нефтяной промышленности между советскими нефтяниками и крупными международными корпорациями к 1990 г. было обоюдовыгодным.

С начала мая 1990 г. бакинцы, капитан корабля "Нефтегаз-62" и старший механик этого судна, обслуживали морские буровые фирмы "Б.Ю.Ю.", входившие в крупную нефтяную корпорацию "Шелл" [19]. Экипаж "Нефтегаз-62" в основном состоял из советских дальневосточников. Судно "Нефтегаз-62" принадлежало "Каспнефтьфлоту". Согласно заключенному соглашению, грузовое судно "Нефтегаз-62" плавало в Северном море у берегов Шотландии и зарабатывало валюту для приобретения зарубежного оборудования и запасных частей. "Шелл", удовлетворенный качеством работ "Нефтегаз-62", заключил контракт на сдачу в наем и других судов "Каспнефтьфлота".

В области энергетики наряду с европейскими странами СССР сотрудничал и с Ираном, откуда поставлялся газ, в частности в Азербайджанскую ССР. В апреле 1990 г., после десятилетнего перерыва, в течение одного дня возобновилась поставка природного газа по договоренности Иранской национальной газовой компании и всесоюзного объединения "Союзгазэкспорт". Газопровод из Ирана в Азербайджан был проведен в 1970 г. через Астарту – пограничный город, разделенный на две части: советскую и иранскую. Согласно возобновленному контракту, заключенному партнерами в рамках межправительственного соглашения о взаимной торговле между Советским Союзом и Исламской Республикой Иран, в СССР должно было поставляться в течение 15 лет ежегодно 3 млрд куб. м топлива. Для обеспечения бесперебойной подачи газа в Закавказье концерн "Газпром" провел газопровод Масаллы-Кази-Магомед протяженностью 125 км. Новый газопровод намечался как продолжение второй нитки магистрали, соединяющей Астартинскую газораспределительную и Кази-Магомедскую газокomppressorную станции [20]. СССР в условиях отсутствия валютных средств договорился с Иранской Исламской Республикой (ИРИ) о получении природного газа на бартерных условиях. Страна обязалась оказывать Ирану помощь в строительстве энергетических объектов, расширении металлургического комбината в Исфагане и возведении других промышленных предприятий. Поставленный природный газ из Ирана, как отмечал генеральный директор производственного объединения "Азтрансгаз" Таризл Гуссейнов, "будет использован для покрытия почти вдвое возросшей потребности населения и промышленных предприятий республики" [21].

Актуальность восстановления поставок природного газа из Ирана была обусловлена снижением добычи газа в Азербайджане – на морских месторождениях Каспия. Другая причина была связана с нехваткой мощностей для транспортировки газа в европейскую часть страны СССР из его восточных районов. Иранский газ позволял газифи-

фицировать горные районы Азербайджана, самые отдаленные села республики. Преимущество функционирования газопровода ИРИ–СССР состояло также в возможности перевода на природный газ части электростанций Азербайджана, что должно было заменить используемый сернистый мазут. Замена одного энергоресурса другим улучшала экологическую ситуацию.

Газовое хозяйство Азербайджана, одно из старейших в СССР, опираясь на свой опыт, могло бы стать одним из передовых и образцовых. Анализ основных показателей газопотребления более чем в 40 районах АзССР в 1988 г. свидетельствовал о значительном потенциале республики в этой сфере [22]:

- ◆ Баланс потребления и потерь газа в 1988 г. в %
- ◆ Фактическое потребление – 4,712 куб. м в год
- ◆ Перевыполнение плана – в 5,3 раза
- ◆ Потери газа – 355 млн 109 тыс. куб. м в год

Фактические потери – население на 16,7% больше потребляло газ. Однако ситуация, сложившаяся в отрасли в 1990–1991 гг., вызывала тревогу. На 1 января 1989 г. фактическое потребление газа в республике составило 16 млрд куб. м в год, что было на 6,1% больше запланированного. Но при этом потери газа при транспортировке были очень высоки. За указанный период они составили 1 млрд 44 млн куб. м в год [23].

Реальная потребность экономики Азербайджана в валюте для покрытия потребности в газе еще в 1990 г. побудила руководство республики принять конкретные меры для решения этой задачи. В Баку была создана внешнеэкономическая ассоциация "Даниз". Учредителями этой организации стали производственные объединения "Каспморнефтегаз", "Азнефть" и Каспийское морское пароходство. Председателем Совета ассоциации был избран генеральный директор объединения "Каспморнефтегаз" К. Абасов [24]. Целью создания внешнеэкономической ассоциации состояла в укреплении делового сотрудничества азербайджанских предприятий нефтяной и газовой промышленности, морского транспорта с зарубежными фирмами. Основной упор ассоциация делала на совместное производство, на создание совместного азербайджано–американского предприятия в целях организации новых, экологически чистых производств в нефтяной и газовой промышленности, на переработку неиспользуемых отходов.

На протяжении долгих лет для советских нефтяников одной из актуальных оставалась задача утилизации попутного газа, выбрасываемого в атмосферу. Американцы решили эту проблему, и партнером ассоциации "Даниз" (Море) выступила хьюстонская фирма "Истерн кредит лимитед ИНК". В качестве первого шага строились планы утилизации попутного газа. Количество этого сырья доходило до 1,5 млрд куб. м. На первоначальном этапе планировалось получать из него газовый бензин, пользуясь

щий спросом на мировом рынке.

Второй большой задачей ассоциации "Даниз" стала разработка технико–экономического обоснования на демонтаже морских гидротехнических сооружений, срок эксплуатации которых истек. Отечественная технология была не в состоянии решить эту задачу; велись активные переговоры для привлечения к этой работе западных фирм. Третья важная задача, поставленная правительством перед ассоциацией "Даниз", касалась повышения ежегодно снижающегося уровня добычи нефти на действующих скважинах. Сокращение добычи на используемых скважинах и выход из строя скважин с запасом нефти из–за отсутствия необходимого оборудования и технологий наблюдались и по всей стране, и в Азербайджане. В последней пятилетке в производственном объединении "Азнефть" уменьшилась добыча нефти на 1 млн тонн и газа – на 334 млн куб. м. Действующий фонд скважин сократился на 329 единиц. Превращение в груды металлолома прежде действовавших буровых обернулось невыполнением "Азнефтью" плана 1990 г. Оно составило свыше 476 тыс. тонн нефти [25].

Решить задачу повышения уровня добычи нефти на действующих скважинах было возможно только посредством новейшей техники и технологии, которыми советские нефтяники не располагали. Многие разведочные скважины вообще не использовались из–за отсутствия подводного эксплуатационного оборудования. Было достигнуто соглашение, что зарубежные фирмы обязуются поставлять необходимое оборудование в обмен на добытую ими нефть. Отсюда можно сделать вывод о возможности привлечения к добыче нефти зарубежных нефтяных компаний еще в 1990 г. Велись также переговоры об использовании судов Каспийского пароходства для транспортировки грузов западных компаний, что дало бы дополнительные поступления валюты в республику. Суда планировалось использовать в двух направлениях. Первое – транспортировка продукции ассоциации до западных потребителей. Второе – сдача в аренду зарубежным компаниям морского транспорта ассоциации "Даниз". Этому способствовали выгодные предложения об аренде от американских, английских и турецких компаний. Компании гарантировали ассоциации оплату в свободно конвертируемой валюте. Переговоры об аренде проводились с турецкой компанией "Балис" и с английской фирмой "Ленчи" [26].

Решение о национализации Каспийского пароходства, принятое Кабинетом министров Азербайджанской Республики, создавало благоприятные условия для свободной деятельности соответствующих ведомств и гарантировало освоение исключительно Азербайджанской Республикой полученных валютных доходов от использования морских судов. Национализация пароходства повышала заинтересованность республиканских властей в договоре. В систему Каспийского пароходства входили

торговый флот (танкеры и сухогрузы), четыре судостроительных завода, Бакинский порт, десятки береговых обслуживающих предприятий, сотни жилых домов, больницы, поликлиники, детские сады. По существу, к осени 1991 г. Каспийское пароходство было одной из немногих организаций, являвшихся источником поступления валюты. Стоимость этого гиганта доходила до 1 млрд руб. [27]

Международным нефтяным компаниям был интересен азербайджанский сектор Каспия также по причине существовавшей в этой части моря инфраструктуры и многолетнего опыта азербайджанских нефтяников по добыче нефти с глубины моря. С конца 1960-х гг. осуществлялся переход к эксплуатации плавучих буровых сооружений и буровых кораблей при разведке и разведочном бурении. Давним предшественником современных плавучих буровых и передвижных платформ были спаренные киржимы. Еще до Великой Отечественной войны с их бортов начали бурить нефтяные скважины на море. Возможности их были ограничены: бурение возможно было только на мелководье в дни, когда не было ветра и волн. Бригадам, работавшим на киржимах, редко сопутствовала удача. Для советских плавучих буровых сооружений оптимальная глубина моря была 140 м. [28] Шторма поздней осени и холодной зимы не были опасны для этих установок. До 1990 г. на балансе "Каспморнефтегазпрома" имелись 7 самоподъемных и 5 полупогруженных плавучих буровых установок, предназначенных для бурения скважин на глубине от 76 до 6000 м. Они бурили скважины не только на азербайджанском берегу Каспия, но и в восточной части Каспийского моря, в частности в туркменском секторе [29]. Благодаря эксплуатации плавучих буровых установок в других секторах Каспия "Каспморнефтегазпром" располагал большими доходами. В августе 1990 г. был заключен контракт между этой организацией и Национальной иранской нефтяной компанией по использованию установки "Хазар-1", которая первой пошла на поиски нефти в иранском шельфе. К декабрю 1990 г. на ней бурили скважину на отметке 4240 м, но расстояние до проектной глубины (6 тыс. м) было еще немалым. К декабрю 1990 г. в составе морского управления разведочного бурения СТС (специальных технических средств) находились 12 плавучих установок. Они изготовлялись в России.

По заказу "Каспморнефтегазпрома" в 1990–1991 гг. завершилось строительство полупогруженной установки "Шельф-5" [30]. В отсутствие политической стабильности в стране зарубежные компании, несмотря на ожидаемые большие перспективы, опасались инвестировать в экономику республики. Требовалось привлечь к сотрудничеству крупные международные компании, имеющие политическое влияние и вес в международном политическом истеблишменте.

Первым контактом такого рода можно считать приезд

в Баку в 1989 г. председателя правления шотландской нефтяной компании "Ремко". С. Ремп познакомился с легендарным нефтяником Курбаном Аббасовым. Тот рассказал о реальных перспективах разработки нефтяных месторождений в Азербайджане. Ремп позднее вспоминал: "В 1989 г., перед падением "железного занавеса", большинство нефтяных компаний сконцентрировали свои усилия на Западной Сибири. Бытовало мнение, что ресурсы Азербайджана давно исчерпаны. В ходе встреч с азербайджанскими специалистами я открыл для себя, что в Каспийском море содержатся грандиозные неразработанные запасы" [31, с. 145]. По оценке советских нефтяников, в конце 1980-х гг. наиболее богатые месторождения углеводородов располагались в Апшеронском архипелаге. Здесь в 1980-х гг. были обнаружены крупные месторождения в глубоководных частях Южного Каспия: Гюнешли, Азери и Чираг. Кроме этих месторождений были найдены и другие – Банк Дарвина, Пираллахы адасы, Гюргяндениз, Чиллов адасы, Нефть дашлары, Гумдениз и Бахар. Все перечисленные месторождения были разведаны в годы советской власти и обладали запасами нефти и природного газа. Прогнозы о существовании больших запасов углеводородов, данные азербайджанскими учеными-нефтяниками, были подтверждены поздними открытиями месторождений Азери (1988) и Шахдениз (1999). С. Ремп позднее ознакомил руководство "Бритиш Петролеум" с полученными от К. Аббасова и других азербайджанских специалистов данными. С этого момента зарубежные компании всерьез заинтересовались каспийской нефтью. Азербайджанское правительство доверило Ремпу рекомендовать международные компании для сотрудничества с Азербайджанской Республикой в обмен на определенную долю в заключенных контрактах. Переговоры с будущими участниками нефтяных контрактов начались уже в 1990 г. В них участвовали азербайджанское правительство, Министерство нефтяной и газовой промышленности СССР, "АМОКО", "Альянс", "Би Пи / Статойл", "Юникал", "МакДермотт", "Ремко". 18 января 1991 г. Министерство нефтяной и газовой промышленности СССР совместно с Советом министров АзССР приняло постановление за № 25/25 о проведении тендера по созданию совместного предприятия с производственным объединением "Каспморнефть", изучению и разработке оффшорного месторождения Азери, открытого еще в 1987 г. [32].

Компании, не дожидаясь тендера, начали пропагандистские благотворительные акции, адресованные населению республики. Поставлялось медицинское оборудование и медикаменты, на конкурсной основе студентов отправляли в лучшие зарубежные учебные заведения на обучение, местные кадры начали готовить для работы в будущих контрактах. Тендер, проведенный в июне 1991 г., выиграла американская компания "АМОКО", к участию в проекте были привлечены также компании "Юникал", "Альянс", "Би Пи / Статойл", "МакДермотт" и "Ремко" [33]. Как призналось руководство "Бритиш Петролеум",

победа "АМОКО" была для них неожиданностью. В СССР не было юридической базы для деятельности зарубежных компаний. Поэтому 5 июля 1991 г. на совместном заседании палат Верховного Совета СССР был принят Закон об иностранных инвестициях [34].

Вторая половина 1991 г. явилась переломным моментом в сотрудничестве Азербайджана с международными нефтяными компаниями. 10 июля 1991 г. Б. Ельцин, приняв присягу, стал президентом России и в декабре того же года подписал вместе с президентами Белоруссии и Украины Беловежский акт, ставший началом распада СССР. В июле 1991 г. в Баку приехал глава американской корпорации "Юнинал" Ричард Стенмайер. Он был "приятно поражен уровнем технических знаний азербайджанских специалистов" [35]. Стенмайер подчеркнул, что именно известность Баку как мирового нефтяного центра в прошлом стала причиной особой заинтересованности компании "Юнинал": "Уже когда стало известно, что объединение "Каспморнефтегаз" объявило конкурс проектов, мы сразу увлеклись идеей поработать в Азербайджане, ибо знали немало о старейшем мировом нефтяном центре и о пионерах советской морской нефтедобычи" [36]. Стенмайер встретился с премьер-министром Г. Гасановым. На встрече присутствовал также партнер американской компании, генеральный директор ПО "Каспморнефтегаз" К.А. Аббасов. Руководители компаний договорились об использовании лучшей технологии и о применении мирового опыта, гарантирующего чистоту окружающей среды [37]. Руководители республики проявили заинтересованность как в добыче нефти с шельфа Каспия, так и в защите окружающей среды.

Перед Азербайджаном на повестке дня стояла задача: налаживая деловые связи с нефтяными компаниями, выступить на мировом рынке в качестве равноправного конкурентоспособного партнера. Преимуществами Азербайджана на ранних этапах переговоров с зарубежными компаниями были большие запасы энергоресурсов, богатый опыт в добыче углеводородов, квалифицированные кадры в области нефтяной индустрии и удобное географическое месторасположение. Азербайджан был мостом между Европой и Азией.

Осенью 1991 г. руководство нефтяной корпорации "Амоко продакшн компани" вело окончательную доработку контракта о совместной разработке месторождения Азери [38]. По признанию президента компании Патрика Джона Эрли, необходимы были дальнейшие длительные переговоры для детализированного уточнения всех позиций контракта. В ходе поездки в Баку делегации посещали не только нефтяные промыслы, но и отдельные промышленные предприятия. Из предприятий, построенных в советские годы, их особенно заинтересовал завод глубоководных оснований. По оценкам президента компании "Амоко продакшн", это было "современное по всем

меркам предприятие", и они были готовы использовать его для совместной работы [39].

Экономическая стратегия советского руководства в конце 1980-х – первые годы 1990-х диктовала следующие задачи: во-первых, объединение всей цепочки нефтяного производства в единый нефтяной комплекс; во-вторых, направление ожидаемых инвестиций нефтяных корпораций на коренную модернизацию нефтеперерабатывающих заводов в целях повышения глубинной переработки до 80–85%; в-третьих, не просто продажа добываемой в будущем сырой нефти, а изыскание возможности перерабатывать нефть на зарубежных нефтеперерабатывающих заводах. Одним из возможных путей руководство страны считало покупку акций этих предприятий [40]. Именно эта стратегия – не просто совместная добыча нефти, но и совместное создание всей инфраструктуры в нефтяной промышленности – становилась основой переговоров. Но инвесторов интересовали только предприятия, обеспеченные современным оборудованием, например, Бакинский завод по использованию глубоководных оснований. Судьбу других предприятий отразило руководство компании "АМОКО" определило следующим образом: "...Если их продукция будет отвечать мировым стандартам, то их подключение к работе не может вызывать сомнения" [41].

14 машиностроительных предприятий, производивших 70% советского нефтяного оборудования, имели устаревшее оборудование и не могли выпускать продукцию, отвечающую мировым стандартам. Но модернизировать эти предприятия мировые нефтяные компании не собирались. Переговоры о заключении контрактов по месторождениям проходили сложно. Вначале зарубежным компаниям было предложено создание совместных предприятий. Но принятие Верховным Советом СССР 5 июля 1991 г. законодательных основ об иностранных инвестициях открыли совершенно новые возможности для сотрудничества. Потребовалось время, чтобы отреагировать на эти изменения. Сложной и долго обсуждаемой экономической проблемой был выбор варианта проекта доставки нефти на мировой рынок, а конкретнее – не было согласованной позиции о географическом маршруте нефтепровода.

С самого начала этот вопрос затрагивал интересы различных государств. Президент компании "Амоко продакшн" П.Д. Эрли говорил: "...помимо чисто экономических категорий, существуют и политические, потому что нефтепровод будет проходить по территории различных государств" [42]. В июле 1990 г. состоялся визит в СССР заместителя министра торговли США Тимоти Макбрайда. В рамках визита Макбрайд приехал в Баку, где встретился с президентом Азербайджанской Республики. Это означало политическую поддержку деятельности американских компаний в Азербайджане. После этого визиты глав американских компаний в Баку участились. Бизнес-

мены приезжали целыми группами и изучали положение дел в местной нефтяной промышленности [43].

К концу 1991 г. советскому руководству стало все сложнее сохранять единое экономическое пространство. Центробежные силы в союзных республиках стремились освободиться от влияния центра, рвались к власти, игнорировали объективную экономическую ситуацию и потребности интегрированной экономической системы. На волне революционного романтизма они создавали препятствия для заключения договора об экономическом сообществе. Исходным событием для этого следует признать распад Советского Союза. Августовские события в Москве 1991 г., подписание в декабре того же года Беловежских соглашений и фактическая ликвидация союзного государства открыли путь Азербайджану к полностью независимой нефтяной политике.

В условиях развала СССР азербайджанскому руководству было сложно рассчитывать на поддержку московского центра в развитии нефтяной промышленности. Тем более что руководство республики совершенно четко осознавало несправедливость и нелогичность ценовой политики в нефтяной отрасли. В годы распада и кризиса экономики Союза советская нефть на мировом рынке стоила очень дешево. Еще ниже была внутренняя цена на нефть. Например, 0,5 литра "Боржоми" стоили 40 коп., а литр бензина – 20 коп. В 1990 г. на одну тонну самой качественной нефти в Союзе была установлена цена 60 руб. (нефть, добытая на суше) и 34 руб. (нефть, добытая в море). Удивительно, что на нефть, добываемую со дна Каспийского моря, была установлена более низкая цена по сравнению с менее затратной нефтью, добываемой на суше. Именно эта нелогичность объясняет незаинтересованность местных структур в каспийской нефти.

Попытки центрального правительства спасти ситуацию к началу 1991 г. установлением единой цены и повышением ее до 120 руб. за тонну оказались полумерой в условиях отсутствия необходимых инвестиций [44]. Поэтому стремление республики распоряжаться своими ресурсами и реализовывать их по достойной цене, было совершенно оправданным. Этим спекулировали революционные романтики, не разбиравшиеся в реальной экономике. Они спешили пообещать населению в скором будущем поднять Азербайджанскую Республику до уровня жизни в Кувейте. Производственное объединение "Азнефть" превратилось при отсутствии союзных дотаций из малорентабельного в планово-убыточное. Для выполнения планов этой организации требовалось более 1 млрд руб., а ее собственные возможности составляли чуть более 500 млн. Республиканские власти активизировали ведение переговоров по нефтяным контрактам, принимали меры, направленные на стабилизацию отрасли в целом. С ноября 1991 г. республиканским правительством было одобрено введение договорной цены на уникальную по качеству нефть Азербайджана. Это дало воз-

можность поднять цены на нефть сразу до 191 руб. на море и до 346 руб. на суше [45].

В ноябре 1991 г. правительством республики планировалось создание Республиканского государственного нефтегазового концерна. Большие проблемы испытывали предприятия нефтяного машиностроения. "Азнефтемаш" постепенно терял рынок, связывавший его с 25 странами мира. Рынок этот захватывался компаниями США. Ненефтяные страны (Япония и Швеция) специализировались на производстве нефтяного оборудования. Их отличала высокая рентабельность производства. Тем не менее страны, входившие в прошлом в СЭВ и получавшие оборудование с "Азнефтемаша", были заинтересованы в дальнейших закупках доступного по цене оборудования этого завода. Пример: одна американская качалка "Лафкин" обходилась в 40 тыс. долларов; аналогичное оборудование, производимое предприятием "Азнефтемаш", хотя и уступало по качеству американскому, стоило в 100 раз дешевле [46].

Однако "Азнефтемаш", не получая сырья и комплектующих материалов, был не в состоянии производить необходимое партнерам оборудование. Развал Союза заставлял вместо вертикальных создавать горизонтальные связи, которые пытались привести в соответствие с реальной экономической ситуацией в добыче нефти. В начале декабря 1991 г. в Баку из Москвы прибыли представители нефтегазодобывающих управлений для заключения Союзного договора об экономическом сообществе на 1992 г. Однако руководство республики под давлением новоиспеченных "демократов" отказалось подписывать договор. А это означало прекращение союзных поставок на предприятия и объединения необходимого сырья, материалов и комплектующих. Отсутствие экономических связей с союзными республиками привело бы к прекращению существования "Азнефтемаша" и других предприятий отрасли. Но это нанесло бы удар по предприятиям союзных республик: 90% продукции, изготавливаемой на предприятиях "Азнефтемаша", поставлялось союзным республикам, прежде всего – России. По производству некоторых видов оборудования (штанговых глубинных насосов, станков, качалок, фонтанной арматуры) "Азнефтемаш" был монополистом. Постоянные проблемы в России с поставками оборудования привели к Указу президента СССР о демополизации, и в России начали создавать собственное производство нефтепромыслового оборудования на базе конверсионных предприятий. На наш взгляд, для руководства Азербайджанской Республики жизненной необходимостью было не только укрепление этих отношений, но и развитие их в целях организации партнерства с зарубежными компаниями, специализирующимися на выпуске оборудования для нефтяного машиностроения. Эту работу, начатую руководством "Азнефтемаша" (велись интенсивные переговоры), пришлось прекратить по причине невступления республики в экономическое сообщество. Производите-

ли отказались понимать "демократов-романтиков", провозгласивших независимость Азербайджана от всех союзных обязательств. Оценивая этот этап в развитии республики, Сабир Якубович Кулиев отмечал: "Мы всей душой за самостоятельное развитие, независимость Азербайджана. Но экономика – это живой организм. Ему надо дать время, чтобы перестроится. Резать по живому нельзя" [47]. Отметим, что Россия была заинтересована в развитии отношений с "Азнефтемашем". Пока политики договаривались, останавливалось производство, теряли работу десятки тысячи людей, в бюджет республики не поступали потенциальные миллионы. Промышленники стремились к сотрудничеству с иностранными компаниями, были готовы вложить свои средства в обновление техники и реконструкцию машиностроительных предприятий, производящих нефтепромысловое оборудование, при условии гарантии стабильных поставок необходимо сырья, материалов и комплектующих [48].

Активные позиции производителей побуждали и политическое руководство Азербайджана к заключению соглашений, восстанавливающих прерванные экономические отношения. Значение этих соглашений особенно четко понимали опытные руководители, долгие годы занимавшие ключевые посты в республиканской власти. Таким руководителем был премьер-министр республики Гасан Гасанов. 18 декабря 1991 г. в Москве было заключено соглашение между Азербайджаном и Россией о принципах торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами. Под соглашением поставили свои подписи Г. Гасанов и первый заместитель председателя правительства РСФСР Г.Э. Бурбулис.

Проведенный анализ положения дел в нефтяной и газовой промышленности Азербайджана в последние годы советской власти позволяет делать следующие выводы.

1. В Азербайджане существовало крупное объединение "Союзнефтемаш" ("Азнефтемаш"), соединившее 14 промышленных предприятий, производивших нефтепромысловое оборудование, два научно-исследовательских института, конструкторское бюро. В рамках этого объединения производилось 70% всего нефтепромыслового оборудования, изготовленного в СССР. Продукция поставлялась в более чем 25 стран мира. "Азнефтемаш" был основным поставщиком оборудования для крупных нефтяных месторождений СССР.

2. В Баку находится всемирно известный Азербайджанский нефтяной институт. Его выпускники входили в отраслевую элиту менеджеров союзного и республиканского уровня, составляли основной костяк специалистов крупных нефтяных компаний в 1990-е гг. В наши дни они являются топ-менеджерами крупных нефтяных компаний на постсоветском пространстве. Многие из них получили мировую известность.

3. На Апшеронском полуострове, бывшем с середины XIX до середины XX века одним из основных "мировых

оазисов черного золота", добыча нефти продолжалась вплоть до конца XX века. Однако после Великой Отечественной войны добыча резко сократилась из-за нарушения технологического цикла и отсутствия необходимого оборудования. Основная причина спада добычи состоит в уменьшении запасов нефти на суше и увеличении затратности добычи. Однако, по утверждению нефтяников, в старых скважинах остается еще 30% недобытой нефти. Недостаточное финансирование было основным препятствием для освоения оставшейся нефти на суше Апшеронского полуострова. Отсюда следует необходимость создания совместных предприятий с международными компаниями, имеющими соответствующую технику и технологию по добыче нефти из оставшихся пластов.

4. В 1949 г. на Каспии азербайджанские нефтепромышленники впервые в мире со дна моря стали добывать нефть. Вначале в море были сооружены стоячие нефтяные эстакады и построен целый город Нефтяные Камни. Позднее благодаря достижениям науки советские инженеры создали плавучие установки по добыче нефти. В 1980–1990-х гг. особенно интенсивно продолжались поисково-разведывательные работы в азербайджанском секторе Каспия, и в 1970–1980-е гг. советские нефтяники открыли месторождения Чираг, Азери, Гюнешли. Для их успешного освоения в СССР не было ни соответствующей технологии, ни техники. К сожалению, Советский Союз уступал международным нефтяным компаниям, работавшим в Северном море. В последние годы советской власти экономика СССР находилась в глубоком кризисе, и финансов для продолжения рискованных разведывательных работ не было. На это не было и государственной воли, т.к. имелись еще огромные сибирские месторождения нефти и природного газа. Поэтому у Азербайджана возникла объективная необходимость сотрудничать с международными нефтяными компаниями в освоении углеводородов с глубины Каспийского моря. Это не было ни выражением сепаратизма, ни антироссийской политикой независимого Азербайджана. Именно тогда руководством республики были начаты переговоры с "АМОКО", "Бритиш Петролеум" и другими компаниями по освоению нефтяных запасов Каспия.

5. Недостаточное финансирование нефтяной и газовой промышленности АзССР в середине 1980-х гг. в условиях охватившего всю страну глубочайшего экономического и политического кризиса резко снизило и до того невысокие объемы добываемых углеводородов. Остро ощущалась нехватка природного газа, особенно в сельских районах республики, население которых привыкло к комфортной жизни в годы советской власти. Для удовлетворения потребностей Закавказских республик в газе в 1990 г. СССР стал покупать природный газ в Иранской Исламской Республике. Однако спад добычи этого вида углеводородов, зависимость Азербайджанской Республики от разных поставщиков (ИРИ, Туркменистан, РФ), резкий подъем цены на газ и не всегда эффективная политика по этому вопросу на долгие годы превратили нехватку природного газа в "ахиллесову пятау" экономики

Азербайджана. Это означало холод и мрак в жилищах, вырубку прекрасных лесов, эмиграцию населения и умирание экономической жизни в регионах республики.

6. Интеграция стран каспийского региона в нефтегазовой промышленности существовала и в советские годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советский Карабах. 21 февраля 1988.
2. Правда. 20 января 1990.
3. Правда. 16 января 1990.
4. Правда. 20 января 1990.
5. Правда. 28 марта 1990.
6. Бакинский рабочий. 19 мая 1990.
7. Бакинский рабочий. 7 марта 1991.
8. Бакинский рабочий. 30 января 1991.
9. Бакинский рабочий. 30 января 1991.
10. Алиев И. Нефть это не цель, а средство для нас // İki sahil. 2001. 22 сентября.
11. Правда. 10 октября 1990.
12. Бакинский рабочий. 30 января 1991.
13. Бакинский рабочий. 10 октября 1990.
14. Бакинский рабочий. 7 марта 1991.
15. Бакинский рабочий. 7 марта 1991.
16. Бакинский рабочий. 6 июля 1991.
17. Правда. 6 июля 1991.
18. Правда. 16 июля 1990.
19. Бакинский рабочий. 30 июля 1990.
20. Правда. 11 апреля 1990.
21. Правда. 11 апреля 1990.
22. Правда. 17 ноября 1990.
23. Правда. 17 ноября 1990.
24. Правда. 11 октября 1990.
25. Правда. 11 октября 1990.
26. Правда. 11 октября 1990.
27. Бакинский рабочий. 14 ноября 1991.
28. Бакинский рабочий. 14 декабря 1990.
29. Бакинский рабочий. 14 декабря 1990.
30. Бакинский рабочий. 14 декабря 1990.
31. Алиев И. Каспийская нефть Азербайджана. М, 2003.
32. Бакинский рабочий. 19 января 1991.
33. Бакинский рабочий. 6 июня 1991.
34. Правда. 6 июля 1991.
35. Бакинский рабочий. 24 июля 1991.
36. Бакинский рабочий. 24 июля 1991.
37. Бакинский рабочий. 24 июня 1991.
38. Бакинский рабочий. 13 ноября 1991.
39. Бакинский рабочий. 13 ноября 1991.
40. Бакинский рабочий. 3 октября 1991.
41. Бакинский рабочий. 13 ноября 1991.
42. Бакинский рабочий. 13 ноября 1991.
43. Бакинский рабочий. 11 июля 1991.
44. Бакинский рабочий. 16 декабря 1991.
45. Бакинский рабочий. 16 ноября 1991.
46. Бакинский рабочий. 16 ноября 1991.
47. Бакинский рабочий. 5 ноября 1991.
48. Бакинский рабочий. 5 декабря 1991.

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛА В.Г. БОЛДЫРЕВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ КОМАНДОВАНИЯ БЕЛЫХ АРМИЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ (1918 - 1920 гг.)

MEMOIRS OF GENERAL V.G. BOLDYREV
AS A REFLECTION OF POLITICAL
POSITIONS OF COMMAND
OF THE WHITE ARMIES DURING
THE CIVIL WAR IN THE EAST
OF RUSSIA (1918 - 1920)

N. Buchko

Annotation

The article deals with the formation of the political positions of the military leadership of the White armies in the east of Russia for the period 1918–1920 based on the memories of one of the leading representatives of the White movement General V. G. Boldyrev. As one of the leaders of the White forces Boldyrev seen what principles evolved political preferences in the White Army and how they were transformed by the SR – Menshevik views on the future of Russia to the military dictatorship based on the traditions of the monarchy.

Keywords: Civil war, White movement, armed formations, anti-bolshevik forces, political views, memoirs.

Бучко Николай Петрович

*К.ист.н., доцент,
Дальневосточный государственный
гуманитарный университет*

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы формирования политических позиций военного руководства белых армий на Востоке России в период 1918 – 1920 гг. на основе воспоминаний одного из ведущих представителей Белого движения генерала В.Г. Болдырева. Являясь одним из руководителей белых сил, Болдырев видел на каких принципах складывались политические предпочтения в белой армии, как трансформировались они от эсеро-меньшевистских взглядов на будущее России к военной диктатуре, основанной на традициях монархизма.

Ключевые слова:

Гражданская война, Белое движение, вооруженные формирования, антибольшевистские силы, политические взгляды, воспоминания.

В исследовании истории Гражданской войны в России важнейшим источником изучения прошедших событий являются воспоминания их участников. Сегодня достаточно широко представлены переизданные мемуары участников Белого движения на Востоке России, среди которых воспоминания А.Г. Ефимова, Г.К. Гинса, В.М. Молчанова, П.П. Петрова и др.

Однако еще не все изданные ранее реминисценции увидели свет в сегодняшние дни, что заметно ограничивает исследовательскую базу истории Гражданской войны в России. К таковым относятся воспоминания генерала В.Г. Болдырева. Впервые они были изданы в журнале "Сибирские огни" в середине 20-х гг. прошлого века [1, 2]. В 1925 г. в свет вышла выпущенная Сибкрайиздатом в Новониколаевске (ныне Новосибирск) книга "Директория. Колчак. Интервенты" [3]. В фондах Государственного архива Хабаровского края (ГАХК) хранится еще один источник, содержащий воспоминания генерала В.Г. Болдырева. Таковым является дело "Дневник и письма гене-

рала Болдырева" [4]. Интересно отметить, что дневник генерала В.Г. Болдырева, хранящийся в фондах ГАХК, не во всем совпадает с содержанием книги, изданной в Новониколаевске. В книжном издании воспоминаний имеют место некоторые уточнения, а в ряде случаев и иная оценка описываемых событий.

Мемуары В.Г. Болдырева, в т.ч. "Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания", стали не только историческим источником, свидетельствующим о Гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в определенном смысле юридическим документом. В июне 1927 г. в Семипалатинске на судебном процессе по делу атамана Б.В. Анненкова и его подручными В.Г. Болдырев выступал в качестве свидетеля со стороны обвинения, которому, как командующему войсками Директории в 1918 г., подчинялся Степной корпус атамана. Председательствующий на суде, чтобы напомнить свидетелю о бесчинствах анненковцев, зачитал выдержку из его воспоминаний о том, что "... маленькие атаманы чинили суд и расправу,

пороли, жгли, облагали население поборами на свой личный страх, оставаясь безнаказанными!". Болдырев подтвердил, что речь шла и об Анненкове [7. С. 92 – 93].

Сам Василий Георгиевич Болдырев, происходивший из семьи крестьян Симбирской губернии, в 1903 г. закончил Академию Генерального штаба и был участником русско-японской и Первой мировой войн. Именно на его долю выпало возглавить Верховное главнокомандование всеми сухопутными и морскими силами Временного Всероссийского правительства (Директории), сформированное в сентябре 1918 г. в Уфе. Свои полномочия он выполнял вплоть до произошедшего 18 ноября 1918 г. военного переворота в Омске, когда к власти пришел адмирал А.В. Колчак. После омских событий Болдырев в конце ноября 1918 г. эмигрировал в Японию. Лишь в январе 1920 г. он вернулся во Владивосток, когда колчаковский режим уже рухнул. В марте 1920 г. генерал был назначен Председателем комиссии при Военном совете Приморской областной земской управы. Комиссия занималась разработкой военных и военно-морских законопроектов. С апреля по ноябрь 1920 г. В.Г. Болдырев был Командующим сухопутными и морскими силами Дальнего Востока, а затем исполнял различные представительские обязанности в Приморских исполнительских и парламентских структурах. После бегства белых В.Г. Болдырев остался в столице Приморья, где 5 ноября 1922 г. был арестован местным ГПУ. Находясь в Новониколаевской тюрьме, Болдырев 22 ноября 1923 г. обратился с заявлением в ВЦИК и обращением к Наркому по военным делам, где признал жизнеспособность Советской власти и заявил о желании принять участие в строительстве нового государства. В 1926 г. Болдырев был амнистирован. Он работал в Сибирской плановой комиссии. В конце декабря 1933 г. В.Г. Болдырев был повторно арестован по обвинению в организации контрреволюционного заговора и расстрелян.

В своих дневниковых записях бывший главнокомандующий войсками Директории представил свои взгляды на события Гражданской войны на Востоке России и политические течения в антибольшевистском лагере. Лидеры Белого движения, особенно после неудач на юге России, связывали с Сибирью надежды на достижение победы над большевиками [4. Л. 87]. Правда все это граничило с наивностью, ибо после эвакуации армии Врангеля в Турцию, остатки белых армий из Сибири отступили за Байкал и слились с войсками атамана Семенова.

Однако вернемся в 1918 г. В.Г. Болдырев отмечал, что в кругах т.н. "демократической контрреволюции" (главным образом эсеров, кооператоров и земцев) было большое недоверие к военным, которых подозревали в реакционности [4. Л. 2]. По мнению генерала, офицерские слои в Омске были опутаны "цепкой паутиной прежнего монархизма". После образования Директории в октябре 1918 г. В.Г. Болдырев как член "Союза Возрождения" и сочувствующий идее созыва Учредительного собрания, стал Главнокомандующим войск кадетско-эсеровского

образования. Это был временный и шаткий компромисс кадетов и части правых эсеровской верхушки. Сам же Болдырев будущее Сибири видел в формировании областного демократического правительства [3. С. 284]. Не случайно его половинчатая позиция дала основание злым языкам называть его "лиловым генералом".

Но именно генерал В.Г. Болдырев ввел в войсках Директории погоны, что было с воодушевлением встречено офицерством и обвинениями в реакционности со стороны демократических кругов. Уже тогда появился термин "военщина", что отражало отношение эсеров и меньшевиков к армейскому командованию. Отмечал Болдырев казачьих атаманов Семенова, Калмыкова, Анненкова и Красильникова, указывая на их "правый большевизм". В деятельности войсковых отрядов типа отрядов Красильникова и Анненкова, агитировавших против Директории, В.Г. Болдырев видел угрозу вновь сформированной власти [4. Л. 3 – 4].

Уже в середине октября 1918 г. генерал В.Г. Болдырев отметил рост слухов об угрозе установления военной диктатуры. Свидетельством тому была позиция кадетов, получивших поддержку высшего военного руководства. Правые кругом подчеркивали отсутствие авторитета Временного Всероссийского правительства, т.е. Директории [4. Л. 5]. Настораживали генерала и настроения среди офицеров Академии Генерального штаба и в Ставке Главнокомандования [4. Л. 6]. Сторонниками сокращения Директории "до одного лица" были и высшие военные руководители А.В. Колчак и С.Н. Розанов [4. Л. 8]. И уже 28 октября 1918 г. в своем дневнике Болдырев называл в качестве возможной кандидатуры на роль диктатора адмирала Колчака [4. Л. 9]. Правда, буквально накануне переворота, 15 ноября, сам А.В. Колчак в личной беседе с В.Г. Болдыревым лицемерно соглашался с мнением Главнокомандующего о несвоевременности переворота [4. Л. 26].

В самом Правительстве Директории не было единства относительно перспектив власти. Подогреваемые нарождавшимися слухами о заговоре военных, его члены никак не могли решить вопросы формирования эффективной структуры управления, наделения исполнительных органов власти определенными полномочиями. Да и проблема персоналий во власти не была решена окончательно. В таких условиях некоторые члены Директории советовали В.Г. Болдыреву при любых обстоятельствах сохранить за собой полномочия Верховного главнокомандующего [4. Л. 8].

Рассматривая положение дел на Дальнем Востоке, Болдырев отмечал наличие реальной политической силы и генерала Д.Л. Хорвата, имевшего прочные связи в российских политических и коммерческих кругах, а также в представительствах Японии и Китая [4. Л. 5]. Характеризуя дальневосточных атаманов, он подчеркивал и их прямую зависимость от японских покровителей [4. Л. 8]. Главнокомандующий вооруженными силами Директории выделял и настойчивые требования правых кругов на-

значить Хорвата наместником на Дальнем Востоке [4. Л. 8]. Такое назначение было произведено, но не Директорией, а Временным Сибирским правительством, что, по мнению В.Г. Болдырева, свидетельствовало о переходе политической инициативы от Уфы к Омску [4. Л. 9].

Политика "атаманства" вызывала осуждение союзных представителей в лице Англии, США и Франции [4. Л. 15]. Японские же интервенты поддерживали Семенова. Идея объединения казачества под эгидой забайкальского атамана поддерживалась политиками страны Восходящего солнца. Стремясь усилить свое влияние на Дальнем Востоке, японцы заявляли о готовности снарядить и вооружить отряды казаков численностью до 10 тыс. человек [ГАХК. Л. 15].

Крайне негативно В.Г. Болдырев относился к попыткам эсеров вести политическую работу в армии. [4. Л. 11]. Эсеровских "комиссаров" гнали из войсковых частей. В своем дневнике Болдырев писал, что к эсерам он относился "резко отрицательно" [4. Л. 27]. В.Г. Болдырев явно лукавил. Он скорее был "колеблющимся", но стоял на позиции "армия вне политики". 22 октября 1918 г. ЦК ПСР обратился ко всем партийным организациям с циркулярным письмом, в котором он крайне негативно оценил политику Директории и заявил, что поддержка партии ее политики возможна только на условиях последовательной демократической политики и создании условий для пропаганды эсеровских идей в армии [5. С. 393 – 396]. Фактически эсеровский ЦК осудил своих коллег, пошедших на союз с кадетами и создание коалиционной власти. Эсеры требовали возвращения партийности в армию, что имело место в Народной армии Комуца и никак не могло получить одобрения в офицерской среде белых сил. Негативное отношение к эсеровским ставленникам в регионах прослеживалось и в заявлениях представителей местных буржуазных слоев, в ряде случаев требовавших замены эсеровских уполномоченных на генерал-губернаторов [4. Л. 12].

Сообщение о перевороте в Омске генерал В.Г. Болдырев получил от представителя Чехословацкого национального совета, находясь в Челябинске. Попытки Главнокомандующего вернуть ситуацию в законное русло натолкнулись на сопротивление со стороны большинства высших военных чинов в Омске. По его мнению, преступной идее диктатуры сочувствовала большая часть офицерства и буржуазии [4. Л. 27]. Так, наряду с непосредственными исполнителями смещения Директории, путч поддерживал атаман Оренбургского казачьего войска генерал А.И. Дутов, которого В.Г. Болдырев считал "скрытой пружиной" омских событий в ноябре 1918 г. [4. Л. 49] В то же время не было единства по отношению к омскому перевороту среди высшего военного руководства армии. Недовольство по поводу переворота высказывали генералы М.В. Ханжин и Н.Т. Сукин [4. Л. 27]. Свидетельством отсутствия единодушной поддержки А.В. Колчака было непризнание адмирала в качестве Верховного правителя дальневосточными казачьими атаманами Г.М. Семеновым и И.П. Калмыковым. Болдырев считал, что после но-

ябрьских событий 1918 г. между Омском и Семеновым изначально установились непримиримые отношения [4. Л. 73]. Однако это было инициировано японским командованием на Дальнем Востоке. Генерал М.К. Дитерихс, ставший впоследствии лидером последнего белого режима в Приморье, считал диктатуру желательной, но находил ее несвоевременной и проведенной революционным путем [4. Л. 28]. Не было единодушной поддержки диктатуры и в солдатской среде [4. Л. 27]. Не получил единодушной поддержки Колчак и в рядах союзников. О своем нежелании поддерживать новую власть заявили поначалу чехословаки [4. Л. 27]. После ряда поражений белой армии в 1919 – 1920 гг. их руководители приняли позицию невмешательства во внутрirosсийские дела [4. Л. 27]. Уже находясь в Японии, сам Болдырев называл сложившийся в Омске режим "пресловутой диктатурой" [3. С. 270]. Двоякость позиции генерала Болдырева состояла в том, что он был и против Директории с ее кадетско-эсеровским союзом, и против диктатуры адмирала Колчака.

В военных кругах сформировалось мнение, что одной из причин смещения Болдырева было то, что он не хотел приблизить к себе "надежных людей и не дал выхода офицерскому негодованию против социалистов" [4. Л. 16]. Сам генерал называл организаторов переворота "узурпаторами" [4. Л. 17]. Его нерешительность в противостоянии с омскими заговорщиками была отчасти продиктована отмеченным нежеланием "разделить офицеров и солдат и вновь поставить их друг против друга" [4. Л. 27].

Не приняв переворота, генерал уехал в Токио. Уже находясь в Японии, В.Г. Болдырев, несмотря на неприязнь новой омской власти, писал, что на начальном этапе она действовала довольно решительно, "в духе большевизма", что давало ей большой плюс [4. Л. 37]. Сформировавшийся в условиях единоличной власти Колчака режим оценивался Болдыревым куда менее правым, нежели существовавший режим Деникина на Юге России [3. С. 284]. Правда, уже через год недовольство властью Колчака высказывали представители многих политических сил, в т.ч. и монархические круги, так ратовавшие за установление диктатуры [4. Л. 59]. Окружение Верховного правителя Болдырев именовал не иначе как "подлой публикой", обвиняя ее в том, что она не имела знания реального положения дел на фронте [4. Л. 75]. В своих дневниковых записях Болдырев отмечал, что в среде военных наместников были те, кто силой оружия устанавливал новые порядки. К ним генерал относил Иванова-Ринова и Розанова [4. Л. 91]. Достаточным откровением о характере колчаковской власти стало для Болдырева интервью бывшего фаворита Колчака чехословацкого генерала Гайды, который характеризовал Верховного правителя как "безвольного, но упрямого человека" [4. Л. 91].

Стремясь закрепить свою власть, колчаковский режим использовал офицеров и генералов в формировании органов власти на местах. Ряд военных руководителей наделялся полномочиями начальников отдельных райо-

нов [4. Л. 93].

Оценивая деятельность союзников в России, Болдырев отмечал их слабую помощь антибольшевистским силам. Он приходил к выводу, что союзники были не заинтересованы в возрождении и объединении России [4. Л. 59]. Свидетельством тому было и официальное непризнание союзными правительствами правительства Колчака до возможного взятия Москвы [4. Л. 66]. Говоря о положении японских войск на российском Дальнем Востоке, генерал в своих беседах с представителями японского высшего военного командования подчеркивал, что их положение будет значительно лучше, когда сама Япония обозначит, что не преследует в России каких-либо захватнических целей, и способна устранить уже "возникшие шероховатости", которые сформировали среди российского населения неприязненное отношение к японцам [4. Л. 55]. Сам В.Г. Болдырев в марте 1919 г. в своем письме А.В. Колчаку писал о необходимости усиления японского присутствия на Востоке России для оказания помощи белым [2. С. 166]. Японские официальные лица заявляли о своей безоговорочной поддержке забайкальского атамана Семенова [4. Л. 74]. В их планах было создание сепаратного государства во главе с атаманами Семеновым и Калмыковым под протекторатом Японии [4. Л. 91]. Колчак же стоял за "единую и неделимую" Россию. Не способствовали укреплению омской власти и попытки Г.М. Семенова по созданию "собственной" государственности в Забайкалье при поддержке Японии [4. Л. 76, 77]. Такие планы соответствовали намерениям Японии по созданию в случае поражения Омска буферного государства от Иркутска до Владивостока [4. Л. 144].

Осенью 1919 г. в военно-административных кругах начало формироваться мнение о том, что Колчак, как лидер Белого движения на Востоке России, изжил себя. Но он еще был необходим как символ Белого дела [3. С. 266]. По предложению генерала Н.Н. Головина адмиралом А.В. Колчаком было принято решение о созыве Государственного совещания [3. С. 269]. Однако позже Колчак разогнал Совещание, назвав его "совдепом". Дело в

том, что члены Государственного совещания хотели, чтобы этот орган имел представительский характер и имел совещательные права. Но даже эта слабая попытка ослабить военную диктатуру вызвала гнев адмирала. Все попытки режима хоть как-то изменить складывавшуюся ситуацию в свою пользу не имели успеха. Не принесли положительного результата и начинания по привлечению руководителей местного самоуправления к решению возникших проблем [3. С. 272].

По территории, контролируемой правительством, прокатилась череда восстаний против режима [3. С. 248]. Одной из попыток смещения колчаковской власти в регионах стало выступление во Владивостоке 17 ноября 1919 г. опального чешского генерала Р. Гайды. Сторонники эсеровского переворота в сложившихся условиях призывали генерала к активным действиям. Однако он, не веря в успех восстания, "воздержался" от поездки во Владивосток. Потерпевший неудачу гайдовский демарш был охарактеризован В.Г. Болдыревым как "нежизненный" [3. С. 248 – 249, 274]. В условиях разваливавшегося колчаковского режима в офицерских кругах формировались настроения сугубо монархической направленности, ориентированные на появление "законного хозяина земли русской" [3. С. 287].

К окончанию своего японского периода В.Г. Болдырев пришел к выводу о пагубности интервенции для России. Именно с такими мыслями генерал принял решение о возвращении на Родину. Его фактическое изгнание из России завершилось 19 января 1920 г., когда генерал В.Г. Болдырев прибыл во Владивосток [3. С. 294].

В заключение нельзя не отметить, что обращение к воспоминаниям участников Гражданской войны позволяет исследователям взглянуть на происходившие события глазами тех, кто в условиях сложнейшего социально-политического противостояния придерживался определенных политических убеждений. Несмотря на то, что мемуары зачастую переполнены субъективными оценками авторов, они позволяют сформировать более полно и объемно картину Гражданской войны, ставшей во многом судьбоносной для нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев В.Г. Из пережитого // Сибирские огни. – 1923. – № 5 – 6, – С. 111 – 126.
2. Болдырев В.Г. Из пережитого // Сибирские огни – 1924. – № 1. – С. 161 – 200.
3. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. (Из цикла "Шесть лет" 1917 – 1922 гг.) – Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. – 564 с.
4. Дневник и письма генерала Болдырева, члена Временного Всероссийского правительства и главнокомандующего вооруженными силами // Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 224.
5. Партия социалистов – революционеров. Док. и материалы. В 3-х тт. / Т.3 Ч. 2. Октябрь 1917 – 1925 г. – М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2000. – 1055 с.
6. Парфенов П. Переговоры с командованием белых сибирских армий в 1920 – 1921 гг. // Пролетарская революция. – 1926, №11 (58). – С. 148 – 170.
7. Шалагинов В. Крах атамана Анненкова // Неотвратимое возмездие: по материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. – М.: Воениздат, 1987. С. 92 – 93.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ В 2000-е гг.

PUBLIC ASSOCIATIONS,
INTERNATIONAL COOPERATION,
BELARUS, HUMANITARIAN
ACTIVITIES, TOURISM

E. Gross

Annotation

In the 2000s. public associations of the Republic of Belarus established international contacts in various fields such as humanitarian activity, environment, sport and tourism, support of youth and veterans, and others.

Keywords: associations, international cooperation, Belarus, humanitarian activities, and tourism.

Гросс Елена Петровна

*Мл. научный сотрудник,
отд. всеобщей истории и международных
отношений, Институт истории
Национальной академии наук Беларуси*

Аннотация

В 2000-е гг. общественные объединения Республики Беларусь поддерживали международные контакты в различных сферах, таких как гуманитарная деятельность, экология, спорт и туризм, поддержка молодежи и ветеранов и др.

Ключевые слова:

Общественные объединения, международное сотрудничество, Беларусь, гуманитарная деятельность, туризм.

В сотрудничестве с государственными учреждениями и зарубежными партнерами общественные объединения Республики Беларусь в 2000-е гг. участвовали в решении социальных проблем отдельных категорий граждан, улучшении экологического состояния окружающей среды, установлении гендерного равенства, гражданском воспитании молодежи, сохранении культурной идентичности национальных меньшинств и др., а также содействовали укреплению позиций Республики Беларусь на мировой арене.

В 2000-е гг. за общественными объединениями был закреплен статус активного участника жизни страны, оказывающего влияние на развитие социально-экономической и культурной сферы, вносящего вклад в реализацию внешнеполитических интересов Республики Беларусь.

Статус общественного объединения как одного из субъектов обеспечения национальной безопасности был определен в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь от 17 июля 2001 г. и 9 ноября 2010 г. Согласно им к основным национальным интересам в политической сфере относятся достижение сбалансированности политических интересов граждан, общественных объединений и государства, общественного консенсуса по ключевым вопросам развития Республики Беларусь; развитие гражданского общества с учетом национальных традиций и особенностей [11].

В основных положениях Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 гг., принятых Вторым Всебелорусским народным собранием (18 мая 2001 г.) было отмечено, что дальнейшее развитие получают механизмы участия общественных организаций (профессиональных, молодежных, женских религиозных и др.) в процессе обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития, благодаря чему конституционные права граждан на решение политических, экономических и социальных проблем получают дальнейшее развитие и обогащение [7, с. 254–255].

14 ноября 2005 г. был принят Закон Республики Беларусь "Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь". В соответствии с ним к сферам реализации внешней политики Республики Беларусь относились гуманитарное сотрудничество и международное сотрудничество в области здравоохранения, образования, науки, информации и информатизации, культуры, спорта, туризма и охраны окружающей среды [13]. Данные положения нашли отражение в практике международного взаимодействия общественных объединений Республики Беларусь.

В 2000-е гг. в Беларуси увеличилось количество общественных объединений. Так, если в 1999 г. было зарегистрировано 1326 организаций, то в 2010 г. их было уже 2325 [15]. Количественный рост организаций в данный период происходил за счет местных общественных

объединений.

В 2000–е гг. общественные объединения активно занимались гуманитарной деятельностью, т. е. деятельностью по получению от зарубежных партнеров иностранной безвозмездной помощи в виде денежных средств, товаров и услуг для реализации благотворительных, культурно–просветительских, образовательных, социальных и других проектов и программ на территории Республики Беларусь, а также организацией оздоровления и отдыха детей за рубежом.

Основными группами детей, отправляемыми на оздоровление, являлись дети, проживающие на загрязненной территории, дети, отселенные из зон радиоактивного загрязнения, дети из многодетных и малообеспеченных семей, дети, находящиеся на государственной форме опеке, дети, находящиеся на частной форме опеке и дети-инвалиды.

Основными странами, где дети проходили оздоровление, были Италия, Испания, Ирландия, Голландия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Франция, Швейцария, Швеция, Лихтенштейн. Оздоровление детей осуществлялось в таких формах, как в семье и на стационарных базах. При этом в основном дети проживали в семьях. К примеру, в 2006 г. в семьях отдохало 40837 детей, а на стационарных базах – 3128.

По сведениям Министерства образования Республики Беларусь в период с 2007–2010 гг. 139.496 детей прошли оздоровление за рубежом. Более подробные сведения представлены в **таблице**:

К указанным в таблице общественным организациям, помимо непосредственно общественных объединений, относились учреждения образования, религиозные орга-

низации, коммерческие структуры и некоторые государственные учреждения. К иным учреждениям относились районные отделы образования. Как видно из таблицы основной объем работы по отправке детей за рубеж на оздоровление в 2000–е гг. осуществлялся общественными объединениями. При этом больше всего детей отправляли такие организации, как Международное общественное объединение (МОО) "Помощь детям Чернобыля" (более 3.500 детей ежегодно), Общественное объединение (ОО) "Дерево жизни" (около 3.500 детей ежегодно), Международное общественное благотворительное объединение "Независимая помощь детям" (более 2.500 детей ежегодно), МОО " Планета детей" (около 2.500 детей ежегодно) и др.

Наблюдается постепенное уменьшение количества детей, уезжающих на оздоровление. Причины этому видятся в мировом финансовом кризисе 2008 г. и связанным с ним снижением получаемой гуманитарной помощи. Кроме того влияние оказало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 13.10.2008 № 555 "О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 18 февраля 2004 г. № 98 "Об организации оздоровления детей за рубежом, осуществляемого на основе иностранной безвозмездной помощи", который устанавливал, что направление организованных групп детей на оздоровление за рубеж должно осуществляться в рамках заключенных с иностранными государствами межправительственных договоров, и процессом принятия этих договоров [14].

Молодежные, женские и ветеранские организации при сотрудничестве с зарубежными партнерами и государственной поддержке в 2000–е гг. выступали участниками и организаторами культурных, образовательных и благотворительных программ, направленных на сближение и духовное развитие молодежи, улучшение положе-

Таблица

№	Год	Количество общественных организаций (из них общественные объединения)	Оздоровлено детей (общественные организации/ из них общественные объединения)	Оздоровлено детей (иные учреждения)	Всего оздоровлено детей
1	2007	99 (83)	39.588 / 37.916	4.108	43.696
2	2008	97 (81)	34.749 / 33.340	3.352	38.101
3	2009	83 (76)	26.807 / 26.185	1.857	28.664
4	2010	74 (67)	26.852 / 26.354	2.183	29.035

* Составлено автором по материалам текущего архива Министерства образования Республики Беларусь [20].

ния женщин и поддержку ветеранов.

В 2000–е гг. в Республике Беларусь особое значение придавалось развитию молодежного движения, которое являлось главным ресурсом в реализации молодежной политики государства. Международные молодежные обмены, тренинги, конференции образовательные семинары, культурные фестивали и мастер–классы, партнерская работа с общественными объединениями зарубежных стран, выставки, концерты, учебные визиты и другие формы работы молодежных общественных объединений Республики Беларусь в 2000–е гг. оказывали социальную помощь и поддержку в организации свободного времени и дополнительного образования молодых людей, способствовали консолидации молодежи, гражданскому воспитанию и формированию высокой культуры межгосударственного и межличностного общения.

В 2000–е гг. крупнейшими женскими общественными объединениями Беларуси (ОО "Белорусский союз женщин", ОО "Женское Независимое Демократическое Движение", МОО "Гендерные перспективы", ОО "Белорусская ассоциация молодых христианских женщин") была продолжена деятельность по активизации международного сотрудничества с целью актуализации проблем женщин, достижения гендерного равенства и борьбы с торговлей людьми. Международные контакты способствовали не только продвижению в решении некоторых социальных проблем, но также позволили перенять опыт экспертов, и применить наработки зарубежных общественных организаций в вопросах улучшения положения женщин.

Организации ветеранов ставили своей целью не только помощь ветеранам в решении их социально–экономических вопросов и культурного развития, но также вели деятельность по вовлечению ветеранов, обладающих большим жизненным, боевым, трудовым опытом и потенциалом, в работу по патриотическому воспитанию молодежи, формированию у нее высокой нравственной, духовной и гражданской позиции. Деятельность этих объединений предусматривала широкие международные контакты. В г. Минске благодаря поддержке Министерства внутренних дел Республики Беларусь, исполнительного комитета СНГ, других государственных структур состоялась первая встреча руководителей ветеранских организаций 12 стран СНГ, Балтии и Польши. Плодотворный обмен опытом послужил импульсом к развитию дружеских связей ветеранов. В 2010 г. в Беларуси было зарегистрировано МОО "Международная лига ветеранов". Эта организация была призвана объединить усилия ветеранов Великой Отечественной войны и других войн для решения указанных выше вопросов.

Участие общественных объединений Республики Бе–

ларусь в международных проектах в области экологии, спорта и туризма в 2000–2010 гг. содействовало включению Беларуси в глобальное экологическое движение и привлечению иностранной финансовой и технической помощи для улучшения экологической обстановки в стране; оказывало положительное влияние на физическое состояние населения и популяризацию здорового образа жизни; способствовало распространению информации о туристических возможностях Беларуси.

Белорусские общественные объединения занимались активной информационной деятельностью в области экотуризма, принимали участие в регулировании, планировании и координации экотуризма в Беларуси, устанавливали и развивали международные контакты. Среди основных направлений международного сотрудничества организаций, способствующих развитию экологического туризма в Беларуси в 2000–е гг., следует назвать следующие:

1. Содействие развитию международного сотрудничества в области экотуризма. Белорусское общественное объединение "Отдых в деревне" являлось членом престижных международных организаций: Международного общества экотуризма, Европейского центра эко– и агротуризма, Европейской федерации аграрного и сельского туризма, движения "Медленная еда", Международной профессиональной ассоциации владельцев усадеб [2, с. 19]. При содействии общественных объединений "Отдых в деревне" и "Агро– и экотуризм" было реализовано более 20 международных проектов в области агроэкотуризма и устойчивого развития.

2. Продвижение услуг экотуризма в сельской местности на туристском рынке за границей. В октябре 2003 г. при содействии ОО "Агро– и экотуризм" состоялась презентация агроэкотуризма Беларуси на Первом европейском конгрессе сельского туризма в Испании (октябрь 2003 г.). В мае 2007 г. были представлены экотуристские возможности Беларуси на Всемирном конгрессе по экотуризму в г. Осло (Норвегия). Кроме того, организацией было обеспечено активное участие Беларуси на международных семинарах, форумах, выставках, проводилась организация рекламных туров по сельским усадьбам Беларуси [16].

Развитие сельского туризма оказывало помощь белорусской деревне и содействовало развитию положительного имиджа Беларуси, малоизвестной пока на мировом туристском рынке.

2000–е гг. стали для общественных объединений Республики Беларусь периодом укрепления их статуса как активного участника социально–экономической и культурной жизни общества, вносящего весомый вклад в ре–

ализацию внешнеполитических интересов страны.

Международное сотрудничество общественных организаций было направлено не только на достижение поставленных уставных задач, таких как улучшение соци-

ально-экономического положения отдельных категорий населения, экологической обстановки и др., но также способствовало популяризации культурного наследия Республики Беларусь и укреплению положительного имиджа государства на мировой арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бизнес в агро- и экотуризме: пособие / под общ. ред. А. И. Тарасенка. – Минск : Четыре четверти, 2014. – 380 с.
2. За сильную и процветающую Беларусь : Материалы Второго Всебелорусского народного собрания, 18 мая 2001 г. / Редкол.: В. П. Заметалин [и др.]. – Минск : Беларусь, 2001. – 261 с.
3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 [Электронный ресурс]. // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2014.
4. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. №60–3 [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2014.
5. О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 18 февраля 2004 г. № 98: Указ Президента Республики Беларусь от 13.10.2008 № 555 [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2014.
6. О государственной регистрации общественных объединений, фондов в 2010 году [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.minjust.by/ru/site_menu/news/?id=743. – Дата доступа: 18.04.2014.
7. Роль общественных институтов в развитии экотуризма Беларуси [Электронный ресурс] // Экотуризм в Республике Беларусь. – Режим доступа: <http://www.padaroze.ru/rol-obshchestvennykh-institutov-v-razviti-ekoturizma-belarusi>. – Дата доступа: 01.06.2015.
8. Текущий архив Министерства образования Республики Беларусь.

© Е.П. Гросс, (gross.alena@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XVIII-НАЧАЛА XXв.

RELATIONSHIP OF THE MOSCOW STATE
WITH THE CRIMEAN KHANATE
IN THE FIRST THIRD OF THE XVI centu-
ry. THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF
XVIII - IN THE BEGINNING
OF THE XX century

A. Gryzlova

Annotation

The topic of diplomatic relations of the Muscovy with the Crimean Khanate in the first third of the XVI century was repeatedly raised in the works of Russian historians XVIII–in the beginning of the XX century. The main issues which interested researchers were the military raids of the Crimean army, negotiations between Moscow and Bakhchisarai, exchange of ambassadors and signing of "shertnyegramoty". The article deals not only with the global history of Russia but also with the special research of the certain questions of the foreign policy of the first third of the 16th century.

Keywords: Historiography, diplomacy, Vasili III, Mengli Giray, "shertnyegramoty", Crimean Khanate.

Грызлова Анастасия Владимировна

*Соискатель, каф. истории
России с древнейших времён до XX в.,
Санкт-Петербургский Государственный
Университет*

Аннотация

Тема дипломатических отношений Московского государства с Крымским ханством в первой трети XVI в. неоднократно поднималась в трудах отечественных историков XVIII–начала XXв. Основными вопросами, которые интересовали исследователей, были военные набеги крымских войск, переговоры между Москвой и Бахчисараем, обмен послами и подписание шертных грамот. В статье рассматриваются как общие труды по истории России, так и специальные исследования по вопросам внешней политики первой трети XVI в.

Ключевые слова:

Историография, дипломатия, Василий III, Менгли-Гирей, шертные грамоты, Крымское ханство.

Дипломатические отношения Московского государства с Крымским ханством в первой трети XVI в. были одним из важнейших направлений внешней политики Василия III. Они привлекли внимание историков уже в XVIII в.

Одним из первых к исследованию этого вопроса обратился А.И.Манкиев. Он отметил, что крымские татары постоянно искали "прибыток на Руси" в то время, когда "русские воевали с Литвой и Польшей". [21, с.187] В.Н.Татищев писал об обмене посольствами между Московским государством и Крымским ханством, о подписании шертных грамот. Историк отметил, что после смерти Ивана III крымский хан Менгли-Гирей прислал Василию III "не те грамоты как у отца", но после переговоров посол Константин Заболоцкий привез от хана "шертную грамоту, какова великому князю надобна..." [28, с.484]. Также историк упомянул о посольстве в Московское государство в 1510–1512 гг. ханши Нур-Салтан, жены Менгли-Гирея [28, с.486].

М.М.Щербатов указал на важность союза Василия III

с крымским ханом Менгли-Гиреем, так как последний силой мог удержать Польшу и Литву от военных действий против России. Крымский хан был заинтересован в союзе с Москвой, потому что он "сам имел несогласие с некоторыми ордами татарскими, противу которых ему была нужна помощь великого князя" [31, с.372]. Вслед за В.Н.Татищевым историк обратил внимание на изменение титула великого князя Московского в грамотах, присланных в 1506 г. Менгли-Гиреем Василию III. Он считал это изменение не ошибкой, а хорошо продуманной акцией крымского хана: Менгли-Гирей хотел воспользоваться началом правления Василия III и заключить более выгодный для себя договор. Послы, доставившие новые шертные грамоты в Москву, "тайные повеления от крымского хана имели", – писал М.М.Щербатов [31, с.376]. Но вместо разрыва дипломатических отношений с Менгли-Гиреем московский государь возобновил с ним союз. В 1506 г. в Крым был отправлен русский посол К.Заболоцкий, который возвратился с грамотами от Менгли-Гирея, подписанными с соблюдением клаузулы. Вскоре крымские послы привезли другие грамоты от хана и его приближенных. Историк обратил внимание на содержание

этих актов. В них речь шла о мире, дружбе и о "поминках" (подарках). В одной из грамот Менгли-Гирей по старому обычаю требовал даров от князей Одоевских. Хан просил великого князя, "дабы оные он повелел собрать и прислать ему" [31, с. 393]. В последующие годы русские и крымские послы также обсуждали вопросы о положении Абдул-Летифа в Московском государстве, об Астраханском ханстве. Речь шла о сыне Нур-Салтан, который был казанским ханом до 1502г., но затем стал проводить независимую политику, поэтому Иван III отозвал его в Москву, где объявил об опале и сослал в Белоозеро. Положение бывшего хана было одним из вопросов, которые обсуждались послами Крымского ханства и Московского государства. Менгли-Гирей просил об освобождении своего пасынка из заточения и об отправке его в Крым, ругаясь за его приверженность политике Василия III.

В 1515г., после смерти Менгли-Гирей, крымским ханом стал его сын Мухаммед-Гирей. М.М.Щербатов отметил, что сразу после восшествия на трон он выдвинул претензии Василию III из-за его похода на Смоленск. На основании того, что Смоленск и окружающие его земли были пожалованы крымскими ханами польской короне, Мухаммед-Гирей требовал вернуть этот город после упорных битв в 1514г. присоединенный к Московскому государству. Мало того, крымский хан как доказательство своей правоты приложил грамоту от Менгли-Гирей, касающуюся этих земель, которую тот написал, но не послал великому князю [31, с.448].

М.М.Щербатов первым предположил, что в 1521г. Мухаммед – Гирей начал предпринимать действия для того, чтобы сменить власть в Казани. "Летописцы об этом не упоминают, но я не могу к иному приписать толь скорую перемену в мыслях казанских граждан." – писал он об избрании на казанский стол крымского царевича Сагиб-Гирей. [31, с.494]

Вслед за М.М.Щербатовым А.И.Лызлови И.Н. Болтин писали о том, что польский король Сигизмунд подстрекал крымских татар нападать на Россию в 1512–1523гг. во время войны за Смоленск. "Жигимонт послал послов своих с великою казною в Крым. Также и к братьям его, чтобы воевали Российское воинство, и тако по совету кравлеву той хан лета 7025, 1515 посла воинство своего до двадесяти тысяч", – отметил А.И.Лызлов [18, с.35]. И.Н.Болтин писал: "Сигизмунд, видя несклонность Василия, послал в Перекоп к крымским татарам с просьбою и деньгами, чтобы они на Россию напали с одной стороны, а он с Опочки" [8, с.4]. А.П.Голицын тоже считал, что крымцы помогали полякам в войне за Смоленск [9, с.213].

В 1806г. французский епископ С.Сестренцевич-Богущ в "Истории о Таврии", написанной по повелению Ека-

терины II, осудил Менгли-Гирей и его сына Мухаммед-Гирей за грабительские набеги на русские земли [24, с.280].

Е.Филиповский акцентировал внимание на событиях 1521г. В отличие от М.М.Щербатова, он не отметил в происходящем влияния Мухаммед-Гирей. Исследователь указал, что жители Казани самовольно избрали правителем Сагиб-Гирей, который тогда же вместе с крымскими татарами участвовал в набеге на южные земли Московского государства и одержал победу над русским войском на Оке. Великий князь Московский был вынужден признать власть татар и обещал платить дань, но никогда этого не делал [30, с.133].

В отличие от него И.В. Нехачин писал только об отношениях Василия III и Менгли-Гирей. Вслед за М.М.Щербатовым историк отметил, что первым важным государственным делом Василия III было возобновление союза с ханом, потому что тот "силою своей всегда мог удерживать Польшу и Литву от неприятельских действий. Он для этого отправил в Крым посла" [22, с.43].

П.М. Строев вслед за Е.Филиповским указал на негативное влияние крымского хана Мухаммед-Гирей на события в Казани в 1521г. По мнению историка, Василий III согласился на избрание казанским ханом крымского царевича Сафа-Гирей в 1524г. только для того, чтобы избегнуть вражды с Крымом [27, с.72].

В отечественной историографии XVIII – начала XIX в. не было специальных работ, посвященных проблеме дипломатических взаимоотношений Московского государства и Крымского ханства. Историки лишь отметили некоторые ключевые события, такие как переговоры между Василием III и крымскими ханами, подписание шертных грамот, посольство Нур-Салтан. Исследователи указали на негативное влияние Польши на русско-крымские отношения. М.М. Щербатов первым отметил влияние крымских ханов на политику Казанского ханства.

Следующий шаг в исследовании рассматриваемой проблемы сделал Н.М.Карамзин. Вслед за предшественниками историк писал о том, что союз московского государя с Менгли-Гиреем был полезен для России. По мнению ученого, в 1508г. Менгли-Гирей, узнав о переговорах великого князя Московского с польским королем Сигизмундом заключил союз с Василием III. В том, что крымский хан затем разорвал этот союз с Москвой, Н.М.Карамзин обвинил польского короля. Новый крымский хан Мухаммед-Гирей вел переговоры о мире одновременно и с Василием III, и с Сигизмундом. По мнению ученого, хан был "бесстыдно корыстолюбив": он брал золото у польского короля Сигизмунда и при этом воевал против Польши. Мухаммед-Гирей "не боялся мести за

свое вероломство, понимая, что Россия и Литва все простят ему в надежде навредить друг другу", – считал Н.М. Карамзин [13, с.77].

Д.Д. Похорский упомянул о походе крымского хана на Московское государство в 1521 г., совершенном, по его мнению, совместно с казанским ханом [23, с.96].

Е. К. Константинов, как и предшественники, писал о пользе союза России с Менгли-Гиреем. Он одним из первых обратил внимание на тот факт, что Василий III стремился использовать союз с Османской Портой для воздействия на Крымское ханство. Но эти попытки, по мнению исследователя, были безрезультатными, поскольку турецкий султан соглашался только на торговые отношения с Московским государством. Вслед за Н.М. Карамзиным Е.К. Константинов писал, что Мухаммед-Гирей, с одной стороны побуждаемый дарами от Литвы, а с другой стороны не желая разрывать союз с Россией, "одной рукой брал золото (от великого князя литовского – А.Г.), а другую с мечом заносил попеременно на земли обеих держав, которые старались через него вредить друг другу" [15, с.40]. Болезнь казанского хана Мухаммед-Амина и смерть Абдул-Летифа, по мнению историка, обусловили искреннюю дружбу крымского хана с российским государем. Также Мухаммед-Гирей опасался, что Василий III может передать власти в Казани кому-нибудь из противников Крыма. С помощью Василия III крымский хан намеревался завладеть Казанью, Астраханью или Киевом [15, с.42].

И.К. Кайданов упомянул о походе 1521 г., совершенном крымским ханом Мухаммед-Гиреем, которого он считал "непримиримым врагом России" [12, с.113]. Н.С. Арцыбашев писал об обмене шертными грамотами между Московским государством и Крымским ханством и вслед за предшественниками обратил внимание на "несообразность" грамот о дружбе, привезенных послами. По мнению автора "Повествования о России", стараниями крымского хана Менгли-Гирея и ханши Нур-Салтан, после ее поездки в Россию, Василий III даровал свободу и город Юрьев Абдул-Летифу [1, с.87].

Р.М. Зотов акцентировал внимание на том, что "полезный союз с Менгли-Гиреем во время правления Василия III уже рушился, и Россия должна была с тех пор часто отражать нашествия татарской орды" [10, с.108]. Также историк указал на то, что набеги крымских войск являлись причиной неприятельских действий против Литвы [10, с.108].

Современник Р.М. Зотова Н. Г. Устрялов считал действия крымских татар главной причиной неудач России в войне с польским королем Сигизмундом. Историк указал, что губительные набеги татар совпали с началом княже-

ния Василия III, так как после смерти Ивана III старый хан Менгли-Гирей не мог сдерживать своих сыновей и мурз от набегов на земли Московского государства. К тому же, чтобы обезопасить себя и направить удар на противника, поляки платили крымским ханам больше денег, чем русские. По мнению историка, "Мухаммед-Гирей думал о возобновлении права Чингизовых потомков на господство в России, хотел быть судьей между Василием и Сигизмундом, раздавал им города, требовал от нас дани" [29, с.38]. Также Н.Г. Устрялов писал о том, что крымский хан посадил в Казани своего брата Сагиб-Гирея, господствовал в Астрахани и "таким образом мог двинуть на нас все орды, возникшие из древнего Батыева царства" [29, с.39].

С.М. Соловьев сделал вывод о том, что с началом правления Василия III прежние отношения Крымского ханства и Московского государства изменились. Причины, по которым союз с Россией был важен для Менгли-Гирея, а именно, угрозы со стороны Золотой Орды и Турции, исчезли. Сам Менгли-Гирей был стар и слаб, поэтому не мог удерживать своих многочисленных царевичей и мурз от набегов на русские земли. С 1505 г., по словам историка, отношения Московского государства и Крыма приняли характер "задаривания разбойников, которые не сдерживаются никаким договором, никакими клятвами. Сюда еще присоединялись смешные притязания на прежнее могущество, прежнее значение, которое ханы пытались восстановить хотя бы на бумаге" [25, с.222].

По мнению С.М. Соловьева, крымский хан пользовался тем, что Василию III был необходим с ним союз, и требовал большого количества подарков, решения вопроса о заточении Абдул-Летифа, помощи в войне с Астраханью и даже одоевской дани [25, с.224]. Эту дань после набега 1462 г. должны были платить Крымскому ханству Одоевское княжество и часть рязанских городов. Однако эти деньги платились не всегда, поэтому хан потребовал урегулировать этот вопрос. С.М. Соловьев обратил внимание и на то, что с 1505 г. русские послы в Крыму стали подвергаться плохому отношению и даже насилию со стороны царевичей и мурз. Василий III, отправляя в Крым посла Василия Морозова, предупредил крымского хана о том, что впредь не станет посылать таких знатных бояр, если к ним не будет подобающего отношения. Еще более сложными отношения с Москвой стали после прихода к власти Мухаммед-Гирея. Историк указал, что, несмотря на неприемлемые требования со стороны Крыма, Василию III была необходима шертная грамота от нового правителя.

Поскольку татарские набеги на южные окраины России не прекращались, великий князь решил созвать бояр для совета о том, нужно ли продолжать поддерживать дипломатические отношения с Крымом. На совете "при-

говорили, что нужно продолжать сношения, чтобы хан прямо не отстал от Москвы" [25, с. 243].

В 1863 г. вышла первая специальная работа, посвященная проблеме русско-крымских взаимоотношений, – "Историческое и дипломатическое собрание дел" А.Ф.Малиновского. Исследователь детально рассмотрел дипломатическую переписку между великим князем Московским и крымским ханом, вопрос об обмене послами между ними и показал процесс подготовки шертных грамот. Историк считал, что разорительные нашествия крымских татар начались после восшествия на престол, Василия III, потому что крымцы "...никогда не сохраняли обязательств своих предшественников и при каждой перемене, считая себя свободными от всяких клятв, стремительно нападали на сопредельные с ними государства" [20, с.363]. Историк писал, что набеги крымских татар не всегда отражались Россией из-за продолжительной войны с поляками и многократных походов на Казань [20, с.366]. В борьбе с Польшей Москва обращалась за помощью к ногаям. Так, в 1508 г. к ногайскому князю Асану и другим влиятельным мурзам был отправлен московский посол с предложением объединиться и совместно выступить против Польши [20, с.281].

Г.Ф. Карпов осветил проблему отношений Московского государства с Крымом и Турцией с 1508 г. по 1517 г. Он показал, как изменилась позиция крымских ханов по отношению к Москве с союзнической до враждебной. По мнению исследователя, период с 1508 г. по 1517 г. стал временем обострения русско-крымских отношений. Важную роль в установлении союзнических отношений между Московским государством и Крымским ханством сыграл московский посол К. Заболоцкий. Результатом его деятельности стало подписание в 1508 г. шертной грамоты. По мнению Г.Ф. Карпова, со стороны Крымского ханства большое влияние на установление мирных взаимоотношений между двумя государствами оказала Нур-Салтан. Он особо остановился на описании визита ханши в Россию и его результатах. Дальнейшее ухудшение отношений между Москвой и Крымом и набеги крымских войск на русские земли были обусловлены тем, что Мухаммед-Гирей "не имел такой силы, чтобы сдерживать царевичей и мурз, которые что хотели, то и делали." [14, с.17]. Историк считал, что крымские татары совершали свои набеги в то время, когда "московские войска сосредотачивались для войны с Литвою" [14, с.7]. В 1515 г. в Крым был отправлен русский посол И.Г.Мамонов, которому, как отметил исследователь, пришлось терпеть несправедливость и даже грабежи от татар. Несколько лет шли переговоры, и только в 1518 г. была подписана шертная грамота с Мухаммед-Гиреем.

Н.И.Костомаров полагал, что в последние годы жизни Менгли-Гирея Крым начал "усваивать ту хищническую

политику, которой следовал постоянно впоследствии: стравливать между собою Литву и Москву, манить ту и другую своим союзом и разорять волости обоих государств" [16, с.205]. Той же точки зрения придерживался и К.Н.Бестужев-Рюмин, который считал, что отношения России и Крыма стали враждебными именно в этот период. В 1507 г. крымский хан прислал в Литву посольство с предложением союза и даже дал ярлык Сигизмунду на русские земли, среди которых значились Новгород, Псков и Рязань [7, с.176]. Со своей стороны польский король обещал платить хану ежегодно по 15 тысяч золотых за нападение на врагов Польши. Историк отметил, что этот тайный договор послужил причиной нападения крымских войск на русские земли в 1512 г. Подобно С.М.Соловьеву и А.Ф.Малиновскому К.Н. Бестужев-Рюмин писал о бедственном положении московских послов в Крыму, в особенности Василия Морозова.

В 1887 г. вышла монография В.Д.Смирнова, посвященная Крымскому ханству в XV–XVIII вв. Использованные в ней османские источники и другие материалы на восточных языках позволили шире осветить историю ханства. Особое внимание в этой книге уделено взаимоотношениям Крыма и Османской империи. В.Д.Смирнов считал, что центром внешнеполитических интересов турецкого султана Селима являлась Азия, а не Европа, поэтому он не нуждался в помощи Менгли-Гирея [26, с.289]. Однако, по его мнению, турки завели у себя штат кандидатов из Гиреев на крымский трон, меняя одних ханов на других по мере необходимости [26, с.302].

М.Н.Бережков рассмотрел вопрос о русских пленниках в Крыму. Он писал, что крымские ханы считали себя наследниками властителей Золотой Орды, продолжателями их внешней политики и опирались на существенную поддержку Турции. Для них была выгодна вражда Московского государства и Польши. Историк считал, что основная причина силы крымского хана заключалась в соперничестве Московского государства и Польши, поскольку каждая сторона старалась использовать Крымское ханство в своих интересах и откупалась подарками от нападений татар на собственные границы [4, с. 344]. М.Н.Бережков впервые обратил внимание на положение русских невольников в Крыму. Он подробно рассмотрел вопрос численности пленников способами их выкупа у Крымского ханства и Османской Империи. Он считал, что в результате набегов крымских татар, в плен попадало большое количество русских. Единственной возможностью освободить пленников был их выкуп государством или частными лицами.

Поэтому одной из задач русских послов в Крыму было решение дел о размере выкупной платы, о сроке и месте выдачи невольников. Иногда послы сразу выкупали некоторых пленных на сумму, даваемую им в распоряжение

государством [4, с.364].

В другой работе М.Н. Бережков проанализировал крымские шертные грамоты и пришел к выводу, что они содержат односторонние обязательства татарской стороны. Главная цель их приобретения великими князьями Московскими заключалась в попытке не допустить крымские набеги на русские земли [5, с.5]. Исследователь подробно прокомментировал статьи этих грамот. В статье о Нур-Салтан, жене крымского хана Менгли-Гирея, имевшей большое влияние в Казани и Крыму, историк писал о том, что она внушала обоим сыновьям (Абдул-Летифуи казанскому хану Мухаммед-Амину) жить в мире и повиноваться русскому государю [6, с.15]. М.Н. Бережков отметил, что последние годы жизни Менгли-Гирея изменилась внешняя политика Крыма, который склонился на сторону Польши и Литвы, чему способствовали их многочисленные подарки. Ослабевший крымский хан не мог управиться ни с сыновьями, ни с продажными вельможами, ни с массой татар. К тому же после 1519г. в крымских посольских книгах больше не упоминалось имя Нур-Салтан, которая, по мнению историка, тогда умерла, что значительно ослабило влияние крымских союзников России.

Ф.Ф.Лашков издал реестр шертных или договорных грамот XVI и XVII вв., подписанных между Московским государством и Крымским ханством. Исследователь полагал, что дипломатические отношения между Россией и Крымским ханством могли быть только враждебными, что и определило характер шертных грамот. Великий князь отправлял посла для переговоров, а крымский хан за подарки подписывал договор, чтобы потом, по мнению историка, его нарушить и вести переговоры о новой шертной грамоте и новых подарках [17, с.6–7].

Е.А.Белов подобно С.М. Соловьеву писал об изменении отношений между Москвой и Крымом в первые годы правления Василия III, поскольку "Менгли-Гирей устарел и не мог сладить со своими сыновьями и вельможами, которые враждебно относились к Москве" [3, с.194]. Д.И.Иловайский считал, что причиной военных конфликтов между Россией и Крымским ханством был спор из-за широкой пустынной полосы земли на юге России [11, с.302].

Д.И. Багaley тоже полагал, что в начале XVI в. в российско-крымских отношениях произошла значительная перемена: "столь выгодный для Москвы союз с Менгли-Гиреем прекратился, и золото Сигизмунда не раз побуждало крымцев грабить московские пределы" [2, с.215]. При этом особенную опасность для России представляло соединение в руках крымских Гиреев управления Казанью и Крымом [2, с.215].

М.К.Любавский также указал, что с начала правления

Василия III отношения Крыма и Москвы резко ухудшились. Менгли-Гирей окончательно избавился от опасности со стороны Большой Орды, при том Польша платила Крымскому ханству больше, чем "скупая и прижимистая Москва" [19, с.285]. В 1515г. крымский хан, который был связан клятвенным договором с Москвой, умер. Его сын и наследник Мухаммед-Гирей начал свое правление с того, что отправил в Москву посла с упреком великому князю, осмелившемуся "взять у короля Сигизмунда Смоленск, который отец его, Менгли-Гирей, пожертвовал литовскому юрту" [19, с.286]. Историк писал, что, несмотря на претензии со стороны Мухаммед-Гирея, Василий III не уступил. Он обещал хану помощь в войне с Астраханским ханством, надеясь получить от него шертную грамоту и отвлечь его от союза с Литвой. В 1523 г. после гибели Мухаммед-Гирея, в Крыму началась борьба за власть, что, по мнению исследователя, ослабило военную угрозу Москве со стороны Крыма. К 1527г. ситуация вновь изменилась. В тот же год племянник хана Сагиб-Гирей Ислам-Гирей опустошил Рязанскую землю [19, с.288].

Взаимоотношения между Россией и Крымским ханством занимали важное место в отечественной историографии XVIII – XIX вв., посвященной проблеме внешней политики первой четверти XVI в. Исследователи уделяли внимание таким вопросам, как военные набеги крымских войск, переговоры между Москвой и Бахчисараем, обмен послами и подписание шертных грамот. Историки не подвергали сомнению важность союза России с Крымским ханством. Р.М. Зотов, Н.Г. Устрялов, С.М. Соловьев полагали, что Менгли-Гирей в последние годы правления был не в состоянии полностью контролировать действия своих мурз и царевичей, что проводило к набегам крымских татар на русские земли. Этой точки зрения придерживались также Н.И. Костомаров и К.Н. Бестужев-Рюмин. Е.К. Константинов, Г.Ф. Карпов, Н.М. Бережков рассматривали политику Крыма во взаимосвязи с дипломатией Османской империи, В.Д. Смирнов поставил вопрос о ее самостоятельности.

А.Ф. Малиновский и Ф.Ф. Лашков, авторы специальных работ по исследуемой проблеме, опубликовали тексты шертных грамот и рассмотрели дипломатическую переписку между Московским государством и Крымским ханством. Многие историки изучали русско-крымские отношения на фоне отношений с Астраханью, Ногайской Ордой и Казанью.

Большая часть исследователей считала, что при Василии III взаимоотношения с крымскими ханами обострились, особенно это заметно во время правления Мухаммед-Гирея. Несмотря на это, ни у кого из историков не вызывает сомнения тот факт, что Российское государство стремилось получить шертные грамоты от ханов для

обеспечения обязательства не совершать военные набе- с Крымским ханством для противостояния Литве и Поль- ги на русские земли, а также с целью заключения союза ше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арцыбашев Н.С. Повествование о России М., 1838. Т.2
2. Багалеи Д.И. Русская история. Ч.2. Харьков. 1911
3. Белов Е.А. Русская история до реформы Петра Великого СПб., 1895.
4. Бережков М.Н. Русские пленники и невольники в Крыму. Труды VI археологического съезда в Одессе 1884г. Т. II. Одесса, 1888.
5. Бережков М.Н. Крымские шертные грамоты. Киев. 1894.
6. Бережков М.Н. Нур–Салтан, царица Крымская. Известия Таврической ученой архивной комиссии Симферополь. 1897. №26.
7. Бестужев–Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1885. Т.2.
8. Болтин И.Н. Подробная летопись от начала Руси до Полтавской баталии. Ч.2. СПб, 1798.
9. Голицын А.П. Ядро хронологическое истории всемирной от начала света до кончины Екатерины II ч. 4 М., 1805.
10. Зотов Р.М. Военная история Российского государства. Ч.2. СПб, 1839.
11. Иловайский Д.И. История России М., 1896. Т.2
12. Кайданов И.К. Начертание истории государства Российского. СПб., 1829.
13. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.7. СПб, 1819
14. Карпов Г.Ф. Отношения Московского государства к Крыму и Турции в 1508–1527гг. Московские Университетские известия, 1865. №4
15. Константинов Е. К. Учебная книга истории Государства Российского Ч.2 СПб., 1820.
16. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993.
17. Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891.
18. Лызлов А.И. Скифская история. М., 1787
19. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
20. Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год. Записки Одесского общества истории и древностей. Т.5. Одесса. 1863.
21. Манкиев А.И. Ядро Российской истории. СПб, 1770.
22. Нехачин И.В. Новое ядро Российской истории от самой древности россиян и до дней благополучно ныне царствующего императора Александра I Ч. 2. М., 1809.
23. Похорский Д.Д. Российская история, изображающая важнейшие деяния российских государей. М., 1819.
24. Сестренцевич–Богущ С. История о Таврии. СПб, 1806.
25. Соловьев С.М. История Российская с древнейших времен. М., 1989. Т. 5.
26. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. Т.1. М., 2005.
27. Строев П.М. Краткая российская история М., 1814.
28. Татищев В.Н. История Российская в 3 т. Т.3. М., 2005.
29. Устрялов Н.Г. Русская история Ч.2. СПб, 1839.
30. Филиповский Е. Краткое историческое и хронологическое описание жизни и деяний Великих князей российских, царей, императоров. Ч.2. М., 1807.
31. Щербатов М.М. История России с древнейших времен. СПб, 1783. Т.4.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ К МИГРАЦИЯМ НАСЕЛЕНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE RELATIONS TO POPULATION SHIFTS IN THE HUMANITIES

L. Zainullin

Annotation

This article discusses the history of the concept of migration as part of the understanding of the humanities. This article describes the causes and characteristics of this phenomenon. The findings make it possible to analyze the social phenomenon, which in itself is of scientific value. The author proved that over time, much has changed in the history of mankind and can carry the idea of a new society in the modern world.

Keywords: migration, ideology, history of Russia, the development of migration processes, society.

Зайнуллин Ленар Ильдусович
Ассистент, каф. философии
и культурологии, Казанский
Государственный Институт
Культуры и Искусств

Аннотация

В данной статье рассматривается история понятия миграция в рамках понимания гуманитарных наук. В данной статье раскрываются причины и особенности данного явления. Выводы исследования позволяют проанализировать социальный феномен, что само по себе представляет научную ценность. Автор статьи доказал, что отношение к миграции с течением времени сильно изменилось в истории человечества и может нести идею нового общества в современном мире.

Ключевые слова:

Миграция, идеология, история России, развитие миграционных процессов, общество.

Миграция как социокультурное явление в последние годы вызывает все более и более пристальное внимание. Для этого видится несколько оснований, фактически предопределивших особенности генезиса понятия "миграция" в философско-культурологической мысли.

В историческом прошлом миграции традиционно рассматривались в их негативном контексте, что было связано с традиционно устоявшимся представлением о человеке как существе, которого "нет без хозяина". Эта средневековая метафора окрашивала миграцию в мрачные тона. С миграцией ассоциировали коллаборацию (в частности, такое понимание эмиграции прослеживается в блестящей по своему публицистическому содержанию переписке Ивана Грозного и князя Курбского), маргинализацию личности (что имело смысл в обществе с господствовавшим в средневековье крепостным правом; даже в Англии, прославившейся отсутствием крепостного права, с мигрантами и бродягами боролись Драконовским законодательством), а так же бродяжничество, нищета и разбой (тати, флибустьеры).

Такое нелояльное отношение к миграционной активности с политической и хозяйственно-экономической точек зрения имело под собой практические основания. Миграции населения представлялись недопустимым со-

циальным явлением, поскольку, во-первых, подрывали устоявшееся общественно-политическое устройство и могли провоцировать социальные "возмущения", а с другой, подрывались и основы производящего хозяйства, поскольку эффективным производителем мог быть только человек, привязанный к земле, что и обуславливало социальную несвободу средневековых обществ. Проявления самостоятельной миграционной мобильности даже среди аристократии не слишком поощрялись, поскольку добровольно мигрирующая аристократия – это беднейшая аристократия, рыцарство, по сути, военные наемники, а это не вызвало большого уважения у современников.

Объяснение этого явления не может быть отнесено исключительно на долю официальной идеологии. В любом социуме присутствует так называемое "охранительное начало", о котором говорил Бердяев. Поэтому негативизм к мигрантам основывается на исторически сложившейся бытовой традиции.

В отличие от современной миграции, исторически, миграционное движение не являлось средством утверждения личности. Мощным фактором противодействия развитию миграционной активности являлся религиозно-идеологический фактор: требование покорности воле Бога и царя. В обыденном сознании миграция рассмат-

ривалась как "пущение Дявола".

И тем не менее, среди мигрантов того периода, было много представителей политической элиты, высокородных аристократических фамилий. Применительно к России, это князья Курбский и Тетерин, бояре Сарыгозин и Ордин-Нащокин. Их имена не могли не привлечь внимания общества, поэтому противоборство государства с мигрантами должно было принять открытый характер. Пример такой борьбы за умы – знаменитая переписка царя Ивана Грозного со своим беглым вассалом князем Курбским. Для обоснования эмиграции князя она по-факту сыграла немалую роль.

Оппозиционная аристократия выступила против Ивана Грозного единым фронтом, открыто защищал в России позицию князя Курбского его вассал Василий Шибанов, позднее казненный Иваном Грозным на волне опричнины по политическому обвинению.

Конечно, власть не желала уступать мнению кругов, поддержавших Курбского. Особенно Ивана Грозного раздражало то, что его политика обсуждается и ставится под сомнение. Спор принял публичный характер и имел резонанс даже для международной дипломатии.

Тем не менее, "идейного всеоружия" против беглых правдолюбцев оказалось недостаточно. В 1586 г. немецкий путешественник Шлезингер писал: "Если бы ныне в России появился кто-то, имеющий охоту посетить чужие страны, желая немного осмотреть мир, то ему бы этого не позволили, а, пожалуй, еще пригрозили быкнутом, если б он настаивал на выезде. Есть даже примеры, что получили кнута и были сосланы в Сибирь те люди, которые настаивали на выезде и не хотели отказаться от своего намерения". [3. С. 73] О расправах с мигрантами в России убедительно пишет один из них, Г. Котошихин.

Преследование беглецов в России постепенно стало одним из важнейших направлений деятельности государства. Вопреки устоявшейся точке зрения историков, Российское государство всегда настойчиво добивалось выдачи коллаборационистов и эмигрантов дипломатическими средствами. Уже в Кардисском мире 1661 г., оговаривалась взаимовыдача беглецов между Россией и Швецией, что и осуществлялось на основании параграфа 21 данного мира.

Тем не менее, это не означает, что исторически миграция не выполняла свою социокультурную функцию.

Геополитический генезис многих стран был связан именно с миграциями. К таким странам следует отнести и Россию, поскольку "ползучая", то есть медленная, мирная миграция всегда была присуща русскому обществу.

Именно благодаря "ползущей миграции" происходило освоение обширных территорий за Уралом и таким образом Русская государственность приросла Сибирью. Именно благодаря "ползущей миграции", которую можно считать знаковым явлением для Российской цивилизации, сформировался тот обширный ареал проживания русского человека, который мы видим сегодня. "Север и Сибирь с Аляской были присоединены и освоены не столько государством, сколько народом, крестьянскими семьями" [4. С. 4–5].

Если рассматривать вопрос о том, что представляет собой русская история с точки зрения развития миграционных процессов, то "расползание русского теста из единой этнической квашни", как определил этот процесс С. Соловьев [5. С. 136], становится очевидным. И тут можно сослаться на мнения не только Соловьева, но и Ключевского, Сильванского. Ключевский весь ход русской истории рассматривал сквозь призму миграций. П. Павлов-Сильванский резко противопоставлял Русь "оседлому", по его мнению, Западу [2. С. 71].

С другой стороны, исследуя миграции с цивилизационных позиций, необходимо отметить, что феномен "ползущих миграций" присущ в разное время всем гетерогенным цивилизациям (термин, введенный исследователем Кара-Мурза), гомогенные цивилизации, напротив, остаются миграционно инертными и "растворяются". Сегодня признаки "ползущей миграции" динамично проявляет Восточная цивилизация и это наталкивает на размышления о геополитике будущего.

Даже в современной исторической мысли миграции оцениваются негативно, поскольку создают напряженность как в странах-донорах, так и в странах-реципиентах. Если страны-доноры испытывают на себе негативное влияние утечки трудовых и интеллектуальных ресурсов, то страны-реципиенты постоянно сталкиваются с необходимостью решать колоссальные по объему социально-демографические задачи, а это связано, прежде всего, с затратами материальных ресурсов и решением сложных организационных и институциональных вопросов.

Постановка вопроса о социокультурной роли и философской значимости миграций в отечественной академической традиции – относительно новое явление, насчитывающее немногим более двух десятков лет. Причиной этому являлась излишняя идеологизация вопросов миграции и инакомыслия в СССР.

Тем не менее, уже в советское время были заложены социально-психологические и демографические факторы, повлиявшие на признание миграций как социального и культурного явления. В этом контексте необходимо от-

метить роль мигрантов из числа так называемого "диссидентства" в истории СССР. С середины 70-х гг. XX века в СССР диссидентами стали называть людей, которые в той или иной форме выражали несогласие с официальной идеологией. Сама диссидентская эмиграция была вынужденной и во многом насильственной. Р. Медведев, например, считает, что число жертв репрессий в отношении диссидентов в СССР шел на тысячи. Сахаров считал диссидентов в России "малочисленной, но очень весомой в нравственном и...историческом плане группой людей".

1 декабря 1962 г., в ответ на развитие неконформистских настроений среди советских художников, Н. С. Хрущев предложил неконформистам "убираться на Запад". Эта формула легла в основу принудительной миграции в СССР. Однако уже тогда в обществе вызревало отношение к миграции как показателю свободы образа жизни. Не случайно проблема добровольной эмиграции попала в поле зрения советских правозащитников. Борьба за социальное и национальное право выезда на историческую родину началась в СССР еще в 60-е гг., но особый статус и свои первые реальные успехи она получила только в 70-х гг., поскольку в это время наступает небезызвестный "хельсинский период".

Советские правозащитники систематически следили за выполнением гуманитарных статей Хельсинкского договора в СССР, которые оговаривали соблюдение прав человека, свободу передвижения личности и информации. Важной вехой стало выступление профессора Орлова в мае 1976 г. Группы содействия выполнению с заявлением о создании Хельсинкских соглашений в СССР.

Хотя затем последовали репрессии, усилия правозащитников подкреплялись изменившейся международной ситуацией, что не могло не отразиться на положении дел в СССР. Послевоенный период поставил перед международным сообществом вопрос о выработке цивилизованных правил, которые регулировали бы "контакты между людьми, включая выезд за границу на постоянное место жительства, что и именуется эмиграцией".

Первоначально такие правила были установлены в Международной декларации прав человека 1948 г. В ней было закреплено право "покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну" (п.2 ст.13).

Согласно норм декларации, государства имеют право устанавливать ограничения на право мигрировать, но только в той мере, в которой выполняются следующие требования:

1. Установление ограничений строго в рамках закона;
2. Ограничения должны иметь целью должное ува-

жение прав и свобод других и удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общественного благосостояния.

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый в ООН в 1966 г., в договорном порядке обязал стран-участниц обеспечить право граждан на выезд. В Пакте так же упоминалось право свободного въезда в свою страну; в нем так же устанавливалось, что никто не может быть лишен права свободного въезда в свою страну.

20 января 1989 г. в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в Вене был принят Итоговый документ, в котором, в разделе "Сотрудничество в гуманитарной и иных областях", говорится, что государства будут полностью уважать право каждого покинуть любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну.

Таким образом, хотя право на миграцию не формализовано ни в одном международном соглашении, оно признается в виде права покинуть любую страну и возвращаться в свою собственную.

Советское законодательство вплоть до конца 80-х гг. право на эмиграцию вообще не предусматривало, в том числе и на эмиграцию в целях воссоединения с семьей. Только перестроечный период в этом плане внес свои коррективы. В 1986 г. Постановлением Совета министров СССР в "Положение о въезде и выезде из Союза Советских Социалистических Республик" было дополнено пунктом "Рассмотрение ходатайств о въезде в Союз Советских Социалистических республик и выезде из Союза Советских Социалистических Республик по частным делам" [1. С. 98]. Оно было введено в действие 1 января 1987 г.

В современной России миграции в целом так же не поощряются. Такое положение вещей закреплено международным правом, поскольку миграции признаются источником социальной напряженности. Правда первые попытки решения данного вопроса уже предпринимаются в виде федеральных и региональных целевых программ.

Возможно ли, чтобы государство и этнос отрицали то явление, которое лежит в основе его бытия? Изначально на бытовом уровне мы понимаем термин "мигрант" как семантически близкий понятиям "изменник" и "предатель". Между тем, мы знаем и другое понятие, из сферы социологии и демографии. Его мы стараемся понимать в духе европейской демократии, и поэтому иначе воспринимаем. Согласно этой точки зрения, эмиграция – это выражение красивого права каждого на выбор места

проживания, вполне в духе космополитизма и либеральной демократии.

Очевидно, что на волне развития демократических тенденций в мире во второй половине XX века, отношение к миграциям в обществе сильно изменилось. Прежде всего потому, что миграция стала рассматриваться как проявление личной свободы человека. Это стало основой складывания масштабной добровольной (поисковой) миграции населения и даже формирования представления о гражданстве мира, фактически раздвинувшие привычные рамки человеческого сознания, не устранившего потребность личности в самоидентификации, но выведшего такую потребность на новый (глобальный) уровень. Хотя данное представление не всегда находило понимание и одобрение (в частности, в СССР космополитизм преследовался), но оно знаменовало новый шаг в осознании личности своего места в этом мире. Метафорически, если идея Бога дала человечеству представление о вечности духа во времени, раздвинув временные рамки представления о человеческом бытии, то представление о ми-

ровом гражданстве раздвинуло пространственные границы бытия и, вероятно, они и далее будут раздвигаться в связи с освоением космического пространства. Семантически, миграции означают девальвацию ценности "места" во пользу аксиологической ценности "пространства", что еще раз подтверждает наличие мировоззренческого аспекта в процессе складывания поисковой миграции.

Таким образом, интерес современных социологов, культурологов, философов к явлениям миграции обусловлен исторически и "генетически" связан со стремлением "нащупать" тот культурный и социально-конструктивный потенциал, который должен быть заложен в миграциях применительно к обществу будущего. Этот интерес формируется в противовес бытовавшему ранее негативному отношению к миграциям и направлен на совершенно новое восприятие миграции не как фактора возникновения социальных диспропорций (хотя такая точка зрения по-прежнему бытует и широко распространена), а как фактора формирования нового общества будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Л. Из эмигрантов в иммигранты // Международная жизнь. – 1990. – № 12. – С. 98.
2. Ахиезер А. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль – 1993. – № 7. – С. 71.
3. Гаврилова И. Бич миграции // Свободная мысль – 1997. – № 7. – С. 7.
4. Ключевский Т. О. Сочинения. Т. I. – М., 1956. – С. 4–5.
5. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – Т. 9. – М., 1963. – С. 136.

© Л.И. Зайнуллин, [l_zainullin@list.ru], Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Казанский Государственный Институт Культуры и Искусств

СЛУХИ ИСПЛЕТНИ В СРЕДЕ УКРАИНСКОЙ, РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРАЖСКИХ ЭМИГРАЦИЙ (1921–1939 гг.)

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00264а.

RUMORS AND GOSSIP AMONG THE UKRAINIAN, RUSSIAN AND BELORUSSIAN EMIGRATION IN PRAGUE (1921-1939)

*O. Zubko
A. Suslov*

Annotation

Discusses the role of rumors and gossip among the Russian, Ukrainian and Byelorussian emigration communities in interwar Czechoslovakia (1921–1939). Proposes the periodization of the activities of emigrant communities in the interwar period, taking into account the international situation and the situation in the Soviet Union. Draws attention to the fact that the rumors and gossip as informal information processes, in a historical context are specific cultural and communicative practices, leaving their reflections and echoes. And with these traces and manifestations in the human memory and have to face the historian. Specifies the interpretation of the concepts "hearing"/"gossip", their differences and classification of expressive and informational parameters. Notes social and psychological role of rumors and gossip. Stresses the importance of rumors and gossip indication of public sentiments and dispositions in the absence of or insufficient development of democratic institutions. Illustrated rumors—frightened and aggressive rumors, rumors—wishes and false rumors on the examples of emigration. We summarize their positive and negative aspects, the role of gossip in the formation of the emotional sphere of immigrants into the European and Soviet information flows in Czechoslovakia from the interwar period.

Keywords: emigration, Czechoslovakia, community, information, socialist–revolutionaries, rumors, rumors–frightened, aggressive rumors, untrue rumors, gossip.

Зубко Ольга Евгеньевна
К.ист.н., Центр международных связей
и деятельности, Винницкий
национальный аграрный университет
Суслов Алексей Юрьевич
Д.ист.н., профессор,
каф. гуманитарных дисциплин,
Казанский национальный исследовательский
технологический университет

Аннотация

Рассматривается вопрос о роли слухов и сплетен в среде российской, украинской и белорусской эмиграционных общин междувоенной Чехословакии (1921–1939 гг.). Предлагается периодизация деятельности эмигрантских сообществ в междувоенный период с учетом международной обстановки и ситуации в Советском Союзе. Обращается внимание на то, что слухи и сплетни, как неформальные информационные процессы, в историческом контексте являются особой культурной и коммуникативной практикой, оставляющей свои отражения и отголоски. И именно с этими следами и манифестациями в человеческой памяти и приходится сталкиваться историку. Указывается трактовка понятий "слух"/"сплетня", их различия и классификация по экспрессивному и информационному параметрам. Отмечается социальная и психологическая роль слухов и сплетен. Подчеркивается значение слухов и сплетен индикация общественных настроений и диспозиций в условиях отсутствия или недостаточного развития демократических институтов. Проиллюстрированы слухи–пугала, агрессивные слухи, слухи–желания и недостоверные слухи на примерах эмиграции. Подытожены их позитивная и негативная стороны, обозначена роль слухов и сплетен в формировании эмоциональной сферы эмигрантов с учетом европейских и советских информационных потоков в Чехословакии междувоенного периода.

Ключевые слова:

Эмиграция, Чехословакия, общины, информация, социалисты–революционеры, слухи–желания, слухи–пугала, агрессивные слухи, недостоверные слухи, сплетни.

Слухи и сплетни – неформальные массовые информационные процессы. Они – особый пласт не только человеческого общения, но и человеческой культуры в целом; пласт, отметим, существующий и развивающийся совершенно независимо от нашего к нему отношения. Говоря о слухах и сплетнях, мы подразуме-

*Есть только две поистине захватывающие темы,
достойные серьёзных рассуждений: сплетни и
метафизика.*

Иосиф Бродский

меваем, в первую очередь, их негативный контекст, но, как и всякая медаль, имеющая две стороны, слухи и сплетни имеют и свою иную – "светлую" сторону.

Западные исследователи, такие как Ф.Бартлетт, К.Киркпатрик, Г.Олпорт еще в 1920–1930 гг. высоко оценили ту роль, которую играли слухи и сплетни в формировании психологии масс и в управлении массовыми процессами [1]. В результате, слухи и сплетни быстро попали в объектив целенаправленного и тщательного изучения психологов и политологов. Политики и идеологи стали активно использовать на практике и в своих собственных интересах закономерности возникновения и распространения слухов и сплетен. По многочисленным оценкам авторитетных западных специалистов, информационное воздействие на население с помощью слухов и сплетен и тогда (в 1920–1930 гг.), и ныне стоит практически в одном ряду с воздействием через прессу, радио, театр, телевидение и кино [2, с. 64].

В историческом специфическом контексте, слухи и сплетни являются особой культурной и коммуникативной практикой, используемой как индивидами и группами, так и обществом и государством, и выполняют важные социальные функции: формирование и выражение наиболее распространенных социальных страхов и ожиданий; артикуляция критики и сопротивления; сплочение "несогласных" групп населения; коммуникация, способствующая формированию социальной идентичности и "чувства принадлежности"; обеспечение индивидов ориентирами для интеграции их в сообщества и группы; неофициальное управление обществом, особенно в критических ситуациях; индикация общественных настроений и диспозиций в условиях отсутствия или недостаточного развития демократических институтов [3].

Для историка исследование слухов и сплетен тяжело потому, что ему приходится сталкиваться не столько, собственно, со слухами и сплетнями, сколько с их отголосками и отражениями. Фактически, изучаются не слухи и сплетни, как таковые, а их следы и манифестации в человеческой памяти, в текстах, визуальных образах, телесных и коммуникативных практиках, документах и материальных объектах.

Разберемся поочерёдно, что же такое "слух", а что же такое "сплетня".

Определений, что такое "слух", существует множество, вот лишь несколько из них. По Капфереру, например, слух – это "процесс возникновения и циркуляции в обществе информации, либо еще публично не подтвержденной официальным источником, либо уже опровергнутой им" [4, с. 62]. В психологическом словаре дается следующее определение: "Слух – это специфический вид неформ-

альной межличностной коммуникации, в процессе которой сюжет, до известной степени отражающий некоторые реальные или вымышленные события, становится достоянием обширной диффузной аудитории" [5, с. 481]. Но в целом, слух – это сообщение о важном для аудитории событии, которое устно передается от одного человека другому, и достоверность которого на момент распространения не установлена.

"Сплетня" – одна из разновидностей "слуха". "Сплетня" уже – слух о ком-либо или о чем-либо, основанный на неточных или заведомо неверных сведениях. Как правило, внешне сплетни всеми осуждаются как проявление поверхностных интересов, погони за сенсациями, проявления интриганских методов и так далее. Тем не менее, сплетни всегда сохраняют свою живучесть и определенное место в общественных отношениях, что обусловливается прежде всего многообразием социальных и психологических функций сплетен. При этом, отличие сплетен от слухов в том, что слухи обычно касаются всех – в этом залог их массовости и массивной их циркуляции. Тогда как сплетни касаются немногих, однако, это именно те немногие, которые интересуют всех.

"Слухи" и "сплетни" бывают разными, и, соответственно, существует множество оснований, по которым их можно классифицировать. Так же многообразна и классификация истории междувоенной русской, украинской и белорусской пражской эмиграции.

Жизнь и деятельность украинской, русской и белорусской пражских эмиграционных общин условно подразделяется на три периода: 1921–1925 гг.; 1925–1933 гг.; 1934–1939 гг.

1921–1925 гг. характеризовались постепенной стабилизацией всех сфер их жизни, приобретением ими (общинами) черт своеобразного социума с четкой внутренней организацией, активной политической, общественной и культурной жизнью. Что объяснялось, во-первых, взвешенной позицией чехословацкой демократии, а во-вторых, собственно, социальной структурой самих эмиграционных общин: преобладанием в их среде интеллигенции и рабочих, активных в национально-освободительных противостояниях 1917–1921 гг.

1925–1933 гг. были периодом "смены вех". В 1925–1929 гг. эмиграционная "концепция скорого возвращения", привязанная к сворачиванию "Российской вспомогательной акции", потерпела фиаско в борьбе с достижениями "новой экономической политики" в СССР. А в БССР и УССР она (концепция) натолкнулась к тому же на активное внедрение в общественно-культурную жизнь республик процессов белоруссизации и украинизации. Тогда как в 1929–1933 гг. эмиграционная "концепция быстро-

го возвращения", ослабленная мировым экономическим кризисом, проиграла битву советским индустриализации и коллективизации (первая и начало второй "пятилеток") как в РСФСР, так и в УССР, и в БССР. Небольшой реванш смогла взять только украинская эмиграция, когда за рубеж просочилась информация о масштабном голоде 1932–1933-х гг. в советской Украине.

А вот 1934–1939 гг. для всех трёх пражских эмиграционных общин были годами изменений собственных тактик и стратегий с учетом как чехословацких с советскими, так и мировых политических реалий. Собственно, в самой ЧСР с 1934 г. развернулась острая внешнеполитическая борьба, в которой уже задавали тон чехословацкие национал-социалисты и коммунисты. Результатом чего стало установление в 1934 г. между ЧСР и СССР официальных дипломатических отношений. А в 1935 г. ЧСР и СССР заключили Договор о взаимной помощи. Когда в самой Европе на исторической арене все сильнее о себе заявляли, помимо коммунизма, фашизм с национал-социализмом. В таких обстоятельствах, каждая из общин поступила по-своему. Русская эмиграционная община, с традиционно сильными монархическими убеждениями, передислоцировалась окончательно из ЧСР в Германию, Югославию, Болгарию и во Францию – страны "исконно монархические" и политически авторитарные. "Пражские украинцы", разделённые на монархистов, социалистов, демократов и националистов, частично преодолели Атлантику и высадили свой новый десант в Канаде и США, а частично – остались в ЧСР. А вот белорусская эмиграционная община, следовавшая тем же политическим фарватером, что и "пражские украинские социалисты", не только осталась в ЧСР, но и в 1938 г., после Мюнхенского соглашения, добровольно и осознанно попросила протекции Третьего Рейха.

Как уже было сказано, слухи бывают разными, и, соответственно, существует множество оснований, по которым их можно классифицировать. Так, слухи различают по их содержанию (политические, экономические, экологические); временной ориентации (касающиеся прошлого, предсказывающие); типу происхождения (спонтанные, преднамеренные) и по отношению к реальности (рациональные, фантастические). Чаще всего для распределения слухов используют два классификационных параметра – экспрессивный и информационный. По экспрессивному параметру различают три типа: слух-желание, слух-пугало и агрессивный слух. Тогда как по информационному: абсолютно недостоверные, просто недостоверные, достоверные и близкие к действительности.

Слухи-желания – это слухи, содержащие достаточно сильное эмоциональное желание, отражающее некоторые актуальные потребности и ожидания аудитории, в ко-

торой они возникают и распространяются. Ярким примером слуха такого рода в среде пражских россиян, украинцев и белорусов был слух о кончине "вождя мирового пролетариата" – В.И.Ленина, а значит о скором возможном возвращении домой.

Этот слух нашел свою аудиторию в среде преподавателей и студентов Украинской Сельскохозяйственной (экономической) Академии в Подебрадах в январе–марте 1924 г. Куратор Академии и лидер украинской пражской общины в ЧСР – Никита Шаповал в то время сблизился с лидером белорусских эсеров Томашем Грыбом. Именно Грыб, в свою очередь, поддерживающий дружеские отношения с Виктором Черновым, – лидером русских эсеров, ознакомил Шаповала с очерком Чернова о восьми лидерах Партии социалистов-революционеров (правых эсеров). В данном очерке, в частности, характеризую Михаила Гоца, Виктор Михайлович дал точную и исчерпывающую характеристику В.Ленину, отметив, что последний соединял в себе все классические черты "вожака":

"Основною чертою Ленина была органическая властность его натуры. Он в лучшие свои моменты чуждался честолюбивого тщеславия, но не доминировать своею волею над чужими для него значило бы перестать быть самим собою. Он безгранично верил в правильность своего чутья, своего инстинкта рулевого, дающего посреди рифов правильное направление кораблю.... Ему иногда удавалось заявлять наполовину в шутку, наполовину всерьез, что он знает в партии только двух "настоящих большевиков" – самого себя и... Надежду Константиновну Крупскую. В коллективах, решающих дело большинством голосов, Ленину случалось оставаться в меньшинстве, но он обладал искусством маневрировать и, разбив на части большинство, загнать вопрос в тупик, чтобы потом брать несогласных "измором" и грозить разрывом или даже прямо идти на разрыв. Ленин, наконец, обладал даром почти гипнотизирующего психологического воздействия на толпу, основанного на почти безошибочном чутье ее слабых сторон: оно и было ключом к всепобеждающему демагогическому упрощенству. Был у Ленина и еще один природный дар "вожака": он, как никто, умел разжигать страсти в междоусобицах, одновременно "сглаживая" у "своих" все острые углы, цементируя их товарищеским добродушием и щедро расточаемой заботливостью о тех, кого наметил в состав своих твердых приверженцев" заботливостью о тех, кого наметил в состав своих твердых приверженцев" [б;с. 215–216].

Позитивная характеристика "вождя трудового пролетариата" одновременно с известием о его смерти выплеснулась из стен УСА и снежным комом пронеслась среди пражских эмиграционных общин. Междоусобица в какой-то мере даже воспрянула духом, так

как не видела после смерти В.Ульянова нового сильного лидера в большевистской среде. А еще наивно надеялась, что смерть Ульянова похоронит большевистский эксперимент в целом. Таким образом, она (эмиграция) получала, казалось бы, самый настоящий "козырный туз" в руки – возможность реванша, еще один политический шанс.

Но..... Этот слух–желание просуществовал всего лишь к апрелю 1925 г., когда эмиграции стало понятно, что в борьбе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым побеждает Сталин. Окончательно его похоронило начало периода "смены вех", когда часть эмиграции решила на возвращение в СССР, "окрыленная" информацией одостижениях "новой экономической политики", в первую очередь, курсом "Советов" на ликвидацию безграмотности и безработицы.

Понять мотивы "возвращенцев" (психологический фактор) вполне возможно. Чехословацкий рынок труда активно защищался от пришельцев, не были регулярными выплаты "Российской вспомогательной акции". А ведь прожиточный минимум русского, украинского и белорусского эмигранта в 1923 г. составлял всего 1000 чехословацких крон в месяц. И это при условии, что пара ботинок стоила от 80 до 180 крон, костюм – 200–800 крон, пальто – 250–700 крон, мужская рубашка – 35–100 крон, проезд в трамвае – 1–3 кроны [7, с. 126]. Надо отметить, что соотношение чехословацкой кроны к американскому доллару в 1923–1933 гг. составляло 100:2,96. То есть, сто чехословацких крон равнялось двум долларам девяносто шести центам [8, с. 45]. Таким образом, месячный прожиточный минимум белорусского, украинского и русского эмигранта в ЧСР в 1923–1933 гг. составлял 29 долларов 60 центов. Эмиграция, фактически, жила впроголодь, была раздета и разута, не имела домашнего очага и стабильного заработка.

Слухи–пугала – это слухи, несущие и вызывающие выраженные эмоционально негативные, пугающие настроения и состояния, отражающие некоторые актуальные, но нежелательные ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются. В среде пражских украинцев, россиян и белорусов таким слухом были возможные политические репрессии по отношению к "возвращенцам" или же оставшимся в Советском Союзе родственникам. Слух был настолько устойчив и живуч, что по этой причине эмиграция старалась не быстро афишировать свое пребывание "за кордоном". По этой же причине она (эмиграция) была осторожна в своих воспоминаниях, документации и архивах.

Рациональное зерно в "эмигрантской боязни" репрессий, конечно же, было. Для обеспечения стабильности своего культа, Сталин поддерживал в обществе атмо-

сферу страха. С этой целью организовывались судебные процессы над интеллигенцией, мифическими "вредителями", "шпионами" и "врагами народа". Устроители судебных спектаклей преследовали и более масштабную цель: сгустить в стране атмосферу недоверия и подозрительности. Ведь в таком случае, народ становился более управляем. Так, И.В.Сталин в 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) заявил, что "по мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться". Максим Горький в 1930 г. дополнил этот тезис фразой: "Если враг не сдаётся – его уничтожают".

Часто в дневниках или путевых заметках пражских украинцев, белорусов и россиян, (как профессуры, так и студентов), отмечается увиденное, услышанное, пережитое:

"... Нам було тяжко, неймовірно тяжко від усього, в першу чергу від самого отакого емігрантського життя!!!! Але ми студенти, не пропускали жодної нагоди, щоб подивитись на щось нове, мати свою думку, вдумайтесь, свою думку, яку нам вдома заборонялося і забороняється мати!..... В Празі гостював Український хор Олександра Кошиця. Це було чудо гармонії і краси голосів, виняткова злагожденість. Бувало, Кошиць стоїть із закладеними назад руками, а хор звучить. Після концерту вся публіка ринула до сцени з оплескам, що переходили в овацію. Сам великий знавець музики професор Зденек Неєдлі був в нечуваному захопленні. Іншим разом ми бігали усі на Слов'янський острів, тобто на Жофін, де вперше з'явилась платівка (грампластинка) і професор-спеціаліст з питань радіо давав нам усім пояснення. Це було неабияке диво, якого ми неминуче були б позбавлені вдома. Згодом до Праги прибув Шалаяпін. Квитки на концерт дорогі. Треба було обов'язково купувати книжечку з репертуаром пісень, які він співав. Зі сцени Шалаяпін називав сторінки збірника і коли шелест сторінок затихав, він співав. Співав також Баттістіні та інші вокалісти, виступав італійський диригент Молінарі, йшли концерти чеського скрипаля Коцяна та інших. Приїздив з Індії знаменитий Рабіндранат Тагор і виступав на сцені Громадського дому, не стільки декламуючи, скільки співаючи свої поезії. Нас, студентів Академії (Академії мистецтв) хвилювала конференція архітекторів, у якій брали участь люди світової слави - німці Вальтер Гропіус і Адольф Лозе, француз ЛеКорбюзьє і чеські конструкторівистів....." [9, с.286].

Агрессивные слухи – слухи, не просто вызывающие выраженные эмоционально негативные настроения и состояния, а и отражающие некоторые актуальные нежелательные ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются, конкретно направленные на стимулирование агрессивного эмоционального состояния и

вполне определенного поведенческого "ответа", жестко-агрессивного действия.

Так, весной 1923 г. среди эмигрантов в ЧСР (и не только в этой стране) начали распространяться слух о заговоре в Кавказской армии. Москва поспешила развеять эти слухи, официально заявив, что "заговор был, но среди младшего комсостава из донских и кубанских казачков". Через год, в феврале 1924 г., вновь заговорили о заговоре и возможном военном перевороте в Советской России. В качестве лидера военной оппозиции действующей власти чаще всего называли Михаила Тухачевского. Эти разговоры эмигрантов можно было бы оставить без внимания, если бы сам Тухачевский не стал главным фигурантом оперативного дела Особого отдела Западного фронта под № 218, на обложке которого было написано его название: "Теплая компания".

Оперативное дело "Теплая компания" было начато 14 октября 1922 г. Основные фигуранты: Михаил Тухачевский и начальник его штаба С.Меженинов. Оба подозревались в незаконном использовании народного имущества и во взяточничестве. Среди выдвинутых Михаилу Тухачевскому обвинений: прием разного рода подношений от подчиненных; использование продовольственных товаров из войсковых фондов; увеселительные мероприятия; огромная разница между расходами командующего Западного фронта и его официальной зарплатой и тому подобное. К тому же, Михаил Тухачевский конфликтовал с политорганами Красной Армии. Так, институт комиссаров он всегда считал "ненормальным наростом на шее армии, мешавшим управлять головой". Осенью 1923 г. он пошел на резкое обострение отношений с политработниками. Как следует из агентурной сводки Особого отдела Западного фронта от 12 октября 1923 г., Михаил Тухачевский намеревался выехать в Москву для личной встречи с Львом Троцким, перед которым хотел поставить вопрос ребром: он уходит с поста командующего фронтом или своих постов лишаются руководители политической работы на фронте. При этом военные чекисты не могли оценить степень лояльности военачальника к советской власти.

Чехословацкий украинский эмиграционный еженедельник "Новая Украина" уж очень лаконично и едко отреагировал на эту информацию:

"Що ми можемо сказати про Тухачевського? Тільки те, що "Сову видно по пір'ям", а "Соловейка пісні годують" [10, л. 3].

По информационному параметру, как помним, слухи подразделяются на: абсолютно недостоверные, просто недостоверные, достоверные и близкие к действительности. Так, например, за все, собственно, десятилетие Ве-

ликой депрессии (1929–1939 гг.), затронувшую промышленную Чехию и аграрную Словакию, в среде белорусской, украинской и русской диаспоры, особенно в 1929–1933 гг., в пик Депрессии, "в унисон" бытовал недостоверный слух о конце света [11, л. 11]. Слух этот был связан с известной нам кометой Галлея, которая еще с древнейших времен предвещала войны, стихийные бедствия, гибель урожая и эпидемии. Ожидая конца света, эмигранты были в ужасе, и комета подтверждала, казалось бы, все их опасения.

Если же говорить о сплетнях, то в эмиграционной среде Праги сплетни, как правило, затрагивали тех личностей, (не всегда выдающихся или примечательных, заметим к слову), кто просто имел "пунктик" – хобби или сознательно скрывал о себе информацию.

В 1923–1933 гг. "вся эмиграционная и неэмиграционная чехословацкая столица" знала кладоискателя – преподавателя Украинского высшего педагогического института имени М.Драгоманова – Григория Омельченка. Его успехи в кладоискательстве, как и сама личность преподавателя, обрастали не раз различными домыслами и сплетнями. "Не иначе, как фарт или нечистая сила помогают ему!" Когда как, собственно, биография у господина Омельченка была что ни на есть прозаическая. Кубанец, член Украинской радикально-демократической партии, преподавательский хлеб начал зарабатывать с 1915 г., когда возглавил две средние школы в станице Полтавской по приказу попечителя Кавказского учебного округа. С 1917 г. – член Кубанского законодательного совета и Кубанской Конститутанты. Ярый противник Деникина. После ареста деникинцами, был отпущен на поруки и отправлен за границу. В 1922 г. приехал в Прагу "с польских территорий" и стал студентом Украинского свободного университета; а с 1925 г. и до самых последних дней существования УВПИ проработал вузовским преподавателем. Григорий Омельченко в Драгомановском педагогическом возглавлял помимо прочего Экскурсионное Бюро с 1927–го по 1933–й гг. [12, л.2–5].

В ЧСР, собственно, Григория Омельченка больше всего интересовал замок Карлштейн – отреставрированная на то время бывшая резиденция короля Карла IV в 35–ти километрах от Праги. Карлштейн был примечателен сам по себе двумя историческими моментами: "газовой атакой" гуситов, в ходе которой, собственно, замок едва не был сдан в 1427 г., и наличием колодца – старинного памятника XIII века, глубиной 80 метров. Омельченко был почему-то твердо уверен в том, что колодец – врата в эдакую "пещеру Аладдина", поскольку из замка в 1436 г. император Сигизмунд, второй сына Карла IV, не успел вывезти внушительную часть сокровищ. Любимый Омельченком непривычный старинный меха-

низ выемки вводы в колодце не раз заставлял вздрагивать и креститься экскурсантов. Поэтому, в чешских "господах" (пабах), в душевных посиделках за бокалом "Staropramena" – еще одной психологической эмиграционной терапии – национальные общины даже устраивали тотализатор между собой, пытаясь угадать, осчастливит ли удача кладоискателя – чудака, собственно, в Карлштейне [13, л.14].

Но все вышесказанное, как говорится, "темная сторона" слухов и сплетен. Тогда как "светлая" заключается в том, что играя определенную роль в эмигрантском общении на уровне массовой обыденной психологии, слухи и сплетни имели полезные функции как минимум в нескольких аспектах.

Во-первых, они – возможность релаксации человека,

периодически устающего от подчас жестких норм официального общения.

Во-вторых, слухи и сплетни – "демонстративная канализация" протеста, неизбежно накапливающегося у людей в слишком жестко организованном обществе, коим выступала эмигрантская община.

В-третьих, слухи и сплетни создавали условия для реструктурирования эмоциональной сферы самых эмигрантов (избавление от одних эмоций и приобретение других).

Таким образом, из "одномерного" человека, благодаря неформальным массовым информационным процессам (слухам и сплетням) в 1920-х–1930-х гг., пражский эмигрант превращался в относительно "многомерного".

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбатов Д.С. Психология слухов и сплетен. СПб.: Речь, 2012. 233с.
2. Горбатов Д.С. Сплетничество как социально-психологический феномен // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С.64–72.
3. Русско-немецкий авторский проект. Слухи в России XX в. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://histseme.ru/articles/44-sluhi-v-rossii-hh-v.html>
4. Капферер Жан-Ноэль. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда /пер. с англ. Е.В.Виноградовой; под общ.ред. В.Н.Домнина. М.: Вершина, 2007. 448 с.
5. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. М.: Спектр. 3-е изд., 2002. 637с.
6. Аврус А. И. От Хвалынска до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В.М.Чернова. Саратов: Изд-во. Саратов. у-та, 2013. 300 с.
7. Ковалев М.В. Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920-е–1930-е годы: исторические очерки. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т имени Ю.А.Гагарина, 2014. 154с.
8. Зубко О. Створення та діяльність Українського вищого педагогічного інституту ім. М.Драгоманова в Празі (1923–1933рр.): дис. канд. іст. наук. 09.00.12. Київ, 2010. 224с.
9. Касян В. З мого життя // "Хроніка – 2000". Український культурологічний альманах. "Україна-Чехія". Ч.ІІ. Випуск. 29–30. Рік видання VIII. Київ, 1999. Фонд сприяння розвитку мистецтв України. С. 253–290.
10. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины в г.Киеве (ЦГАВОВ Украины). Ф. 3865. Оп. 1. Д. 1.
11. ЦГАВОВ Украины в г.Киеве. Ф. 3801. Оп. 1. Д. 305.
12. ЦГАВОВ Украины в г.Киеве. Ф. 3972. Оп. 1. Д. 274
13. ЦГАВОВ Украины в г.Киеве.Ф. 3563. Оп. 1. Д. 240.

© О.Е. Зубко, А.Ю. Суслов, (zubko1975@rambler.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

"Ни о чем не думает лишь тот,
кто ничего не читает."
Д.Дидро

Реклама

М.Ф. ДЕ-ПУЛЕ - РЕДАКТОР "ВИЛЕНСКОГО ВЕСТНИКА"

M.F. DE-POULET - THE EDITOR OF "VILENSKY VESTNIK" NEWSPAPER

A. Kotov

Annotation

The article is devoted to the most important page of journalistic activities of M.F. De-Poulet, who had become an editor of "Vilensky Vestnik" newspaper in 1867. During this period, the newspaper stepped into controversy with nationalistic press, which accused E.T. Baranov's administration in sabotage of the russification of the North-West region of Russian Empire. Underlining its ideological proximity to Katkov's "bureaucratic nationalism", De-Poulet championed his concept of "russification", which did not affect the religious sentiments of national minorities of Empire.

Keywords: De-Poulet, Katkov, Aksakov, Koyalovich, conservatism, nationalism, slavophilism.

Котов Александр Эдуардович

*К.ист.н., доцент Государственного
университета морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова, С.-Петербург*

Аннотация

Статья посвящена наиболее яркой странице публицистической деятельности М.Ф. Де-Пуле, в 1867 г. ставшего редактором газеты "Виленский вестник". В этот период газета ступила в полемику с изданиями "русского направления", упрекавшими администрацию Э.Т. Баранова в саботаже русификации Северо-Западного края. Подчеркивая свою идейную близость к катковскому "бюрократическому национализму", Де-Пуле отстаивал свою концепцию "обрусения", не затрагивавшую религиозных чувств инородческого населения окраин.

Ключевые слова:

Де-Пуле, Катков, Аксаков, Коялович, консерватизм, национализм, славянофилизм.

Михаил Федорович Де-Пуле (1822–1885) – довольно известный в свое время воронежский просветитель и публицист "катковского направления", – остался в истории русской литературы как биограф поэтов Кольцова и Никитина. Его политическая публицистика была довольно быстро забыта, заслоненная от позднейшего поколения монументальными фигурами Достоевского, Каткова, Соловьева и Леонтьева. Лишало её колорита и стремление "воронежского француза" к объективности и примирению различных борющихся в пореформенной России партий – "русской" и "польской", "либеральной" и "консервативной".

Еще в воронежский период своей биографии Де-Пуле сотрудничал в либеральных периодических изданиях – "Русском слове", "Атенее" и других. В начале 1860-х гг. он публиковался в аксаковском "Дне", редактировал "Воронежские губернские ведомости", пытался выпускать свой журнал – "Воронежскую беседу". В 1865 г. Михаил Федорович перебрался в Вильно, где стал инспектором тамошней классической гимназии и сотрудником, а затем и редактором местного официоза – "Виленского вестника". В большинстве справочных изданий указано, что он занимал эту должность в 1865–1868 гг. Это не совсем так. Весь 1865 г. "Виленский дневник" выпускался

прежним редактором – поляком А.Г. Киркором, и лишь в ноябре там появилось объявление о подписке на 1866 г., в котором был указан новый состав редакции: А. Забелин, П. Рощин и М. Де-Пуле. Однако с двадцать второго номера ежедневной на тот момент газеты имя Де-Пуле со страниц исчезает. А.И. Забелин редактирует газету в духе чистого "русского направления", в упрощенном виде пересказывая основные идеи И.С. Аксакова. На её страницах постоянно обличаются "польская интрига" и "польский катехизис", резко осуждается нетерпимость католиков не только по отношению к православным, но и к собственным диссидентам–протестантам. Лишь в ноябре на первой странице "Виленского вестника" появилось объявление, сообщавшее о переходе газеты под редакцию М.Ф. Де-Пуле и о том, что "новая редакция не водружает никакого нового знамени. Знамя ее старое, многовековое: здешний край – искони русский; здешняя газета должна быть вполне русской; русское литературное слово призывается к великому делу обрусения края" [2]. И лишь 15 декабря новый редактор решился посвятить свою передовицу главному интересовавшему его вопросу – русификации Северо-Западного края. Однако пока он не стал раскрывать своих взглядов, ограничившись лишь указанием на целесообразность соблюдения осторожности в столь важном деле [20].

Издание "Виленского вестника" в 1867 г. – пожалуй, самая яркая страничка в публицистической биографии Де-Пуле. Позже Михаил Федорович вспоминал, что "прибыл в этот город в самом начале 1866 г., когда главное дело – усмирение мятежа и надел крестьян землю, – было давно покончено; оставались частности, подробности; предстояла деятельность спокойная, культурная, умиротворяющая. Но вместо этого пришлось встретить вражду самую жгучую, видеть явления диковинные!" [22, с. II] Первым оппонентом "Виленского вестника" стала, разумеется, "Весть" – видевшая в начатой еще Муравьевым "народной" политике опасные демократические тенденции. Отвечая на статью польского помещика, критиковавшего на страницах "Вести" деятельность мировых посредников, Де-Пуле в одном из первых же номеров своей газеты вполне по-катковски обвинил оппонента в неискренности стремления стать русским дворянином [3]. Но критикой "Вести" во второй половине 1860-х гг. было уже никого не удивить. Свою уникальную нишу Де-Пуле нащупал, заговорив о теории и методологии проводившегося в Северо-Западном крае "обрусения". Поднят был этот вопрос в связи с вопросом еврейским. В одной из январских передовиц Де-Пуле отметил, что "так называемый "еврейский вопрос" давно порешен и покончен почти всеми правительствами Европы; дарование евреям гражданских прав послужило ключом для его разрешения и единственным средством для объединения израильского племени с теми народами, среди которых оно живет".

Однако в России, по его мнению, этот вопрос еще не был исчерпан, т.к. отечественные "юдофобы" обыкновенно ставили его на ложную основу – религиозную.

Подобно М.Н. Каткову, Михаил Федорович видел в русском еврействе союзника в борьбе с "полонизмом": "Наши юдофобы не обращают ни малейшего внимания на тот факт, что евреи, живущие в Западной России, не ополячены [...] Эта масса осуждается некоторыми на окончательную погибель; ей отказывают во всем, даже в преданности к русскому правительству и к русскому отечеству, – что уже положительная клевета. Но не говоря о массе, [...] не доверяют даже передовым, вышедшим из нее людям, по-русски образованным, всему русскому преданым, которым не сочувствовать было бы невозможно, ибо они желают действовать под одним с нами знаменем – обрусения". Вполне катковским был и рецепт предлагавшегося Де-Пуле "окончательного решения" вопроса: "Распространение русского языка и русского образования между евреями, нравственная поддержка тех из них, на помощь которых мы можем рассчитывать в этом деле, – вот главнейшие интеллигентные средства, которыми только и разрешается "еврейский вопрос". [...] Евреи должны обрусеть непременно и надолго должны оставаться в здешнем крае, где сама история свила для них крепкое гнездо" [4].

После этой публикации на "Виленский вестник" обрушились практически все периодические издания "русского направления". Во многом спровоцировал их сам редактор, упрекнув в антисемитизме прежнюю, забелинскую, редакцию своей газеты. На обвинения столичных газет Де-Пуле старался реагировать с юмором: "В некоторых корреспонденциях назад тому три месяца нашу газету называли еврейскою и нас, без сомнения, крепко обвиняли в юдаизме, как теперь, не стесняясь, обвиняют в полонизме. Но как согласить совмещение в одном лице, или в лицах известного направления, таких противоположных и враждебных начал, как юдаизм и полонизм? [...] И чем наиболее и чем скорее проникаются эти лица – полонизмом или юдаизмом? Нам кажется прежде всего удобнее и всего скорее проникнуться полонизмом, а потом уже юдаизмом; но как же с нами случилось наоборот? Предлагаем эти вопросы на разрешение корреспондента "Голоса" [15].

Не менее актуальным был в Северо-Западном крае польский вопрос. И здесь у Де-Пуле обнаружились весьма серьезные расхождения с М.Н. Катковым. Редактор "Виленского вестника" решительно отрицал существование "польской интриги" и отказывался считать её "блудливую руку" сколько-нибудь значительной угрозой русскому влиянию в Северо-Западном крае: "В ней самой нет внутренней силы, она – сила только здесь, в Северо-Западном крае, до тех пор сила, пока бессилие всё, ее окружающее. Стань на место нашего бессилия наша русская цивилизация, – польская не долго выдержит борьбу: ополчение сделается невыносимым и скоро исчезнет". Однако утверждая, что "обрусение для поляков и евреев обязательно", Де-Пуле вновь "возвращался" в катковский "лагерь" [5].

Русификация по Де-Пуле должна было носить прежде всего гражданско-политический характер: "И закон мои-сеев, и тем более, католический закон, как христианский, и к нам ближайший, не мешают отдельному человеку обрусеть, сделаться русским, не претендуя на полноту этого понятия". Впрочем, тут же публицист оговаривался: "Обрусеть значит если не полюбить всё русское от души и сердца, то проникнуться к нему полным уважением, воспринять, насколько это возможно, влияние тех начал, которых хотя и нет в той или другой племенной жизни, но которые положены в основу жизни государственной и присущи господствующей народности. Русский иноверец обязан уважением к православию как к религии, которую исповедует господствующее племя, к которому принадлежит и он. Русский иноверец не принуждается быть православным; но чем более он желает быть русским, тем более он должен понимать – из каких начал сложилась русская народность. [...] То же можно сказать и о других "началах русской народности", которых нет в племенах, подлежащих обрусению: все дело в дружелюбном или во враждебном к ним отношении..." Завершалась первая

посвященная "обрусению" передовица Де-Пуле следующим утверждением: "Путь обрусения есть путь цивилизации и ведет непременно к миру, – и с самим собою, и со всем русским, а не ко вражде" [5].

Заявленное с самого начала "невнимание" "Виленского вестника" к вероисповедному вопросу не могло не возмутить И.С. Аксакова – и следующую редакционную статью Михаил Федорович посвятил тщетным попыткам успокоить Ивана Сергеевича: "Очень жаль, что новая газета "Москва" поспешила разразиться над нами своей диатрибой, остановившись на одном только №1 "Виленского вестника" и не выслушав до конца, что мы скажем". Здесь Де-Пуле впервые высказал мысль о необходимости различных этапов русификации: "О полнейшем обрусении мы не сказали ни слова. [...] Разные, конечно, бывают степени обрусения; полнейшее наступает только тогда, когда ассимиляция закончит свое дело и субъект, подлежащий ей, перестает быть обруселым поляком, евреем, татаринном и пр., а становится вполне русским". При этом, по мнению Де-Пуле, "прирожденный русский человек, будучи иноверцем, остается вполне русским человеком и не нуждается в обрусении" [6].

Последний тезис очевидно является диаметральной противоположностью позднейшим "прозрениям" К.Н. Леонтьева, озвученным в переписке с В.В. Розановым: "русское царство, населенное православными немцами, православными поляками, православными татарами и даже отчасти православными евреями, при численном преобладании православных [...], и русское царство, состоящее, сверх коренных русских, из множества обруселых протестантов, обруселых католиков, обруселых татар и евреев" [23, с. 110–111]. Однако Де-Пуле сопровождал свои "антилеонтьевские" тезисы соответствующими оговорками: "Мы должны от всего сердца желать как можно больше миссионерских подвигов в местном православном духовенстве, должны поддерживать в нем эти подвиги; но там где еще нельзя рассчитывать на успех борьбы, там религиозная нетерпимость с нашей стороны более, чем бесполезна. Уничтожьте, повторяем, во враждебных нам началах вредоносную силу, – и тогда нечего будет бояться". "Чуждое" России католичество также можно было путем русификации лишить "вредоносной силы" – и здесь Де-Пуле, по собственному утверждению "принадлежал всегда к числу партизанов (т.е. членов партии – А.К.) "Московских ведомостей"" [18].

В одном из последних своих номеров Де-Пуле сочувственно цитировал гиларовские "Современные известия", писавшие о вреде как отождествления церкви и государства, так и о вреде отождествления враждебной государству народности с какой-либо церковью: "Вред, неминуемо сопряженный с подобною системой, очевиден. Однако эта система нашла себе применение у нас. [...] Польская партия всячески старалась о недопущении в

костелы языка русского, в чем ей со стороны русской власти способствовал какой-то непонятный страх за православие, для которого считалось опасным употребление русского языка в иноверческих церквах. [...] Таким образом, [...] правительство как бы само способствовало ополчению русского народа в западном крае, не допуская для него ни проповеди, ни катехизиса, ни молитвенников иначе, как на польском языке". И "Виленский вестник", и "Современные известия", и упоминающиеся в цитируемом тексте "Московские ведомости" были убеждены в том, что "упразднение польского вопроса невозможно без разобщения католицизма от полонизма через допущение русского языка в католической проповеди, молитвенниках и тех частях богослужения, где ныне употребляется язык польский; ибо латинский язык, употребляемый при литургии, для нас не опасен и притом составляет как бы догматическую принадлежность латинской церкви" [21].

В этот период на страницах "Московских ведомостей", "Москвы" и временно присоединившегося к "русскому направлению" "Голоса" всё чаще появляются корреспонденции из Северо-Западного края, указывающие на то, что администрация Э.Т. Баранова не стремится к русификации региона. Защищая местную власть, Де-Пуле утверждал: "Мы дорожим общественным мнением, насколько оно выражается в лучших органах нашей печати; мы еще не забыли, насколько обязан ему Западный край в последнюю смутную пору; в поддержке общественного мнения нуждались и всегда будут нуждаться русские люди, приходящие в край для великой работы его обрусения, для распространения в нём основных начал русской жизни. Общественное мнение упрекает этих рабочих в молчании, от которого будто бы край застилается туманом. Упрек несправедливый, ибо работа идет молча" [9]. Разумеется, сам "Виленский вестник" в меру своих сил пытался эту работу освещать. Обсуждались на страницах газеты и проблемы распространения русского землевладения в крае, неоднократно указывалось на необходимость его скорейшего соединения железными дорогами с центральной Россией [7], много говорилось о вопросах образования – тем более, что в силу своего рода деятельности Де-Пуле был специалистом в этом вопросе и с полным правом мог утверждать, что "после крестьянского, русским по преимуществу делом в Северо-Западном крае должно быть учебное" [11]. Неоднократно публиковавшийся в катковских изданиях М.Ф. Де-Пуле постоянно подчеркивал, что в этой сфере он также является "партизаном "Московских ведомостей"" [19]. Те же вопросы, в которых он не разделял убеждений Каткова – например, в вопросе о классических языках, – Михаил Федорович на страницах "Виленского вестника" обходил молчанием.

В целом сложившуюся в Северо-Западном крае общественную атмосферу Де-Пуле характеризовал как

весьма неоднозначную: "Край ведь и ополячен, и обрусен вместе, т.е. представляет такую нравственную физиономию, такую физиологическую помесь, удовлетвориться которой не может ни народное чувство, ни государственный интерес: нет ничего (или так мало) цельного, полного, органически типичного!" В подобной ситуации "русский деятель в крае и чиновник еще долго будут понятиями синонимическими" [14]. Жалобы виленских корреспондентов столичных изданий на различные чиновничьи злоупотребления были для "Виленского вестника" поводом заявить: "Но ведь русский чиновник есть вместе и русский человек, первая, вызванная правительством, сила для обрусения, от которого вы, как говорите, не прочь" [13]. С легкой руки Каткова, во время польского мятежа 1863 г. обвинявшего бюрократию в государственной измене, столичная печать "русского направления" всё чаще обвиняла в ней же местное чиновничество. На страницах "Виленского вестника" Де-Пуле тщетно пытался затронуть сентиментальные струны некогда романтической души "московского громовержца": "В сочувствии мы все здесь нуждаемся. [...] Пора нам перестать играть в "измену" и считать самих себя уже из рук вон простаками. Не радостна и без того, без этих намеков и оскорблений, жизнь "виленского деятеля", прибывшего сюда с востока. Вильна Капуей может показаться разве обитателям чердачных подвалов. Проститься с этой Капуей – для многих заветная мечта. Борьба всех родов и подозревающие, оскорбительного свойства крики лишь ускоряют осуществление этой мечты; удерживает, дает устоять, поднимает силы лишь вера [...], доверие к людям [...]. Нет, Вильна не Капуя и виленские русские, если только они не успокаиваются на "белоруссизме", еще долго будут нуждаться в нравственной поддержке и в сочувствии от русских Москвы, Петербурга, Харькова, Казани, – от всего русского востока, где колыбель, корень и рост нашей народности и гражданственности" [18].

Чем больше Де-Пуле защищал от нападок прессы местное чиновничество, тем рельефнее выступал на первый план главный враг и объект его критики – "новое литературное направление какого-то памфлетно-публицистического характера": "Этим направлением мы обязаны последнему польскому мятежу. Мы понимаем значение памфлета и допускаем обстоятельства, при которых он приносит несомненную пользу; но вводить памфлет в публицистику, в серьезные книги, и вместе с ним вносить в них то, чего не след бы и показывать, – об этом нельзя более и бесполезно умалчивать" [8]. Очевидно, полемика эта была для Михаила Фёдоровича вполне утомительна: "Наперед можно знать, даже не читая, о чем будут говорить корреспонденции из нашего края в "Вести", о чем в "Москве", "Голосе" и т.п." [12]. Однако безответственная критика нередко анонимных корреспондентов не оставляла ему возможности от молчаться: "Корреспондентская литература, обвиняя нас за всё про всё, создает для редактора газеты положение новое, еще не слыханное ни

в одной литературе: положение "фискаля", "прибыльщика". [...] Сама эта корреспондентская литература, ее вторжение в область публицистики, вавилонское пленение этой последней в некоторых органах нашей печати, – все это невозможно нигде, ни в одной литературе, ибо все это не продукт широкой гласности, не свободы печати, не знания дела, не государственной и экономической мудрости. [...] Все, что было говорено нами, т.е. все наши основные взгляды на русское дело в крае, на обрусение, еще недавно разделялись теми же органами печати, которые принимают теперь на свои страницы направленные против нас корреспонденции" [16].

Течение полемики с изданиями "русского направления" уносило Де-Пуле всё дальше от националистических берегов. В феврале 1867 г. он вступил в полемику с М.О. Кояловичем. Этот выдающийся историк-славянофил со страниц аксаковской "Москвы" обвинил "Виленский вестник" в полонофильстве и пренебрежении интересами этнических русских. В ответ на это Михаил Фёдорович вспомнил о статье Кояловича, вышедшей на страницах "Виленского вестника" при прежней, забелинской редакции – летом 1866 г. Статья эта, "Московские ведомости" и Западная Россия", заслуживает отдельного рассмотрения. Она была направлена против катковской концепции русификации католичества, адептом которой считал себя и Де-Пуле.

Коялович отмечал, что после закрытия аксаковского "Дня" в стране установился "деспотизм фальшивейших мнений и нигде в России это так не почувствовалось, как в Западной России", где "нет русского общества и не скоро оно будет, здесь нет общественных изданий и долгое время они еще не будут возможны". "Московские ведомости", по мнению Кояловича, сыграли большую роль во время мятежа 1863 г. Однако после подавления последнего "идеи примирения, компромиссов, легких, деликатных ассимиляций стали носиться в общественной атмосфере и западать в разные головы. Как ни странно казались эти идеи западно-русским людям, но как идеи, казались гуманные, добрые заставили призадуматься многих. "Московские ведомости" не задумывались ни минуты, и с такой же смелостью перешли к внутренним западно-русским вопросам, с какою брались за политические и общегосударственные, забывая, что для последних и наука, и жизнь сделали много, а для первых почти ничего". Высказанные катковской газетой "с авторитетным незнанием дела" "невероятные вещи об отделении народности от веры" стали возможны в силу ряда особенностей "Московских ведомостей", "не совместимых с западно-русской жизнью". Историк утверждал, что "Московские ведомости", кроме политической и гражданской специальности, обладают еще одной специальностью, так сказать, интеллигентною. Интеллигенция у них единственный конек, на котором они ездят в политику и государственность. Народ у них.... что такое народ у

"Московских ведомостей"? Что-то такое, чего "Московские ведомости" не знают, и не зная, не желают знать". Катковский же тезис о том, что "для разрешения западно-русского вопроса народ не нужен, а нужна интеллигенция" Коялович воспринимал как "нечестивые слова", которые ему хотелось бы "выжечь" [1].

Де-Пуле в ответ выразил сожаление, что "в авторе статьи исчез литератор под непривлекательным образом памфлетиста" и поспешил "успокоить почтенного археолога": "о предоставлении всех русских прав начинающим русеть мы не сказали ни полслова, хотя, полагаем, должны будем и здесь разойтись во взглядах с г. Кояловичем; не говорили, если не ошибаюсь, об этих правах и "Московские ведомости"". На приведенные же выше опасения Кояловича виленский публицист ответил личным выпадом: "автор, сильный, может быть, в своей науке, слаб в понимании жизни. Легко говорить разные хорошие и устрашающие фразы; легко выжигать гусиным пером нечестивые слова своих литературных соперников; еще легче сочинять теории и по ним выкраивать жизнь; легко даже издеваться над болезнями века: но как трудно, вдаваясь в философию или увлекаясь юмором, что иногда выходит одно и то же, сохранить в себе смысл понимания жизни и человеческое чувство" [8].

Всё больше увлекаясь полемикой, в дальнейшем Де-Пуле направил свои выпады уже против редакции "Москвы", ударив, пожалуй, в самое её болезненное место: ""Москва" представляет странную двойственность: с одной стороны она тянет старую песню, толкуя о давно решенном вопросе о "народности"; с другой, как ежедневная политическая газета, обязанная обсуждать насущные вопросы минуты, она вдается в беспрестанные промахи. Старое знамя выпадает из ее рук, нового она себе еще не выбрала". Де-Пуле отмечал прежние заслуги славянофилов и "плодотворную деятельность" предыдущей газеты И.С. Аксакова, в которой, по его мнению, было сказано "последнее слово о народности". Теперь же "последнему из отцов" славянофильства оставалось "сидеть на задах и отодвигаться от нетерпящих отлагательства требований жизни" [10].

Разумеется, переубедить И.С. Аксакова "Виленскому вестнику" было не под силу. Михаилу Федоровичу оставалось смириться с тем, что "нас "Москва" не возлюбила с самого начала и до сих пор продолжает относиться к нам враждебно. Не могли и мы платить ей приятию, не могли не относиться к ней полемически, тем более, что в ней постоянно появлялись самые бессодержательные корреспонденции, с большими, однако, претензиями на глубину и дидактичность". Не без доли обиды Де-Пуле напомнил, что и сам перебрался в Вильно во многом после призыва И.С. Аксакова – наряду с "Московскими ведомостями" "День" активно агитировал образованных провинциалов ехать в Польшу и Северо-Западный край "на разные

поприща деятельности, преимущественно же для деятельности "культурной"". Однако за целый год, прошедший с закрытия "Дня" и основания "Москвы" прошла "чуть не вечность". Напротив, для самого Де-Пуле это время прошло не зря: "два года в крае научили нас больше, чем обладает редакция. [...] Органическая деятельность, для которой требуются годы, разрушает многие иллюзии, сокрушает многие начала. Стоя лицом к лицу перед нею, мы уверены, что и такой стратег русских сил, как г. редактор "Москвы", оказался бы не полным ее выразителем". Несколько предвосхищая события, Михаил Федорович утверждал: "Органическая деятельность, например, положительно упраздняет "вопрос белорусский", который в своем извлечении (in abstracto) то же, что вопрос "украинский". [...] В здешнем крае один главный вопрос: русский. За ним следует вопрос вероисповедный и инородческий – еврейский и жмудско-литовский. Такова государственная, политическая постановка вопросов, а не этнографическая, не племенная, не лингвистическая: это не умаление, не унижение "белорусского" или "западно-русского" народа, а упразднение бесполезных иллюзий, – народ русский один, как одно русское государство. Простое, пассивное стояние подле дела суживает, конечно, взгляд: сосредотачиваясь на одном предмете, теряешь способность видеть далеко".

Таким образом, "Виленский вестник" позиционировал себя как защитника "тружеников от несправедливых нападков добросовестных, но не знающих подробностей дела органов печати и недобросовестных корреспондентов, которые обратились на них от разного рода служебных неудач, раздраженного самолюбия и иных нехороших побуждений, конечно, не известных в слишком далекой от нас Москве. Не поляков же мы защищали, а своих, русских тружеников, чиновников, как говорит теперь "Голос" со слов "Вести". [...] Были, есть и всегда будут враги дела, – все равно [...], свои или чужие, сознательные враги или бессознательные. Глубоко прискорбно то обстоятельство, что эти враги прежде всего нашли себе защиту и прибежище в газете, редактор которой так искренно желает блага краю и всегда отличался безупречной добросовестностью. Эти господа называют самих себя "деятелями". Мы и наша фракция, по их словам, "чиновники"; пусть и так! Чиновники, – т.е. только исполнители дела, не мудрствующие лукаво. [...] Они делают дело, а не "деятели", "деятели" только мутят, да уж слишком любят загребать жар чужими руками" [17].

Однако Вильна для Де-Пуле и в самом деле была не Капуей. В январе 1868 г. вышел последний под его редакцией номер "Виленского вестника", а затем бывший редактор направил свои "интеллигентные силы" в Петербург, на службу Главному управлению военно-учебных заведений. В 1870–1875 гг. он будет инспектором Полтавской военной гимназии, после чего выйдет в отставку в чине действительного статского советника и до конца

жизни (1885 г.) посвятит себя литературному труду. Однако своё пребывание в Северо-Западном крае он вспоминал еще долго, а к волновавшим его тогда вопросам

обращался и годы спустя – тем более, что газетная полемика 1867 г. подтолкнула его к более глубокому изучению польского вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виленский вестник. 1866. № 148.
2. Виленский вестник. 1867. № 2.
3. Виленский вестник. 1867. № 5.
4. Виленский вестник. 1867. № 9.
5. Виленский вестник. 1867. № 10.
6. Виленский вестник. 1867. № 15.
7. Виленский вестник. 1867. № 19.
8. Виленский вестник. 1867. № 22.
9. Виленский вестник. 1867. № 25.
10. Виленский вестник. 1867. № 34.
11. Виленский вестник. 1867. № 41.
12. Виленский вестник. 1867. № 49.
13. Виленский вестник. 1867. № 56.
14. Виленский вестник. 1867. № 99.
15. Виленский вестник. 1867. № 107.
16. Виленский вестник. 1867. № 119.
17. Виленский вестник. 1867. № 124.
18. Виленский вестник. 1867. № 138.
19. Виленский вестник. 1867. № 239.
20. Виленский вестник. 1867. № 265.
21. Виленский вестник. 1868. № 1.
22. Де-Пуле М.Ф. Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794–1797 гг. СПб.: Типография Майкова, 1871. 255 с.
23. В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев. Материалы неизданной книги "Литературные изгнанники". Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К. Н. Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014. 1182 с.

© А.Э. Котов, (akotov@inbox.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Экспо Профи

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**
ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩАЯ ВЫСТАВКА

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

РЕКЛАМА

Организована по инициативе губернатора Ивановской области М.А. Мена
Действует при поддержке Департамента экономического развития Ивановской области

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН СПОРТА, ЭТИМОЛОГИЯ ПОНЯТИЯ "СПОРТ" В РАЗЛИЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Круглов Владимир Викторович

Аспирант,

*каф. гражданского права и процесса
РЭУ им. Г.В. Плеханова*

PHENOMENON, ETYMOLOGY CONCEPT OF "SPORT" IN DIFFERENT HISTORICAL CONDITIONS

V. Kruglov

Annotation

The subject of the study is to sports as a special kind of activity, formed in different historical conditions of the development of civilization. The object of the study are the legal and other relations in the field of sports activities. The purpose of this paper is to analyze the sport as a social and cultural phenomenon and addressing the problem of understanding the essence of the concept of "sport" in different historical conditions. The author proved that different historical conditions contributed to the formation of Sports (from amateur to professional) and its individual species. The novelty of the research is to identify the key factors in the development of modern professional sports, systematization of normative legal acts that have a direct impact on labor relations in the sphere of sport. The authors concluded that in the present conditions in modern conditions not every sport believes its main outcome and purpose of health promotion and harmonious development of personality.

Keywords: sport, physical education, phenomenon, function, concept, content.

Аннотация

Предметом исследования является спорт как особый вид деятельности, сформировавшийся в различных исторических условиях развития цивилизации. Объектом исследования выступают правовые и иные отношения в сфере спортивной деятельности. Цель данной работы заключается в анализе спорта как социокультурного феномена и рассмотрении проблемы понимания сущности понятия "спорт" в различных исторических условиях. Автором обосновано, что различные исторические условия способствовали формированию сферы спорта (от любительского до профессионального) и его отдельных видов. Новизна проведенного исследования заключается в выявлении основных факторов развития современного профессионального спорта, систематизации нормативных правовых актов, оказывающих непосредственное влияние на сферу трудовых отношений в сфере спортивной деятельности. Автором сделан вывод о том, что в современных условиях далеко не всякий спорт полагает своим главным итогом и целью укрепление здоровья и гармоничное развитие личности.

Ключевые слова:

Спорт, физкультура, явление, функция, понятие, содержание.

В современном глобализирующемся и информационно насыщенном мире спорт стал важным и полноправным компонентом социальной жизни общества. Сегодня крайне трудно представить нашу жизнь без тех или иных проявлений сферы спорта. И в этом аспекте в полной мере отражаются все реалии общественной жизни и личностных отношений: существующие закономерности и противоречия, борьба и конкуренция, поражения и победы, сотрудничество и соперничество, стремление к совершенству и достижению высших результатов в деятельности, а также удовлетворению собственных творческих интересов.

Необходимо отметить, что само содержание спорта, становление его отдельных видов и дисциплин, а также формы организации данного вида деятельности развивались под непосредственным влиянием экономических изменений (производственных и общественных отношений в сфере производства и науки), общественных отно-

шений (идеология и политика), сферы развития личности (педагогика и философия). Вместе с тем, в сфере спорта в специфически конкретных формах представлены такие феномены социальной жизни и психофизиологического развития личности как игра и труд, познание и общение.

Занятия физкультурой и спортом сегодня становятся все более привлекательными, особенно для молодого поколения – детей, подростков и юношей, – что отражается в их стремлении к самопознанию и самосовершенствованию, утверждению собственного "Я". В спорте же высших достижений полученные результаты спортсменов, их индивидуальный уровень физических, а часто и духовных способностей приобретает особое значение, становясь своеобразным эталоном человеческих возможностей.

В широком понимании спорт включает в себя ряд взаимосвязанных компонентов: собственно, соревновательную деятельность, процесс подготовки к достижениям в ней, а также специфические отношения и поведен-

ческие нормы, возникающие в процессе данного вида деятельности [7].

Проведенный анализ литературных источников, различных мнений и точек зрения исследователей позволил сделать вывод о том, что в узком понимании спорт следует рассматривать как социокультурный феномен, как собственно соревновательную деятельность и способ регламентированного противоборства, выявления, сопоставления и оценки человеческих возможностей в ней.

Сложно переоценить значение спорта в современной жизни человека и общества в целом. Занятия спортом удовлетворяют физические и духовные потребности индивидуума, влияют на человеческие отношения, развивают определенные потребности личности, обеспечивая тем самым ее всестороннее гармоническое развитие. Спорт выступает обширной областью самовыражения, проявления и формирования определенных человеческих способностей, дарований и таланта, способствует подготовке индивидуумов к процессу социализации и становлению как личности.

Среди важнейших функций спорта следует выделить эвристическо-достиженческую и соревновательно-эталонную.

Эвристическо-достиженческая функция спорта проявляется в том, что он оказывает опосредованное и непосредственное влияние на культурное и экономическое развитие общества, на образ жизни людей. Спорт является неким "испытательным стендом", на котором проверяются качества человека, экспериментальным путем определяются подходы к раскрытию его способностей.

Соревновательно-эталонная функция спорта представляет собой, собственно, соревновательную деятельность, связанную с максимальным выявлением, унифицированным сравнением и объективной оценкой определенных человеческих возможностей в процессе проведения различных состязаний, ориентированных на победу или достижение высокого спортивного результата (места в соревновании) [5].

Фиксируемые в спорте рекорды, достижения, выполнение классификационных норм приобретают широкое признание в обществе и служат своеобразным показателем индивидуальных и общечеловеческих возможностей – "спортивным эталоном", который, тем не менее, не остается неизменным, а постоянно изменяется – прогрессирует и улучшается, стимулируя тем самым мобилизацию усилий спортсмена на самосовершенствование и достижение все новых результатов. Несомненно, что эталонная подфункция наиболее ярко выражается в спорте высших достижений. Однако, она свойственна и массовому, общедоступному спорту через систему специально организованных соревнований (на региональном и местном уровне – районном, городском, школьном и т.п.).

С ростом популярности спорта и информационным развитием в сфере человеческих коммуникаций достижения в области спорта получают все более широкую общественную оценку и признание. Популярность спорта

обусловлена его гласностью и доступностью, зрелищностью, а также осознанием значимости достижений и эстетикой. Значимость спортивных достижений в современном обществе повышается в связи с тем, что их уровень в определенной мере отождествляется с уровнем развития культуры, государства и его социальной системы.

Необходимо отметить, что первые упоминания о спорте появились еще в Древнем Египте в третьем тысячелетии до нашей эры, о чем мы знаем из трудов греческого историка Геродота. Следующей по времени эпохой, где спорт присутствует как содержательная часть жизни общества, является эллинская античность. Одним из основных источников информации о спорте, как общественном явлении, являются не только сочинения историков, но и литературные памятники, к которым, в частности, можно в полной мере отнести поэмы Гомера "Илиада" и "Одиссея", из текста которых можно судить о том, что древние греки состязались в конных скачках, боксе, беге, стрельбе из лука.

В древней Греции в 776 г. до н.э. были впервые проведены крупнейшие спортивные соревнования – Олимпиады, которые носили массовый характер. С 660 г. до н.э. в Олимпийских играх участвовали все жители Греции, а с 620 г. до н.э. также и население греческих колоний. Именно в ту эпоху и сложился организационный канон олимпийских спортивных соревнований, хотя первоначально их участники состязались исключительно в индивидуальных видах спорта. Олимпийские игры проводились раз в четыре года, в очередной високосный год, а участвовать в них могли только свободнорожденные мужчины. Многие известные греки прославились на спортивном поприще: математик Пифагор был известен как кулачный боец, врач Гиппократ считался неплохим борцом и наездником, обладателями наград за спортивную доблесть были философы Платон и Сократ, драматурги Софокл и Еврипид.

В более поздние века идея Олимпийских игр распространилась на весь античный мир, в том числе и на Римскую империю. Всего с момента начала истории древних Олимпиад такие соревнования проводились 293 раза. Однако в 394 г. н.э. по приказу римского императора Феодосия I Олимпийские игры были запрещены как языческий обряд.

Тем не менее, игры за многовековой период своего развития сформировались как многофункциональный социокультурный феномен, имеющий определенную информационную значимость как для участников, так и для зрителей. В античную эпоху основным и практически единственным каналом распространения информации были устные коммуникации. В подобных условиях новости об итогах соревнований распространялись достаточно оперативно. Самым главным известием в такой информационной ситуации считалось имя победителя в той или иной олимпийской дисциплине. Звание чемпиона игр (олимпионика) считалось почетным, а человек, который

его завоевал, становился пожизненным обладателем титула. В честь чемпиона в Древней Греции, например, устанавливались статуи. Таким образом, повышалась общественная значимость проявленных конкретным индивидуумом усилий, а сами спортивные соревнования становились способом проявления предельных возможностей человека.

В европейской цивилизации в эпоху Средних веков спортивная деятельность носила, в основном, прикладной секуляризованный характер. С одной стороны, организовались состязания у правящего класса феодалов (например, рыцарские поединки), а с другой стороны, именно соответствующие тренировки, связанные с физической подготовкой тех, кто являлся профессиональным военным, обрели в это время систематический характер. Что же касается иных классов и групп, то выделим как один из самых популярных в крестьянской среде видов состязаний стрельбу из лука. Это нашло свое отражение в ряде литературных памятников эпохи, например, в английских поэтических балладах о Робин Гуде. В Средневековье в различных странах в обиход входит само слово "спорт", которое в тот период имеет развлекательную коннотацию.

Именно в Англии это слово приобрело то самое семантическое значение, которое носит и до сих пор. Однако спорт как род определенных занятий и упражнений развивался в истории человеческой цивилизации не только в Европе. Аналогичные процессы характеризовали развитие различных видов спортивной деятельности и на других континентах – в Азии, Америке, Африке – на протяжении многих веков. Именно структурированный и организованный характер состязаний, поединков, соревнований и т.п. позволяет фиксировать данный вид человеческой деятельности как многофакторный феномен.

В этой связи характерна парадигма развития спорта в эпоху Возрождения в Европе, когда в различных странах получают развитие и социальный статус вполне конкретные виды спортивных занятий. В Италии, например, в данную эпоху широкое распространение получила командная игра с мячом "кальчо", прообраз нынешнего футбола. В Венеции же были популярны гонки гондол. Нередко преимущественное развитие того или иного вида спорта определялось климатическими и географическими условиями в конкретной стране. Так, в Голландии ввиду сверхразвитой системы каналов, которые зимой замерзали и превращались в естественные ледяные катки, получило широкое распространение катание на коньках.

И хотя с началом Нового времени физическая культура сохранила свой кастовый характер, но постепенно спорт стал выделяться в ее структуре в особо организованную деятельность, связанную с конкретным видом и типом соревнований. Так, в 1604 г. в Англии состоялись так называемые "Английские олимпийские игры", представлявшие собой комплексные спортивные соревнования, проходившие по всей стране. А король Яков I издал труд под названием "Книга о спорте". Организационные

меры по институализации спорта как достойного и значимого вида человеческой деятельности получили в это время в английском королевстве и интеллектуальное теоретическое обеспечение в виде трактата философа Дж. Локка "Опыт о человеческом разуме", в котором автор обосновал особую теорию "физической культуры джентльменов". Именно в этом направлении в более позднее время и развивалась система так называемых "клубов для джентльменов", члены которых занимались разными видами спорта: верховой ездой, фехтованием, борьбой, греблей, плаванием на яхтах.

С начала XIX в. главными центрами развития спорта в Англии стали учебные заведения. При них возникали кружки любителей разных видов спорта. Студенчество становилось главным участником и зрителем организуемых состязаний. Например, в 1829 г. состоялось первое состязание лучших гребцов двух знаменитых английских университетов – Оксфордского и Кембриджского. В 1848 г. в Итонском колледже были организованы соревнования по легкой атлетике. В 1855 г. несколько команд Кембриджского университета организовали футбольный чемпионат. Иначе говоря, в этот период происходила структуризация спортивной деятельности, которая принимала все более упорядоченный характер в виде организованных соревнований. Аналогичные процессы происходили в позапрошлом веке и в других странах, где культивировались разные виды спорта, – США (бейсбол, американский футбол), Греция (легкая атлетика) и др.

Именно возникновение и широкое распространение спорта в середине XIX в. как социального и культурного явления с присущей ему соревновательной деятельностью стимулировало интерес к древнегреческим состязаниям, к утверждению олимпийской идеи. Массовое рождение различных видов спорта в европейских странах в то время не было случайным. Тройку лидеров составили Англия, Франция, Германия. Однако признанным лидером, как отмечает В.С. Якимович, все же была Англия [12, с. 26]. Недаром многие виды спорта именно в этой стране получили соответствующее институциональное оформление.

Новым этапом в развитии спорта стало возрождение Олимпийских игр античности как особого вида организации спортивных соревнований в современных условиях. Первый олимпийский конгресс, на котором было принято решение о возрождении игр, состоялся в Париже 16 июня 1894 г. Для координации всех усилий был учрежден Международный олимпийский комитет (МОК), в компетенцию которого входили все вопросы, связанные с олимпийским движением и организацией игр.

Это были новые спортивные состязания, новые игры, отличные от античных, хотя и имеющие прототип в древнегреческой истории. Преемственность с античностью сохранялась по функциональным признакам: и как особый вид соревновательной деятельности, направленной на достижение официального признания в обществе, и как определенная идея и система ценностей на новом

этапе развития цивилизации. Барон Пьер де Кубертен, один из инициаторов возрождения идей олимпизма, писал: "Эти возрожденные Олимпийские игры будут современными, очень современными..." [6]. В странах, которые вошли в олимпийское движение современности (в том числе и Россия), были образованы национальные олимпийские комитеты (НОК), принявшие на себя обязанности по организации соревнований и поддержке спортсменов.

Игры I Олимпиады проходили с 6 по 15 апреля 1896 г. в Афинах. Их открытие было приурочено к 75-й годовщине начала освободительной войны греков против турецкого господства. В них участвовали 285 спортсменов-мужчин из 13 стран мира. Уже на первых играх была принята традиция исполнять в честь чемпиона национальный гимн его страны и поднимать национальный флаг. Игры в Афинах стали ярким событием общественной жизни, их проведение и организация получили высокую оценку и имели большой резонанс.

В дальнейшем именно игры очередных Олимпиад становились новым этапом в системе организации соревнований, в том, какой характер и статус имели они в общем социальном контексте. Уже игры II Олимпиады в 1900 г. были приурочены к Всемирной промышленной выставке. Соответственно и III Олимпиада в Сент-Луисе (США) проводилась как развлекательный аттракцион на всемирной выставке. Была приурочена к франко-британской ярмарке в Лондоне и IV Олимпиада 1908 г. Все это происходило в силу контракта, подписанного МОК в целях получения инвестиций от коммерческих структур. Лишь перед Олимпиадой 1912 г. в г. Стокгольме (Швеция) контракт был расторгнут. Однако, вопрос коммерциализации олимпийского движения вновь возник в повестке дня после окончания Второй мировой войны.

Что же касается содержания олимпийских соревнований, то сами игры постоянно эволюционировали: расширялась их программа, дополнялись и изменялись правила проведения состязаний, менялись правила судейства, совершенствовалась спортивная форма, инвентарь и оборудование. Анализ спортивной статистики показывает, что постоянно увеличивалось как число спортсменов, участвовавших в играх, так и число стран, делегировавших своих граждан на соревнования. В соответствии с традициями олимпийских игр античности и с принятой в 1894 г. Олимпийской хартией был учрежден четырехлетний цикл подготовки игр, который получил наименование "Олимпиады". Именно этому циклу и присваивался очередной порядковый номер. Сами же игры завершали этот цикл и получали номер самой Олимпиады. Например, первые летние Олимпийские игры, которые состоялись после окончания Первой мировой войны в Антверпене в 1920 г., должны были именоваться следующим образом: "летние игры седьмой Олимпиады".

Рубеж XIX и XX вв. стал временем укрепления постоянно растущего авторитета олимпийского движения в сфере спорта и физической культуры. Динамичное раз-

витие международного олимпийского движения было прервано объективными трагическими обстоятельствами – началом Первой мировой войны. После ее окончания явно обозначилась тенденция увеличения роли Олимпийских игр в организации спорта и физической культуры по всему миру. Однако именно 20-е гг. XX в. характеризуются началом вмешательства политики как социального института в сферу спортивной деятельности. Характерным примером является отказ МОК в допуске на игры 1920 г. команд Германии и России по политическим мотивам. Далее история мирового спорта лишь увеличивала число подобных примеров, достаточно вспомнить бойкотирование игр в Москве (1980) и Лос-Анжелесе (1984) сначала рядом западных стран, а затем социалистическим лагерем, соответственно.

Сегодня наравне с олимпийским движением и периодическими соревнованиями по летним и зимним видам спорта широкое развитие получило проведение чемпионатов по отдельным видам спорта как в мировом, так и в региональном масштабах, а также по возрасту и статусу его участников – например, Чемпионат мира по футболу среди молодежи в возрасте до 20 лет (FIFA U-20 World Cup), Универсиада ("Всемирные студенческие игры" или "Всемирные университетские игры"), Параолимпийские игры (для людей с ограниченными возможностями), Шахматная олимпиада среди инвалидов по слуху и др.

Необходимо отметить, что в истории русской культуры первые сведения о спортивных состязаниях относятся к XI–XIII вв. Во многих литературных источниках можно обнаружить упоминания и сведения о кулачных боях – традиционной отечественной массовой забаве. Такие фрагменты присутствуют в древнерусских памятниках: "Повесть временных лет" (1068), "Кормчая митрополита Кирилла" (1274) и др.

Любопытный аспект подчеркнул историк спорта А.Б. Суник: "Наверное, ни в одной стране мира, где зарождался спорт, не было столь активных теоретических споров и дискуссий вокруг проблемы "Что есть спорт?", как в России" [10, с. 637].

Одно из первых определений спорта можно обнаружить в 1884 г. в "Скаковом листке русского спорта": англичане называют спортом всякого рода физические упражнения, требующие силы, мужества и ловкости, как например скачки, рысистые бега, гребные гонки, охота, рыбная ловля, езда на велосипедах, бокс, крокет и проч. Можно несколько иначе выразиться, а именно: под именем спорта подразумевается всякого рода охота, виды которой могут быть очень разнообразны. Это замечание тем более необходимо, что у нас спортсменами называют очень часто только охотников до скачек [11].

Как мы видим, спортивные специалисты на заре развития спорта в России действительно подводили под это понятие чрезвычайно широкую область занятий, так что оно, пожалуй, весьма близко подходило по значению к современному нам понятию "хобби" (впрочем, и сейчас спортом часто называют азартное увлечение каким-ли-

бо занятием). Лишь постепенно, в процессе развития, термин "спорт" приблизился к привычному для нас пониманию уже ближе к началу XX в.

В советское время происходит иной процесс – на первый план выходит уже другое понятие – "физическая культура", которое до этого лишь эпизодически употреблялось среди специалистов. Спорт как самоцель был объявлен чуждым для победившего класса явлением, он признавался лишь как элемент, метод и стимул физической культуры, как средство трудовой и боевой подготовки нового человека.

В первом же номере нового журнала "Красный спорт" (1924) была помещена статья, в которой Б. Кальпус, один из главных идеологов и организаторов советского спорта, раскрыл "классовое" понимание спорта и его связи с физкультурой, рассматривая под спортом особую систему физических упражнений, и, в первую очередь, определенное отношение к физическим, вернее психофизическим упражнениям самого занимающегося или занимающихся. По мнению исследователя, эти отношения характеризуются добровольностью занятий, интересом к ним, удовольствием физического и психического порядка от них получаемым. Наиболее характерными признаками спортивного отношения к подобным упражнениям являются соревновательные начала и сознательное стремление к достижению какой-нибудь определенной цели [9].

Автор подчеркивал, что спорт в том виде, в котором он "достался" молодой республике от буржуазии, требовал известного очищения и освобождения от приставших к нему налетов буржуазного происхождения: самоцели, индивидуализма, рекордомании, чемпионства, профессионализма и т.д. При этом Б. Кальпус отмечал, что большие возможности открывает спорт в условиях рабоче-крестьянского государства, где он самым тесным образом соприкасается с новым фронтом пролетарского творчества – с физкультурой.

Важно отметить, что уже позднее, в советские времена, понимание спорта имело. Согласно Большой советской энциклопедии (БСЭ) спорт представлял собой систему организации и проведения соревнований, и учебно-тренировочных занятий по различным комплексам физических упражнений, имея в качестве цели, наряду с укреплением здоровья и общим физическим развитием человека, также достижение высоких результатов и побед в состязаниях. Спорт при этом рассматривался не как отдельная сфера деятельности, а как составная часть общей физической культуры общества [4].

Однако и в советский период многим исследователям была очевидна ошибочность абсолютизации лишь одной (тем более – подчиненной) роли спорта – этого сложнейшего полифункционального социокультурного феномена. Предлагались самые различные толкования понятия, оно обсуждалось на многих конференциях, симпозиумах, конгрессах, некоторые из которых специально были посвящены уточнению терминологического аппарата, используемого в области физической культуры и спорта, но

окончательно разрешить все противоречия не удавалось. По поводу того, рассматривать ли спорт как составную часть физической культуры, разногласий было ничуть не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем относительно самого понятия "спорт" [9].

В 90-е гг. XX в., при смене формы государственного устройства в нашей стране, в условиях, когда правительство нового демократического государства отнюдь не было, мягко выражаясь, столь же серьезно, как прежняя тоталитарная власть, озабочено подготовкой своих граждан к труду и обороне, а, следовательно, – их физическим развитием и здоровьем, спорт еще более укрепил свои позиции в этом своеобразном споре. Во многом это произошло за счет одностороннего развития такой своей крайне далекой от целей физической культуры разновидности, как спорт высоких достижений. Однако полной независимости от физической культуры спорт так и не получил (по нашему мнению, такое и невозможно в принципе).

Навести формальный порядок во взаимоотношениях двух ключевых понятий уже в XXI в., в числе прочих задач, видимо, был призван Федеральный закон от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" [2]. В данном нормативном правовом акте проблема с определением понятия "спорт" решена достаточно интересно – авторы закона раскрывают значение спорта через атрибуцию его конкретно-исторических форм – видов спорта (видимо, справедливо рассудив, что это явления менее абстрактные, эмпирически более реальные и фиксируемые). Согласно законодательных подходов, спорт представляет собой сферу социально-культурной деятельности и совокупность видов спорта, сложившуюся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним [8].

В целом, можно констатировать, что это определение нельзя назвать всеобъемлющим и снимающим все вопросы, особенно в научном смысле. Так что достаточно обоснованного и эффективного определения понятия "спорта", полностью раскрывающего его содержание, в настоящее время в нормативных источниках так и нет. Но поскольку данная дефиниция зафиксирована в главном законе, регулирующем деятельность всех субъектов физической культуры и спорта в Российской Федерации, то в научных исследованиях и практике спортивной деятельности необходимо исходить именно из указанных подходов.

Что же касается темы соотношения спорта и физической культуры, обойденной законом "О физической культуре и спорте в Российской Федерации", то здесь можно обратиться к словам известного в нашей стране и в мире теоретика спорта В.И. Столярова [9], который подчеркивает, что спорт неразрывно связан с физической (соматической, телесной) культурой и включается в нее, но лишь в той мере, в какой:

♦ для него характерны социально сформированные умения и навыки выполнять соответствующие движения;

◆ он выступает как средство формирования определенных физических качеств человека, а также связанных с ними знаний, потребностей и т.д.

Важно отметить, что на протяжении долго времени спорт рассматривался как добровольная и непрофессиональная (любительская) сфера деятельности. Однако, выступая часто формально неоплачиваемой (не приносящей спортсмену постоянных материальных выгод) деятельностью даже во времена СССР, не говоря уже о современности, спортсмены являлись сотрудниками/работниками/служащими государственных организаций (например, общество "Динамо" – МВД, "ЦСКА" – Вооруженные Силы) или крупных организаций и трудовых коллективов (например, общества "Локомотив", "Трудовые резервы", "Металлург", "Металлист" и т.п.). Спортивная деятельность (по крайней мере в сфере спорта высших достижений) в настоящее время чаще всего осуществляется профессионалами, работающими в спортивных организациях на основе трудовых контрактов и в полной мере участвующих в специфических трудовых отношениях.

Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров нашли свое отражение в Главе 54.1 Трудового кодекса Российской Федерации [1], введенной в него Федеральным законом от 28 февраля 2008 года № 13-ФЗ "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации" [3].

Таким образом, в настоящее время спорт следует рассматривать в качестве полифункционального яв-

ления, рассчитанного на удовлетворение самых неоднородных потребностей человека и общества. Дифференциация спорта происходит под давлением возможностей и условий его культивирования в различных социальных средах, и он преобразовывается, чтобы быть полезным применительно к особенностям конкретной среды или ее отдельной сферы.

Современный спорт может означать много достаточно различных явлений: и ожесточенную борьбу элитных спортсменов на грани человеческих возможностей с использованием самых передовых научных достижений, и рекреационные виды физической активности вроде утренней зарядки, бега трусцой или езды на велосипеде, доступные практически каждому здоровому человеку, а также упражнения и соревнования, специально приспособленные для людей с ограниченными возможностями. Все это представляет собой современный спорт, который подчиняется самым разным принципам и законам, имеет разные функции и эффекты. При этом важно, что в современных условиях далеко не всякий спорт полагает своим главным итогом и целью укрепление здоровья и гармоничное развитие личности.

В связи с этим вопросы трудовых отношений в сфере спорта, соотношения физической и эмоциональной нагрузки на спортсмена с оплатой его труда, защита прав профессиональных спортсменов на различных этапах спортивной деятельности (как минимум, соревновательного и предсоревновательного периодов) вызывают несомненный интерес в научном сообществе и привлекают внимание все новых исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
2. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 03.11.2015) "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
3. Федеральный закон от 28.02.2008 № 13-ФЗ "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 9. – Ст. 812.
4. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bse2.ru>.
5. Красников, А.А. Общая теория спортивных соревнований: дисс... док. педагог. наук. – М., 2006. – 429 с.
6. Кубертен, П. Восстановление Олимпийских игр / П. Кубертен // Международное спортивное и олимпийское движение. – М. : Изд-во ЦООНТИ. ФиС, 1990. – № 7. – С. 52–53.
7. Кыласов, А.В. Спорт как социокультурный феномен эпохи глобализации : дисс... канд. культурологии. – М., 2010. – 181 с.
8. Спорт – Словарь финансовых и юридических терминов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/word/sport.
9. Столяров, В.И. Спорт и культура : методологический и теоретический аспект проблемы [Электронный ресурс] – Режим доступа: lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=722.
10. Суник, А.Б. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX вв. – М. : Советский спорт, 2004. – 764 с.
11. Холодов, Ж.К. Теория и методика физического воспитания и спорта / Ж.К. Холодов, В.С. Кузнецов. – М. : Издательский центр "Академия", 2010. – 408 с.
12. Якимович, В.С. Культура в мире спорта / В.С. Якимович. – М. : Советский спорт, 2006. – 164 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СИБИРСКОЙ ГЛУБИНКЕ В 1923-1930 гг. (на примере Ишимского округа Уральской области)

THE ACTIVITY OF THE SOVIET REPRESENTATIVE BODIES IN THE DEPTH OF SIBERIA IN 1923-1930 (on the example of the Ishim district in the Ural region)

N. Kudryavtsev

Annotation

The article reveals the main milestones of the Soviets' activity in the Ishim district of the Ural region in 1923–1930. It describes the process of creating, functioning of and electing to the Soviets, as well as the activities of the executive committees. The author emphasizes the idea that in the Ishim district there was undertaken a large-scale campaign for the elimination of the kulaks coupled with the pre-election events, as the result of which, the Soviets came under the particular attention of the Communist Party, whose task was to release the highest local authorities from the so-called class enemies.

Keywords: Siberia, Ishim, the Soviets, executive committees, representative power, collectivization, kulaks.

Кудрявцев Николай Викторович

К.ист.н., доцент,

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ

Аннотация

Статья раскрывает основные вехи истории деятельности Советов в Ишимском округе Уральской области в 1923–1930 годы. Освещается процесс создания, функционирования, выборов в Советы, а также деятельность исполнительных комитетов. Автором акцентируется внимание, что в Ишимском округе была развернута широкомасштабная кампания по ликвидации кулачества сопряженная с предвыборными мероприятиями, в результате чего, Советы попали под особое внимание компартии, перед которой стояла задача избавить высшие органы власти на местах от так называемых классовых врагов.

Ключевые слова:

Сибирь, Ишим, Советы, исполнительные комитеты, представительная власть, коллективизация, кулачество.

Постановлением ВЦИК от 3 ноября 1923 г. была образована Уральская область с центром в Екатеринбурге (с 1924 переименованного в Свердловск). В состав области вошли территории бывших Тюменской Пермской, Екатеринбургской и Челябинской губерний. Тогда же был образован Ишимский округ из территории бывшего Ишимского уезда Тюменской губернии [1, с. 9–10]. В состав округа вошло 14 районов: Абатский, Армизонский, Аромашевский, Бердюжский, Большесорокинский (с 1925 г. Сорокинский), Викуловский, Гольшмановский, Жилияковский, Ильинский, Ларинский, Петуховский, Сладковский, Усть-Ламенский (с 1926 г. Ламенский), Частоозёрский [4, л. 20].

Высшим органом власти на территории Ишимского округа стал Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, как того и требовала Конституция РСФСР 1918 года. В период между съездами Советов власть принадлежала Ишимскому окружному исполнительному комитету.

Первое заседание окружного съезда Советов в г. Ишиме состоялось 16–18 ноября 1923 года [2, л. 29]. Заседание открыл некогда председатель Ишимского

уездного исполнительного комитета Хованский. Открытие проходило в присутствии представителя из Тюмени – Бусыгина. На заседание съезда должно было явиться 133 делегата, из них с правом решающего голоса 127 и с правом совещательного – 6. Однако на съезде оказалось 117 делегатов, с решающим голосом из них было 112, с совещательным – 5. Среди делегатов, большинство было крестьян – 91 человек, рабочих было делегировано 16, а количество служащих составляло 10 человек. Членов РКП(б) насчитывалось 68, кандидатов – 5, а также присутствовал 1 член комсомольской организации (РКСМ). Количество беспартийных составляло 43 делегата. В состав президиума съезда было избрано 8 человек: Баландин, Бусыгин, Власов, Герчес, Молоков, Попков, Спизарский, Хованский. Председателем президиума Ишимско-гоокружного Совета был избран некто Попков [2, л. 30–34].

В числе вопросов, обозначенных на первом заседании съезда, значились: международное положение страны, отчетные доклады о работе уездного Ишимского исполкома и финансового отдела, выборы членов окружного исполнительного комитета, выборы делегатов на обла-

стной съезд Советов. Кроме того, в Ишимском окружном Совете была сформирована коммунистическая фракция, которая и определяла всю работу съездов [2, л. 30–35].

На местах в Ишимском округе, также были образованы Советы. Ишимский горсовет был избран в ноябре 1923 года. Однако в связи с выбытием из Ишима по разным причинам ответственных работников, горсовет до мая 1924 г. существовал лишь формально. В связи с этим, по постановлению третьей сессии окрисполкома и с разрешения Уральского облисполкома, Ишимский горсовет был переизбран 19 мая 1924 года. Первое заседание Пленума состоялось 20 мая, на котором был избран Президиум горсовета, председателем которого стал все тот же Попков. Первое заседание Президиума Ишимского горсовета состоялось 20 июля 1924 года. На нем в основном рассматривались вопросы, связанные с распределением обязанностей между членами Президиума, а также работой секций Совета [4, л. 7–7об].

В период коллективизации, членам и кандидатам в члены горсовета предлагалось поехать на постоянную работу в деревню. Однако из 80 членов и кандидатов, изъявили желание отправиться и улучшить состояние в деревнях только 4 человека. По этому поводу, 15 февраля 1930 г., в местной газете "Серп и молот", неким автором, который подписался как "В.М.", было опубликовано стихотворение, иронического содержания:

*"Ну кто бы мог предполагать,
Ну кто бы мог подумать это...
В колхоз путевка - напугать
Сумела членов Горсовета!
- В деревню! Что вы? Я - отвраб,
К тому-же... быт ее не знаю...
- А я... здоровьем крайне слаб...
Кхе, кхе!! Вот видите? Хвораю...
- Поверьте, этим кашлем мне
Отъезд в деревню затрудняется
Когда путёвка на столе -
У многих... кашель появляется"* [6, л. 2об].

В районах Советы создавались из представителей сельских Советов по принципу – 1 депутат на 1 тысячу жителей. Помимо Конституций СССР 1924 г. и РСФСР 1925 г., основополагающими нормативно-правовыми документами, изданными ВЦИК, регламентирующими принципы формирования и деятельность Советов были: Положение о городских Советах от 24 октября 1925 г., а также Положение о краевых (областных), окружных и районных съездах Советов и их исполнительных комитетах от 6 апреля 1928 года. В этих документах были продекларированы статус местных Советов, вопросы выборов, а также основные компетенции и полномочия. Так, в документах подчеркивалось, что к предметам ведения Советов относятся вопросы местного значения, обсуждение вопросов государственного значения, рассмотрение и обсуждение отчетов о деятельности учреждений,

находящихся на подведомственной территории, в том числе исполкома, а также вопросы выборов в исполнительные комитеты и делегатов на вышестоящие съезды [8]; [9].

Стоит отметить, что развернутая коллективизация в конце 1920-х гг., не могла не вызвать корыстный интерес у некоторых не чистых на руку членов местных Советов. Так, один из жителей деревни Полое Армизинского района, в феврале 1930 г. в ишимскую газету "Серп и молот" донес информацию, которая была опубликована в ближайшем номере:

"В 25 верстах от с. Армизонского затерялась д. Полое. Затерялась... потому-что действительно о ней забыли. Лишь изредка прозвонит колокольчик, возвещающий о приезде какого-либо уполномоченного (встретить свежую тишину). А в Полое спокойно живут замечательные люди, например: - председатель сельсовета, он же уполномоченный рика по проведению весенней посевкампании В. Мельников. Казалось-бы он должен руководить всей деревней и протекающей работой. Он и руководит... но в другую сторону. Имея двух жен, Мельников предлагает школьной сторожихе сожительство с ним, а за отказ угрожает: "Ты по моей милости занимаешь место сторожихи, -захочу, сниму". Несколько раз Мельников допускал такие вещи: во время раскулачивания забирал яйца, масло, домашнее печенье и др. продукты, а потом, собрав теплую компанию, все это поедал, запивая горькой. Несколько раз Мельников ночевал с пьяной компанией в помещении сельсовета и красного уголка, превращая эти учреждения в очаг разврата. Мельников держит в своих руках все и всех. Кто против него - тому не место в деревне. По моему, Мельникову не должно быть места в Совете и в рядах партии (куда он недавно пролез), такие люди не улучшают жизнь деревни" [6, л. 5об].

Как уже было отмечено, в период между съездами Советов, действовали исполнительные комитеты. Ишимский окружной исполнительный комитет был избран на первом окружном съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Число избранных составило 17 членов и 6 кандидатов. Для руководства административно-хозяйственными вопросами Ишимского округа был образован постоянно действующий Президиум в составе 5-ти членов и 3-х кандидатов [4, л. 2].

Структура Ишимского окрисполкома была следующей: общий отдел, административный отдел, финансовый отдел, окружное земельное управление, военный комиссариат, окружное статистическое бюро, камера инспектора труда, окружное агентство Госстраха [4, л. 2об].

В середине 1920-х гг., для усиления связи райисполкомов с сельсоветами и их инструктирования, Ишимским окрисполкомом было принято решение учредить при райисполкомах должность инструктора, а также для упорядочения депутатской деятельности, был установлен

более частый созыв председателей сельских Советов в районный исполнительный комитет для заслушивания докладов о деятельности сельсоветов [4, л. 6]. Вся работа Советов и исполкомов, правильность созывов, а также деятельность избирательных кампаний и самих выборов всецело контролировалась НКВД РСФСР [8].

Зимой 1930 г. в Ишимском округе началась широко-масштабная контролируемая партией кампания по пере-выборам местных Советов. Связанно это было с развернутой деятельностью по коллективизации и борьбой против "кулаков", многие из которых входили в действующие Советы и исполкомы. В феврале 1930 г. Ишимский окрисполкомво все той же газете "Серп и молот", опубликовал следующее:

"Сплошная коллективизация округа требует перестройки работы Советов и райисполкомов... В сельских Советах очень незначительная рабочая и батрацко-бедняцкая прослойка, в отдельные Советы пролезли кулаки и подкулачники, от которых, конечно, нельзя ждать организации и руководства колхозным движением. Поэтому Окрисполком решил с 25 февраля по 10 марта провести перевыборы Советов. Переизбранию подлежат все Советы, где колхозным движением охвачено не менее 60 процентов хозяйств. Сельсовет не перестроивший свою работу, не ставший во главе колхозного движения, не умеющий организовать батрацко-бедняцкие массы на ликвидацию кулачества точно также должен быть переизбран... Особое внимание следует обратить на подбор депутатов в Советы. В новых Советах и президиумах их должно быть не менее половины рабочих, батраков и бедняков колхозников. Должна быть увеличена в Советах прослойка партийцев, комсомольцев и женщин. К подбору депутатов нужно отнестись очень серьезно" [6, л. 3].

В начале мероприятий по перевыборам, Ишимским окружным ВКП(б) было высказано недовольство тем, что на прошлых выборах 1928–1929 гг. в местные Советы было избрано всего 440 членов партии (10,2%), а комсомольцев только 226 человек (5,2%). Исходя из этого, партией ставилась задача развернуть агитационную ра-

боту, чтобы в Советы попало как можно больше партийцев и комсомольцев, а также колхозников, батраков и бедняков. Кроме того, в ходе предвыборных мероприятий, в январе 1930 г. началась кампания по самопроверке местных Советов. В результате было выявлено, что в некоторых сельсоветах присутствовали бывшие офицеры царской армии, "кулаки" и их жены, а также лица, имеющие родственные связи с местными служителями церкви. Такой контингент никак не устраивал компартию. Делались заключения и о наличии бюрократизма в местных Советах. Кроме того, "кулаки" выявлялись и в сельских избиркомах. В этот же период из Пермского городского совета в Ишимский округ было направлено 30 рабочих для избрания на руководящие должности в сельские Советы [6, л. 2–5].

Таким образом, в Ишимском округе, как и во многих других округах Уральской области, в конце 1920–х – начале 1930–х гг. была развернута широко-масштабная кампания по ликвидации кулачества сопряженная с предвыборными мероприятиями. В результате чего, Советы и исполкомы Ишимского округа, попали под пристальное внимание партии, которая должна была избавить высшие органы власти на местах от так называемых классовых врагов.

В период с 1923 по 1930 гг. среди всех рассматриваемых вопросов на съездах Советов, а также на заседаниях исполкомов выделялись финансовые вопросы и вопросы местного бюджета, их удельная доля за рассматриваемый период составляла примерно 45%. На втором месте стояли вопросы отчетности учреждений – 17%. На третьем месте значились вопросы заработной платы служащих – 10%. Среди остальных, достаточно часто рассматривались вопросы, связанные с правоохранительной деятельностью, лесным хозяйством, налогами, военными делами, электрификацией и связью, народным образованием, торговлей и др. [2]; [3]; [4]; [5]; [7]. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1930 г. Ишимский округ был упразднен [1, с. 63]. В связи с этим, система органов власти в Ишиме и Приишимье претерпела изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / Под ред. В.П. Петровой. Тюмень, 2003. 304 с.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области, Государственный архив в г. Ишиме (далее ГБУТО ГА в г. Ишиме). Ф. Р–3. Оп. 1. Д. 30.
3. ГБУТО ГА в г. Ишиме. Ф. Р–3. Оп. 1. Д. 41.
4. ГБУТО ГА в г. Ишиме. Ф. Р–3. Оп. 1. Д. 43.
5. ГБУТО ГА в г. Ишиме. Ф. Р–3. Оп. 1. Д. 599.
6. ГБУТО ГА в г. Ишиме. Ф. Р–3. Оп. 1. Д. 717.
7. ГБУТО ГА в г. Ишиме. Ф. Р–3. Оп. 7. Д. 1.
8. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 24.05.1922 "О Народном комиссариате внутренних дел" // СУ РСФСР. 1922. № 33. Ст. 386.
9. Постановление ВЦИК от 06.04.1928 "О введении в действие Положения о краевых (областных), окружных и районных съездах советов и их исполнительных комитетов" // СУ РСФСР. 1928. № 70. Ст. 503.
10. Постановление ВЦИК от 24.10.1925 "Об утверждении Положения о городских советах" // СУ РСФСР. 1925. № 91. Ст. 662

ФАКТОРЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ МИНСКА

FACTORS OF MINSK POST-WAR RECONSTRUCTION

I. Turjai

Annotation

The article investigates the reasons that contributed to the recovery and growth of Minsk after the Great Patriotic War. The achievements in the development of the city during the second half of 1940 – 1950-ies noted in the article confirm the opinion of researchers about the Soviet economic miracle of that period by which present Minsk became one of the major European cities with high economic potential.

Keywords: Minsk, post-war reconstruction, the Soviet economic miracle, construction, mechanical engineering.

Турлай Иван Сергеевич
Белорусский государственный
университет, г. Минск

Аннотация

В статье исследуются причины, способствовавшие восстановлению и росту Минска после Великой Отечественной войны. Отмечены успехи в развитии города во второй половине 1940 – 1950-х годов, подтверждающие мнение исследователей о советском экономическом чуде того периода, благодаря которому современный Минск стал одним из крупнейших европейских мегаполисов с высоким уровнем экономического потенциала.

Ключевые слова:

Минск, послевоенное восстановление, советское экономическое чудо, строительство, машиностроение.

В 2017 году столица Республики Беларусь город Минск отметит свой 950-летний юбилей. Однако несмотря на столь почтенный возраст в облике современного города отыщется мало примет давней истории, а среди его двухмиллионного населения найдется совсем немного минчан, чьи предки жили здесь поколениями, и виной тому являются главным образом трагические события Великой Отечественной войны. Ущерб, нанесенный войной, был действительно значителен: за время немецкой оккупации численность населения Минска сократилась с более чем четверти миллиона до 50 тысяч человек, из 332 предприятий уцелели только 19, в кварталах центральной части города были разрушены полностью около 65% зданий, частично – 25% [1, с. 21; 2, с. 458; 3, с. 141]. По воспоминаниям одного из свидетелей того времени, побывавшего в пострадавших от войны европейских столицах – Лондоне, Берлине и Варшаве, ситуация с разрушениями в Минске превосходила все виденное им до этого [4, с. 26].

После освобождения белорусской столицы в июле 1944 года встал вопрос о том, стоит ли восстанавливать город на его прежнем месте: выдвигались предложения перенести столицу в Могилев или вовсе строить город на новой площадке [4, с. 51]. И все же в итоге Минск возродился на том месте, где существовал столетиями. Уже по состоянию на 1952 год здесь были убраны последние руины, а объем жилого фонда превысил весь довоенный,

при этом что около 80% жилья было построено заново после окончания войны [1, с. 34; 5, с. 271].

Еще быстрее восстанавливалась промышленность: в 1949 году она достигла довоенного уровня, а в следующем году превзошла его на 95%, в то время как в целом по СССР превышение составило 73% [2, с. 480; 6, с. 517]. Скорыми темпами увеличивалась и численность населения города: в 1950 году в Минске насчитывалось уже более 273 тысяч человек, что также было выше, чем перед войной [2, с. 484].

Итоги развития Минска в послевоенный период позволяют сделать вывод о том, что, по сути, во второй половине 1940 – 1950-х годах был создан новый город с отличным от предыдущего города внешним обликом, новыми заводами и фабриками, формировавшимся на новой основе населением, часть которого составили прибывавшие со всего Советского Союза кадры для восстановления экономики белорусской столицы. Отметим также, что в 2004 году центральная часть послевоенного Минска в границах начального отрезка нынешнего проспекта Независимости была включена в предварительный Список (список объектов-кандидатов) всемирного наследия ЮНЕСКО как образец комплексной городской застройки, осуществленной в весьма короткие сроки и по своим градостроительным качествам имеющей аналогов в мире [см.: 4].

Успехи в восстановлении советской экономики после войны, ярким примером которых стал возрожденный из руин Минск, позволили исследователям говорить о так называемом советском экономическом чуде. Этот термин, встречающийся в ряде научных работ [см., например: 7; 8], в последнее время стал использоваться и в учебном процессе на уроках по истории новейшего времени [см.: 9]. К причинам достижений того времени относятся возможности централизованной экономической системы, использующей преимущества экономики масштаба, слаженную кооперацию и специализацию, ориентацию на выполнение планов в виде показателей выпуска конкретных товаров и услуг; перераспределение средств из легкой, пищевой промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы в пользу отраслей добывающей промышленности, машиностроения, металлургии, химического производства (ускоренное развитие производства средств производства по отношению к производству предметов потребления); германские репарационные поставки, поступающие в СССР в соответствии с решениями Ялтинской и Потсдамской конференций, а также использование труда военнопленных и заключенных. Несомненно, одним из главных факторов экономического подъема послевоенного периода был самоотверженный труд и энтузиазм советских людей, которые вопреки сложностям и лишениям тех лет смогли восстановить народное хозяйство своей страны и поднять его на новый уровень.

Обращаясь непосредственно к причинам, обусловившим быстрые темпы послевоенного восстановления и развития Минска, отметим прежде всего строительство здесь ряда крупных промышленных предприятий, в частности, инструментального, подшипникового, электротехнического, часового заводов, заводов отопительного оборудования, шестерен, радиозавода, мотовелозавода, тонкосуконного и камвольного комбинатов и др. Однако главное место среди новых предприятий города заняли тракторный и автомобильный заводы – гиганты машиностроительной отрасли с десятками, а впоследствии сотнями тысяч рабочих мест – развитие этих предприятий, безусловно, способствовало восстановлению экономики и росту населения белорусской столицы [4, с. 58, 124–125; 10, с. 166]. По сей день грузовые автомобили марки "МАЗ" и тракторы "Беларус" остаются узнаваемыми брендами Минска и всей Беларуси – продукцией, пользующейся спросом и завоевавшей признание на рынках стран бывшего СССР и дальнего зарубежья (так, например, сегодня каждый десятый колесный трактор в мире происходит из Беларуси [11]).

Восстановление народного хозяйства Минска после войны было бы невозможно силами самой Советской Белоруссии, без финансовых и материальных ресурсов, выделяемых союзным центром, без помощи советских республик, поставлявших оборудование и сырье, направляв-

ших своих рабочих и специалистов. Так, уже через месяц после освобождения Минска, в августе 1944 года, в город прибыла архитектурная комиссия во главе с академиком А.Щусевым, которая по результатам работы составила рекомендации по восстановлению белорусской столицы и подготовила эскизный план ее развития [3, с. 137; 5, с. 185–186]. В послевоенный период десятки заводов центральной части России, Поволжья, Урала, Сибири, Украины, Азербайджана были связаны с минскими предприятиями взаимными поставками и заказами, направляли в Минск оборудование, строительные материалы, инструменты, металл; строители, проектировщики, архитекторы разрушенного в годы войны Сталинграда обменивались опытом в восстановлении города с коллегами из белорусской столицы, проводили многолетнее трудовое соревнование [2, с. 460, 471; 12, с. 88–90, 93–96]. Помощь послевоенному Минску оказывалась и по линии ЮНППА (Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций) в период 1945–1947 годов – она включала в себя поставку главным образом продовольственных товаров, а также оборудования для медицинских учреждений, кирпичных заводов и электростанций, лекарственные средства, коммунальную технику [6, с. 515–516].

Безусловное значение в развитии экономики послевоенного Минска имели и репарационные поставки оборудования, сырья, материалов, потребительских товаров из Германии, направленные во второй половине 1940 – начале 1950-х годов. Одними из главных получателей репараций стали уже упоминавшиеся тракторный и автомобильный заводы, получившие несколько тысяч единиц промышленного оборудования. Использование репараций для строительства данных предприятий в Минске было обусловлено в том числе тем, что перевозка оборудования из Германии была экономически более выгодной, чем его поставка (включая демонтаж вывезенного в эвакуацию в начале войны) из восточных регионов СССР [6, с. 516–517; 13, с. 91].

Свой вклад в восстановление белорусской столицы внесли также несколько десятков тысяч военнопленных и интернированных иностранных граждан, трудившихся в Минске до начала 1950-х годов – они, в частности, привлекались для восстановления и строительства целого ряда жилых и общественных зданий в центре города, участвовали в возведении промышленных предприятий, включая тракторный и автомобильный заводы [1, с. 32–33; 10, с. 139–141].

Однако несмотря на значимую роль военнопленных в восстановлении Минска, основной вклад в дело возрождения города принадлежал, конечно же, самим советским гражданам – минчанам, а также людям, прибывавшим сюда из регионов Беларуси и всего Советского Союза. Следует отметить, что по решению горисполкома

ежемесячно рабочие и служащие отрабатывали на восстановлении Минска по 30 часов, студенты и учащиеся старших классов – по 15 часов [2, с. 462]. В ходе регулярно проводимых послевоенных воскресников жители города участвовали в расчистке руин, а также собирали кирпичи, пригодные для строительства. Озеленение Минска в первой половине 1950-х годов также было проведено благодаря активной помощи его жителей [10, с. 134–137].

Таким образом, восстановление Минска во второй половине 1940 – 1950-х годах стало наглядным воплощением экономического чуда послевоенного времени: в сжатые сроки город был заново отстроен, приобретая целостный и выразительный облик, за что сегодня претендует на причисление к памятникам всемирного наследия;

здесь были возведены значимые промышленные предприятия, в том числе гиганты машиностроения – МТЗ и МАЗ, ставшие одними из главных брендов современной Республики Беларусь; в послевоенный период начался быстрый рост населения города, впоследствии выведший Минск в число наиболее крупных европейских городов-миллионеров.

Иными словами, основа развития современного Минска – двухмиллионного мегаполиса с высоким уровнем экономического потенциала – была заложена в годы его послевоенного восстановления, в первую очередь, благодаря огромным усилиям советского народа, своим героическим трудом поднявшего из руин некогда один из самых разрушенных городов Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кірычэнка В.І. Мінск. Гісторыя пасляваеннага аднаўлення. 1944–1952. Мінск: Беларусь, 2004. 284 с.
2. Гісторыя Мінска / рэдкал.: Н.В. Каменская [і інш.]. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. 688 с.
3. Егоров Ю.А. Ансамбль в градостроительстве СССР: очерки. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 216 с.
4. Турлай И.С. Минск: малоизвестные страницы (Посвящается 950-летию Минска). Минск: Четыре четверти, 2016. 242 с.
5. Егоров Ю.А. Градостроительство Белоруссии. М.: Гос. изд-во лит-ры по строительству и архитектуре, 1954. 284 с.
6. Бущик Г.П. Минск в межгосударственном сотрудничестве / Г.П. Бущик // Гісторыя Мінска / пад рэд. У.А. Бабкова. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2006. С. 514–536.
7. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: Экономика СССР в конце 1930-х годов – 1987 г. Новосибирск: Новосибирск. гос. тех. ун-т, 2008. 516 с.
8. Катасонов В. Ю. Экономика Сталина. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 416 с.
9. Восстановление экономики СССР в 1945–1953 гг. // История России. 9 класс. URL: <http://interneturok.ru/ru/school/istoriya-rossii/9-klass/vosstanovlenie-sssr-posle-veliko-otechestvennoy-voyny-1945-1953-gg/vosstanovlenie-ekonomiki-sssr-v-1945-1953-gg> (дата обращения: 05.01.2016).
10. Бон Т.М. "Минский феномен". Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны / пер. с нем. Е. Слепович. М.: РОССПЭН, 2013. 416 с.
11. Минский тракторный завод: официальный сайт. URL: <http://www.belarus-tractor.com> (дата обращения: 05.01.2016).
12. Мы расскажем о Минске / С.И. Граховский [и др.]; пер. с белорус. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Беларусь, 1966. 220 с.
13. Концевой П.А. Особенности использования немецких репараций в восстановлении промышленности и сельского хозяйства БССР (1945 – начало 1950-х годов) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. 2013. № 1. С. 90–94.

© И.С. Турлай, (istur@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Белорусский государственный университет, г.Минск

ПСИХОМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ конца XIX – нач. XX в.

PSYCHOMENTAL PROJECTION AND FEATURES OF THE WORLDVIEW OF THE MILITARY-POLITICAL ELITE OF THE RUSSIAN EMPIRE OF LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

G. Chuvardin

Annotation

The article analyzes the problems of the transformation of the worldview of the representatives of the military and political elite of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. The paper gives a General characteristics of basic ideological installations, marking social reflection of the higher echelons of power. The author reveals the main reasons had a decisive impact on the degradation of style leadership in the country, the deliberate inhibition of the processes of the ongoing modernization of Russian society.

Keywords: Empire, the generals, the military elite, government ideology, power, official ideology.

Чувардин Герман Сергеевич

К.ист.н., доцент

каф. истории России,

Орловский государственный университет

Аннотация

Статья посвящена анализу проблемы трансформации мировосприятия представителей военно-политической элиты Российской империи в конце XIX – начале XX веков. В работе дается общая характеристика базовых идеологических установок, маркирующих социальную рефлексию высшего эшелона власти. Автор выявляет основные причины, оказавшие решающее воздействие на деградацию стиля руководства страной, сознательное торможение процессов последовательной модернизации русского общества.

Ключевые слова:

Российская империя, генералитет, военная элита, государственная идеология, власть, официальная идеология.

Определить мировоззренческую составляющую сознания представителей военно-политической элиты российской империи начала XX в., как на уровне обыденного восприятия мира, так и на уровне политических убеждений весьма затруднительно. В основной массе высший российский генералитет представлял собой людей крайне индифферентных, вплоть до безразличия к вопросам политики. В ряде современных исследований позиция российской властной аристократии конца XIX – начала XX в. определяется как «умеренный консерватизм», в основании которого лежали «тревожные тенденции», связанные с распространением идей эгалитаризма и либерализма в обществе, на фоне эмансипации социальных слоев находящихся в системе социальной стратификации на позициях аутсайдеров. Безусловно, рост открытости русского общества не просто настораживал, но и пугал представителей различных групп элиты. Особой темой в данном случае становилось заведомо чуждое российской социально-политической системе явление конкуренция, что было обусловлено желанием не только удержать «место», но и по возможности закрепить его за своими детьми, избавив их от вероятно-

стой «борьбы» за свое будущее (ментальная проекция рудимента «местничества»).

Данные рассуждения можно экземплифицировать выводами исследователя Е.Е. Юдина, подробно изучившего систему социальных ориентиров и истоки мировоззрения семьи командира л.-гв. Кавалергардского полка и 2-ой бригады 2-ой гв. кав. дивизии генерал-лейтенанта Ф.Ф. Юсупова. «Политическая модернизация страны, – отмечает исследователь, – стимулировавшая распространение идей либерализма и формирование уравнительных систем различных социалистических доктрин, настороженно воспринималась традиционной элитой империи» [9, с. 298]. В то же время сторонняя позиция военной аристократии в политических вопросах была обусловлена еще и тем, что в российских условиях они затрагивали прерогативы верховной власти [9, с. 299]. Самодержавие благосклонно относилось к тем, кто преданно трудился на «своей ниве» и в прочие проблемы и вопросы без надобности, обусловленной монаршей просьбой, желанием, приказом, не вникали. Именно в этом выражалось особое содержание русского монар-

хизма: каждый должен заботиться о благе Отечества на своем месте, при этом место (особенно подле Трона), в конечном итоге, определяется императором.

По поводу индифферентности Юсуповых Е.Е. Юдин отмечал, что вопросы политики стали волновать аристократическую чету только в условиях роста социальной напряженности, затронувшей и их интересы [9, с. 298]. Следует отметить, что ряд современных историков излагает весьма специфический взгляд на проблему «политической отстраненности» военного сообщества. Такие исследователи, как А.А. Михайлов настаивают на том, что офицер, начиная еще с обучения в военных и юнкерских училищах (будущий офицер), должен был стоять на патриотических позициях, обусловленных официальной идеологией, следовательно, в большей степени промонархических. В 1906 г. в военных училищах был введен курс по военной администрации. А.А. Михайлов ссылается на слова великого князя Константина Константиновича о том, что указанная система знаний должна способствовать «[...] убежденному и основательному противодействию распространению противогосударственных учений». И далее историк подчеркивает: «В силу сказанного представляется сомнительным тезис некоторых историков советского периода о полном равнодушии юнкеров к политическим проблемам, их полной апатичности. Будущих офицеров воспитывали в духе преданности монархии, что само по себе предполагает активную политическую позицию» [6, с. 514].

В данном случае показателен общий набор добродетелей, формируемых на базе кадетских корпусов: патриотизм, религиозность, трудолюбие, скромность, умеренность в личных потребностях [6, с. 436]. При этом категорию «патриотизм» А.А. Михайлов выносит на первое место. Примечательно, что в ГУ ГШ также велась разъяснительная и просветительская работа по борьбе с «революционной заразой». Так, офицерами Е.А. Никольским и К.Л. Евреиновым была написана книга «Сущность социализма, коммунизма и анархизма», в которой, помимо идеологий, излагались и политические течения. Вслед за этим было написано руководство с советами и рекомендациями по противодействию политическому экстремизму «Как противодействовать социал-демократической пропаганде». Обе книги имели необыкновенный успех именно в офицерской среде, так как во многом были обращены к ней. В основание устоев, на страже которых были призваны стоять офицеры, закладывался монархический идеал [4, с. 126].

Примечательно, что исследования по «антигосударственным» политическим движениям разрабатывались и на базе охранного отделения. Используя опыт офицеров генштаба, положивших «почин» в изучении указанного вопроса, известный борец с «революционной заразой», лично арестовавший в 1903 г. одного из лидеров партии

эсеров Г. Гершуни, а с 1906 г. занимавший пост начальника дворцовой Охранной агентуры, А.И. Спиридович написал ряд работ по аналогичной тематике. Он также взял на себя миссию по «просвещению» по указанному вопросу великих князей и высших сановников. В частности им был лично поднесен один из томов его труда «Революционное движение в России» великому князю Павлу Александровичу [2].

В то же время следует помнить, что русский монархизм как политическое явление был крайне неоднороден. 60–80-е гг. XIX в. рассматриваются в отечественной историографии как крайне сложная для однозначной трактовки эпоха. При этом наиболее противоречивым вопросом преобразований Александра II – Александра III стала проблема сохранения основных устоев государственного строя. Отмена крепостного права, несмотря на очевидную поэтапность и половинчатость указанного комплекса реформ, привела к необходимости изменения концепции государственной власти, а также вероятностных трансформаций властной элиты.

Полемика, связанная с путями модернизации России, развернулась не только в среде придворных реформаторов, но и получила значительный социальный резонанс. Она продолжалась вплоть до революционных потрясений 1905–1907 гг., хотя и события революции внесли в физиономию российского абсолютизма, не побоимся очевидной спорности указанного утверждения, только косметические изменения. Примечателен тот факт, что общая концепция государства в Российской системе права (в первую очередь, философии права) была оформлена еще в 30–е гг. XIX в. Краеугольным камнем этой концепции являлась так называемая «охранительная теория», предложенная группой «консерваторов-монархистов» во главе с графом С.С. Уваровым. Следует отметить, что указанная теория разрабатывалась в узких рамках канонического православного богословия и легитимировалась общей доктриной русской православной церкви в указанном вопросе. Таким образом, любое посягательство на «уваровскую доктрину», пусть даже в ее крайне правых, окологосударственных перлюстрациях, должно было трактоваться как явление «богопротивное», как богоотступничество. По понятным причинам воплощение указанной теории было достаточно далеко от практики и содержало в себе значительное количество перекосов и злоупотреблений.

Главной особенностью теории С.С. Уварова в социальном плане был очевидный консерватизм, выражающийся в отказе от модернизации государственной власти в рамках практически всех ее институтов (в первую очередь, незыблемости самодержавия, в очередной раз доказывался его «богоустановленный характер») и курс на возможно долгое сохранение крепостного права. Примечателен тот факт, что идея богоустановленного харак-

тера власти сохранялась вплоть до крушения империи. Так, в 1916 г. комментируя образ власти вообще и особенности физиономии власти в России, русский философ С.Н. Булгаков указывал на две фазы в развитии мистического богословского учения о «власти» и «монархии» – фаза внутренней «духовной монархии» и фаза «внешней» бюрократической монархии. При этом он отмечал (причем и в поздних работах, написанных в эмиграции), что монархия в России без Бога невозможна, как, впрочем, и наоборот. С рассуждениями Булгакова переплетаются идеи Д.А. Хомякова: «Царь для русского человека есть представитель целого комплекса понятий, из которого само собой слагается, так сказать, «бытовое Православие» [8, с. 121].

Примечательно то, что для Булгакова характерно понимание «власти» как некоей «эротической среды». Эта «эротичность» объясняет характер одних людей повинаться, а других подчинять, что, по мнению философа, «предустановленно» Богом. Булгаков подчеркивал, что власть как мистическое явление «присуща всему человечеству и слагается из способности повелевать и повиноваться, из авторитета и лояльности, которые суть лишь два полюса власти, мужское и женское в ней начало. И та и другая стороны могут извращаться греховной похотью, переходя во властолюбие и раболепство...» [1, с. 336]. По мнению Булгакова, о «высшем эротическом идеале власти» мечтали славянофилы. Они видели именно в русском самодержавии возможность замены «железа власти ее эротикой». Именно так им рисовалось понятие «народности» [1, с. 338]. Таким образом, оправдывалась «податливая женственность народа» (в русских традициях понимания женщины как безмолвного, пассивного, покорного начала) и мистическая «харизма» власти, имеющей право повелевать и «осенять благодатью», делегировать «право повелевать» другим.

Следует отметить тот факт, что все связанное с модернизацией трактовалось как богоотступничество, а, следовательно, власть боялась самой себя и, совершая очередную реформу, яростно молилась, замаливая грехи богоотступничества. Русских монархов с детских лет учили тому, что монархия – от Бога и незыблема в силу божественного характера своего происхождения. В Основных государственных законах четко указывалось: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния» [3, с. 140]. Мог ли монарх совершить богоотступничество и святотатство, введя в стране некий демократический институт, например, Государственную Думу? Ее существование было мерзостью перед Богом и вело к гибели, десакрализации «Великого таинства «Царства»» и контринициации Власти. Именно на этом «зиждилось» восприятие общего положения вещей в империи, сформировавшееся к середине XIX в. и постоянно воспроиз-

водимое в формате устойчивой симуляции реальности, властной и, в первую очередь, военно-политической элиты. Отсюда очевидная растерянность российского императора и его ближнего круга – ему (и им) внушали совсем иные религиозные убеждения, а степень воздействия религиозных установок на сознание в рассматриваемый отрезок времени была колоссальна.

Николай II был человеком мистического склада, это ситуацию усугубляло еще больше. Примечательно, что великий князь Владимир Александрович выступал с резкими нападками именно на осуждаемые библейским учением «двоящиеся мысли» в сознании русского дворянства. Великий князь был «человеком мира», но, возвращаясь на протяжении всей жизни (фактически с первого вдоха) в военной среде, он привык к однозначности и лаконичности, а, фактически, догматичности принимаемых решений. При этом государство и военная сила являлись опорой этой устойчивости, и содержание их в надлежащем виде было всего лишь вопросом «социальной и политической гигиены».

Русский генерал, раз он стал генералом, должен был иметь четкие убеждения и однозначные идеологические установки. Как следствие, наличие гвардии являлось наиболее простым способом поддерживать «гигиену сознания». А вот успешный «генштабист»-негвардеец (как явный продукт котрэлиты), да еще и из неблагородных сословий понимался, как существо опасное, так как был склонен к поиску альтернативных решений или, что таило еще большую опасность, – избирательному оппортунизму. В конечном итоге, лучше «никак» не мыслить, чем мыслить противоречивыми, а зачастую взаимоисключающими категориями, вследствие которых, носитель подобного сознания начинает ориентироваться на конъюнктуру. В этом плане наиболее идеальным образчиком догматического сознания и преданности непротиворечивой идеологии являлся барон (с 1913 г. граф) В.Б. Фредерикс, своеобразный «восточный визирь» при своем «обожаемом Владыке».

С точки зрения теоретиков государства рубежа XIX–XX вв. (Д.А. Хомяков, П.Е. Казанский и др.), российская монархия прошла несколько этапов – народная монархия, боярская монархия, дворянская монархия, бюрократическая монархия. Причем в бюрократическую фазу российская монархия вступила отнюдь не во время Николая I, как отмечает ряд отечественных историков, а после отмены крепостного права [8, с. 219–238]. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что к началу XX в. в России по-прежнему сохраняются основные элементы аристократической модели государства, которая под воздействием реформ начинает трансформироваться в этакратическую (этакратическую). И тем не менее именно монархизм, несущий в себе очевидные признаки «почвенничества» 30–50-х гг. XIX в. оставался

единственно возможным идеологическим основанием абсолютизма, как основы отечественного имперского идеала.

В конечном итоге к началу XX в. «охранительная теория» практически полностью исчерпала себя и выродилась в крайне консервативный, отличавшийся высокой степенью агрессивности и ксенофобии «пещерный» монархизм, легший в основание черносотенного движения. Следует отметить, что в среде генералитета прослеживались группы монархистов различного толка: от черносотенцев (генералов С.К. Гершельмана, А.П. Веретенникова, А.И. Евского, П.Г. Жукова, адмирал Ф.В. Дубасова) и почвенников–традиционалистов до сторонников модернизации в сторону конституционной монархии.

Еще в начале царствования Александра III группа генералов–консерваторов, исповедующих «охранительную идеологию», направленную в первую очередь на борьбу с «революционной заразой», сплотилась в так называемую «Священную дружину». Примечательно, что в составе «Священной дружины» оказалось значительное число гвардейских офицеров, преимущественно из лейб–гвардии Кавалергардского, лейб–гвардии Конного и лейб–гвардии Гусарского Его Величества полка. «Членство» в «Священной дружине», как демонстрация абсолютной лояльности к престолу, в большинстве случаев оказало решающее влияние на последующую карьеру данной группы гвардейских офицеров и их «вливание» в военную и военно–политическую элиту. Данные рассуждения можно экземплифицировать таблицей № 1 (см. табл. № 1).

Таблица 1/1.

Клички участников Священной Дружины, офицеров Кавалергардского Его Императорского Величества полка и их последующий служебный рост.

Кличка	№ по кличке	Звание	Ф.И.О.	Особенности карьерного роста
Н.К. Ура	729	Полковник (1874)	1. Николай Николаевич Шипов	Генерал-адъютант, генерал от кавалерии, помощник Финляндского ген.-губернатора, член Военного Совета.
Ура	5	полковник	2. [Александр Николаевич] Дубенский	30.08.1890 г. - генерал-майор; с 29.04.1897 г. по 2.03.1899 г. командовал л.-гв. Гродненским гусарским п.; 1899-1900 г. - командир 2-й бригады гв. кавалерийской дивизии; 17.05.1900 г. - командир 1-й бригады 2-й гв. кавалерийской дивизии. 30.01.1902 г. - начальник 2-й кавалерийской дивизии, с производством в генерал-лейтенанты. 31.03.1905 г. - начальник 1-й гв. кавалерийской дивизии.
Ура	28	ротмистр	3. Павел Владимирович Родзянко-II	Шталмейстер (с 1904 г.), герой войны 1904-05 гг. (Владимир III ст. с мечами)
Ура	2	ротмистр	4. Андрей Васильевич Пантелеев	В 1899 г. чиновник особых поручений IV кл., шталмейстер
Ура	141	шт.-ротмистр (1880)	5. Гернгрос [Евгений Александрович]	Командир л.-гв. Конного полка (25.03.1901-24.06.1904); начальник штаба Гвардейского корпуса (24.06.1904-2.01.1907); начальник ГУГШ (30.09.1909-22.02.1911); 1901 г. - генерал-майор.
Ура	27	корнет	6. князь Леонтий Александрович Шаховской	Адъютант в.к. Николая Николаевича (с июля 1889 г.), уволен в отставку по семейным обстоятельствам в звании полковника
Ура	56	корнет	7. Де-Каррьер Сергей Аркадьевич	?
Ура	29	корнет	8. князь Василий Сергеевич Кочубей-II	Ординарец в 1885 г. для сопровождения в Мадрид графа Шувалова, адъютант в 1887 г. в.к. Владимира Александровича. Уволен в 1890 г. звание?
Ура	30	корнет	9. Георгий Павлович Карцов	1889 г. причислен к МВД; 1890 г. чиновник для особых поручений при министре. Чиновник для особых поручений при Главном управлении Уделов с 1904 г.

Таблица 1/2.

Клички участников Священной Дружины, офицеров Кавалергардского Его Императорского Величества полка и их последующий служебный рост.

Кличка	№ по кличке	Звание	Ф.И.О.	Особенности карьерного роста
Посадник	1	полковник	10. Александр Николаевич Николаев	Командир Кавалергардского полка с 1896-1900; Свиты Е.И. ген.-майор; ком. 1-ой бригады 1 гв. кавалерийской дивизии.
Удило	7	Полковник (1883 г.)	11. Петр Михайлович Лазарев	Шталмейстер, тайный советник. Женат на дочери ген.-ад. Ф.Н. Сумарокова-Эльстона; 1901 г. Таврический губернатор. 1905 г. член Государственного Совета.
Резерв	7	Полковник (1882 г.)	12. флигель-адъютант Михаил Алексеевич Пашков-II	Ген.-майор 1892 г.; 1899 г. командир л.-гв. Литовского полка; 1901 г. Лифляндский губернатор; 1903 г. ген.-лейтенант.
Резерв	40	Ротмистр (1881 г.)	13. Михаил Константинович Языков	8.01.1906 г. генерал-лейтенант с увольнением в отставку; состоял при военном министре
Резерв	36	Ротмистр (1882)	14. Николай Владимирович Хвощинский	Ротмистр, 1886 г. - адъютант Московского генерал-губернатора; с 1890 г. в отставке; крупный помещик (8600+9500 десятин).
Резерв	201	шт.-ротмистр (1878)	15. Илларион Михайлович Бибииков	В 1903 г. уволен в отставку с мундиром полковника; в 1904 г. назначен уполномоченным Красного Креста, принимал участие в русско-японской войне; А2 ст. с м.; 1250 десятин.
Резерв	182	шт.-ротмистр (1880)	16. Николай Николаевич Казнаков	Ген.-майор 1905; Генерал-губернатор в Лодзи 1907 г.
Резерв	1	шт.-ротмистр (1881)	17. Сергей Александрович Панчулидзе (1 разр. №65)	НАГШ (2 р.); 1886 г. уволен в отставку ротмистром; уездный и губернский гласны Саратовского уезда. 1906 г.
Резерв	10	Корнет (1878)	18. Алексей Александрович Стахович	В 1905 г. генерал-майор, помощник наместника на Кавказе.
Резерв	202	Корнет (1880)	19. Михаил Михайлович Растовский	1885 г. поручик, 1898 г. уволен в отставку
Уверенность	15	ротмистр	20. Николай Александрович Ковальков	1900 г. - генерал-майор, командир 1-ой бриг. 14-й кавалерийской дивизии.
Уверенность	32	Поручик (1880)	21. Григорий Петрович Извольский	Умер в г. Ментоне в 1884 г.
Уверенность	6	Поручик (1880)	22. Михаил Сергеевич Толстой I	В 1888 г. уволен ротмистром в отставку; причислен к МВД; в распоряжении для занятий Московского ген.-губернатора.
Уверенность	8	Поручик (1880)	23. граф Василий Александрович Гендриков I	Обер-церемониймейстер 1900 г., назначен состоять при Е.И.В. в к. Александре Федоровне
Уверенность	1	Поручик (1882)	24. Николай Васильевич Александровский	Камер-юнкер, чиновник министерства Путей сообщения в 1904 г.
Уверенность	71	Поручик (1882)	25. Александр Карлович Багговут	Штабс-ротмистр, земский начальник Тамбовского уезда 1904 г.
Уверенность	73	Поручик (1882)	26. граф Иван Александрович Мусин-Пушкин	1901 г. чиновник МИД, 1903 г. - вице-консул в Берлине.
Уверенность	11	Корнет (1878)	27. Спиридон Юрьевич Толстой II	Действительный статский советник, камергер. Помощник начальника Главного управления уделов (1893).
Уверенность	2	Корнет (1878)	28. граф Александр Васильевич Адлерберг	Действительный статский советник, шталмейстер; Псковский губернатор (1903).

Таблица 1/3.

Клички участников Священной Дружины, офицеров Кавалергардского Его Императорского Величества полка и их последующий служебный рост.

Кличка	№ по кличке	Звание	Ф.И.О.	Особенности карьерного роста
Уверенность	14	корнет	29. Михаил Михайлович Осоргин	Действительный статский советник, камергер, в 1905 г. Тульский губернатор.
Уверенность	72	Корнет (1882)	30. граф Александр Степанович Гендриков II	1900 г. уволен в отставку по домашним обстоятельствам подполковником
Н.К. Уверенность	713	шт.-ротмистр	31. Евгений Иванович Бернов I	Генерал-майор, командир л.-гв. Кирасирского Ее И.В. полка (1907)
Радуга	111	корнет	32. Александр Сильвестрович Львовский	1905 - Ньюландский губернатор, 1906 - генерал-майор с увольнением в отставку (с мундиром)
Радуга	112	корнет	33. Михаил Аполлонович Серебряков	С 13.08.1905 г. назначен состоять при в.к. Владимире Александровиче; полковник (1899 г.)
Радуга	6	Корнет (1881)	34. Георгий Оттонович Раух	1903 г. командир л.-гв. Кирасирским Его В. п., ген.-майор; НШ СПб ВО - 1906 г.
Радуга	22	корнет	35. Алексей Михайлович фон-Кауфман	1907 г. - ген.-майор; командующий л.-гв. Гродненским Гусарским п. с 1907 г.
Радуга	1	Юнкер (1882), корнет (1883)	36. Николай Захарович Мухортов	В 1895 уволен ротмистром с мундиром. В 1898 г. умер. Похоронен в д. Федоровка, Малоархангельского уезда, Орловск. губ.

Анализ таблицы позволяет сделать следующие выводы: из 36 офицеров рассматриваемой группы членства 3 человека (8%) дослужились до звания генерал-лейтенанта; 9 (25%) – до звания генерал-майора; один – до генерала от кавалерии. В совокупности указанная группа составила 36%. 7 офицеров из указанной группы дослужилось до звания командира одного из полков гвардейской кавалерии (один офицер, пехотного полка – л.-гв. Литовского), 3 – до звания командира бригады, 1 – дивизии. 1 офицер занял должность начальника штаба СПб.ВО (Г.О. Раух), 1 – начальника штаба Гвардейского Корпуса и начальника ГУ ГШ (А.Е. Гернгрос). Кроме этого четыре офицера заняли должность губернаторов (Лифляндской, Псковской, Тульской, Ньюландской губерний), один пост помощника Финляндского генерал-губернатора и один – генерал-губернатора (в Лодзи). Кроме этого прослеживается значительный процент офицеров, занявших различные посты при Дворе. Таким образом, "верность престолу" была оценена по достоинству – влиянием представители данного весьма незначительного сегмента "священной дружины" в военно-политическую и военную элиты империи.

В конечном итоге, к началу XX в. "славное охранительство" ("уваровский" консерватизм эпохи Николая I)

выродился с одной стороны в пещерный монархизм в варианте черносотенства; с другой – в умеренный либерализм, в первую очередь в варианте "неославянофильства", сближающегося с идеями октябристов. Проводником последней модели являлся один из крупных представителей военно-политической элиты и царедворец конногвардеец генерал А.А. Киреев.

Во взглядах этого весьма неоднозначного исторического персонажа мы встречаем очевидную приверженность позднему славянофильству и даже, в какой-то мере панславизму в духе Н.Я. Данилевского. Примечательно, что генерал однозначно критиковал эпоху Александра III, как период упущенных возможностей. Киреев выступил против революции и требовал ее "жесткого" подавления, но в то же время допускал возможность ограничения абсолютизма "советом, исходящим от земли" в "духе славянофильства". Он резко критиковал вновь образованную Государственную Думу, как явление "западное" и, как следствие, чуждое русскому духу. Деятельность Думы расценивалась как "пагубная", так как в ней действовали, очевидно, деструктивные "декадентские силы": "революционеры (трудовики)", соединившиеся с "кадетами и еврейями" [5, с. 183]. Указанный политический блок должен был привести к "тирании революционной швали" и "не

даст желаемого результата" [5, с. 183]. Примечательно, что генерал даже не пытается разобраться в нюансах политических процессов и, как подавляющая часть царедворцев, видит во главе как революционных, так и умеренно-либеральных сил "жидов" (генерала подчеркивает: "Жида оказываются вожаками этого движения") [5, с. 151]. В этом плане антисемитизм, наряду с консерватизмом являлся визитной карточкой топа властной элиты империи.

Таким образом, еще не до конца утвердившийся парламентаризм генерал уже понимал, как уже состоявшуюся "гибель" России и в своем дневнике писал (запись от 31.12.1906 г.): "Минувший год служит несчастным переломом нашей истории. Идеалы славянофильства, которыми мы, славянофилы, руководились, которые хотели передать не только России, но и всему свету, по крайней мере, всему славянству – погибают, если совсем уже не погибли. Хомяков видит *finis Rossia*. В том, что уничтожается община, да ведь все три устоя России – самодержавие, православие и народность – поколеблены до основания и едва ли снова утвердятся. Итак, *finis* нашей *Rossia*, а иное может ли быть? Едва ли!" [5, с. 185].

Находясь на указанных пессимистических позициях, генерал видел не только крушение "старого мира", влекущее за собой становление нового политического режима, но грядущую катастрофу, влекущую за собой гибель России. Свой пессимизм генерал подытоживает словами: "Грядет царство озверения" [5, с. 140]. Как следствие, указанный проект оказался идеологическим тупиком. По замечаниям исследователя А.С. Сенина, к началу XX в.: "[...] уваровская триада ушла в прошлое, но в отличии от времен Петра I, Екатерины II, Николая I самодержавие на-

чала XX столетия не сумело выдвинуть новой привлекательной, хотя бы для власти имущих и части интеллигенции, государственной идеологии. Результатом стали три революции и Гражданская война в России" [7, с. 158].

Таким образом, к началу 1-ой мировой войны мы сталкиваемся с весьма неоднозначной ситуацией, которую можно назвать "идеологической гипертелией" политической элиты, военный сегмент которой по-прежнему оставался преобладающим. Носители высших властных функций в основной своей массе потеряли связь с реальностью и погрузились в пространство симуляции устаревшей системы аттитудов, уже вступившей в противоречие с серьезно мутировавшим в области мировоззренческого уклада русским обществом. Отличающиеся высоким консервативным содержанием механизмы социализации представителей властной обоймы, а также очевидная фрагментация власти, вызванная ее стремительной бюрократизацией, породили эффект при котором никто не брал на себя ответственность за развитие общества и государства.

В конечном итоге, речь шла не о том, что "верхи" не могли управлять "по-новому". Ситуация была значительно хуже – "верхи", вступив в фазу импозии, были не способны видеть и переживать по-новому в принципе! "Смутное ощущение беды", которым буквально пропитаны властные решения предвоенного десятилетия, ассоциировалось с приближением "грядущего хама" в лице "всевозможной сволочи": революционной, либеральной, интеллигентской, национальной. Но главной "сволочью" для власти, безусловно, являлся "русский народ".

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 395. Л. 1. Письмо А. Спиридовича в. к. Павлу Александровичу.
3. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Значительно дополненное издание. М.: Фонд ИВ, 2007. 600 с.
4. Никольский Е.А. Записки о прошлом. / Сост. и подгот. текста. Д.Г. Браунса. М.: Русский путь, 2007. 288 с.
5. Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. / Сост. К.А. Соловьев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 472 с.
6. Михайлов А.А. Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX – начале XX в. и его роль в подготовке офицерских кадров. Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2000. 308 с.
7. Сенин А.С. История российской государственности. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2003. 336 с.
8. Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. М.: ДАРЪ, 2005. 464 с.
9. Юдин Е.Е. Князя Юсуповы: Аристократическая семья в поздней имперской России. 1890–1916. М.: Издательство РГГУ, 2012. 355 с.

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ЧЕМАЛЬСКОГО РАЙОНА ГОРНОГО АЛТАЯ

CULTURAL LANDSCAPES OF THE CHEMAL DISTRICT OF THE MOUNTAINOUS ALTAI

*E. Yamaeva
A. Tiskinek*

Annotation

Cultural landscapes of Mountain Altai are an example of an amazing interaction of man and nature. As a geo-cultural region Chermal district of the Altai Republic may incur representation functions. This is reflected in the objects of the natural, material and dematerialise heritage in evolutionary terms. Mountain Altai is among an unusually beautiful and unusually rich cultural and natural monuments of the regions of the Russian Federation.

Keywords: Geography, history, cultural landscapes, intangible heritage, shamanism, archaeological sites.

Ямаева Елизавета Еркиновна

*Д.ист.н., профессор,
ФГБОУ ВПО "Горно-Алтайский
государственный университет", ГАГУ
Тискинек Александр Константинович
Аспирант,
ФГБОУ ВПО "Горно-Алтайский
государственный университет", ГАГУ*

Аннотация

Культурные ландшафты Горного Алтая являют собой пример удивительного взаимодействия природы и человека. Как геокультурный регион Чемальский район Республики Алтай может нести репрезентативные функции. Это отражают объекты природного, материального и нематериального наследия в эволюционном плане. Горный Алтай относится к числу необычно красивых и необычайно насыщенных культурными и природными памятниками регионов Российской Федерации.

Ключевые слова:

География, история, культурные ландшафты, нематериальное наследие, шаманство, археологические памятники.

Горный Алтай относится к числу необычно красивых и необычайно насыщенных культурными и природными памятниками регионов Российской Федерации. Чемальский район можно назвать жемчужиной Республики Алтай. Проблема исследования репрезентативности территории, изучения её как объекта культурного ландшафта в настоящее время является одной из актуальных. В предлагаемом проекте мы исходим из определения культурного ландшафта, данного сотрудниками Института культурного и природного наследия. "Культурный ландшафт – сложное комплексное образование не только в связи с его внутренним системным устройством, но и почти всегда – в связи с управлением, поскольку в его границах существуют и взаимодействуют различные субъекты права – пользователи, владельцы, собственники земель, природных ресурсов, зданий и других инженерных сооружений, иной недвижимости. Согласно Конвенции о Всемирном наследии (1992) культурный ландшафт отражает эволюцию человеческого общества под влиянием условий природной среды и социальных, экономических и культурных процессов. В качестве объекта наследия он должен репрезентативно представлять конкретный геокультурный регион и быть способным продемонстрировать отличительные черты этого региона. Универсальная ценность культурного ландшафта может пониматься как наиболее яркое проявление созидательно-

го потенциала взаимодействия природы и человека в конкретном культурном, историческом и географическом контексте" [4]

Район средней Катуня (ныне Чемальского района) всегда отличался этнической и конфессиональной пестротой. В правобережье Катуня во время переписи 1896 г. были зафиксированы такие роды как найман, мундус, алмат, кергил, ярык, тонжаан и ряд других. Мундусы жили преимущественно по реке Майма, в таких поселениях как Урлу-Аспак, Сайдыс, Улала (ныне Горно-Алтайск). Найманы (в Горном Алтае они называли себя майманами) занимали долину Куйума и горный район Короты-Бажы (Семинский перевал). В левобережье Катуня дисперсно жили алматы, кергилы, иркиты. Почти повсеместно по тельцкой тайге жили представители крупнейшего племени тёлёс – собственно тёлёсы, чагаты, ярыки, якшылыки, тятасы, оргончы, кёбёки, тьети-сары [21].

Обитатели средней Катуня в значительной степени испытывали влияние фольклора и языковых особенностей тубаларов, живущих в черневой тайге. В.В. Радлов в своей работе "Из Сибири писал: черневые татары – это перевод татарского "йыш-кижи", т. к. все эти татары живут в горах, заросших хвойными лесами, к востоку от Катуня, а их русские называют "чернь" или черневыми татарами. Их можно отнести к потомкам древних самоедских дубо (тофалары – карагасы, тубалары – алтайцы, тувинцы-

урянхайцы), которые впоследствии причислялись к тюркам-теле.

Как известно, во второй половине XIX в. в северном Алтае развернула свою деятельность Алтайская духовная миссия. Несмотря на усилия миссионеров, пытавшихся приобщить алтайцев к христианской вере, население средней Катунь продолжало придерживаться традиционных верований. В пантеоне шаманства верховными богами считаются Улгень и Эрлик. В небесной сфере ниже Улгенья расположен локус, соотносимый с местопребыванием богини-матери Умай. Ниже Умай располагаются покровители северных племен Пактыган (Пактыган, Поокту-кан) и Коча-кан. Причем, преобладающее большинство племен почитают Пактыгана, другие (небольшое количество) – Коча-кана. Пактыгана называют своим покровителем также все тёлёсы, независимо от местожительства. Некоторые роды, например, найманский (майманский) род ябыр почитает Каршита, также так и все алтайские майманы. Мундусы почитают Каракуша. Основопологающей идеей шаманизма является вера в духов природы, духов-предков. У каждого племени были свои духи-хозяева родовой тайги и горных вершин тёс. У каждого представителя того или иного рода свой тёс соотносимый уже с реальной географической точкой, с горой Абакан, например, для родов тёлёского происхождения. Духи-хозяева горы Абакан, сообщаясь со своим "коллегой" – небожителем Пактыганом, может изменять жизнь человека в лучшую сторону или, наоборот, наказывать. [10].

В долине реки Куйум жили многие известные шаманы Алтая. Перечень шаманов можно составить по известной книге А.В. Анохина "Материалы по шаманству у алтайцев", изданной в 1924 г. Полевую работу по сбору материала фольклора и этнографии Чемальского района А.В. Анохин проводил в 1910, 1912 гг. Тогда же были записаны тексты камланий, образцы напевов, песен.

Итак, на реке Куйум жил шаман Сапсыр из рода найман. При знакомстве с А.В.Анохиным ему было только семь лет. Он еще не сделал бубен с рисунками. Камлал с бубном средней величины без рисунков. В верховьях реки Куйум жила шаманка Капшагай из рода тёлёс. 30 лет. Камлала с 12 лет. [3]. По реке Кара-Турук, притоке Куйума жила шаманка Абакай из рода кергил. 41 год. Камлала без мандьяка. В долине Куйума, на одновременной реке жил шаман Сюртюш. Он не сшил себе мантияк. За это дух-палас наказывал его падучей болезнью. Шаман мог несколько часов лежать бездыханным. Только удары бубна могли привести его в чувство [3]. В этой же долине, по реке Куйум жила шаманка Сандеп, перекочевавшая впоследствии на р. Кан [3].

По речке Эремес жил шаман Полштоп из сёёка очы. 32 года. Текст его камлания, посвященного верхним божествам, был опубликован А.В.Анохиным [3]. Однако до сих пор пока не удается идентифицировать речку Эремес в какой-либо из ныне известных по географической карте.

В районе Бешпельтира жила шаманка Бардам из ро-

да чапты. По реке Чичке, впадающей в реку Бешпельтир, жил шаман Мама из рода тонгжаан. 50 лет. Имел мандьяк. [3]. По реке Чепош /Чопош жил шаман Баланди из рода ярык. 30 лет. В верховьях реки Эликманар имел местожительство шаман Моткочок из рода юс. 76 лет. Он начал камлать с 9 лет. Камлал только чистым духам. Не имел мандьяка [3].

Известно знаменитыми людьми левобережье средней Катунь. На берегу Катунь, в Аскате, недалеко от Аноса жил шаман Адыйок из рода кергил. По сообщению А.В. Анохина он умер в конце XIX – XX вв. : "Со дня его смерти прошло 13 лет. Похоронен не возвышенном месте по р.Асгат. Его могила ещё не утратила своего вида. Сохранился бубен на могиле. Братья его, мать и жена живут в Аскате". Его родственники живут по р. Эликманар. [Анохин, С.147]. В верховье реки Анос жила шаманка Сата. 30 лет. Из сёёка кузен. Она имела мандьяк. Не камлала юстюги ("по женской породе") [3]. Здесь же жил предрасположенный к шаманству Манзыр, делавший во времени кропления духам.

По левому притоку Катунь, в местности Ак-Айры жил шаман Пачыйак из рода ирkit. А.В. Анохин пишет, что этот шаман был уже старым. Его предок принес Ульгенью лошадь с поврежденным глазом. "Ульгень разгневался на него, запретил его роду приносить жертву чистым тёсям" [3]. Таким образом, Пачыйак камлал только черным тёсям – Эрлику и его сыновьям. Местность и гора Ак-Айры является почитаемой горой рода ирkit.

По левому притоку Катунь, по реке Апшуяхту жил шаман Мампый. А.В. Анохин писал об этом шамане, что он вылечил жену шамана Тъастакопа, когда тот не смог её вылечить [3]. Довольно большой текст – "Мистерия Эрлику" – был записан от него А.В.Анохиным [3]. В местности Кюртю-арт, по левому притоку Катунь жил шаман Кедемей из рода тогус. Он камлал без мандьяка. Пять лет он мучился шаманской болезнью, изводимый духами, пока не начал камлать [3].

По реке Майма жил шаман Чодур из рода мундус. Камлал всем тёсям. Мандьячный шаман. Мандьяк и дар камлания получил непосредственно от Тъезим-бия. На него воздействовали его предки шаманы времени ойратского владычества – Тостогош, Сангызак, Тъёор [3].

В верховье реки Маймы, в местности Куртуу-кёл жил шаман Сапыр из рода тонгжаан. 26 лет. Грамотный. По настоянию предка Курубаша был сделан бубен и мандьяк. Камлала всем тёсям. Он умел высекать огонь из бубна ударами колотушки (принимаемый зрителями и участниками камлания за небесный огонь). Мог "выпускать змей из носа". Выхаркивал из горла железные предметы – трубки, подвески к бубну конгура [3].

По мере распространения на Алтае бурханизма алтайцы средней Катунь вместе со всеми решили принять белую веру – бруканизм. В 1915 г. вЭдигане по поручению бая Текпеша было проведено бурханистское моление [4]. В 1929 г. в Бешпельтире был построен тагыл и совершено моление под руководством ярлыка Борбуева Кундучи [4]. Моления проводились и по левобережью Ка-

туни. Бурханистский тагыл был сооружен вблизи современного села Каспа. Моление проводил ярлык Кергилов Порой [4]. В 1925 г. было проведено моление в Апшухте, в местности Едор. Моление проводил ярлык Тогусов Кука [4].

Наряду с выдающимися шаманами в Чемальском районе проживали известные сказители, знатоки фольклора и исполнители обрядов. В эпической среде правобережья Катуня следует выделить сказителей долины Куйума в отдельную подгруппу. Известные шаманы Сапыр, Капшагай, Моткочок, Мама, Бардам [3] жили здесь почти одновременно со сказителями Ш. Шунековым, Б. Кучияковой, Б. Чунижековым, М. Ютканакowym, Ч. Матаковым, Ч. Куранакowym. Впоследствии от перечисленных лиц были записаны шаманские мистерии и сказания Г.Н. Потаниным [15], Никифоровым Я.Я. [12], Анохиным А.В. [3]. Тексты, записанные от Чолтыша (Чедека) Куранакова Н.Я. Никифоровым представляют большую ценность. Он был из рода комдош (подразделения тубаларов), жил в с. Аскат, на левом берегу Катуня; он родился в 1835 г., занимался ремеслом бондаря. От него записано 8 сказаний. В этом регионе бытовали и общеалтайские сюжеты – "Алтай–Буучай", "Кан–Капчыкай", "Аин–Шайн–Шикширге". Вариант последнего сказания был опубликован П.В. Кучияком под названием "Алтын–Тууди".

Интересно, что ряд топонимов Чемальского района нашли отражение в алтайских сказаниях. Так, в частности, названия гор, длин и озер были зафиксированы в эпосе "Алып–Манаш".

Сказание "Алып–Манаш" было исполнено выдающимся тубаларским сказителем Н.У.Улагашевым. Как известно, многие исследователи склонны принимать точку зрения о том, что местом утверждения служит сведение из самого эпоса "Манас", согласно которому богатырь Манас родился на Алтае или на Энесае (Енисее). Любопытно, что основанием для такого утверждения порой является наличие топонимики Манас на той или иной территории. Название Манас носит река и большой лог в Чемальском районе – Нижний Манас и Верхний Манас находится в широкой долине Куйума (Куюма). Безусловно, слово Манас является фонетической вариацией слова Манаш. Таким образом, имя богатыря Манаш могло быть сохранено в названии местности в указанном районе или места могли быть позже названы именем героя. Алтайский богатырь Алып–Манаш родился на Алтае. Владания его отца включает "девять одинаковых гор", Черную тайгу, "Черное Озеро Кара–Кёл с девятью округлыми заливами" [2].

Эпическая страна всегда описывается условно, стереотипными формулами – девятигранная, шестигранная, с одинаковыми гранями (сторонами) и т.д. [23]. Эпическая страна – эта страна богатыря. По представлениям сказителей она выглядит чудесной, сказочной страной, где не бывает ни зимы, ни лета, где всегда тепло, поют птицы и т.д. Эта страна, которая создается в сознании сказителя. Художественный мир, в котором происходят все события, ничего общего с реальным миром не имеет.

Тем не менее, мы решили найти на карте Республики Алтай топонимы Кара–Кёл, Кара тайга и названия с числовым обозначением "девять". К нашему удивлению, эти топонимы все оказались в одном месте – в Чемальском районе, недалеко от местности Манас. Каракольские озера, из которых вытекает река Каракол, представляют собой систему из нескольких озер (на карте обозначено три озера). Хребет, на котором расположены озера, называется Иолго. Это горный хребет разделяет бассейны реки Катунь и озера Телецкое. На хребте Иолго имеется несколько вершин – Аккая (2385 м. над уровнем моря), Кара (2175 м. над уровнем моря), Альбаган (2618 м. над уровнем моря), Карасу (2557 м. над уровнем моря). От вершины Кара берет начало река Каракочка, которая соединяясь с рекой Уймень, впадает в Телецкое озеро. В бассейне Катуня также имеется река, которая, соединяясь с другими речушками, впадает в реку Катунь. В районе Средней Катуня имеется также сопка по названию Карабел (1766 м. над уровнем моря). Необходимо отметить, что по правую сторону речки Каракол находится горная вершина Адыган (1857 м. над уровнем моря), которая является священной для представителей племени мундус. Веховья реки Кара почитается северными алтайцами и называется Кара–Кайа. От горной вершины Альбаган, которую почитают племена найманаов, берет свое начало река Сумульта, притоком которой является речка Тогускёл, начинающая свой ход от озера Тогускёл.

Таким образом, все топонимы, связанные с именем Манаш, оказались в Чемальском районе, в бассейне Средней Катуня. Примечательно, что в алтайском героическом эпосе женой Алып–Манаша является дочь Кыргыз–каана – Кюмюжек–Ару [2]. В алтайском героическом эпосе очень редко встречаются этнонимы. "Алып–Манаш" входит в число нескольких сказаний, в котором указано название реально существовавшего племени кыргызов. В алтайском фольклоре собирательное имя кыргызских каганов было канонизировано в форме могущественного духа Кыргыз–кан. Этому божееству поклонялись все роды северных алтайцев, телеутов и шорцев. Ему совершали жертвоприношения, просили у него благословения [23].

Алтайский эпос "Алып–Манаш" относится к числу выдающегося нематериального наследия алтайского народа. Следует уточнить, что имеется под определением "нематериальное наследие". "Нематериальное культурное наследие" означает обычаи, формы, представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами и группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству че-

ловека".

Являясь архаической версией монументального кыргызского эпоса "Манас", признанного нематериальным культурным наследием Юнеско, алтайский "Алып-Манаш" представляет собой пример удивительного взаимодействия с природой, географией, формируя у жителей Горного Алтая чувство самобытности и гордости.

Неотъемлемой частью облика Средней Катуни выступают археологические памятники. Наскальное искусство составляет главную часть историко-культурного наследия Республики Алтай, которое несет репрезентативные функции. Рисунки на скалах стали достоянием широкой общественности начиная с середины XX в. В настоящее время насчитывается десятки скал и каменных образований с рисунками. Это – Калбак-Таш, Елангаш, Яло-

ман, Туру-Алты, Адыр-Кан, Кара-Боом, Карбан, Бичик-ту-Боом и др. Этот перечень дополняется памятниками средней Катуни – Бийке, Карбана, Куйум, Куюс, Карасу, Тогускан. Уникальные памятники, представляющие собой единство творений природы и человека, составляют неповторимый облик этнокультурной среды и природного окружения. Вместе с тем, это такие памятники – недвижимые объекты – скалы, которые невозможно унести с собой. Архаическое искусство на камнях стало частью не только природного окружения, но и традиционной культуры, поскольку многие из них являются объектом почитания местного населения. В Горном Алтае на протяжении многих тысячелетий был создан уникальный культурный ландшафт, своего рода освоенный этносом (сообществом) природный ландшафт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алтай кеп-куучындар: Сборник фольклорных текстов /Сост. Е.Е.Ямаева, И.Б.Шинжин. – Горно-Алтайск.: Ак-Чечек, 1994. – 415 с.
2. Алып Манаш. /Исп. Н.У. Улагашев // Алтай баатырлар. – Горно-Алтайск, 1959. – т. II.
3. Анохин А.В. Материалы по шаманизму у алтайцев /А.В. Анохин. – Сб. МАЭ, 1924. – т. IV, вып. 2.
4. Бурханизм – Ак тыан /Институт алтаистики им. С.С.Суразакова. Сост. Н.В.Екеев – Горно-Алтайск: "Юс-Сюмер", 2004. – 143 с.
5. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия. Режим доступа: <http://heritage.unesco.ru>.
6. Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка /В.М.Жирмунский – М.: Издательство восточной литературы, 1966.
7. Кадиков, Лапшин. Каратурук – новая стоянка каменного века в Горном Алтае /Кадиков, Лапшин // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С.3–10.
8. Кубарев В.Д. Каменные изваяния Алтая. /В.Д.Кубарев. – Новосибирск _ Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1997.– 184 с.
9. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая. По материалам погребальных памятников. /Г. В. Кубарев. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 400 с.
10. Муйтуева В.А. Традиционно-религиозная мифологическая картина мира алтайцев / В.А. Муйтуева. – Горно-Алтайск: Типография ЧП Высоцкой ГГ.. 2004. – 166 с.
11. Несказочная проза алтайцев /Сост. Н.Р. Ойноктинова Н.Р., И.Б. Шинжин, К.В.Яданова, Е.Е. Ямаева – Новосибирск: Наука, 2011. – 576 с.
12. Никифоров Н.Я. Аноский сборник. Собрание сказок алтайцев. Примения Г.Н. Потанина /Н.Я. Никифоров. – Омск, 1915. – 264 с.
13. Окладникова Е.А. Петроглифы средней Катуни. /Е.А.Окладникова.– Новосибирск: "Наука" СО, 1984.
14. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев / Л.П.Потапов – Л.: Ленинградское отделение издательства "Наука", 1969. – 196 с.
15. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии / Г.Н.Потанин – Горно-Алтайск.: Издательство "Ак-Чечек", 2005. – 1025 с.
16. Радлов В.В. Из Сибири /В.В.Радлов. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. – 749 с.
17. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России / Г.П.Самаев. – Горно-Алтайск.: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1991. – 255 с.
18. Худяков Ю.С. Мумифицированное захоронение из могильника Кок-Эдиган /Ю.С.Худяков // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, Горно-Алтайское книжное издательство, 1992 – С. 118–135.
19. Худяков Ю.С. Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в горном Алтае./Ю.С.Худяков. – Горно-Алтайск: Типография Горно-Алтайского госуниверситета., 2003.– Вып.1.– С. 99–109.
20. Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае /Ю.С.Худяков //материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002. – С.79–88./
21. Швецов, с.104–105; Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. Вып. 1. Барнаул, 1900. Полевые материалы Е. Е. Ямаевой. Ечибесова М., 1919 г.р., р. тьети-сары, с.Кулада Онгудайского района. Зап. 1987 г. Ямаева Е.Е.
22. Шульга П.Н. Раскопки "скифского" поселения Аскат II на Средней Катуни /П.Н. Шульга //Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1992.– С.64–65.
23. Ямаева Е.Е. Указатель персонажей алтайской мифологии /Е.Е.Ямаева // Горно-Алтайск: Типография Горно-Алтайского государственного университета, 2006 – С. 114.

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС

INCREASING LEARNING MOTIVATION OF STUDENTS OF SECONDARY SCHOOL AGE IN THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF THE FSES

A. Berezhneva
A. Golikov

Annotation

The article dedicated to increasing the level of educational motivation of students of secondary school age in the conditions of implementation of the new federal state educational standards. Despite the large number of studies on the development and formation of educational motivation of students, we cannot consider that the problem has solved in many aspects. Based on monitoring levels of educational motivation of students are defined, the dominant motives and their impact on the educational process are identified. The study determined the means and methods to improve the motivation of students in math class. There is the expediency of the monitoring of educational motivation of students to improve the quality of the educational process.

Keywords: Federal state educational standards, motivation, level of motivation, motive, types of motives, monitoring, means and methods of teaching.

Бережнева Алена Николаевна

*МОБУ Ср. общеобразовательная школа №5 им.
Н.О. Кривошапкина (с углубленным изучением*

отдельных предметов) ГО, Якутск

Голиков Алексей Иннокентьевич

*Д.п.н., директор Пед/ института
ФГАОУ ВПО "Северо-Восточный*

федеральный университет

им. М.К. Аммосова", Якутск, Россия

Аннотация

Статья посвящена повышению уровня учебной мотивации детей среднего школьного возраста в условиях реализации нового федерального государственного образовательного стандарта. Несмотря на большое количество исследований по вопросам развития и формирования учебной мотивации школьников нельзя считать эту проблему решенной во многих ее аспектах. На основе результатов мониторинга определены уровни учебной мотивации школьников, выявлены доминирующие мотивы и их влияния на учебный процесс. В ходе исследования определены средства и методы, позволяющие повысить уровень мотивации школьников на уроках математики. Обоснована целесообразность проведения мониторинга учебной мотивации школьников в целях повышения качества образовательного процесса.

Ключевые слова:

Федеральный государственный образовательный стандарт, мотивация, уровень мотивации, мотив, виды мотивов, мониторинг, средства и методы обучения.

В последнее время социально-экономический прогресс в нашей стране влечет за собой кардинальные изменения в образовании. Одним из приоритетных направлений сферы образования становится подготовка будущих специалистов, способных не только усваивать знания и приобретать умения и навыки, но и способных эти знания интерпретировать в соответствии с обстоятельствами, добывать их самостоятельно.

В настоящее время на всех уровнях школьного образования разрабатываются и внедряются ФГОС нового поколения. Приоритетным направлением в новом образовательном стандарте является формирование универсальных учебных действий (УУД). Формирование УУД заключается в "умении учиться", которое предполагает полноценное освоение всех компонентов учебной деятельности (познавательные и учебные мотивы; учебная

цель; учебная задача; учебные действия и операции), а также является существенным фактором повышения эффективности освоения учащимися предметных знаний, умений и формирования компетенций, образа мира и ценностно-смысловых оснований личностного морального выбора [8].

Пути повышения эффективности обучения ищут во всем мире. Отношение школьников к учебе зависит от мотивации. Мотивация – это внутренняя психологическая характеристика личности, которая находит выражение во внешних проявлениях, в отношении человека к окружающему миру, различным видам деятельности. Деятельность без мотива или со слабым мотивом либо не осуществляется вообще, либо оказывается крайне неустойчивой. От того, как чувствует себя ученик в определенной ситуации, зависит объем усилий, которые он при-

лагает в своей учебе. Поэтому важно, чтобы весь процесс обучения вызывал у ребенка интенсивное и внутреннее побуждение к знаниям, напряженному умственному труду [9]. Мы считаем, что уровень учебной мотивации можно рассмотреть, как один из показателей эффективности педагогического процесса и как результат деятельности образовательного учреждения.

Для выявления уровня учебной мотивации, доминирующих видов мотивов и их влияния на учебный процесс нами было проведено исследование среди учащихся 7 класса на базе МОБУ СОШ №5 им. Н.О. Кривошапкина г. Якутска. Целью исследования явилось получение объективной информации об уровне мотивации учащихся.

Для достижения поставленной цели нами решены следующие задачи: определены уровни учебной мотивации и виды мотивов; проведен педагогический мониторинг школьников по методике изучения мотивации учения подростков, разработанной Лукьяновой М.И. и Калининой Н.В. [4]. В соответствии с основными показателями мотивации учения диагностическая методика включает в себя содержательные блоки: личностный смысл обучения; степень развития целеполагания; виды мотивации; внешние и внутренние мотивы; тенденции на достижение успеха или неудачи при обучении; реализация мотивов обучения в поведении. Каждый блок представлен в анкете тремя вопросами. После проведения мониторинга в классе проведена работа по повышению уровня мотивации учащихся. Исходя из полученных результатов, нами сделан вывод, что учебная деятельность школьника побуждается не одним мотивом, а целой совокупностью различных мотивов.

Определение уровня мотивации школьников показывает, насколько сильным для школьников является личностный смысл обучения. Выделяются следующие уровни

учебной мотивации [4]:

Следующей целью педагогического мониторинга является определение доминирующих видов мотивов. Мотив – это направленность школьника на отдельные стороны учебной работы, связанная с внутренним отношением ученика с ней.

В ходе анализа литературы нами были изучены следующие виды мотивов:

- ◆ социальные мотивы связаны с разными видами социального взаимодействия школьника с другими людьми;
- ◆ учебные мотивы связаны с содержанием учебной деятельности и процессом ее выполнения;
- ◆ позиционный мотив проявляется в желании ученика обладать местом лидера, оказывать влияние на других учеников;
- ◆ внешние мотивы проявляются тогда, когда процесс обучения осуществляется в силу долга, из-за давления родителей, учителя и др.;
- ◆ игровые мотивы – стремление ученика к игровой стороне;
- ◆ оценочный мотив – стремление школьников получить высокую оценку.

Педагогический мониторинг учащихся мы начали проводить в марте 2015 года. Информация, полученная в ходе педагогического мониторинга, явилась основанием определения индивидуальной динамики качества развития обучающегося, прогнозированием педагогической деятельности и осуществлением необходимой коррекции.

Учеба – это нелегкий труд, но при правильной организации, способен приносить радость творческих открытий. Для повышения уровня учебной мотивации и учебно-по-

Таблица 1.

Уровень учебной мотивации.

Уровень в цифровом показателе	Уровень учебной мотивации	Критерии
I	Очень высокий уровень мотивации	Высокий уровень школьной мотивации, учебной активности
II	Высокий уровень мотивации	Хорошая школьная мотивация.
III	Средний уровень мотивации	Положительное отношение к школе, но школа привлекает больше вне учебными сторонами
IV	Сниженный уровень мотивации	Низкая школьная мотивация
V	Низкий уровень мотивации	Негативное отношение к школе, дезаптация

знавательного мотива нами были использованы различные средства и методы на уроках математики:

- ◆ Применение информационных технологий на уроках. Сниженный уровень мотивации на уроках математики зачастую связан со сложностью предмета и его учебной нагрузкой. В наше время внедрение компьютерных технологий на уроках является неотъемлемой частью школьного обучения. Применение компьютерных средств на уроках математики позволяет учителю достичь оптимального темпа работы учащихся, повысить наглядность обучения, разнообразить традиционные формы обучения, повысить познавательную активность учащихся и повысить интерес к предмету.

- ◆ Осуществление проектной деятельности на внеурочных занятиях. В основу проектной деятельности положена идея о направленности учебно-познавательной активности школьников на результат, который получается при решении той или иной теоретически значимой или практически важной проблемы. Внешний результат проекта можно осмыслить, применить в реальной практической деятельности. Внутренний результат становится достоянием учащегося, соединяя в себе знания и умения, компетенции и ценности. Метод проектов позволяет учащимся проявить себя индивидуально или в группе, применить свои знания, принести пользу, показать публично достигнутый результат, попробовать свои силы. Для учеников работа над учебными проектами – это возможность раскрытия их творческого потенциала. Проектная деятельность учащихся является инновационной образовательной технологией и служит средством комплексного решения задач воспитания, образования, развития личности в современном обществе, трансляции норм и ценностей научного сообщества в образовательную систему. Проектное обучение создает положительную мотивацию для самообразования. Поиск нужных материалов, комплекующих требует систематической работы со справочной литературой. Выполняя проект, учащиеся обращаются не только к учебникам, но и к другой учебно-методической литературе, к ресурсам сети Интернет, школьной медиатеке.

- ◆ Проведение математических игр на уроках. В процессе игры у детей вырабатывается привычка сосредоточиваться, стремление к знаниям, развивается внимание, способность мыслить самостоятельно. Увлёкшись игрой, дети не замечают, что учатся: познают, запоминают новое, ориентируются в необычных ситуациях, пополняют запас знаний. Даже самые пассивные дети включаются в игру с огромным желанием, прилагая все усилия, чтобы не подвести товарищей по игре. Включение в урок дидактических игр и игровых моментов создаёт у учащихся бодрое рабочее настроение, облегчает преодоление трудностей в усвоении учебного материала, делает процесс обучения интересным и занимательным. Разнообразные игровые действия, при помощи которых решается та или иная умственная задача, поддерживают и

усиливают интерес детей к учебному предмету. Во время дидактических игр у школьников развивается коммуникативные и информационные компетенции.

- ◆ Использование проблемного метода обучения. Под проблемным обучением понимается такая организация уроков, которая предполагает создание под руководством учителя проблемных ситуаций и активную деятельность учащихся по их разрешению. Если учащийся видит в решаемой задаче возможность применить полученные знания на практике, то появляется и интерес к её решению. При использовании проблемного метода обучения школьники учатся формулировать проблему, осуществлять самостоятельные действия по её решению, а также организуют самоконтроль и самооценку деятельности. В результате происходит творческое овладение знаниями, умениями, навыками и развитие мыслительных способностей учащихся. Данный метод обучения позволяет активизировать познавательную деятельность учеников на уроке, что формирует стойкую учебную мотивацию.

Использование вышеуказанных методов и средств обучения обеспечивает формирование у учащихся личностных, познавательных, регулятивных и коммуникативных УУД.

Еще одним важным фактором, влияющим на формирование положительной мотивации учеников к учебной деятельности, является стиль общения педагога и учащихся. Помимо вышеуказанных методов и приемов, в своей работе мы используем приемы для создания эмоционального комфорта: системное одобрение, доброжелательность, улыбка, юмор, похвала, направленная на формирование получения положительных оценок, создание обстановки уверенности в успехе и доверия.

Для успешного усвоения учащимися учебного материала и раскрытия индивидуальных особенностей каждого ребенка мы использовали дифференцированный подход, для отдельных учащихся были составлены индивидуальные программы развития, осуществлено постоянное взаимодействие с родителями учащихся в целях организации самостоятельной работы детей вне школы.

Высокий уровень учебной мотивации в марте 2015 г. составлял 45,2% количества учеников, в октябре 2015 г. – 48,4%, увеличился на 3,2%. Средний уровень учебной мотивации на этот период повысился на 6,4%, с 45,2% до 51,6%. В марте 2015 г. количество учеников со сниженным уровнем учебной мотивации составлял 9,7%. В октябре 2015 г. детей со сниженным и низким уровнем учебной мотивации не выявлены.

Наибольшую значимость для нас представляли учебные мотивы. Учебные мотивы свидетельствуют об ориен-

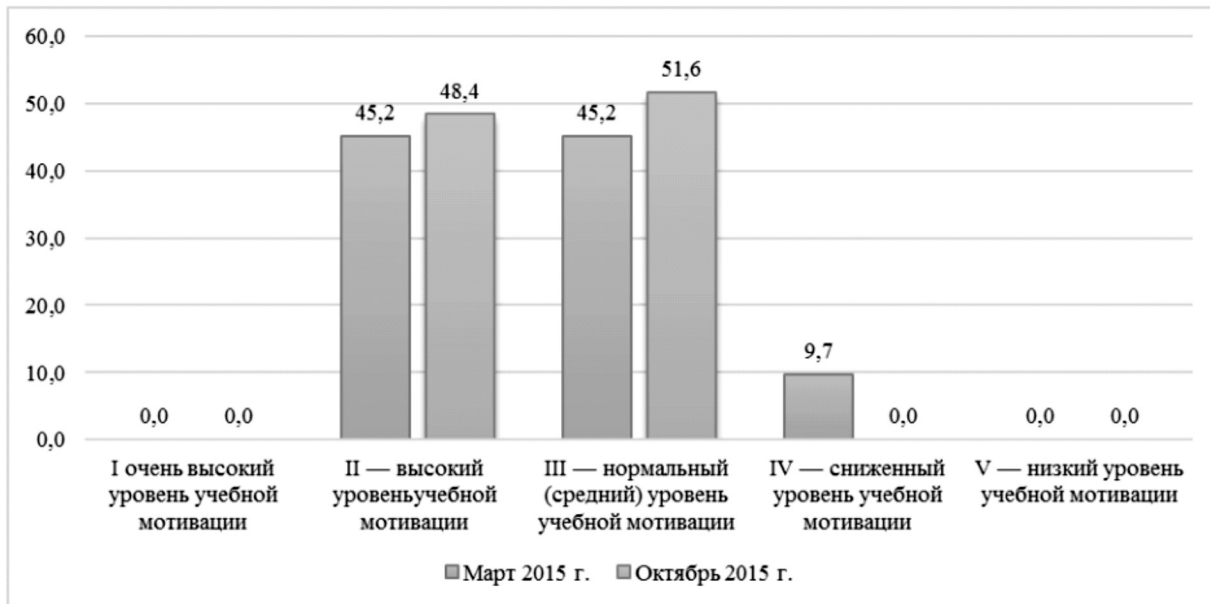

Рисунок 1. Уровень учебной мотивации (в %).

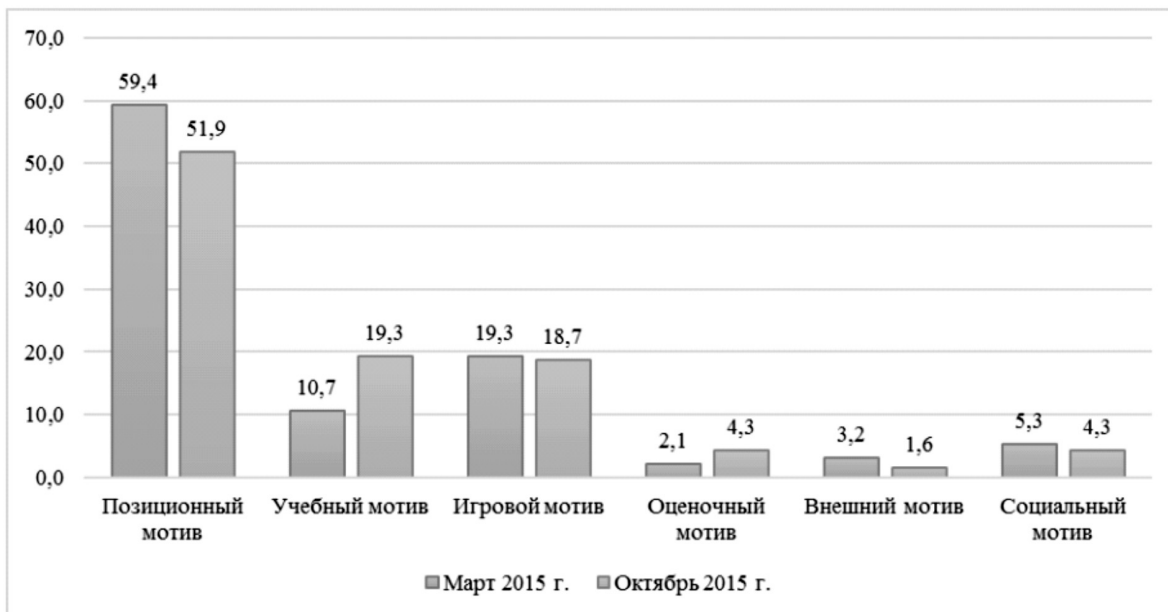

Рисунок 2. Виды мотивов (в %).

тации школьников на овладение новыми умениями и знаниями, учебными навыками. В марте 2015 г. показатель учебных мотивов составлял 10,7% и в октябре – 19,3%. На данный период значительно увеличился на 8,6%.

Как видно из таблицы, количество детей с игровыми мотивами уменьшилось на 0,6%.

Показатель оценочного мотива на указанный период увеличился с 2,1% до 4,3%.

В марте 2015 г. показатель внешних мотивов составлял 3,2% и в октябре 2015 г. снизился до 1,6%.

Социальные мотивы связаны с различными видами

социального взаимодействия школьника с другими людьми, такими как "стремление получать знания", чтобы быть полезным обществу, желание выполнить свой долг, понимание необходимости учиться, чувство ответственности. Показатель данного вида мотива незначительно снизился на 1%.

Следует сделать вывод, что у школьников за данный период обучения заметно уменьшился позиционный мотив за счет увеличения учебного мотива. Количество учеников с доминирующим позиционным мотивом в период с марта 2015 г. (59,4%) по октябрь 2015 г. (51,9%) снизилось на 7,5%. Тем не менее, доминирующим в обоих периодах остается позиционный мотив. Данный мотив

определяют еще как мотив социального сотрудничества [5]. Он состоит в том, что школьник не только хочет общаться и взаимодействовать с другими людьми, но и стремится совершенствовать формы и способы своего сотрудничества с учителем и товарищами по классу. Данный мотив является важной основой самовоспитания и самосовершенствования личности.

Таким образом, организация мониторинга, направленного не только на предметные знания, но и на психологические характеристики каждого школьника, позволит образовательному учреждению достичь высокого качества образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабанский Ю. К. Проблемы повышения эффективности педагогических исследований: (Дидактический аспект). – М.: Педагогика, 1982. – 75 с.
2. Гинзбург М.Р. Диагностика учебной деятельности и интеллектуального развития детей. – М.: Просвещение, 1981. – 265 с.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2000. – 253 с.
4. Лукьянова М.И., Калинина Н.В. Психолого-педагогические показатели деятельности школьника: Критерии и диагностика. – М.: ТЦ Сфера, 2004. – 208 с.
5. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1983. – 96 с.
6. Нефедова, Л. А., Н. М. Ухова Развитие ключевых компетенций в проектном обучении // Школьные технологии. – 2006. – № 4. – С. 61–66
7. Новикова Т.Д. Проектные технологии на уроках и во внеучебной деятельности// Народное образование. – 2000, № 8, с.151–157
8. Федотова А.В. Роль универсальных учебных действий в системе образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zankov.ru/practice/stuff/article=1866/> (дата обращения: 15.12.15).
9. Шпика И.В. Учебная мотивация как показатель качества обучения младших школьников // Начальная школа. – 2007. – № 2 – с. 18.–19

© А.Н. Бережнева, А.И. Голиков, (egorkina_a_89@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВОЕННЫХ ВУЗАХ

INDEPENDENT WORK IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE IN MILITARY HIGH SCHOOLS

V. Bikbaev

Annotation

The article notes that the current educational paradigm implies an active independent work of students, including cadets of military universities. It is characterized by the concept and essence of independent work in the framework of military pedagogy. It analyzes the basic principles and features of independent work in learning a foreign language. It has been shown this type of learning activity promotes the development of professional competencies of students.

Keywords: military pedagogy, students, foreign language, independent work, professional competence.

Бикбаев Вадим Манцурович

*К.пол.н., доцент,
зав. каф. иностранных языков
Новосибирского высшего
военного командного училища*

Аннотация

В статье отмечается, что современная образовательная парадигма предполагает активную самостоятельную работу обучающихся, в том числе – курсантов военных вузов. Характеризуется понятие и сущность самостоятельной работы в рамках военной педагогики. Анализируются основные принципы и особенности самостоятельной работы при обучении иностранному языку. Показано, что данный вид учебной деятельности способствует развитию профессиональных компетенций курсантов.

Ключевые слова:

Военная педагогика, курсанты, иностранный язык, самостоятельная работа, профессиональные компетенции.

Современная образовательная парадигма, основанная на компетентностном подходе, предполагает необходимость подготовки обучающихся, в том числе курсантов военных вузов, к самостоятельному решению возникающих производственных и социальных проблем. Однако анализ практики показывает, что курсанты не всегда способны успешно заниматься самостоятельной работой. Основными причинами данного противоречия являются: слабая мотивация курсантов; отстранение преподавательского состава от управления данным процессом; фрагментарность управления качеством самостоятельной работы в вузах; несоответствие критериев оценки качества самостоятельной работы и уровня компетентности выпускников в профессиональной деятельности.

Весомый вклад в формирование понятия самостоятельной работы внёс родоначальник военно-педагогической школы А.В. Барабанщиков. Под сущностью самостоятельной работы им понималась вся работа обучающихся по овладению научными знаниями и практически навыками, их активная, сознательная, творческая, ответственная деятельность по усвоению учебного материала во всех формах учебного процесса [1].

По мнению А.А. Дорофеева, в военно-педагогической

литературе организация самостоятельной работы представляет собой целенаправленный и личностно-ориентированный процесс субъект-субъектного взаимодействия преподавателя и курсантов, в ходе которого преподаватель, используя различные виды и формы заданий для самостоятельной работы, адекватных содержанию учебной дисциплины, через систему различных педагогических способов и приемов планирования, осуществления и контроля самостоятельной учебно-познавательной деятельности, учитывает сформированность у курсантов индивидуальных приемов и методов самостоятельной работы с учебным материалом [4, С. 41].

Анализируя особенности самостоятельной работы в рамках военной педагогики, И.А. Алёхин отмечает различные аспекты данной категории в трудах исследователей. Одни полагают, что самостоятельная работа – это такой вид познавательной деятельности, которую курсант выполняет сам, в том числе во время аудиторных занятий. Главное, чтобы он самостоятельно мыслил, ориентировался в учебном материале. Другие считают, что самостоятельная работа представляет собой внеаудиторное изучение учебного материала. Третьи убеждены, что под самостоятельной работой следует понимать учебную деятельность курсантов, которую они выполняют без непосредственного участия преподавателя. Однако единого

мнения о самостоятельной работе до сих пор не существует [3, С. 115 – 128].

Самостоятельная работа курсантов, являясь неотъемлемой частью учебного процесса, была и остаётся обязательной в курсе обучения иностранным языкам. Это означает, что достижение практических целей обучения (формирование у выпускников военных вузов соответствующего уровня иноязычной коммуникативной, профессионально ориентированной компетенции, формирование у них соответствующего уровня самообразовательной компетенции и др.) происходит во взаимосвязи организуемой преподавателем самостоятельной работы курсантов с другими видами их учебной деятельности. Самостоятельная работа курсантов военных вузов является одним из видов их учебной деятельности, связанной с выполнением ими учебных заданий преподавателя без непосредственного контакта с ним. Такая учебная работа имеет место преимущественно во внеаудиторное время, но она также возможна и в аудиторное время (в условиях лингафонного кабинета при выполнении письменных, устных и тестовых заданий).

Психологи, педагоги и методисты отмечают, что именно в условиях самостоятельной работы у учащихся проявляются мотивация, сознательное отношение к учёбу, а также развиваются такие личностные качества и свойства, как организованность, самостоятельность, самоконтроль и др. [2]. Особое внимание при этом уделяется индивидуализации обучения в вузах, развитию личности учащихся и использованию новой электронно-вычислительной техники [2], [5], [7], [8]. Самостоятельная работа является составляющей тенденцией индивидуализации обучения и индивидуализации труда курсантов [7]. Эта тенденция находится в тесной связи с такими тенденциями высшего образования, как демократизация, диверсификация и образование в течение всей жизни, которые повышают роль индивидуальной работы курсантов.

В процессе обучения в вузе должны получить дальнейшее развитие и совершенствование практические иноязычные компетенции (в чтении, аудировании, говорении и письме), навыки самостоятельного использования научно-популярных публикаций на иностранном языке в профессиональных целях и навыки применения иностранного языка в профессионально-бытовых ситуациях. Специфика профильной подготовки курсантов к будущей профессиональной деятельности определяет цели и содержание образовательной программы по иностранному языку.

Программа по иностранному языку предполагает: 1) овладение курсантами терминологии делового и профессионального общения; 2) совершенствование их иноязычных знаний и коммуникативных навыков, позволяющих им осуществлять профессиональное общение с за-

рубежными партнёрами на иностранном языке; 3) использование информационных источников на иностранных языках с целью получения профессиональной информации; 4) развитие у курсантов профессиональных умений (при решении профессиональных задач с использованием иностранных языков); 5) развитие в ходе изучения иностранного языка личностных качеств, определяющих уровень профессиональной компетенции курсантов; 6) формирование и развитие способности курсантов к автономному поддержанию и совершенствованию уровня владения иностранным языком.

В условиях самостоятельной работы курсант рассматривается как субъект данной деятельности. При организации данного вида деятельности психологами и педагогами должны учитываться следующие моменты:

1. Интерес к самостоятельной работе возникает в условиях "информационного вакуума", из потребности "узнать, освоить что-то новое, неизвестное, нужное, важное для себя" и найти пути удовлетворения этой потребности. [5, С. 251]. Роль преподавателя при этом заключается в постановке новых познавательных задач.

2. Выполнение самостоятельной работы "требует достаточно высокого уровня самосознания, рефлексивности, самодисциплины, личной ответственности" и должно доставлять учащемуся "удовлетворение как процесс самосовершенствования и самопознания" [6, С. 55]. Задачей преподавателя на данном этапе является создание условий для формирования вышеперечисленных качеств.

3. Умение работать самостоятельно в процессе обучения иностранному языку приобретает курсантами при системной организации данного вида деятельности. При организации самостоятельной работы преподавателю необходимо осуществлять регулярное и целенаправленное планирование, организовывать самоконтроль и контроль результатов выполнения заданий.

4. Самостоятельная работа курсантов может иметь различные формы, например, индивидуальную и фронтальную. К фронтальной работе мы относим выполнение внеаудиторной домашней работы, которая является обязательной для всех курсантов. Индивидуальная работа заключается в выполнении заданий, предназначенных для конкретного курсанта. Сочетание этих двух видов самостоятельной работы является, на наш взгляд, наиболее эффективным при автономном обучении иностранному языку.

При обучении курсантов военного вуза иностранному языку преподаватели традиционно сталкиваются со следующими трудностями: 1) разный уровень владения иностранным языком у курсантов; 2) разные психологические особенности контингента курсантов; 3) недостаточное количество аудиторных часов; 4) недостаток умения у курсантов в организации самостоятельной работы; 5) недостаток мотивации для изучения иностранного языка.

Для курсантов наибольшую важность представляют следующие научно-исследовательские характеристики: 1) умение анализа, синтеза информации; 2) генерирование цели; 3) логичность восприятия и представления информации. Данные характеристики являются показателями их профессиональных качеств, таких как нестандартность мышления, стремление к познанию, наличие творческого потенциала в создании собственного информационного продукта. Совокупность перечисленных характеристик способствует формированию одного из ведущих качеств личности – самостоятельность. Наличие данного качества у курсантов предполагает следующие умения: выделять профессиональные задачи в процессе работы с иноязычными источниками информации, осмысливать иноязычную профессиональную информацию, создавать в результате индивидуальный информационный продукт (дипломную работу, проект и т.д.)

Самостоятельная учебная работа позволяет курсанту повысить самооценку, ощутить собственную значимость в профессиональной сфере. Учащийся в процессе выполнения самостоятельной работы осознаёт себя субъектом деятельности, самостоятельно планируя последовательность конкретных действий и пытаясь адекватно оценивать результаты своей деятельности.

Выполнение курсантами самостоятельной работы должно начинаться с постановки вопросов "Зачем? Для чего?" Данная постановка вопросов вовлекает в решение проблемы творческих умений, таких как: 1) постановка задачи, выбор путей её решения; 2) определение проблемы и анализ её разрешения; 3) определение возможных способов решения проблемы; 4) формирование своего отношения к решению проблемы; 5) формирование и аргументация выводов; 6) презентация результатов своей индивидуальной работы.

Преподавателями кафедры иностранных языков рекомендуются две формы самостоятельной работы учащихся: 1) обязательная для всех курсантов фронтальная

самостоятельная работа, которая включает в себя работу с текстами учебного пособия (тренировочного и развивающего характера, типа: составления словаря, глоссария, просмотрное чтение, аннотирование, реферирование, письменный перевод с иностранного на русский и с русского на иностранный язык, подготовка сообщения по прочитанному материалу и др.); 2) индивидуальная самостоятельная работа по выбору, которая предполагает исследовательскую, профессионально-ориентированную работу курсанта и выполнение им заданий проблемного характера с целью создания им нового информационного продукта (самостоятельно выполненного исследования) в письменной и устной формах (подготовка к дискуссии, создание проекта, презентации и т.д.).

По рекомендации кафедры иностранных языков учащиеся могут подготовить к публикации тезисы или статью на иностранном языке о результатах своего исследования, проведённого на базе ознакомления с отечественной и зарубежной научной специализированной литературы. При проведении данного вида самостоятельной работы роль преподавателя иностранного языка заключается в организации, управлении, коррекции и консультации курсантов. Оценка устных и письменных презентаций является необходимой.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что самостоятельная работа по изучению иностранного языка является обязательным компонентом как для развития профессиональной подготовки, так и для развития научно-исследовательских умений курсантов. Самостоятельная работа по изучению иностранного языка и по его использованию при решении коммуникативных, профессиональных и научно-исследовательских задач должна способствовать формированию вышеупомянутых умений. Данный вид деятельности формирует и воспитывает личностные качества курсантов, которые позволяют им овладеть иностранным языком, успешно заниматься профессиональной деятельностью и адаптироваться в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанщиков А.В. Основы военной психологии и педагогики / А.В. Барабанщиков, В.П. Давыдов, Н.Ф. Феденко. – М.: Просвещение, 1988. – 272 с.
2. Бурденюк Г.М. Управление самостоятельной учебной деятельностью при обучении иностранным языкам взрослых: Дис. д-ра пед. наук. – Кишинёв, 1992. – 558 с.
3. Военная педагогика / Под ред. И.А. Алёхина. – М.: Главное управление воспитательной работы вооружённых сил Российской Федерации, 2008. – 320 с.
4. Дорофеев А.А. Педагогическая технология дифференцированной организации самостоятельной работы курсантов: На опыте изучения общевоинских дисциплин: Дис. канд. пед. наук. – Орёл, 1998.
5. Зимняя И.А. Педагогическая психология / И.А. Зимняя. – М.: МПСИ; МОДЭК, 2010. – 448 с.
6. Инновационные подходы в обучении иностранным языкам. – М.: Рема, 2010. – 178 с.
7. Коряковцева Н.Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык / Н.Ф. Коряковцева. – М.: Аркти, 2002. – 176 с.
8. Павлова И.П. Применение компьютера в преподавании иностранных языков в вузе / И.П. Павлова. – М.: МГЛУ, 2005. – 104 с.

ЭФФЕКТИВНЫЙ ТРУДОВОЙ КОНТРАКТ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ

AN EFFECTIVE EMPLOYMENT CONTRACT IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL EDUCATION: PROBLEMS AND PROSPECTS OF IMPLEMENTATION

I. Dolgoplova

Annotation

In work questions of transition to effective contracts of teachers in line with changes of system of payment are generalized. On the example of sports school legal and organizational aspects of introduction of indicators of an assessment of efficiency of activity of teachers as element of the stimulating part of their salary are analysed. By means of an expert assessment concrete and unambiguous indicators of efficiency of activity of trainers-teachers are developed and the technique of development of indicators at which the opinion of trainers-teachers was considered is approved.

Keywords: system of compensation, effective contract, indicators of efficiency of activity, trainers-teachers.

Долгополова Ирина Владимировна
К.псих.н., доцент, Березниковский филиал
Пермского национального
исследовательского политехнического
университета

Аннотация

В работе обобщены вопросы перехода к эффективным контрактам педагогов в русле изменений системы оплаты. На примере спортивной школы проанализированы правовые и организационные аспекты внедрения показателей оценки эффективности деятельности педагогов как элемента стимулирующей части их заработной платы. С помощью экспертной оценки разработаны конкретные и однозначные показатели эффективности деятельности тренеров-преподавателей и апробирована методика разработки показателей, при которой учитывалось мнение самих тренеров-преподавателей.

Ключевые слова:

Система оплаты труда, эффективный контракт, показатели эффективности деятельности, тренеры-преподаватели.

В рамках Приоритетного национального проекта "Образование" к системе учреждений предъявляются новые требования: от обеспечения условий достижения качества образования, соответствующего ожиданиям современного общества до объективной оценки образовательных услуг. Это требует эффективных управленческих шагов в решении трех вопросов: выполнение государственного заказа в отношении качества образования, привлечение контингента учащихся и сохранение высококвалифицированных педагогических кадров.

Успешное решение данных вопросов возможно, в том числе за счет эффективной системы оплаты труда педагогов, которые являются субъектами образовательного пространства, определяющими результат обучения. Мотивация их деятельности – это одна из наиболее актуальных управленческих проблем. Даже в ситуациях, когда денежное вознаграждение за труд не является ведущим мотивом, как средство существования имеет место быть для любой личности. Проблема заработной платы как инструмента стимулирования трудовой деятельности педагогов особенно остро стоит в бюджетных учреждениях,

так их финансирование ограничено и нет дополнительных ресурсов для увеличения фонда оплаты труда.

Решение выше обозначенных вопросов усугубляется постоянными изменениями в системе оплаты труда, которые стали определенными маркерами в образовательных учреждениях (далее – ОУ), в том числе и в учреждениях дополнительного образования спортивной направленности, которые наиболее сложно адаптируются к переходу от единой тарификационной сетки к эффективным контрактам.

За последние 20 лет система оплаты труда педагогов претерпела серьезные изменения в плане усиления ее мотивирующей функции и ориентации педагогов на результат, что можно отразить тремя этапами:

1 этап (1992-2008г.г.) – система оплаты труда формируется на основе Единой тарифной сетки для отраслей бюджетной сферы (ЕТС), которая дифференцирует оплату труда по 18 разрядам.

2 этап (2008-2012г.г.) – построение новой системы оплаты труда (НСОТ) работников ОУ, при которой

заработок формируется из трех частей: 1) оклад, устанавливаемый в соответствии с профессиональной квалификационной группой и квалификационным уровнем, к которым отнесена соответствующая профессия и должность; 2) компенсационные выплаты; 3) выплаты стимулирующего характера [7].

Размер заработной платы педагогического работника согласно НСОТ определяется показателями квалификации сотрудника (образование, стаж педагогической работы, наличие квалификационной категории, наличие ученой степени), продолжительностью рабочего времени (нормы часов педагогической работы за ставку заработной платы), объемами учебной (педагогической) работы, а также размерами компенсационных и стимулирующих выплат.

3 этап (с 2012 года по настоящее время) – переход к эффективным контрактам и изменение НСОТ в части стимулирующих выплат. Данные выплаты согласно Распоряжению Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р "О программе поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012 – 2018 г.г." должны формироваться из перечня критериев эффективности деятельности прописанных в "эффективном контракте" [10].

В научной литературе уже накоплены некоторые данные об эффективных контрактах:

- ◆ суть "эффективного контракта" как средства повышения качества образования раскрыта в работах Лугуевой Д.Г. [2];
- ◆ качество и эффективность "эффективного контракта" рассмотрены в работах Пуденко Т.И. [9];
- ◆ частные исследования, проведенные Масыч М.А. и Шевченко И.К., обозначили принципы применения эффективных контрактов [3];
- ◆ правовые аспекты внедрения эффективных контрактов отражены в работах Шабловой Е.Г. и Филющенко [12].

Эти авторы соглашаются часто тем, что эффективный контракт – это трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих

выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки [8]. В отношении каждого работника должны быть уточнены и конкретизированы его трудовая функция, показатели и критерии оценки эффективности деятельности, установлен размер вознаграждения, а также размер поощрения за достижение коллективных результатов труда. Условия получения вознаграждения должны быть понятны работодателю и работнику и не должны допускать двойного толкования [3].

Несмотря на то, что уже к 2018 году эффективный контракт будет в массовом порядке внедрен в трудовую практику ОУ, пока отсутствует достаточный опыт управления эффективными контрактами, который можно было бы экстраполировать на конкретное ОУ. Усилия руководителей ОУ направлены на совершенствование действующей НСОТ в отношении стимулирующей части заработной платы, которая раскрывает суть эффективного контракта. В настоящее время эта часть в бюджетных ОУ существует как премия и входит в состав месячной заработной платы работника. Применяются три вида премий: за сложность и напряженность работы, за интенсивность труда и за качество выполняемых работ. Каждый вид имеет критерии оценки эффективности и результаты деятельности и по каждому критерию указан соответствующий размер в % до определенной суммы. Руководители ОУ, где начата процедура внедрения эффективных контрактов, в качестве главной сложности обозначили отсутствие четких и однозначных показателей определения стимулирующих выплат.

В представленной работе предложен алгоритм разработки и внедрения критериев эффективности деятельности тренеров-преподавателей как условия повышения показателей труда и элемента "эффективного трудового контракта" (на примере учреждений дополнительного образования спортивной направленности г.Березники Пермского края), реализованный в направлениях правовой и организационной поддержки.

Распределение средств на разные виды оплаты труда в учреждениях дополнительного образования спортивной направленности г.Березники отражается в структуре фонда оплаты труда (табл. 1).

Таблица 1.

Типовая структура ФОТ учреждения дополнительного образования.

№ п/п	Показатель	ФОТ, годовой, %
1	Базовая часть заработной платы	79,7
2	Стимулирующий фонд	6,3
3	Районный коэффициент	15,0
4	Итого ФОТ	100,0

Как видно, стимулирующий фонд составляет всего 6,3 % в структуре фонда оплаты труда. При таком незначительном его объеме актуализируются следующие вопросы:

1. может ли такой минимальный фонд стимулирования быть использован как инструмент реализации эффективных контрактов?

2. как распределить минимальный стимулирующий фонд между сотрудниками ОУ так, чтобы заработная плата была действенным инструментом управления трудом тренеров–преподавателей?

Ответы на эти вопросы лежат в правовой плоскости и в направлении управленческих решений. Вопрос правовой поддержки эффективных контрактов вполне решаем на основе действующих документов. В бюджетных ОУ система оплаты труда традиционно регулируется четырьмя уровнями документов: федеральным, региональным, муниципальным и локальным. Первый представлен Трудовым кодексом Российской Федерации, где зафиксированы основные понятия и определения заработной платы, формы оплаты труда и основные государственные гарантии оплаты труда, регламентирован минимальный размер оплаты труда [11]. На региональном уровне регулирование вопросов заработной платы осуществляется через Закон Пермского края от 03.09.2008 N 291-ПК (ред. от 30.06.2014) "Об оплате труда работников государственных учреждений Пермского края" (принят ЗС ПК 21.08.2008) [1] и Соглашением о минимальной заработной плате в Пермском крае. Муниципальный уровень документов включает "Положение об оплате труда работников муниципальных учреждений физической культуры и спорта города Березники" утвержденное Постановлением Главы г.Березники № 1755 от 26.10.2009г. и приложения к нему [6]. Локальный уровень документов обычно включает перечень актов самого ОУ: Коллективный договор, Положение о премировании работников и пр.

Таким образом, иерархичная четырехступенчатая система правовой поддержки системы оплаты труда обязывает ОУ соблюдать государственные нормы, но в то же время позволяет применять дифференцированный подход к формированию премий сотрудников.

Проблема повышения объективности критериев оценки деятельности педагогического персонала может быть решена с помощью методики рейтинговой системы оценки на основе весовых коэффициентов. Подобная система успешно применяется в дошкольных образовательных учреждениях (автор О.В.Михайлова) [4, 5]. Ее суть – в использовании при оценке профессиональной деятельности педагогического персонала любых необходимых критериев. Автор предлагает следующие: уровень квалификации, способности работника, умения работать с детьми, отношение к труду, умение поддерживать отношения в коллективе.

Данная методика включает 4 этапа:

1. выбор показателей, по которым необходимо оценить персонал;
2. экспертная оценка (ранжирование показателей);
3. определяется оценка (вес) V_j каждого показателя j на основе их ранжирования с использованием формулы (1):

$$V_j = \frac{2}{n} - \frac{2 \times R_j}{m \times n(n+1)} \quad (1)$$

где
 V_j – вес j -го показателя (критерия);
 m – количество экспертов;
 n – количество объектов;
 R_j – сумма рангов критерия j .

4. определение сотрудников, подлежащих оценке;
5. балльная оценка C_{kj} в десятибалльной шкале для каждого k -го сотрудника по каждому j -му показателю каждым i -ым экспертом;
6. определение средних величин балльных оценок C_k с учетом мнений всех экспертов по формуле (2).

$$C_{kj} = \frac{\sum_{i=1}^m C_{kj}^i}{m} \quad (2)$$

7. определение итоговые средневзвешенные оценки работников C_k с учетом всех показателей n по формуле (3).

$$C_k = \sum_{j=1}^n C_{kj} \times V_j \quad (3)$$

В результате формируется средневзвешенный балл C_k (значение в диапазоне от 0 до 10 баллов) как комплексная оценка каждого работника. Итоговый рейтинговый лист на всех работников содержит C_k по каждому критерию, итоговую сумму баллов по всем критериям и место, которое занял в рейтинге работник (пример в табл.2.).

В зависимости от рейтинга сотрудника определяется сумма его стимулирующей выплаты.

Наиболее сложным вопросом при внедрении эффективных контрактов является разработка показателей оценки эффективности деятельности, что отдано на откуп ОУ.

Для анализа эффективности действующих в НСОТ показателей системы оплаты труда был применен проблемно-ориентированный анализ. Экспертная оценка осуществлялась руководителями ОУ и тренерами–преподавателями с опытом работы от 5 лет.

Таблица 2.

Типовая структура ФОТ учреждения дополнительного образования.

Сотрудники	Критерии					Итог суммы баллов	место
	Уровень квалификации	Способности работника	Умения работать с детьми	Отношение к труду	Умение поддерживать отношение в коллективе		

Таблица 3.

Проблемный анализ и пути решения.

№ п/п	Проблема	Риски (организационные и экономические)	Пути решения с помощью эффективного контракта
1	Критерии оценки эффективности деятельности тренера-преподавателя обозначены общими размытыми терминами	Нет возможности провести дифференцированную оценку	Четкие однозначные критерии оценки, не имеющие двойного толкования
2	Критерии оценки субъективны	Потенциальные конфликты из-за оплаты труда	Объективные критерии оценки, уточнение и конкретизация трудовой функции
3	Отсутствует точная методика расчета оценки критериев эффективности	Потенциальные конфликты из-за оплаты труда; У работников отсутствует понимание связи между эффективностью выполнения работы и оплатой труда	Оцифрование методики расчета критерия оценки
4	Малое количество видов стимулирующих выплат	Незаинтересованность у работника вести работу в разных направлениях	Разнонаправленность критериев оценки
5	Размер стимулирующей выплаты указан в процентах	Потенциальные конфликты из-за оплаты труда (работник не может претендовать на определенную сумму)	Конкретизация суммы или использование точного количества условных единиц

Суть метода в выделении проблемных зон и прогнозе рисков реализации эффективных контрактов, а также в определении путей решения с помощью эффективного контракта (табл. 3).

Таким образом, возможности повышения эффективности деятельности тренеров-преподавателей через эффективный контракт требуют уточнения и конкретизации в отношении каждого работника следующих вопросов: 1) трудовая функция; 2) показатели и критерии оценки эффективности деятельности; 3) размер и условия стимулирующих выплат, определенные с учетом показателей.

На основании результатов проблемного анализа были разработаны показатели эффективности деятельности тренерско-преподавательского состава. Под показателями понимаются ключевые параметры, по которым бу-

дет оцениваться деятельность сотрудника. При их разработке мы ориентировались на:

1. выделение показателей по разным основаниям: количественным и качественным, интегральным и простым критериям;
2. вовлечение в разработку показателей эффективности деятельности сотрудников, выполняющих соответствующую работу. За счет этого будет учтен их опыт работы (например, опыт тренеров-преподавателей) и нивелировано сопротивление, вероятное при последующем внедрении системы.

В основу разработки показателей оценки легли принципы, которые позволяют минимизировать риски, выявленные в ходе проблемно-ориентированного анализа: соответствие особенностям конкретной работы; отражение условий и содержание работы; четкость и однознач-

ность формулировок; возможность объективной оценке.

Разработка системы построена на фундаменте нормативной базы из числа локальных документов: муниципальное задание на оказания услуги, Положение о премировании работников и должностные инструкции.

Предлагаемая технология разработки критериев оценки эффективности деятельности тренеров–преподавателей состоит из 4 этапов:

1 этап – работа экспертной комиссии (заместитель директора по учебно–воспитательной работе ДЮСШ, методист–инструктор ДЮСШ, консультант Комитета по физической культуре и спорту). Комиссией учитывались прежние критерии оценки, а также применялись "Методические рекомендации по организации спортивной подготовки в Российской Федерации", направленные письмом Минспорта России от 12.05.2014 № ВМ–04–10/2554.

2 этап – опрос тренерско–преподавательского состава. Предложенные комиссией показатели оценки бы-

ли включены в опрос среди тренеров–преподавателей (22 человека), где каждый критерий оценивался по 10–балльной шкале в зависимости от степени значимости.

3 этап – утверждение перечня показателей. Эксперты выделили только 80% показателей, набравших большее количество баллов. Именно они были предложены на рассмотрение руководителю ОУ.

4 этап – корректировка локальных документов. Например, в Положении о премировании появился важный пункт, который звучит следующим образом "Премии тренерам–преподавателям по итогам работы (за месяц, квартал или год) устанавливаются руководителем, зависят от показателей эффективности их деятельности.

Эффективность деятельности определяется в баллах. Стоимостное выражение 1 балла в рублях определяет руководитель исходя из количества средств на эти цели в пределах установленной части фонда оплаты труда". В приложение к Положению о премировании появились конкретные критерии и оцениваемые показатели.

Наглядно оценить изменения можно в табл. 4.

Таблица 4.

Сравнительный анализ показателей эффективности деятельности

Было (в период действия НСОТ)		Стало (при переходе к эффективным контрактам)		
Показатели оценки эффективности и результативности деятельности	Размер премии, % от должностного оклада	Показатели оценки эффективности и результативности деятельности	Оценка в баллах	
Высокий процент сохранности контингента обучающихся	До 200	Процент от нормативного количества обучающихся	80%	1
			90%	2
			100%	10
Успешное выполнение особо важных задач	До 500	Участие в оздоровительной компании	ГОЦ	5
			3ОЦ	10
		Активность участия в жизни города	В качестве организатора	10
			В качестве участника	5
		Наличие публикаций	1	5
			2 и более	7
		Подтверждение или защита вновь квалификационной категории	Первая	5
Высшая	10			
Высокий результат обучающихся	Краевой уровень	До 500	Между народного уровня	20
	Российский уровень и выше		До 700	Все российского уровня
		Окружного уровня		10
		Краевого уровня		5
		Городского уровня		3
		Уровня учреждения	1	

Как видно, предлагаемая система оценки увязывается с данными проблемно-ориентированного анализа. В ней показатели соответствуют необходимым условиям: четкие и однозначные, конкретные и объективные, оцифрованные и разнонаправленные. Ценный момент системы – применение балльной системы при определении размера стимулирующей выплаты.

В условиях недостатка финансирования ОУ баллы переводятся в рублевый эквивалент в зависимости от общего фонда заработной платы.

Таким образом, переход от НСОТ, в основе которой лежит дифференциации должностей по профессиональным группам к эффективным контрактам, в основе кото-

рых лежат критерии и показатели результатов труда, является не разовым мероприятием, а становится постоянным направлением работы, как органов управления образования, так и самих ОУ. Эффективный контракт предполагает такой заработок, который может обеспечить конкурентоспособность педагога на рынке труда и достаточно комфортные условия работы.

Приведение выплат стимулирующего характера в соответствие с законодательной базой, учет возможностей и потребностей педагогических работников – это актуальная задача управления ОУ, решение которой отягчено недостаточным финансированием образовательных учреждений и сложностями дифференцированной оценки эффективности деятельности педагогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Пермского края от 03.09.2008 N 291-ПК "Об оплате труда работников бюджетных учреждений Пермского края" (принят ЗС ПК 21.08.2008) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://perm.news-city.info/docs/sistemsw/dok_iegtdz.htm (дата обращения: 04.05.2015).
2. Лугуева Д.Г. Эффективный контракт как средство повышения качества образования // Высшее образование: традиции и инновации Вестник Алтайской академии экономики и права. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal-aael.intelbi.ru/main/wp-content/uploads/2015/02/136-139.pdf> (дата обращения: 01.05.2015).
3. Масыч М.А., Шевченко И.К. Принципы и возможности применения эффективного контракта в высшей школе // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2013. № 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2013/12/3503> (дата обращения: 10.05.2015).
4. Михайлова Д.И. К вопросу о критериях оценки эффективности воспитательной деятельности классного руководителя. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21471159> (дата обращения: 01.05.2015).
5. Михайлова О.М. методика рейтинговой системы оценки профессиональной деятельности педагогического персонала дошкольных образовательных учреждений. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=20900937> (дата обращения: 05.05.2015).
6. Положение об оплате труда работников муниципальных учреждений физической культуры и спорта города Березники, утвержденное постановлением главы города от 26.10.2009 № 1755 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://admbrk.ru/postanovleniya/postanovlenie-388-ot-05-03-2015-o-vnesenii-izmenenij-v-polozhenie-ob-oplate-truda-rabotnikov-munitsipalnyh-uchrezhdenij-fizicheskoy-kultury-i-sporta-goroda-berezniki-utverzhdennoe-postanovleniem-glavy/> (дата обращения: 09.05.2015)
7. Постановление Правительства РФ от 05.08.2008 N 583 (ред. от 14.01.2014) "О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных, автономных и казенных учреждений и федеральных государственных органов, а также гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, оплата труда которых в настоящее время осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=15796> (дата обращения: 01.05.2015)
8. Приказ Минтруда России от 26.04.2013 N 167н "Об утверждении рекомендаций по оформлению трудовых отношений с работником государственного (муниципального) учреждения при введении эффективного контракта" http://www.consultant.ru/law/hotdocs/26854.html?utm_campaign=hotdocs_day6&utm_source=ya.direct&utm_medium=cpc&utm_content=193265923
9. Пуденко Т.И. О качестве, эффективности и эффективном контракте в общем образовании // Управление образованием: теория и практика. – 2014. – № 1 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.iuorao.ru/13> (дата обращения: 03.05.2015)
10. Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р "О программе поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012 – 2018 гг." [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/04/oplata-site-dok.html> (дата обращения: 01.05.2015)
11. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001. N 197-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683 (дата обращения: 01.05.2015)
12. Шаблова, Е. Г. Правовые аспекты эффективного контракта в высшей школе / Е. Г. Шаблова, Л. И. Филющенко // Университет.управление: практика и анализ. – 2013. – № 5. – С. 59 – 65. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isuct.ru/book/publications/bulletins/2014/hs-20140304.html> (дата обращения: 02.05.2015).

АСИНХРОННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СИЛЫ ВОЛИ

ASYNCHRONOUS LEARNING AS THE FACTOR OF STUDENTS' WILL POWER DEVELOPMENT

B. Dyakonov

Annotation

The article focuses on the problem of students' willpower development as they are the participants of educational process in universities. It is shown that different forms of asynchronous learning, which are widespread and inculcated to higher education practice, provide the best way for this development.

Keywords: Synchronous education, asynchronous education, subject-to-subject educational relationship, tutor, facilitator, moderator, willpower.

Дьяконов Борис Петрович

*К.пед.н., доцент каф. анализа систем
и принятия решений, Уральский федеральный
университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург*

Аннотация

В статье рассматривается проблема развития и влияния силы воли студентов как участников образовательного процесса вуза и показано, что наиболее благоприятные условия для этого обеспечивают различные формы асинхронного обучения, которые получают все большее распространение в практике вузовского преподавания.

Ключевые слова:

Синхронное обучение, асинхронное обучение, субъект-субъектное взаимодействие, тьютор, фасилитатор, модератор, сила воли.

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения, что главным результатом образования, особенно если речь идет о выпускниках профессиональной школы, должны быть умения и навыки самообразования. Если еще каких-нибудь тридцать лет назад выпускник вуза мог полагать, что он приобрел надежный "запас знаний", который обеспечит ему возможность стать профессионалом в избранной сфере деятельности, то сегодня уже на момент получения диплома значительная часть знаний, освоенных в процессе обучения, может оказаться устаревшей. Более того, может оказаться мало востребованной и сама выбранная несколько лет назад профессия. Поэтому главное для нынешнего выпускника вуза – быть постоянно готовым к освоению новых знаний и умений, уметь самостоятельно добывать необходимые знания, находить источники их получения, причем в самых разных сферах профессиональной деятельности.

Это, в свою очередь, требует существенного обновления подходов к организации образовательного процесса в вузах, которое может быть обозначено как переход от стратегии "дать знания, научить" к стратегии "научить учиться". И, прежде всего такие подходы должны обеспечивать тот самый перевод обучающегося из позиции объекта педагогических воздействий в позицию субъекта управления собственной учебной деятельностью по достижению образовательных результатов, о необходимости которого так много говорят в последние годы в отечественной педагогике.

При всем многообразии точек зрения по этой пробле-

матике, практически все авторы сходятся в том, что субъектная позиция учащихся характеризуется сознательным и деятельностным отношением к своему образованию и саморазвитию, "аккумулирует в себе способности к целеполаганию и рефлексии, ответственности, активности, свободе выбора" [1, с. 440]. Соответственно именно формирование этих личностных качеств должно обеспечиваться организационно-педагогическими условиями обучения студентов в вузе.

Очевидно, что в условиях традиционной для вуза организации обучения, когда студент жестко ограничен сроками посещения лекций, семинарских и практических занятий, формами текущих отчетностей и контрольных мероприятий, т.е. функционально поставлен в позицию исполнителя кем-то выстроенной программы, и его задача состоит в соблюдении установленных нормативов и требований, трудно ожидать от него проявления "субъектности". Даже при высокой степени личной заинтересованности в получении качественного образования он все равно остается "объектом управления" по отношению к преподавателям и организаторам учебного процесса. Поэтому отказ от жестко регламентированного воздействия на обучаемых, предоставление им возможности для проявления и развития субъектных качеств становится определяющим условием обеспечения в учебном процессе субъект-субъектных отношений.

В отсутствие структурированной учебной жизни у студента появляется мотивированная необходимость к самостоятельной организации учебного процесса, концен-

трации и осознанного отказа от раздражающих и мешающих учебному процессу факторов.

Достаточно широко распространенным является мнение, что формированию мотивации и связанной с ней силы воли студентов способствуют различные формы самостоятельной работы, которые являются обязательным компонентом вузовского обучения и в традиционном понимании включают "разнообразные виды индивидуальной, групповой познавательной деятельности студентов, осуществляемой ими на аудиторных занятиях и во внеаудиторное время" [2, с. 163]. Однако самостоятельная работа в таком ее понимании, как правило, является прямым продолжением "основного" процесса обучения, протекающего преимущественно в лекционно-семинарском формате, и организуется педагогом, который направляет активную деятельность обучающихся на выполнение определенной дидактической цели, причем чаще всего в специально отведенные для этого сроки. Иначе говоря, самостоятельная работа как дидактическое явление в традиционном понимании представляет собой особую разновидность учебного задания – то, что должен выполнить учащийся как объект педагогического воздействия.

С этой точки зрения представляется недостаточно обоснованным утверждение, что "самостоятельная работа – это такое средство обучения, которое ... вырабатывает у учащихся психологическую установку на самостоятельное систематическое пополнение своих знаний и выработку умений ориентироваться в потоке научной и общественной информации при решении новых познавательных задач" [3, с. 315]. На наш взгляд, этот вид учебной работы способствует формированию самостоятельности не меньше, но и не больше, чем другие виды учебных заданий, которые являются неременной частью обучения в вузе. Собственно, это подтверждает и вся практика образования, поскольку ни в прошлом, ни в настоящее время традиционное вузовское обучение реально не обеспечивало достижение таких результатов. Главным доказательством этого служит то, что проблема формирования у студентов вузов готовности к последующему самообразованию, творческому саморазвитию, профессиональному и личностному самосовершенствованию и т.д. и на сегодняшний день является одной из самых остро актуальных. Если бы она решалась традиционными методами обучения, сегодня такая проблема не стояла бы.

Конечно, было бы странно отрицать, что самостоятельная работа как таковая заключает в себе значительный потенциал с точки зрения формирования готовности к самообразованию. Утверждение И.А. Зимней, что "именно самостоятельная работа учащегося может служить основой перестройки его личностной позиции в учебном процессе" [4, с. 61], вполне справедливо. Но возникает закономерный вопрос: когда, при каких условиях, каким образом организованная самостоятельная работа студентов может реально обеспечить такую "перестройку"?

Если она должна представлять собой "целенаправленную, внутренне мотивированную, структурированную самим субъектом в совокупности выполняемых действий и корригируемую им по процессу и результату деятельность, выполнение которой требует достаточно высокого уровня самосознания, рефлексивности, самодисциплины, личной ответственности, доставляет учащемуся удовлетворение как процесс самосовершенствования и самопознания" [там же], то это означает, что роль обучающегося в организации самостоятельной работы, выборе способов и средств ее осуществления должна существенно возрастать.

С другой стороны, даже если самостоятельная работа будет оставаться "важнейшим орудием педагогического руководства и управления самостоятельной познавательной деятельностью обучающегося в процессе обучения" [3, с. 315], функции преподавателя по отношению к самостоятельной работе студента не могут не измениться. В самом общем смысле речь идет об отказе от прямого руководства познавательной деятельностью студента при сохранении направляющей и организующей роли преподавателя.

Иными словами, только самостоятельная работа, которая выполняется без непосредственного участия преподавателя, хотя опосредованно и управляется им, позволяет студентам проявить и развить такие качества личности, как самостоятельность, активность, инициативность, позволяющие в свою очередь формировать такие новые комплексные качества личности, как самоорганизованность, саморегуляция, самоконтроль, способность к саморазвитию (самосовершенствованию), которые собственно и составляют "силу воли". А именно эти качества обеспечивают готовность человека к самообразованию.

Таких форм обучения в рамках традиционного высшего образования до недавнего времени, строго говоря, практически не было, за исключением разве что научно-исследовательской работы студентов, и то при неформальной ее организации. Однако в настоящее время информационно-технологическая модернизация образования создает оптимальные условия для их появления и активного развития. Речь идет о дистанционном обучении, различные формы которого становятся возможными с широким внедрением в учебный процесс вузов телекоммуникационных и компьютерных технологий.

В отличие от традиционных вузовских форм и методов обучения, дистанционное обучение строится на основе новейших технических возможностей (видео трансляции и конференции, совместное-вики-редактирование документов, блоги, дистанционное тестирование и др.) и не предполагает непосредственного контакта преподавателей со студентами, обеспечивая им возможность обучения без посещения учебного заведения. Так могут осваиваться какие-то фрагменты образовательной программы, отдельные курсы, темы и т.д. Хорошо развитая в вузе ресурсная база дистанционного обучения (соответствующее оборудование и техника, методики и технологии,

владеющие ими преподаватели и т.д.) обеспечивает также возможности для реализации индивидуальной траектории обучения для обучаемого при координирующей и направляющей роли обучающего.

Обширная практика развития электронного обучения за рубежом (e-learning) и применения различных форм дистанционного обучения в отечественном образовании показывает, что они могут быть весьма разнообразными. На сегодняшний день серьезных теоретических обобщений и классификаций таких дидактических форм, в которых взаимодействие участников учебного процесса опосредовано средствами информатизации и телекоммуникаций, пока еще фактически нет. В то же время определенная специфика, которая может стать основой их систематизации, проявляется достаточно ясно. С этой точки зрения прежде всего принципиально различаются синхронное или асинхронное обучение, которые выделяются в зависимости от того, какие коммуникационные подходы используются в них для передачи образовательного контента.

Для синхронного обучения характерно непосредственное взаимодействие между участниками учебного процесса в режиме реального времени, которое чаще всего осуществляется посредством видеосвязи. Поскольку при таком учебном взаимодействии, несмотря на весь технико-технологический антураж учебного процесса, грань между аудиторным обучением и виртуальным практически стирается, характер взаимодействия в принципе тоже может оставаться традиционным – с традиционным распределением ролей и функций между всеми его участниками.

В отличие от этого асинхронное обучение, которое не предполагает регулярного непосредственного он-лайн взаимодействия участников учебного процесса, ставит и преподавателя и студентов в принципиально иные ролевые позиции.

Студент, который при асинхронном изучении дисциплины имеет только четкие сроки освоения материала, выполнения контрольных работ, сдачи зачета или экзамена, а также рекомендуемые учебные материалы, оказывается в ситуации, требующей от него предельной целеустремленности, самостоятельности и самоорганизации, поскольку непосредственно процесс изучения дисциплины он выстраивает сам. В силу этого в рамках асинхронного обучения формы самостоятельной работы студентов выполняют принципиально иную функцию. Это уже не просто дополнительные "учебные задания", позволяющие студентам "углубить и конкретизировать свои знания", а преподавателям – осуществлять "педагогическое руководство и управление" этим процессом. Самостоятельная работа при асинхронном обучении становится организующим началом, центральной, ведущей формой обучения студентов. Поэтому именно асинхронное дистанционное обучение позволяет в наиболее полной мере реализовать педагогические условия для формирования у студентов социально востребованных в современном мире умений и навыков самообразования и са-

мообучения.

Принципиальное изменение субъектной позиции студента, который при асинхронном обучении фактически становится самообучающимся, неизбежно влечет за собой и соответствующее изменение позиции преподавателя как субъекта обучающей деятельности.

С одной стороны, глубина, объем, широта знаний преподавателя, сила его личностного воздействия, которые в его традиционном аудиторном лекционно-семинарском общении со студентами, как всем хорошо известно, могут оказывать определяющее влияние на их отношение к учебной дисциплине и, соответственно, ее освоению, при асинхронном обучении остаются за рамками непосредственного учебного взаимодействия. В то же время этот "дидактический ресурс", если он представлен в разнообразных публикациях преподавателя – его научных статьях, монографиях, учебных пособиях и учебно-методических материалах, приобретает еще большее педагогическое значение. Преподаватель, из года в год читающий однажды написанный курс лекций по дисциплине и не имеющий собственных серьезных научных работ, что не так уж давно было достаточно распространенным в вузовской практике, в современной технологически насыщенной информационно-образовательной среде выглядит пережитком далекого прошлого.

При этом большое значение приобретает способность преподавателя заинтересовать студента тематикой дисциплины, замотивировать его к самостоятельному изучению материала, к неформальному – личностному и деятельностному – осмыслению изученного. Это, в свою очередь, невозможно, если преподаватель сам не рассматривает дисциплину как важный компонент образовательной программы, не видит ее в соотношении и взаимосвязи с другими учебными курсами.

Кроме того, при асинхронном обучении приобретает особую значимость умение педагога работать с информационными источниками, ориентироваться в их многообразии. Сегодня преподаватель вуза должен так же хорошо знать все интернет-ресурсы, откуда студенты могут "надергать" материал для "своих" учебных работ, как и сами студенты. Без этого невозможно объективно оценить степень самостоятельности обучающегося.

Наконец, при асинхронном взаимодействии, которое осуществляется посредством таких ресурсов, как электронная почта, электронные дискуссионные панели, блоги и др., общение преподавателя со студентами фактически носит индивидуальный характер, в отличие от традиционного обучения, в рамках которого он обычно общается с академической группой.

С учетом этих новых требований к преподавателю правомерно предполагать, что его "субъектность" при использовании дистанционных форм обучения в образовательном процессе также существенно изменяется и содержательно и функционально. При этом, если в синхронном обучении, как отмечалось выше, весь учебный процесс, в принципе, может традиционно выстраиваться вокруг личности преподавателя как носителя знаний, то

при асинхронном обучении роль педагога меняется более существенно. Она скорее сводится к роли фасилитатора или модератора общения. Оба эти понятия, возникшие и получившие широкое распространение в сфере деловой групповой коммуникации, в последние годы начинают все более активно использоваться и в образовании.

Понятие "фасилитатор" (англ. facilitator, от лат. facilis – "лёгкий, удобный") в педагогике появилось в контексте личностно-ориентированной парадигмы образования и выражает функцию педагога, направленную на помощь ребенку в процессе развития, оказание содействия ему в "трудной работе роста" (К. Роджерс). Именно поэтому чаще всего педагога называют фасилитатором в социальной педагогике. Однако в последние годы это понятие в нашей стране начинает применяться и в предметном обучении, особенно когда оно дидактически ориентировано на усиление субъектной позиции обучающегося, т.е. его самостоятельности в обучении.

В основе модерации лежит использование специальных приемов, методов и техник, помогающих организовать процесс свободной коммуникации, обмена мнениями, суждениями и подводящих участника групповой работы к принятию грамотного решения за счет реализации его внутренних возможностей. То есть модерация групповой работы в большей мере направлена на раскрытие внутреннего потенциала участников коммуникации. Она не привносит нового, а лишь "помогает потенциальное сделать актуальным" [5].

При всей кажущейся близости этих понятий, они, тем не менее, выражают различные функции педагога. Педагог-фасилитатор, исходя из буквального значения этого английского слова, ориентирован на то, чтобы сделать процесс обучения удобным и легким для всех обучающихся, оказать индивидуальную помощь каждому в освоении учебного материала, но обучающийся при этом во многом сохраняет позицию объекта деятельности педагога, т.е. "ведомого" (вспоминая этимологию слова "педагог"). В отличие от этого, главная задача модератора – организовать оптимальные условия, обеспечивающие для всех возможность включиться в процесс обучения, не

пытаясь в то же время кого-то куда-то "вести" – это дело и ответственность каждого обучающегося. То есть, по существу, функция модератора в образовательном процессе не столько педагогическая, сколько "организационно-управленческая". Исходя из этого, сущности асинхронного обучения в большей мере отвечает модерация.

Риски асинхронной модели обучения в контексте развития самостоятельности и силы воли студентов так же очевидны. Недостаточно замотивированный студент в условиях отсутствия структурированной синхронной неvirtуальной образовательной среды будет склонен к пропуску курсов, существенному отставанию, что может ещё сильнее снизить мотивацию. Сила воли, как движущая сила к реализации поставленных студентов перед собой целей подпитывается чередой свершений, организованных по принципу возрастающей сложности. [6]. Современные исследования в области психологии подразумевают, что сила воли подобна мышце, которая может тренироваться при преодолении задач и концентрации на их решении. Но так же сила воли может ослабевать в условиях перегрузок, усталости и неясности цели. [7]

Зарубежная педагогическая наука начала проводить исследования влияния образовательной асинхронной среды на силу воли, с учётом использования геймификации, нарастания нагрузок, различных систем оценок [8]. Фридман в своём исследовании доказывает, что осознанное вовлечение студентов в обучение разнообразным дисциплинам существенно влияет на способность концентрироваться, вовлекаться в учебный процесс и несомненно приводит к тренировке силы воли, оказывая позитивное влияние на все области жизни студентов.

Позитивное влияние асинхронного обучения на силу воли как компоненту структуры личности студентов отвечает вызову времени на формирование гармоничной, мотивированной личности, постоянно готовой к усвоению знаний и умений. Субъектная позиция учащихся, характеризующаяся сознательным и деятельностным отношением к своему образованию и саморазвитию получает благоприятные условия для формирования в правильно спроектированной асинхронной образовательной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленглер, О.А. Субъектность человека : психолого-педагогические основы [Текст] / О.А. Ленглер // Молодой ученый. – 2012. – № 11. – С. 440-442.
2. Педагогика высшей школы : учебно-методическое пособие [Текст]. – Казань: изд-во Казанского ун-та, 1985. – 192 с.
3. Пидкасистый П.И. Педагогика : учебное пособие для учащихся пед. вузов и пед. колледжей [Текст]. – М., 1995. – 638 с.
4. Зимняя, И.А. Педагогическая психология : учебное пособие [Текст]. – Ростов н/Д : изд-во "Феникс", 1997. – 480 с.
5. Новые функции преподавателей в организации самостоятельной работы магистрантов [Электронный ресурс]. – URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-332982.html> (дата обращения 15.01.2016).
6. Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. Москва: изд-во "Альпина нон-фикшн", 2015. – 464 с.
7. Baumeister R.F., Tierney J. Willpower: Rediscovering Our Greatest Strength. Penguin Publ., 2011. – P. 304. ISBN: 9780141961644.
8. Spratt C., Lajbcygier P. E-Learning Technologies and Evidence-Based Assessment Approaches [Validation of elearning courses in computer science and humanities]. US, IGI Global Publ., 2009. – P. 159. ISBN: 978-1-60566-410-1.

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ - БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ

FUTURE MANAGERS' INNOVATIVE COMPETENCE FORMATION

D. Katchalov

Annotation

The changes going on in our modern society have created the situation when the professional development of any specialist has some special significance as a highly qualified specialist is to possess the qualities which are sure to help him to find some creative, innovative ways to solve some professional and innovative tasks. The modern labor market demands a specialist is to be able to analyze, to evaluate the results he gets while working, he is to be able to generate new ideas, to be flexible to change the way he interacts with other people, he is to be able to solve innovative tasks, to find out the content of his innovative activity, i.e. a specialist is to have the innovative competence. One of the cornerstone aspects the higher school modernization is based on is the creation of the conditions due to the formation of the professional competencies is looked upon as possible. While training managers the emphasis is laid upon the formation of the innovative competencies. Thus the formation of the future specialists' innovative competences is stated to be an important task. Such competencies show a specialist is prepared to perform traditional and innovative professional activity, to project and design innovations, to develop new ways of professional activity.

Keywords: competence, innovative competence, innovative competence components, pedagogical conditions of the innovative competences formation.

Качалов Дмитрий Владимирович
Д.пед.н., доцент, профессор
каф. экономики транспорта,
Уральский государственный
университет путей сообщения

Аннотация

Изменения, происходящие в современном обществе, порождают ситуацию, в которой профессиональное развитие специалиста приобретает особое значение в силу того, что высококвалифицированный специалист должен обладать качествами, позволяющими самостоятельно находить нестандартные, принципиально новые решения профессиональных и инновационных задач. Современный рынок труда делает ставку на профессионала нового типа, умеющего анализировать, определять, оценивать результаты своей деятельности, генерировать новые идеи, гибко изменять способы взаимодействия с субъектами, решать инновационные задачи, определять содержание инновационной деятельности, то есть иметь сформированную инновационную компетенцию. Этим определяется необходимость формирования инновационной компетенции будущих специалистов, определяющей их готовность осуществлять наряду с традиционной и инновационную профессиональную деятельность, проектировать и конструировать инновации, осваивать новые способы профессиональной деятельности.

Ключевые слова:

Компетенция, инновационная компетенция, рефлексивное позиционирование.

Для определения сущности понятия "инновационная компетенция" необходимо определиться с понятием "компетенция".

В энциклопедическом варианте понятие "компетенция" (от лат. "competo" – соответствую, подхожу) трактуется как обладание достаточными знаниями о предмете [2]; находит толкование данного понятия в двух значениях: 1) осведомленный, являющийся признанным знатоком, 2) обладающий компетенцией, в значении права [7]; несколько иначе компетенция определяется по отношению к выпускникам вузов в значении ожидаемых и измеряемых достижений, которые определяют, что будет способен делать выпускник по завершении всей или части образовательной программы [9].

Показателями компетенций выделены знания (понимание), их применение, коммуникативные умения, практическое мышление, самостоятельность [10].

Можно сказать, что компетенция дает определение

индивидуальным характеристикам специалиста, необходимым для эффективного осуществления его профессиональной деятельности, мобилизацию знаний, умений и навыков в профессиональной деятельности, способность действовать самостоятельно и ответственно в рамках компетентности. Специфическими характеристиками компетенции является готовность (способность) работника на основе усвоенных знаний, умений, приобретённого опыта решать типичные профессиональные задачи, преодолевать проблемные производственные ситуации. а профессиональная подготовка в вузе предполагает, что компетенции, формируемые у студентов – это конечный результат профессиональной подготовки. при этом важно, что это не только знание отдельных научных дисциплин, а готовность к решению типичных профессиональных задач, к действиям в ответственных производственных ситуациях [5]; проявляется не в форме заученного знания, а как актуализация мыслительных умений, обес-

печивающих возможность разрешать определенные классы задач, анализировать ход и результаты их решения, вносить целесообразные коррективы [4].

Слагаемые инновационной компетенции обращены и к понятию "инновационная деятельность". Инновационная деятельность трактуется как особый вид человеческой деятельности, которому присущи черты, общие со всеми другими видами человеческой деятельности: субъектность, предметность, активность, целенаправленность, мотивированность, созидательность. Инновационная деятельность является высшим фактором саморазвития личности, усиливает личностную составляющую профессионально-творческого саморазвития; выступает как созидательный процесс по преобразованию действительности; актуализирует систему ценностей, углубляет ценностные ориентации, способствует духовно-нравственному самоукреплению личности [11].

В синтезе с компетенций инновационная деятельность представляет собой целенаправленную профессиональную деятельность, основанную на осмыслении собственного опыта, востребованности имеющихся знаний с целью достижения более высоких результатов, получения нового знания, внедрения и реализации новой профессиональной идеи в практику.

Конкретизируя и расширяя понятие "инновационная компетенция", мы определяем ее как интегративную характеристику личности, в которой процессуально отражены стремление к новому, способность к критическому мышлению, креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно и в команде, готовность работать в конкурентной среде [8].

Мы принимаем определение инновационной компетенции следующее: это интегративное, личностное образование, выражающееся в осознании личностью своей профессиональной деятельности как ценности, раскрывающейся в реализации профессиональных умений, обуславливающих готовность к решению актуальных профессиональных задач, совокупность знаний и умений, стремление осмысливать собственную деятельность и самого себя как субъекта деятельности, продуктивно использовать ее в процессе решения инновационно-профессиональных задач.

Анализируя исследования, касающиеся выделения структурных составляющих инновационной компетенции, мы выделяем компоненты инновационной компетенции будущих менеджеров: мотивационный,

Мотивационный компонент исходит из понимания мотивации как превращение внешней цели во внутреннюю потребность и необходимость личности и включает устойчивость интереса к инновационной деятельности, осознание причастности к развитию общества на основе осуществления инновационной деятельности, индивидуальной значимости и необходимости в ее осуществлении в профессиональной деятельности.

Когнитивный компонент содержательно отражает проекции, в которых просматривается знание следующих позиций: сущность понятий инновация, инновационная деятельность, классификация инноваций, инновацион-

ный процесс, инновационный менеджмент.

Процессуальный компонент демонстрирует способность и умение участвовать в решении проблем инновационного развития на разных уровнях иерархии, способность проектировать инновационные процессы, реализовывать их с наименьшими затратами трудовых и материальных ресурсов [3].

Управленческий компонент раскрывает умение генерировать идеи, отбирать их и внедрять; владение навыками взаимодействия во время ведения переговоров, продаж; знания в области патентного законодательства и международных стандартов, управление проектами, навыки осуществления маркетинга, рекламы, продвижения инновационных идей в практику [12, С.78].

Рефлексивный компонент означает владение совокупностью рефлексивных умений, включающих способность выделять новшество и устанавливать с ним связь, анализировать его функциональность, адекватно реагировать, умело пользуясь вербальной и невербальной коммуникацией, умение брать ответственность на себя и умение организовать работу с новшеством [1, С.18].

В целом инновационная компетенция будущих менеджеров в процессе профессиональной подготовки сосредоточена на формировании способности генерировать инновационные бизнес-идеи, превращая их в новые технологии; способности оперативно оценивать перспективность осуществления инновационной деятельности; готовности принять на себя ответственность за последствия решений; умений формулировать цель, подключаться на альтернативную стратегию достижения цели; умение находить новаторское решение проблемы в стандартных и нестандартных ситуациях; готовности к личному и профессиональному саморазвитию [6, С.51].

С учетом основных выделенных компонентов можно сказать, что инновационная компетенция является важнейшим компонентом общей профессиональной компетентности и представляет собой интегрированное, динамическое образование личности.

В процессе формирования инновационной компетенции будущего менеджера необходимым условием является введение в образовательный процесс специализированной дисциплины "Инновационный менеджмент", в котором внимание сосредоточено на раскрытии инновационного менеджмента в цели управленческих процессов, циклы инноваций, прогнозирование инноваций, процесс создания новшеств, планирование и создание их, вопросы финансирования, источники инновационных идей, проблемы оформления инновационных идей. данное условие позволяет сформировать когнитивный компонент инновационной компетенции будущих менеджеров.

Важным условием формирования инновационной компетенции будущего менеджера является также наличие среды, которая процессуально сосредоточена на создании условий для творческой, инновационной деятельности всех субъектов образовательного процесса. Содержательно такая среда ориентирована на достижении нового качества в подготовке высококвалифицированных кадров, готовых решать проблемы разработки

и применения инновационных идей.

По сути, такая среда носит также инновационный характер и включает в себя духовное и материальное окружение, в котором происходит комплексная деятельность по созданию, освоению и использованию инноваций. Основными принципами этой среды являются: открытости (к жизни; прогрессивным теориям, концепциям и идеям; личности и обществу); системности; опережающего развития растущих профессиональных, социальных и личностных потребностей; сотрудничества как внутри, так и вне учебного заведения; синтеза традиционного и новаторского [8].

Операциональное содержание создаваемой среды направлено на организацию семинарских и практических занятий с разбором профессионально-ориентированных кейсов, применением проектных технологий обучения, имитационного обучения, проведение мастер-классов для студентов с приглашением специалистов практиков; участие студентов в конкурсах, грантах, олимпиадах по разработке инновационных проектов и др. Сама же образовательная среда обеспечивается информационными образовательными технологиями и средствами инновационного обучения, информационными ресурсами. Данное условие позволяет сформировать мотивационный, управленческий и процессуальный компоненты инновационной компетенции.

Учитывая, что инновационная компетенция достигает целостности в сочетании с личностными характеристиками, личностным потенциалом студентов, важным условием формирования данной компетенции является разработка индивидуальной программы ее развития. Разработка такой программы позволяет организовать формирование инновационной компетенции с учетом интеллектуальных способностей студентов, их профессиональных склонностей, на основе которых проектируется процесс формирования инновационных знаний и умений, а также способностей их применения в учебной и предстоящей профессиональной деятельности.

Инициирование рефлексивной позиции будущих менеджеров в формировании инновационной компетенции на основе принципа рефлексивного управления как педагогическое условие формирования инновационной компетенции связано с необходимостью вхождения студентов в рефлексивную позицию, осознанием собственной деятельности и собственных знаний, умений, опыта, отражающих уровень развития инновационной компетенции. Это обеспечивает переориентацию личности студента с подчинения мотивам на признание его как субъекта самоуправления, осознанность включения в процесс формирования инновационной компетенции и самосовершенствования

Для нашего исследования существенным явилось то, что благодаря наличию рефлексии будущий менеджер способен реализовать свою внутреннюю позицию к инновационной деятельности как неотъемлемой составляющей профессиональной деятельности, осуществлять управление своей деятельностью, достигать цели, встать на позицию наблюдателя по отношению к своей деятельности и воспринимаемым профессиональным ценностям, заключенных в инновационной компетенции. В данном условии заложена возможность формирования рефлексивного компонента инновационной компетенции.

Формирование инновационной компетенции студентов вуза – будущих менеджеров в контексте описываемых педагогических условий основывается на поэтапном развитии: от знаний в сфере инновационной деятельности к овладению способами выдвижения инновационных идей, их реализации в будущей профессиональной деятельности. А сами условия предусматривают включение студента в различные виды деятельности, связанные с востребованностью знаний по направлениям инноваций; предусматривают включенность студентов в деятельность по созданию, внедрению и рефлексии новшеств, а также создают базу для осознания себя как творческой индивидуальности в учебной и будущей профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова Е.М. Формирование инновационной компетентности педагога в процессе обучения в вузе // Педагогическое образование и наука, № 5, 2013, С. 17–26.
2. Брокгауз Ф., Ефрон И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2006.
3. Демчук, М.И. Системная методология инновационной деятельности/ М.И. Демчук, А.Т. Юркевич. – М.: РИВШ, 2007. – 303с.
4. Зеер Э.Ф. психология профессий: Учеб. Пособие.– Екатеринбург: Изд-во Урал. Гос. Проф.-пед. Ун-та, 1997.– 244 с.
5. Зимняя И. А. Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. – М., 2004.
6. Кондратьев, Э.В. Компетентностный портрет бакалавра менеджмента // Человек и труд. – 2009. – №1. – С. 49 – 54.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
8. Прияткина Н.Ю. Условия формирования инновационных компетенций в вузе// // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4.;URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6843> (дата обращения: 14.01.2016).
9. Профессиональные компетенции управленца-менеджера. – СПб.:Академия информационных технологий. – URL: <http://www.e-mail:gib@ait.spb.ru>
10. Птушенко Е. Б. Использование компетентного подхода при проектировании ФГОС-3: автореферат доцента кафедры прикладной математики и информационных технологий. – Майкоп, 2010. – 28 с.
11. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. – М., 1995.
12. Трифилова, А.А. Формирование и развитие открытых инноваций// Инновации. – 2008. – № 1. – С. 78–84.

РАЗВИТИЕ АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

DEVELOPMENT OF ACMEOLOGICAL COMPETENCE OF FUTURE SPECIALISTS IN THE FIELD OF EDUCATION

A. Kerzhentseva

Annotation

The problem of training of teachers for primary classes in the process of continuing education is presented in the paper. New developments in the higher education system influence on the training of teachers. It has stated that the task of specialist training requires the quick and quality implementation of the program in his training. It is obvious that the two-stage system of higher education reduces the time of training. Therefore, it is necessary to improve the model of specialist training in this area.

Keywords: education, two-stage system of higher education, teacher of primary school, continuing education, acmeology.

Керженцева Анна Владимировна

*К.пед.н., доцент, зав. каф. начального
общего образования института повышения
квалификации и переподготовки, Кабардино-
Балкарский Государственный Университет*

Аннотация

В статье представлена проблема подготовки будущих учителей к работе в начальных классах в процессе непрерывного образования. Новые изменения в системе высшего профессионального образования оказывают влияние на систему подготовки учителей. Установлено, что задача профессиональной подготовки специалиста требует быстрой и качественной реализации программы по его обучению. Становится очевидным, что двухступенчатая система высшего образования имеет тенденцию к сокращению сроков профессиональной подготовки. Следовательно, необходимо совершенствование модели подготовки специалиста в данной области.

Ключевые слова:

Образование, двухступенчатая система высшего образования, учитель начальных классов, непрерывное образование, акмеология.

Система образования в высшей школе на современном этапе развития общества должна основываться на определённой теоретической методологии, быть ориентирована на личность и способна подготовить не просто специалиста – профессионала, а, прежде всего, культурного, интеллектуального, творческого человека.

Активизация профессиональной подготовки студентов – будущих учителей на всех этапах в развитии человечества была и будет актуальной. Учителем может быть только хороший человек, хорошая личность – человек мудрый и добрый, справедливый и требовательный, оптимистичный и бодрый. Учитель – источник знаний. Нельзя дать воспитуемому то, чего у тебя нет [2].

Учитель должен быть компетентным специалистом. Не в том смысле, что должен знать все факты своей науки, а в том, что он должен чувствовать себя погруженным в определенную сферу деятельности.

А еще бывает так, что учитель может быть хорошим человеком, хорошо знать свою специальность, но не быть способным учить и воспитывать новое поколение. Сегодня учителю – воспитателю кроме доброты, терпения и

знания по предмету необходимы особые знания, связанные с внутренним миром детей, на которые он должен влиять благотворно. По этому поводу высказался К.Д. Ушинский: "Мы не говорим воспитателям: поступайте, так или иначе. Мы говорим: изучайте внутренние закономерности тех процессов, которыми хотите управлять, и действуйте сообразно с ними" [6].

Изучение закономерностей формирования личности учителя обусловлены исследованиями Н.В. Кузьминой, А.И. Щербакова, В.А. Слостенина [3].

Эти работы стимулировали интерес к исследованию проблемы формирования различных аспектов педагогической деятельности. Они определенным образом влияли на совершенствование разработки проблем подготовки учителя. Как отмечал Хмель Н.Д., эти исследования недостаточно отвечали в целом задачам совершенствования профессиональной подготовки будущих учителей"[6].

Но как решать важные задачи, стоящие перед высшим учебным заведением в подготовке высококвалифицированных учителей в условиях изменяющегося общества и растущих требований к выпускникам.

Исследования многих педагогов показывают, что познавательная активность студентов в учебно-воспитательном процессе далеко не всегда такая, какой должна быть. Преподаватели стремятся сообщить студенту необходимую информацию, познакомить с практикой и даже дать возможность "попрактиковаться". Он является объектом внешних педагогических воздействий. Но столь же обычным стало понимание того, что так не должно быть. При подлинном усвоении всего, что предусмотрено учебными планами, студент должен стать субъектом профессиональной деятельности. А для этого важно, чтобы студент вовремя переходил в позицию: "Я – будущий специалист, я им становлюсь благодаря своим же усилиям". Активность студента при этом должна подняться до такого уровня, чтобы он свою собственную личность и будущую профессиональную деятельность сделал объектом своего же сознания, своей воли, чтобы сам стал творцом своей личности и будущей авторской системы деятельности, чтобы она была продуктивной. Однако, практика университетской жизни показывает, что подавляющее большинство студентов так и не поднимается до такого уровня. Низок процент студентов, занимающихся самовоспитанием. В условиях, когда преподаватели университета не прилагают к этому специальных усилий, он составляет по данным разных исследователей от 10 до 45%. Еще ниже процент студентов, занимающихся профессиональным самовоспитанием.

С целью овладения основами профессионально-педагогического мастерства как способностью к творчеству (именно это и должно быть задачей профессиональной подготовки специалиста) необходимы адекватные действия самого студента: 1) познавательно-ориентировочные, 2) исполнительные и 3) контрольно-оценочные, совершаемые по своей инициативе в многообразных типичных и нестандартных ситуациях, связанных с исследовательской деятельностью учителей разных уровней продуктивности по критерию влияния их авторских систем деятельности на учащихся. Очевидно, поэтому правомерно утверждать: интегрирующая педагогика и психологию наука акмеология необходима, поскольку учит ставить самого студента в позицию субъекта установления интегративных связей, обеспечивающих развитие профессиональной компетентности. Весь вопрос в том, как стимулировать, организовывать и поддерживать самообразовательную и самовоспитательную деятельность студентов, как сделать это явление обязательным, систематическим и устойчивым.

Различны стили деятельности преподавателей университета. Различны и стили учебно-познавательной деятельности студентов. Однако у них должно быть некое соответствие. В объективно необходимом взаимодействии преподавателя и студента реализуется одна из ведущих закономерностей образовательного процесса:

движение от преобладающей доли активности преподавателя в начале обучения и воспитания ко все большей самостоятельности студента, к становлению его субъектом познания и деятельности (по известной оценочной шкале проф. П.Я. Гальперина эта закономерность определяется как параметр "распределенности") [1,7].

В свете указанной закономерности основная функция университетского преподавателя заключается не только и не столько в том, чтобы сообщать студентам нужную информацию, а в том, чтобы формировать у них потребность в этой информации и учить способам ориентировки в ней, способам ее усвоения.

В таком случае правомерен вопрос: что лучше, когда информацию сообщает преподаватель или когда ее усваивает студент самостоятельно? Несостоятельность и неправомочность постановки такого вопроса проясняется при взгляде на конечный результат образовательного процесса. Если "САМ" означает, что студент, верно, ориентирован и достигает оптимальных результатов в учебной, научной и практической деятельности, которые влияют на его личность, то "САМ" – лучше.

Однако такая самостоятельность студенту изначально не дана. Ее надо сформировать. Без этого "САМ" будет означать произвол, осуществление дела методом проб и ошибок. Ведущая и организующая роль за преподавателем. Он ведет за собой студента, управляет его развитием. Ярким примером к сказанному может служить опыт обучения студентов – будущих учителей общим умениям решать педагогические задачи. В условиях, когда этому специально не обучают, студенты предъявляемые им педагогические задачи решают "сходу": выслушав условие задачи, как правило, сразу же выдают вариант ее решения. При этом не только далеко не всегда может объяснить, почему именно так надо действовать, но часто предлагает неверный или неоптимальный вариант решения.

В целях преодоления такого примитивного, некомпетентного решения педагогических задач сначала необходимо произвести полный логический анализ типичных задач и вариантов их решения. Выделив основные существенные действия по решению задач и их технологическую последовательность, создаем своеобразную маршрутную карту, представляем ее в виде плаката. В дальнейшем, пользуясь указанным плакатом, студент сначала анализирует педагогическую ситуацию, делает на основе анализа педагогических явлений выводы о наличном состоянии обученности или воспитанности объектов образовательного процесса. Далее, опираясь на цели и задачи воспитания, отбирает наиболее оптимальные средства и способы педагогических воздействий и строит обоснованный вариант решения. Подобные упражне-

ния в решении нескольких задач обеспечат студенту самостоятельность в подходе к решению аналогичных задач. Практика показывает, что описанная методика с равным успехом может быть использована и для формирования других педагогических умений.

Конечный результат профессиональной подготовки личности – это устойчивая профессиональная направленность и развитость специальных способностей, необходимых для компетентного и творческого решения профессиональных задач. В процессе профессионального становления успех обеспечивается как ориентирующей и направляющей работой преподавателей, так и соответствующими встречными усилиями студентов, их самообразовательной и самовоспитательной деятельностью (по критерию результатов учащихся).

При неформальном подходе это означает, что студент овладел этими специфическими видами деятельности, стал их субъектом, сделав свою личность объектом не только образовательных, но и своих собственных воздействий. Сущность самовоспитания как процесса, как активной деятельности личности по отношению к себе самой можно раскрыть через категории деятельности: через действия самопознания, самопрограммирования, самовоздействия и самооценки. В них выражена процессуальная сторона самовоспитания. Однако необходим и личный подход. Ведь самовоспитание как способность есть свойство личности, ее индивидуальное творчество. Главный результат самовоспитания в студенческие годы – образовательный, т. е. становление самой способности к самовоспитанию, субъектное становление самого студента [5, 9].

Потребности в педагогическом самообразовании у студентов неразрывно связаны с выработкой у них определенной системы умений:

- ◆ самостоятельно ориентироваться в педагогической литературе, проводить библиографический поиск необходимых для самостоятельной работы литературных источников;
- ◆ целенаправленно выделять, систематизировать и критически
- ◆ осмысливать ведущие положения, факты и выводы, которые содержатся в самостоятельно изучаемых источниках;
- ◆ проводить анализ и обобщение научных данных по изучаемой теме, литературно обрабатывать и оформлять их, составлять библиографию к выполненной работе;
- ◆ обнаруживать пробелы в своих психолого-педагогических знаниях и устранять их путем самообразования;

- ◆ регулярно следить за развитием педагогической науки, постоянно стремиться быть в курсе ее последних достижений;
- ◆ творчески применять самостоятельно приобретаемые педагогические знания в практической деятельности [4,8–10].

Сложившаяся система оценки уровня подготовленности будущего учителя ориентируется преимущественно на количественные показатели знаний и умений. Разумеется, не может быть хорошего специалиста без достаточных знаний и умений, но оценка специалиста сводится не только к знаниям и умениям. Специалист – личность, субъект профессиональной деятельности, индивидуальность. А потому и измерять нужно не только знания и умения, но и уровень развития личности будущего специалиста как субъекта профессиональной деятельности. Очевидно, что этот уровень можно измерять в процессе развития.

Многолетние исследования и наблюдения показывают, что процесс профессионального становления личности будущего учителя проходит три закономерных состояния, стадии.

На первой стадии профессиональная педагогическая деятельность предстает перед студентом как нечто внешнее, объективное, которым надо овладеть. На этой стадии студент сам является объектом внешних педагогических воздействий.

На второй стадии студент, осваивая будущую деятельность, включается в нее, действует в ней. Происходит своеобразное погружение в профессию в новой роли.

Лишь на третьей стадии, когда все основные компоненты педагогической деятельности оказываются интегрированными, студент становится субъектом педагогической деятельности, профессионалом вследствие овладения исследовательскими умениями, рефлексией, эмпатией, антиципацией.

При этом выявлены некоторые существенные закономерности: между уровнями развития профессионально-акмеологической компетентности в самовоспитании личностной, деятельностной и степенью активности познавательной деятельности студентов в области исследования факторов, содействующих и препятствующих достижению вершин в их профессионально-педагогической деятельности. Предметом исследования студентов становятся стадии развития их способностей к самообразованию как специалиста и самовоспитанию как профессионального педагога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганзен В.А, Головей Л.А. Опыт системного описания индивидуалиста // Вестник Ленинградского университета. – 1979. – № 5. –С. 67–75.
2. Елканов С.Б. Основы профессионального самовоспитания будущего учителя: Учеб. пособие для студентов пед. инс-ов. – М.: Просвещение, 1989.
3. Кузьмина Н.В. Акемология – наука о факторах достижения вершин профессиональной деятельности // Проблемы повышения профессионализма и продуктивности педагогической деятельности. – Усть-Каменогорск. – Л., 1989. – С. 6–10.
4. Кузьмина Н.В. Методы системного педагогического исследования. – М.: Народное образование, 2002. – 172 с.
5. Сухомлинский В.А. Разговор с молодым директором. – М., 1985. – 21 с.
6. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания //Собр. соч.– Т. 8. – С. 35–36.
7. Inna V. Atamanova, Sergey A. Bogomaz, Natalia V. Kozlova, Valentina I. Kashirina. An Educational Technology for Developing Professionally-oriented EFL Communicative Competence: Its Acmeological Potential. Procedia – Social and Behavioral Sciences, Volume 200, 22 August 2015, Pages 236–242
8. Elena V. Zhitkova, Ekaterina V. Kozlovskaya, Nikolai A. Kachalov. Using the Technology in Content-based Second Foreign Language Teaching at the Research University. Procedia – Social and Behavioral Sciences, Volume 154, 28 October 2014, Pages 437–440
9. A.E. Berikkhanova, Zh. A. Zhussupova, G. Ye. Berikkhanova. Developing Creative Potential of Future Teachers: Research and Results. Procedia – Social and Behavioral Sciences, Volume 171, 16 January 2015, Pages 1142–1146
10. Contiu Tiberiu Soitu. Development of University Continuing Education Programs within the TEMPUS Projects. Procedia – Social and Behavioral Sciences. Volume 142, 14 August 2014, Pages 195–199

© А.В. Керженцева, (ker-anna@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Кириллова Светлана Николаевна
Оренбургский Государственный Университет,
Муниципальное общеобразовательное
бюджетное учреждение, "Начальная
общеобразовательная школа № 11"
г. Бузулук, Оренбургская область,
учитель нач. классов, высшая категория.

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF SUBJECTIVE POSITION OF THE YOUNGER SCHOOL STUDENT

S. Kirillova

Annotation

The article is devoted the problem of development of subjective position of younger schoolchildren. The author reveals the conditions of formation of a schoolchild as a subject of educational activity and the criteria for determining the level of subjectivity of the younger students. The article concludes that the development of subjectivity of the younger pupils is due to the formation of components of educational activity, but also in the organization of extracurricular activity of younger school students it is important to devise a system of interaction between the subjects. The author believes that in this case the most appropriate type of interaction is a poly-subject interaction, which is based on the idea of understanding development as self-development, as an active constructive process carried out by the child in cooperation with adults. The implementation of this process, according to the author, perhaps in the design and build environment, which is a set of learning opportunities for students, but also for the manifestation and development of their abilities and personal potentials.

Keywords: Subject, subjective situation, subjective position of the younger school student subject

Аннотация

Статья посвящена проблеме развития субъектной позиции младших школьников. Автором раскрываются условия становления школьника как субъекта учебной деятельности и определены критерии для определения уровня их субъектности. В статье сделан вывод о том, что развитие субъектности младшего школьника связано с формированием у него компонентов учебной деятельности, но и при организации внеурочной деятельности младших школьников важно продумать систему взаимодействия субъектов. Автор полагает, что в данном случае наиболее приемлемым типом взаимодействия является полисубъектное взаимодействие, в основе которого лежит идея понимания развития как саморазвития, как активного созидательного процесса, осуществляемого ребенком в сотрудничестве со взрослым. Осуществление данного процесса, по мнению автора, возможно при проектировании и построении среды, представляющей собой совокупность возможностей для обучения учащихся, а также для проявления и развития их способностей и личностных потенциалов.

Ключевые слова:

Субъект, субъектная ситуация, субъектная позиция младшего школьника, субъектность младших школьников.

Начало общественного бытия человека как субъекта учебной деятельности происходит именно в младшем школьном возрасте, так как это период обретения нового социального статуса, понимания своего социального "Я" и активного осознанного взаимодействия с социальной средой (Л.И. Божович, Т.Д. Нежнова и др.). По мнению Л.И.Божович именно на этой стадии развития происходит осознание ребенком себя в качестве субъекта, которое в дальнейшем развивается и укрепляется. При создании благоприятных психолого-педагогических условий для развития субъектности младшего школьника раскроется внутренний потенциал ребенка (принятие самостоятельных ответственных решений в ситуациях самоопределения, способность к активному и осознанному взаимодействию с социальной

средой, отстаивая собственную независимость и индивидуальность), и будет способствовать успешному развитию в целом.

Исследование проблем субъекта рассматривались в философских и психолого-педагогических работах. Развитие идея субъектности получила в зарубежных психологических концепциях, сформировавшихся в XX веке в рамках персонологического направления (А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм, Э. Эриксон, К. Юнг и др.), и трудах отечественных психологов и педагогов (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн и др.).

В отечественной психологии направление субъектно-

сти представлены в концепциях персонализации, индивидуальности, адаптации, социализации (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, и др.). Разработаны отдельные теоретико-методологические аспекты и механизмы развития субъектного потенциала личностей философских и психолого-педагогических исследованиях (А.В. Брушлинский, Н.И. Вьюнова, С.М. Годник, Е.И.Исаев, В.Н.Келасьев, Н.В.Кузьмина, В.А.Лекторский, А.С. Огнев, В.В. Селиванов, Е.А. Сергиенко, и др.). Развитие субъектной активности и субъектного опыта учащихся рассмотрены в работах Т.П. Войтенко, Л.К. Осницкий, А.П. Рябищенкова, В.Э. Чудновский, И.С. Якиманская и др.; становление младшего школьника и младшего подростка как субъекта учебной деятельности (Л.И. Божович, А.А. Горбунов, В.В. Давыдов, В.Т. Кудрявцев, В.И. Слободчиков, Л.В. Трубайчук, И.Н. Федекин, Г.А. Цукерман, Д.Б. Эльконин и др.); психолого-педагогические условия развития субъектной позиции учащихся и особенности ее проявления (Г.А. Вайзер, Н.А. Жесткова и др.).

Определять субъектную позицию младшего школьника будет система доминирующих избирательных отношений ребенка к миру, окружающим, самому себе, к любой самостоятельной деятельности, способность проявлять активность, самостоятельно определять конкретные цели и задачи, их решать, соотносить результаты с эталоном, нормами, ценностями социума, а также корректировать в случае необходимости свои умения, взгляды, ценностные ориентации.

Процесс формирования субъектной позиции младшего школьника составляют следующие компоненты:

- ◆ ценностный (интеграция личностно значимых и ценных идеалов, взглядов, стремлений ребенка в области саморазвития, самовоспитания, самообучения, в его деятельности и поступках, во взаимоотношениях с окружающими),
- ◆ рефлексивно-волевой (осознание способов и выбора действий, определение границ знаний и умений, осознанное управление поведением и деятельностью при достижении реальной цели или во взаимодействии со сверстниками, способность к волевому усилию),
- ◆ регулятивный (способность к целеполаганию, умение планировать, прогнозировать, контролировать, оценивать и корректировать деятельность, осознанно регулировать границы контакта своего "Я" с социальной средой)

Процесс формирования субъектной позиции младших школьников в образовательном компоненте включает целевой, содержательный, технологический и результативный направления.

Органичное педагогическое взаимодействие учителя

с обучающимися, направленное на создание благоприятного микроклимата, индивидуальное развитие, свободу выбора и самосовершенствование личности каждого из его участников, является одним из педагогических условий формирования субъектной позиции у учащихся.

Именно педагог определяет и организует взаимодействие с учащимися, в зависимости от уровня сформированности их субъектной позиции, а в дальнейшем и реализовывает в процессе своего осуществления важную для становления субъектной позиции цель: содействие саморазвитию личности. Следует отметить, что в начальных классах учащиеся полностью доверяют взрослым.

Анализировать свои поступки, соотносить их с качествами личности и фиксировать при этом адекватную личностную самооценку младшие школьники способны к окончанию начальной школы, при соответствующей организации деятельности.

Преобразовывается и содержание педагогического взаимодействия педагога и младшего школьника, так как в ходе его реализации саморазвитие педагога и учащегося происходит как взаимосвязанное саморазвитие партнеров, дающее новые стимулы для развития субъектной позиции младшего подростка.

Одним из важных педагогическим условием развития субъектности младших школьников является подготовка будущих педагогов. Именно поэтому ведущий ориентир образования на сегодня определен как создание пространства становления субъектности студента.

Становление субъектности студента – целостный, динамический процесс расширения отношений к миру, себе и другим, предполагающий переход от центрированности на самом себе к ценностно-конструктивному освоению и преобразованию себя и всего спектра жизнедеятельности студента. Становление субъектности выступает движущей силой ценностного самоопределения как процесс обретения студентом смысла, целей, ресурсов современного университетского образования.

Становление субъектности является проявлением студентом себя в качестве самоорганизующегося субъекта свободного и сознательного выбора и принятия будущей профессии как приоритетной жизненной ценности и оптимальных с точки зрения его личностных склонностей путей овладения ею; субъекта собственной образовательной деятельности, характеризующейся индивидуальной образовательной траекторией, продуктивным взаимодействием преподавателя и студентов в корпоративной деятельности, развитием мотивации достижений, креативным прогнозированием сценариев своих профессиональной и жизненной перспектив.

Важнейшим из факторов, стимулирующих младшего школьника к учебной деятельности, является учебная мотивация, которая определяется как "направленность учащегося к различным сторонам учебной деятельности". Отсюда следует необходимость учёта индивидуальных особенностей учащихся в сфере мотивации. А.К. Маркова классифицирует их по познавательным и социальным признакам. В учебной работе педагога в первую очередь имеют дело с формированием познавательных интересов.

Познавательные интересы в процессе обучения необходимо учитывать с двух точек зрения:

1) проявление интереса к учебной работе для повышения мотивации к активной работе; 2) учёт уже сложившихся, индивидуализированных интересов и формирование новых. ФГОС второго поколения определяет одним из качеств основных принципов начального образования: построение образовательной деятельности на основе индивидуальных особенностей каждого ребенка, при котором сам ученик становится активным в выборе содержания своего образования, становится субъектом образования.

Индивидуализация – это осуществление принципа индивидуального подхода, это организация воспитательно-образовательного процесса с учётом индивидуальных особенностей учащихся, позволяющая создать оптимальные условия для реализации потенциальных возможностей младшего подростка.

Необходимо отметить, что в индивидуальном подходе нуждается действительно каждый ребёнок, ибо это непременное условие и предпосылка формирования гармоничной и всесторонне развитой личности, формирование самой личности как неповторимой индивидуальности. Ещё К.Д. Ушинский отмечал: "воспитание не только должно развивать ум человека и давать ему полный объём знаний, но и зажечь в нем жажду к серьезному труду, без которого жизнь его не может быть ни полезной, ни счастливой". То есть главное в обучении – это передача знаний, умений, а развитие возможности приобретать знания и умения и использовать их в жизни, обеспечение чувства психологической защищенности ребенка с учётом его возможностей и потребностей, другими словами, личностно-ориентированная модель в обучении – это прежде всего индивидуализация обучения, создание условий для становления младшего подростка как личности.

Субъектность младшего школьника представляет собой интегративное качество личности, которое объединяет такие характеристики как активность, самостоя-

тельность, рефлексивность, конструктивное взаимодействие с окружающей средой, стремление к саморазвитию.

Критериями субъектности младших школьников являются:

- ◆ активность (стремление субъекта к эффективному освоению окружающей действительности, к самовыражению относительно внешнего мира, деятельностное отношение к себе и окружающей действительности),
- ◆ самостоятельность (независимость выбора и ответственность за результаты своих действий),
- ◆ рефлексивность (основа самоанализа и самооценка своих действий, поступков и принятие на себя ответственности за результаты своих действий)
- ◆ стремление к саморазвитию (движение к эмоциональной и когнитивной зрелости, выражающееся в стремлении к достижениям и в адекватном уровне притязаний),
- ◆ конструктивное взаимодействие с окружающей средой (регулирование границ своего "Я" с внешним миром).

Развитие субъектной позиции младших школьников будет успешным при реализации совокупности следующих педагогических основ :

- ◆ организация субъектно-развивающей среды, предполагающая ориентацию родителей, психологов, педагогов на развитие субъектности учащихся;
- ◆ подготовку взрослых (педагогов, родителей и др.) из окружения ребенка к осознанному регулированию процессов его социализации и индивидуализации;
- ◆ систематический мониторинг динамики развития субъектности ребенка;
- ◆ осуществление в педагогическом процессе индивидуально-дифференцированного подхода к ребенку в соответствии с особенностями проявления у него субъектности в различных сферах жизнедеятельности;
- ◆ создание программы развития субъектности младших школьников.

Образовательное пространство школы мы рассматриваем как объект становления субъектности младшего школьника.

В зависимости от условий, создаваемых и реализуемых в образовательном учреждении младшие школьники могут в разной степени обладать субъектными свойствами и в разной мере проявлять субъектность. (Т.А.Ольховая, С.С.Мазова).

Представленные педагогические условия реализуются посредством специально организованного педагогического взаимодействия педагога и младшего школьни-

ка и способствуют проявлению и развитию личностных характеристик учащихся, а, следовательно, структурных компонентов их субъектной позиции.

В настоящее время учёными определены типы субъектности младших школьников в соответствии с доминированием субъектности в одной или нескольких сферах жизнедеятельности: сфере учебной деятельности, общения, самосознания.

Первый тип субъектности определяется высоким уровнем проявления в двух или трех сферах жизнедеятельности.

Второй тип характеризуется доминированием проявлений субъектности в какой-либо одной сфере жизнедеятельности ребенка и довольно низким проявлением субъектности в остальных сферах.

Третий тип проявляется в отсутствии доминирующей сферы субъектности и в невысоком ее уровне по всем трем сферам.

Развитие субъектной позиции младших школьников по отдельным критериальным характеристикам субъектности происходит неравномерно: активность, рефлексивность, способность к конструктивному взаимодействию с окружающей средой опережают по степени сформированности такие критерии субъектности как самостоятельность и стремление к саморазвитию.

Именно среди младших школьников больше число детей с высоким проявлением субъектности в трех сферах, значительно выше доля детей с типом субъектности в сфере учебной деятельности и сфере общения. У младших школьников выше уровень активности, а также развиты рефлексивность и способность к конструктивному взаимодействию с окружающей средой.

Процесс развития субъектной позиции младшего школьника требует систематического мониторинга динамики ее развития. Средством диагностики должна стать совокупность методов и методик исследования субъектного развития учащихся, где базовая методика нацелена на изучение тенденций и уровня субъектного развития ребенка в ситуациях личностного самоопределения во взаимодействии с внешним миром. И начинать эту работу следует с первого класса.

Так, в МОБУ "НОШ №11" в сентябре с учащимися первых классов была проведена входная диагностика. Ее цель – выявить уровень готовности к школе. Диагностика включает восемь заданий. Задания направлены на выявление умения передавать форму фигуры (начертить равную или подобную); на выявление умения ориентироваться в пространстве; на умение выбирать и выполнять операцию сложения и вычитания при правильном понимании текста задачи; на выявление умения сравнивать множества по числу элементов; на выявление умения классифицировать, на выявление состояния фонематического слуха, на выявление степени овладения звуковым анализом; на выявление интуитивных топографических представлений. За выполнение заданий ученики получали баллы, общее количество баллов суммировалось. "Очень высокий уровень" – 25–26 баллов; "высокий уровень" – 20–24 балла; "средний уровень" – 15–19 баллов; "ниже среднего" – 10–14 баллов; "низкий уровень" – 5–9 баллов. (Таб.1)

Проанализировав полученные результаты, мы видим, что большинство учащихся имеют высокий уровень результатов (52%). Однако, вызывают опасения учащиеся, показавшие результаты "ниже среднего" (11%). С учащимися данной группы педагоги совместно с психологом школы ведут коррекционную работу.

Анализ результатов входной диагностики выявил, что наибольшее затруднение у учащихся вызвали задания

Таблица 1.

Результаты входной диагностики готовности к школе МОБУ "НОШ №11" 2015-2016 учебный год.

№п/п	класс	кол-во чел.	Очень высокий уровень	высокий уровень	средний уровень	Ниже среднего	низкий уровень
1	1 "А"	32	3%	53%	31%	11%	2%
2	1 "Б"	28	14%	54%	30%	1%	1%
3	1 "В"	34	6%	53%	29%	10%	2%
4	1 "Г"	29	3%	49%	31%	15%	2%
5	всего	123	6%	52%	31%	10%	1%

№6 и №7. Их цель – проверить состояние фонематического слуха и фонематического восприятия, выявить степень овладения звуковым анализом.

Испытали затруднения учащиеся при выполнении задания №2 и №8. Их цель – выявить умение ориентироваться на плоскости и уровень топологических представлений, понимание терминов "внутри", "вне".

Сравнение результатов тестирования с результатами последних трёх лет показало, что это типичные для всех первоклассников ошибки. У первоклассников слабо развит фонематический слух, умение ориентироваться на плоскости и топографические представления. Недостаточное развитие фонематического слуха ведёт к затруднениям при обучении грамоте и освоении программы русского языка в дальнейшем. Для развития фонематического слуха педагоги дополнительно включают в уроки обучения грамоте дополнительные задания, игры ("Поймай звук", "Не попадись в ловушку", "Назови слово на этот звук", "Дразнилка"), обязательна работа со звуковыми схемами слов. Слабые топографические представления и неумение ориентироваться на плоскости ведут к затруднениям при ориентации в тетради. Для развития данных умений помогают графические диктанты. Для коррекции вышеуказанных затруднений педагоги школы разработали курсы платных образовательных услуг "Развитие речи", "Штриховка и развитие речи", "Умники и умницы".

Успешность в учебной деятельности и параметры

учебной деятельности зачастую не совпадают.

Это показал мониторинг сформированности универсальных учебных действий у учащихся 1-х классов, проведённый в декабре. Его цель – определить уровень сформированности универсальных учебных действий у учащихся первых классов (Таб.2).

Условные обозначения:

- В – высокий уровень;
- С – средний уровень;
- Н – низкий уровень.

Результаты мониторинга показали, что очень высокий уровень готовности к школе не свидетельствует о высоком уровне развития субъектностимладшего школьника. Это не значит – готовность к школе – готов быть субъектом. Большинство проявили затруднения в заданиях требующих словесно-логического мышления, в анкете школьной мотивации, "Что такое хорошо и что такое плохо" и др. Ожидаемая степень готовности не получилась, субъектность угасла, обучающиеся выбирали задания полегче. Мы не можем говорить о яркой субъектной позиции. От 12–17% применений к субъектности называют досубъект. Многие из высокого уровня субъектности переместились в средний и даже в низкий уровень.

Данные мониторинга УУД позволят скорректировать учебный процесс путем разработки индивидуальных маршрутов по формированию УУД в соответствии с вы-

Таблица 2.

Результаты сформированности УУД у первоклассников.

Сформированность универсальных учебных действий первоклассников																		
Общее кол-во испытуемых	Метапредметные УУД																	
	Познавательные УУД			Регулятивные УУД						Коммуникативные УУД						Личностные УУД		
				методика №2		методика №3		методика №4		методика №5		методика №6						
	Н	С	В															
1 "А" (32ч)	16%	78%	6%	31%	59%	0%	9%	50%	31%	%	31%	64%	16%	78%	6%	18%	51%	31%
1 "Б" (28ч)	31%	5%	4%	2%	9%	0%	8%	6%	26%	%	7%	4%	1%	4%	%	9%	43%	24%
1 "В" (34ч)	19%	4%	%	4%	1%	5%	2%	44%	4%	%	0%	8%	6%	6%	8%	4%	44%	42%
1 "Г" (29ч)	39%	5%	%	9%	2%	%	9%	2%	9%	1%	6%	3%	39%	4%	7%	3%	46%	21%

явленными проблемами на последующих этапах обучения.

Ценностные ориентации, определяющие выбор способа разрешения проблемных ситуаций, также являются основанием для анализа видов субъектности ребенка: субъектности по отношению к самому себе, субъектности по отношению к другим людям, интеграции субъектности по отношению к самому себе и субъектности по отношению к другим людям.

Несомненно, развитие субъектности младшего школьника связано с формированием у него компонентов учебной деятельности, но и при организации внеурочной деятельности младших школьников важно про-

думать систему взаимодействия субъектов. На наш взгляд, наиболее приемлемым типом взаимодействия является полисубъектное, в основе которого лежит идея понимания развития как саморазвития, как активного созидательного процесса, осуществляемого ребенком в сотрудничестве со взрослым. Это возможно при проектировании и построении среды, представляющей собой совокупность возможностей для обучения учащихся, а также для проявления и развития их способностей и личностных потенциалов.

Именно общности взрослого и ребенка, через которые можно и нужно рассматривать, что происходит с человеком в процессе его развития и присвоения им норм и образцов, выступают в качестве особой среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дроздова И.А. "Личностно-развивающее взаимодействие педагога и младших школьников как фактор становления субъектной позиции учащихся" Вестник Костромского Государственного Университета им. Н.А.Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 6. С. 111-114.
2. Зарецкий Ю.В., Зарецкий В.К., Кулагина И.Ю. "Методика исследования субъектной позиции учащихся разных возрастов" Психологическая наука и образование. 2014. № 1. С. 98-109.
3. Ольховая Т.А., Мазова С.В. "Реализация субъектно-ориентированных образовательных ситуаций": Учебное пособие. – М.: "Дом педагогики", 2011. – с.35
4. Песоцкая Т.Н. "Теоретические аспекты формирования субъектной позиции современного российского школьника." Вестник Пятигорского Государственного Лингвистического Университета 2011. № 2. с. 261-265.
5. Шибанова Н.М. "Стиль оценочной деятельности учителя как фактор становления субъектной позиции младшего школьника" Наука и школа. 2011. № 6. С. 109-117.

© С.Н. Кириллова, [SK24071969@yandex.ru], Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

СИСТЕМНАЯ ПОДАЧА ГРАММАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СКАЗУЕМОГО И НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

EASY SYSTEMATIC WAY OF TEACHING GRAMMAR WHILE STUDYING ENGLISH PREDICATE AND NON-FINATE FORMS OF VERB

*L. Kozubovskaja
E. Sentebova*

Annotation

First-year students of technical universities face some difficulties while studying the English language. These difficulties are caused to a great extent by the difference in the grammatical structure of the Russian and English languages, as well as by the fact that some psychic processes of the students such as perception, attention and logical thinking were not formed in the course of previous education. To eliminate these difficulties the authors suggest a simple universal predicate classification and the tables to compare the types of predicate with non-finite forms of verb.

Keywords: analytical language, synthetic language, predicate classification, non-finite forms of verb, psychic processes, holistic perception.

Козубовская Людмила Александровна

*Доцент каф. иностранных языков
и связей с общественностью*

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

Сентебова Елена Леоновна

*Доцент каф. иностранных языков
и связей с общественностью*

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

Аннотация

Студенты первого курса технических вузов сталкиваются с трудностями при изучении английского языка. Эти трудности вызваны в большой степени различиями в грамматическом строе английского и русского языков, а также несформированностью некоторых психических процессов у обучаемых, таких как восприятие, внимание, логичность мышления. Для снятия данных трудностей авторами предложена простая универсальная классификация английского сказуемого, а также представлены таблицы, в которых сопоставлены виды сказуемого с неличными формами глагола.

Ключевые слова:

Аналитический язык, синтетический язык, классификация сказуемого, неличные формы глагола, психические процессы, целостность восприятия.

На курс иностранного языка в техническом вузе в настоящее время отводится всего один год – два семестра. А задачи, стоящие перед преподавателем, достаточно сложные: обучение различным видам чтения технической литературы, владение которыми необходимо будущему инженеру, а также формирование навыков устной речи. Знание английской грамматики и обучение ей являются абсолютно необходимыми в данной ситуации, так как, во-первых, этого требует программа изучения языка и, во-вторых, без знания грамматики сложно обучить взрослых иностранному языку. Традиционно все учебники для технических вузов предлагают последовательную, пошаговую подачу грамматического материала от простого к сложному, что в принципе хорошо, но не дает целостного представления о грамматической системе языка. Письменный и устный опрос или собеседование со студентами перед началом курса обучения ярко демонстрирует, насколько бессистемны, фрагментарны и разорваны их представления об английской грамматике. Это зачастую приводит к неверию в свои си-

лы и отторжению предмета как такового. Наиболее частые ответы студентов таковы: "Мне не нравится английский язык, потому что я его не понимал на протяжении всех школьных лет", "Школьный учитель не показал, как изучать язык", "Знаю слова, но не знаю, как строить предложения".

Перед авторами стояла задача организовать компактную доступную, приведенную в систему подачу грамматического материала (сказуемого, причастия и инфинитива) в условиях ограниченного времени, отведенного на его изучение. Студентам, прежде всего, необходимо объяснить, что русский и английский языки относятся к разным грамматическим типам языков, и этим определяется сложность при изучении английского языка, его особенность и суть. Русский язык относится к синтетическим языкам, а английский – к аналитическим. Отнесение языка к аналитическому или синтетическому строю означает преобладание в нем способов выражений грамматических значений.

Языки, использующие в большей степени синтетические способы, называются языками синтетического строя (выражают грамматику внутри слова), а языки, использующие преимущественно аналитические способы, – языками аналитического строя (выражают грамматику вне слова с помощью служебных слов и порядка слов). Эти различия в языках следует не просто учитывать при обучении иностранному языку, но ставить их во главу угла. Различие в порядке слов в русском и английском предложении – это следствие различия их грамматического строя.

В синтетических языках, имеющих развитую систему падежных окончаний, слово может стоять почти в любом месте предложения. А в аналитических языках произошло закрепление за каждым членом предложения своего определенного места. "Утрата склонения и спряжения произошла, очевидно, в силу возрастания удельного веса синтаксиса и закрепления постоянного порядка слов, когда положение слова в предложении уже стало указателем его роли в логических смысловых связях и отношениях" [1, с. 11]

Для русского языка как синтетического характерен относительно свободный порядок слов. Согласно В. Матезиусу, типичным порядком слов для русского языка является "объективный" порядок слов, где на первом месте располагается состав темы как исходный пункт сообщения, а затем следует состав ремы как нечто новое и неизвестное. [3, с. 251] Для английского языка, аналитического по своей природе, перестановка членов предложения невозможна без изменения его смысла. По словам А.И. Смирницкого, "большая грамматическая нагрузка порядка слов ведет к тому, что возможности использования словоупотребления не для грамматических целей в английском языке значительно ограничены" [4, с.63] Таким образом, порядок слов в английском предложении является средством выражения грамматических отношений и подчиняется строгим правилам фиксированного расположения членов предложения.

В каждом английском предложении обязательно должно присутствовать ядро – подлежащее и сказуемое. В сказуемом различие языковых систем проявляется сильнее и многостороннее, чем в подлежащем. Сказуемое несет на себе гораздо большее количество грамматических отношений, чем подлежащее. Именно сказуемое связывает деятеля с объектом и обстоятельствами действия. Поэтому сказуемое является фактическим центром, к которому тяготеют и вокруг которого группируются все остальные члены предложения.

В английском языке сказуемое более ёмкое по смыслу. Так С. Г. Тер-Минасова пишет в своей книге "Язык и межкультурная коммуникация" о культе святынь и символов в СССР и США: "Герб, флаг, символы власти и ре-

жима и в СССР, и в США играли важнейшую роль в качестве открытой пропаганды". В этом последнем предложении есть одна неточность: время глагола играть. Дело в том, что сопоставление уже несуществующего СССР с вполне жизнеспособными США идет по двум разным временным линиям: когда речь идет о Советской России – это прошедшее время, так сказать Past Simple или Past Indefinite, все тенденции США – это Present Perfect или даже Present Perfect Continuous: они были в прошлом и продолжают в настоящем". [5, с.198] Из всего выше сказанного следует, как важно научить студентов найти сказуемое в предложении, определить его границы, вид и понять, что оно выражает.

Авторы предлагают свою классификацию английского сказуемого, пригодную для его понимания, анализа и перевода. Авторы делят все сказуемые на два вида: сказуемое "действия", которое отвечает на вопрос "что делает подлежащее?" и "недействия", которое не обозначает действия, и, в свою очередь, делится еще на два вида: именное и модальное.

Именное служит для названия и описания подлежащего и отвечает на вопросы "кто?", "что?", "какой?", "чей?". Оно строится по формуле: be*+существительное (прилагательное, числительное, местоимение, наречие, инфинитив, герундий). Само слово "формула" является привычным и удобным для студентов технических вузов. Оно направляет их внимание и свидетельствует о наличии системы, что очень важно для студентов технических вузов, которые привыкли к формулам, таблицам, подстановкам [* означает, что глагол спрягаемый].

Например:

This calculation is incorrect.

The purpose of a ballistic missile is to transport a payload.

Другие глаголы-связки (например, to appear, to get, to seem, to grow) авторы не относят к этому виду сказуемого, так как они до некоторой степени сохраняют свое изначальное значение.

Модальное сказуемое выражает отношение к действию и отвечает на вопросы "что должно, умеет, может и т.д. сделать подлежащее?" Оно строится по формуле: модальный глагол (или его эквивалент) + инфинитив.

Например:

The payload may descend almost vertically on to its target.

Gasification technologies have to adjust to these new, lower quality coals.

Сказуемое действия выражает действие разного характера и строится с помощью четырех глагольных форм:

1. Simple – строится с помощью V1, V1+s, V2, will+V1.

2. Continuous – строится по формуле: be*+V4
3. Perfect – строится по формуле: have+V3
4. Perfect Continuous – строится по формуле: have*+been+V4

Кроме того, сказуемое действия имеет два залога: действительный и страдательный. Страдательный залог строится по формуле: be*+V3

С помощью приведенной выше классификации сказуемого и его формальных признаков можно научить студентов вычленивать сказуемое, воспринять его как единое целое, проанализировать и правильно перевести даже самые сложные виды английского сказуемого, которые можно трактовать как "сложение", "соединение" основных, базовых видов сказуемого.

Например:

1. *Some new factors must have been investigated.*

Данное сказуемое представляет собой соединение модального, Perfect и страдательного залога. Надо научить студентов "расшифровывать" сказуемое, исходя из его состава, соединяя части

Some new factors **must have been investigated**

сказуемого попарно (1+2; 2+3 и т.д.), и "суммируя" их значения: must+have; have+been; been+investigated.

Таким образом, грамматическая "расшифровка" будет превращаться в глубинный смысл: Некоторые новые факторы, должно быть, были исследованы.

2. *Manufactures have been able to update their equipment.* (Perfect + модальное)

3. *Satellite strategies are being determined.* (Continuous + Passive)

4. *This kind of propulsion system might have been more cost effective* (модальное + Perfect+именное).

Такое "сложение" видов сказуемого помогает увидеть сказуемое объемно, в "3D", полностью понять его семан-

тику и дать адекватный перевод, отразив все смысловые тонкости, заложенные в нем.

Например, английское предложение *"He has been reading"* самые вдумчивые и старательные студенты, которые знают, что означают составные части этого сказуемого (Perfect+Continuous), переводят "Он читает уже в течение какого-то времени, но все еще не прочитал". [2,с.79–80]

Помимо сказуемого есть еще в английском языке неличные формы глагола, распознавание и перевод которых представляют большую сложность для студентов, потому что по своим внешним признакам они очень похожи на сказуемое. Личные формы образуют сказуемое и имеют время (когда происходит действие?), характер действия (как протекает действие?) и залог (кто совершает действие?). Неличные же не могут быть сказуемым, (хотя могут являться его смысловой частью) и имеют только характер действия и залог и могут быть в предложении любыми его членами, кроме сказуемого. При этом они образуются практически по тем же формулам, что и сказуемое, и передают ту же семантику. Так, наличие вспомогательного глагола "have" и у сказуемого, и у неличных форм глагола указывает на завершенность действия, наличие формы с "ing" – на действие в процессе его развертывания, а сочетание вспомогательного глагола "be" с третьей формой глагола указывает на пассивный залог.

Рассмотрим неличные формы глагола. Они имеют несомненное сходство со сказуемым. С помощью таблиц №1 и №2, где представлены личные и неличные формы глагола в действительном и страдательном залогах, можно увидеть, как соотносятся формы сказуемого действия с формами причастия и инфинитива.

Однако неличные формы имеют в предложении иные функции. И эти функции зависят от того места, которые они в нем занимают. Так, причастие в предложении может выполнять функции определения и обстоятельства.

Таблица 1.

Действительный залог.

	Simple	Continuous	Perfect	Perfect Continuous
Сказуемое	V1, V1+s V2 Will+V1	Be*+V4	Have*+V3	Have*been+V4
Причастие		V4	Having+V3	
Инфинитив	V1	Be+V4	Have+V3	

Таблица 2.

Страдательный залог.

	Simple	Continuous	Perfect
Сказуемое	Be*+V3	Be*being+V3	Have* been+V3
Причастие	V3	Being+V3	Having been +V3
Инфинитив	Be+V3		Have been+V3

При этом оно будет занимать свое место в предложении и иметь определенную семантику. Если оно является обстоятельством, то, как правило, стоит в начале или конце предложения и переводится деепричастием несовершенного вида и совершенного вида, если форма перфектная.

Launching the space vehicle the designers had to solve some problems (запуская).

Having calculated the flight trajectory they put the probe into orbit (рассчитав).

А если причастие является определением, то стоит рядом с определяемым существительным, отвечает на вопрос "какой?" и переводится причастием с суффиксом "-щий". Такое причастие характеризует процесс.

A rocket engine is a device converting chemical energy into kinetic energy (преобразующее).

А инфинитив может быть любым членом предложения кроме целого сказуемого, и его функции будут также зависеть от места в предложении. Он может быть подлежащим, частью именного и модального сказуемого, дополнением, определением, обстоятельством цели.

To heat water is necessary for this experiment (нагревать, нагрев).

The purpose was to heat water to the required temperature (нагреть).

To heat water they used a special device (чтобы нагреть).

The road to connect these two towns is being built (которая соединит).

Как мы видим, данные виды инфинитива не выражают ни процесса, ни результата. Те виды инфинитива, которые их выражают, используются в основном в инфинитивных оборотах.

I pretended to be watching the film (притворился, что смотрю).

The satellite was reported to have supplied the necessary information (доставил).

Способы построения сказуемого в страдательном залоге и страдательных форм причастия и инфинитива также во многом совпадают. Это можно увидеть с помощью табл. 2.

Причастие II (или V3) является пассивным по своей сути и может быть использовано без вспомогательного глагола "be".

When heated water evaporates (когда нагрели).

Being heated water evaporates (будучи нагретой).

Having been heated water evaporated (после того, как нагрели).

Инфинитив в пассивной форме используется в инфинитивных оборотах.

Propellants are known to be used in either solid or liquid form (используется).

The design of a rocket engine is known to have been perfected (был усовершенствован).

Помимо снятия грамматических трудностей данный подход решает еще одну задачу – помогает сформировать некоторые психические особенности обучаемых, такие как восприятие, внимание и мышление. К сожалению, они зачастую не сформированы у взрослых, начинающих путь к высшему образованию. В частности, для восприятия характерно целостное отражение предметов и явлений объективного мира при их непосредственном воздействии в данный момент на органы чувств. Оно предполагает выделение из комплекса воздействующих признаков основных и наиболее существенных. При постепенном, поэтапном, а, следовательно, дробном введении грамматического материала целостность восприятия нарушается, и студенты не могут воспринять всю парадигму глагола в целом. Внимание – это избирательная направленность на тот или иной объект и сосредоточенность на нем. Чем более ясное и отчетливое содержание материала, на котором сосредоточена познавательная деятельность, тем более направленным является внимание. Мышление – это психический процесс обработки информации и установления связи между предметами, их свойствами или явлениями окружающего мира. Мышление должно быть подчинено законам логики, которая является "наукой о правильном мышлении", и представляет собой умение думать и рассуждать последовательно и непротиворечиво, умение правильно совершать мыслительные операции и последовательно приходиться к умозаключениям. Система, предложенная авторами, дает

возможность студентам направить внимание на изучаемый объект, правильно воспринять его и сделать верное умозаключение, используя ее логичность.

Описанный выше подход был опробован в группах студентов технического вуза химико-технологического и аэрокосмического факультетов. Результаты показали, что студенты не испытывают страха при "встрече" с длинными громоздкими предложениями, усложненными причастиями и инфинитивами, умеют разобрать их, найти ядро, определить границы и тип сказуемого, определить вид и функции неличных форм глагола, их семантику и сделать правильный перевод.

Например:

To produce a heat-releasing chemical reaction the propellant mixture is triggered electrically and the molecules of gas produced by the combustion process possess large amount of energy moving rapidly in all directions within the chamber.

Данное сложное предложение состоит из двух простых предложений. В первом ядром является "mixture is triggered". Исходя из места в предложении инфинитив "to

produce" является обстоятельством цели, а причастие "heat-releasing" – определением. Во втором предложении ядром является "molecules possess", причастие "moving" – обстоятельством, которое, следуя своей форме, выражает действие в процессе его совершения, а причастие "produced" является определением, так как стоит около определяемого существительного.

Таким образом, авторами была предпринята попытка снять трудности при объяснении студентам технических вузов грамматики английского языка, в частности английского сказуемого и неличных форм глагола – причастия и инфинитива. Эти трудности вызваны разностью грамматического строя английского и русского языков и психическими особенностями обучаемых. Была предложена классификация сказуемого, которая является универсальной, и представлены таблицы для сравнения видов сказуемого с неличными формами глагола.

Такой системный подход к подаче грамматического материала дает целостное "панорамное" восприятие английского предложения, которое позволяет правильно понять и перевести предложение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аполлова М.А. Specific English (Грамматические трудности перевода) Издательство "Международные отношения" М. 1977. 136с.
2. Козубовская Л.А., Сентебова Е.Л. Снятие трудностей при изучении сказуемого. Вопросы теории и практики. Филологические науки. Тамбов: Издательство "Грамота". 2015. №4(46). Ч. I. С.77–80.
3. Матезиус В. Основная функция порядка слов в чешском языке. – В кн. Пражский лингвистический кружок. М.: 1967. 246–265 с.
4. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка под ред. В.В.Пасека. Изд.2-е, испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. 296 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Издательство Слово/Slovo. М.: 2008. 264 с.

© Л.А. Козубовская, Е.Л. Сентебова, (Lena-sentebova@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики».

СОЦИАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО УЧАЩИХСЯ, КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кочнева Татьяна Ивановна

Зам. директора

по учебно-воспитательной работе

в Муниципальном образовательном

учреждении дополнительного образования

"Норильская детская художественная школа"

SOCIAL WORK STUDENTS AS A MEANS OF IDENTITY FORMATION IN ADDITIONAL EDUCATION SYSTEM

T. Kochneva

Annotation

The article focused on the disclosure of the concept of "social creativity of students" in art education, defined the conditions for its successful development in additional education system as a means of identity formation ready for self-realization and self-development. The received results allowed to come to a conclusion that in the course of training with use of educational preprofessional programs in the field of arts "Painting", "Design", an individual trajectory of development of pupils, inclusion on sociocultural environment increased indicators of success studying at art school. Thus social creativity – the activity included in the sociocultural environment of the pupil in which he self-actualizes on the basis of public and personal installations where becomes result as the created product, and development of the subject of creativity.

Keywords: social creativity, social-cultural environment, personality, additional education, children's school of arts, success, self-realization, self-development.

Аннотация

Статья направлена на раскрытие понятия "социальное творчество учащихся" в художественном образовании, определены условия его успешного развития в системе дополнительного образования как средство формирования личности готовой к самореализации и саморазвитию. Полученные результаты позволили прийти к выводу, что в процессе обучения с использованием образовательных предпрофессиональных программ в области искусств "Живопись", "Дизайн", индивидуальной траектории развития учащихся, включение в социокультурную среду. Таким образом социальное творчество – деятельность включенная в социокультурную среду учащегося в которой он самореализуется на основании общественных и личностных установок, где результатом становится как созданный продукт, так и развитие самого субъекта творчества.

Ключевые слова:

Социальное творчество, социально-культурная среда, личность, дополнительное образование, детская школа искусств, успешность, самореализация, саморазвитие.

Современное образование направлено не только на получение знаний, а также на получение жизненного опыта, который в будущем поможет в решении личных, социальных задач.

Для решения проблемы выдвигается демократическая форма воспитания, включающая разработку индивидуальной траектории развития личности направленная на создание условий для его самореализации в социальной и личностной деятельности, самовоспитанию, непрерывному саморазвитию.

Дополнительное образование должно влиять на развитие личности, которая своей социально-значимой деятельностью развивает творческий потенциал, ориентированный на социальный успех. Проблемой гуманизации в воспитании занимались Ш.А.Амонашвили [1], О.С.Газ-

ман, И.П.Иванова и др.

Создание мотивации для самоактуализации и самореализации, развития социальных и личностных качеств отражено в трудах Р.Бернса [3] А Маслоу, К.Роджерса, и др.

Взаимодействие личности и социокультурной среды, социализация, развитие и самоопределение нашли свое отражение в трудах А.М.Мудрика [7], А.В.Петровского, Д.И.Фельдштейна [8].

Представление творчества, как факторе воспитания для личностной самореализации отмечены в трудах Т.Д.Базаровой, С.В.Евтушенко, В.В.Зотова и др.

Развитие творческих способностей в условиях социо-

культурной среды рассмотрены в работах Т.И.Бакланова, А.Д.Жаркова, Е.А.Сергеева, Ю.А.Стрельцова и др.

Реализация педагогических условий для создания ситуации успеха отмечена в трудах А.С. Белкина, И.Д.Демаковой, В.А.Караковского, Л.И.Новиковой.

Впервые в нашем опыте раскрыты понятия "социальное творчество учащихся" в художественном образовании, определены условия его успешного развития в системе дополнительного образования как средство формирования личности готовой к самореализации и саморазвитию.

В исследованиях Л.С.Выготского [4], В.С.Кузина А.М.Матюшкина, А.А.Мелик-Пашаева [6], Б.М.Теплова и др. рассматривался вопрос о том, что творчество рассматривается продуктом, процессом, чертами личности и способностью.

Для нас важным является рассмотреть социальную значимость необходимым элементом творчества и его связь с творческой деятельностью. В художественном образовании рассматривая творческую деятельность, представляем ее как результат индивидуальных способностей и социального опыта личности. Где под индивидуальными способностями подразумевается способности личности, которые позволяют создавать творческий продукт новыми нестандартными методами, достигнув высокой новизны, уникальности и оригинальности. В процессе творческой деятельности у учащихся происходит формирование ценностных ориентаций, оценка и корректировка достигнутого, тем самым являясь процессом развития личности, готовой к саморазвитию.

Саморазвитие – непрерывный процесс работы над собой, позволяющий стимулировать самоуправление своим развитием в будущем.

Дополнительное образование способно более успешно, чем базовое, решать задачи социализации детей. Это связано с тем, что дополнительное образование осуществляется на основе субъектной позиции ребенка в образовательной деятельности не только в отношении организации ребенком собственного обучения (включая целеполагания и планирование, самоконтроль и самооценку), но и в отношении самостоятельного выстраивания коммуникативных связей с другим субъектами дополнительного образования, презентации своих творческих результатов.

Деятельность детских школ искусств направлена не только на сферу профессионального образования в искусстве, решение проблем профессионального обучения художественной деятельности одаренных детей и под-

ростков, но и на сферу социокультурной жизни всего общества, решения проблем повышения культурного уровня досуговой, профессиональной, социальной деятельности, личностного пространства, оказание помощи в социализации, социокультурной и психологической помощи средствами искусства.

Реализация функции социализации предполагает обучение межличностному взаимодействию, успешной организации социальной жизни, личностному самоопределению в коллективе. Умение работать в коллективе и с коллективом – одна из важнейших способностей позволяющая максимально реализовать все профессиональные знания, умения, навыки, личностные качества, задатки, способности. Для эффективной реализации необходимо создание насыщенной воспитательной среды на основе, которой применяются традиционные методы, приемы, средства коллективной деятельности, а также реализация инновационных педагогических и социокультурных технологий, методических систем обучения различным видам искусства, организации художественного творчества.

В условиях современной школы искусств для создания условий развития социального творчества необходимо:

- ◆ Эффективная организация и проведение конкурсов и фестивалей детского творчества различных уровней и направлений;
- ◆ Участие учащихся в социокультурных проектах на базе образовательного пространства учреждения, городской социокультурной среды и регионального пространства
- ◆ Формирование культурно-досуговых мероприятий.

Понятием социальное творчество в школе искусств является интегрированное значение включающее:

- ◆ творческую мотивацию;
- ◆ знание об индивидуальных особенностях своей личности;
- ◆ активное участие в творческой деятельности;
- ◆ отношение к себе и людям.

Опираясь на подходы Е.И. Казаковой [5], К.Д. Ушинского, одним из ведущих постулатов выступает ориентация на успех: (достижения) как доминирующий компонент развития ребенка. И как ключевое положение выступает " педагогика успеха".

Идеи гуманистической педагогики (Ш.А. Амонашвили, Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, В.А. Сухомлинский, М.И. Шилова, И.С. Якиманская и другие), признающей уникальность человеческой личности, которая стремится к максимальной реализации своих возможностей.

Смысл воспитания в этом случае видится в том, чтобы, опираясь на интерес ребенка, создать условия для его самореализации, самоопределения.

Большое внимание созданию ситуаций успеха уделяет А.С. Белкин [2].

Таким образом, для создания ситуации успеха в школе искусств используется гуманистическая направленность образовательного процесса с использованием личностно – ориентированного, индивидуального подхода во взаимодействии с учащимся и предполагает создание условий, направленных на раскрытие и развитие способностей школьника, его позитивную самореализацию.

Учащиеся школы искусств принимали участие в проектах "Рисуем историю", "Русско-энецкая азбука или веселая энциклопедия детей", совместные проекты Музея НГР и школы, "Норильский никель" глазами детей" совместный проект ЗФ "Норильский никель" и школы, "Северинки" совместный проект детского литературного объединения "Водолей" и школы, "Заповедник доброты" совместный проект заповедника "Путоранский и школы, социокультурные проекты: "Норильский дворик", "За чистую землю Таймыра" и другие, ежегодно более 100 победителей среди учащихся в международных и всероссийских фестивалях и конкурсах.

Исследуя показатели социального творчества следует отметить, что в процессе обучения с использованием образовательных предпрофессиональных программ в области искусств "Живопись", "Дизайн", индивидуальной

траектории развития учащихся, включение в социокультурную среду показатели успешности учащихся в школе искусств повысились:

- ◆ интерес к познанию нового на 20%, (включающий творческую активность, стремление к достижению оригинальных решений и нестандартных идей);
- ◆ развитие индивидуальных особенностей своей личности на 15% (целеустремленность к получению новых знаний, самовыражение и самоактуализация в процессе творческой деятельности, самостоятельность в принятии решений);
- ◆ активное участие в творческой деятельности на 30% (участие в выставках-конкурсах, мастер-классах, фестивалях различных уровней, проектной деятельности)
- ◆ отношение к самому себе и людям на 15% (положительное эмоциональное отношение к процессу и результату творческой деятельности, понимание личных успехов и неудач, оценка своих возможностей, построение личных перспектив творческой деятельности).

Динамика результатов свидетельствует об эффективности образовательной программы, воспитательной деятельности в школе искусств ориентированной на создание педагогических условий направленных на развитие социального творчества учащихся как средство формирования личности, способной к самоопределению, самообучению и саморазвитию.

Творчество рассмотрено как деятельность включенная в социокультурную среду учащегося в которой он самореализуется на основании общественных и личностных установок, где результатом становится как созданный продукт, так и развитие самого субъекта творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амонашвили Ш.А. Размышления о Гуманной Педагогике. –М.: Издат. дом Ш.Амонашвили, 2001.–464с.
2. Белкин А.С. Ситуация успеха. Как ее создать. –М.: Просвещение,1991.–176с.
3. Бернс Р. Я – концепция и воспитание.//личность: внутренний мир и самореализация. Идеи, концепции, взгляды. – СПб., 1996.
4. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. Психологический очерк. –М.; Просвещение,1967.–93с.
5. Казакова Е.И., Тряпицина А.П. Диалог на лестнице успеха (Школа на пороге века). –СПб: Петербург XXIвек, 1997. – 160с.
6. Мелик-Пашаев А.Педагогика искусства и творческие способности. М.; 1981
7. Мудрик А.В. Социальная педагогика. – М.: Академия, 2000.–200с.
8. Фельдштейн Д.И. Психология становления личности. –М.: Международная пед.Академия,1994.–192с.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕДАГОГА НОВОГО ТИПА

PSYCHO-PEDAGOGICAL CULTURE AS A NEW TYPE OF TEACHER FEATURE

*M. Lyashenko
A. Amano*

Annotation

The article is devoted to the training of future teachers in terms of the formation of psychological and pedagogical culture as a component of general professional culture specialist. The article defines psychological and pedagogical culture, describes the component structure, system factors and essential characteristics. The system of organizational and pedagogical conditions improve psychological and pedagogical culture of the authors identify vitagen using technology. Particular attention is paid to the description of phases, mechanisms and conditions for the effective use of the educational technology. The authors believe that the high level of psycho-pedagogical culture of the teacher is a characteristic of a new type.

Keywords: psycho-pedagogical culture, logical-semantic model, the structural component of organizational and pedagogical tools, vitagen technology.

На современном этапе развития образовательного пространства, высшее образование ставит своей задачей не только профессиональную подготовку специалиста, повышение общего уровня культуры выпускника вуза. Процессы глобальной интеграции в сфере образования, инновационные процессы диктуют новые требования к выпускнику вуза, который должен быть готов решать профессиональные задачи, быть способным вести эффективный диалог, продуктивно взаимодействовать в поликультурном обществе, т.е. обладать компетенциями общекультурного, социального, профессионально-информационного взаимодействия. Требования общества и работодателей к специалистам с высоким уровнем общей и профессиональной культуры заставляют обратить внимание на определение путей повышения культурного уровня будущих специалистов. Формирование нового гуманистического сознания, в основе которого единство духовной, нравственной, интеллектуальной, физической жизнедеятельности человека,

Аннотация

Статья посвящена проблеме профессиональной подготовки будущих преподавателей с точки зрения формирования психолого-педагогической культуры как компонента общей профессиональной культуры специалиста. В статье дается определение психолого-педагогической культуры, описывается компонентный состав, системообразующие факторы и существенные характеристики. В системе организационно-педагогических условий повышения уровня психолого-педагогической культуры авторы выделяют использование витагенной технологии. Особое внимание уделяется описанию этапов, механизмов и условий эффективного использования данной педагогической технологии. Авторы полагают, что высокий уровень психолого-педагогической культуры является характеристикой педагога нового типа.

Ключевые слова:

Психолого-педагогическая культура, логико-смысловая модель, структурный компонент, организационно-педагогические средства, витагенная технология.

является основой создания нового типа гуманистического образования, ориентированного на человека как уникальную, духовно-природную, саморазвивающуюся систему [Вазина 2010:7].

Современная антропология рассматривает человека в трех измерениях: как существо природное, социальное и культурное. Е.В. Бондаревская отмечает, что именно культура снимает противоречие между природными и социальными началами в человеке. Естественное вхождение человека в социум осуществляется только через культуру [Бондаревская 1995:30]. Поэтому одной из основных функций педагога в образовательном пространстве становится создание той культурной среды, которая будет обеспечивать единое пространство непрерывного личностно – профессионального саморазвития обучающихся и педагогов. Для осуществления этой задачи требуется педагог нового типа, обладающий высоким уровнем психолого-педагогической культуры. Психолого-пе-

педагогическая культура это значимое в социальном плане новообразование, характеризующееся сформированностью психолого–педагогического сознания, овладением определенной суммой психолого–педагогических знаний, позволяющих целенаправленно осуществлять целеполагание, планирование, исполнение, контроль, анализ, коррекцию и прогнозирование профессиональной деятельности.

Психолого–педагогическая культура является подсистемой общей профессионально–педагогической культуры педагога. Психолого–педагогическая культура обладает сложной структурой и может быть представлена логико–смысловой моделью, где подсистемами выступают аксиологическая, когнитивная, профессионально–образовательная, технологическая, коммуникативная и регулятивная компоненты. Целостность составных частей обеспечивается прежде всего направленностью на определенный результат: система психолого–педагогической культуры, как и любая система, функционирует и развивается во имя достижения планируемого результата – формирование "человека культуры", специалиста–интеллекта. Результат как итог целенаправленной деятельности по формированию психолого–педагогической культуры является системообразующим фактором, создающим упорядоченное взаимодействие подсистем внутри самой системы.

Отталкиваясь от ценностных ориентаций и мотивационных установок, проходя через систему познавательных умений психолого–педагогическая культура в своем экстенсивном развитии тесно связана с профессионально – образовательной компонентой, сопровождающей процесс формирования основных компетенций через технологический компонент и творчество. Коммуникативный компонент обеспечивает эффективность становления психолого–педагогической культуры, выводит ее на стадию рефлексии и регуляции своих состояний, которая в конечном итоге неразрывно связана с мотивационной стороной, такими существенными характеристиками личности как направленность, установки, побуждения. Таким образом, создается замкнутая структура компонентов: аксиологический – когнитивный – профессионально–образовательный – технологический – коммуникативный – регулятивный–аксиологический.

Структурные компоненты психолого–педагогической культуры не только взаимодействуют, но и взаимодополняют друг друга, создавая тем самым высокую степень целостности системы психолого–педагогической культуры. Результативная деятельность, побуждаемая внутренними потребностями и, как результат, мотивацией, является системообразующим тем необходимым и достаточным условием для возникновения, становления и интенсивного развития системы психолого–педагогической

культуры.

Психолого–педагогическая культура характеризует знание и понимание педагогом психологии той возрастной группы, с которой он работает и в соответствии с этим умение анализировать и преобразовывать образовательное пространство с целью актуализации мотивации и саморазвития обучающихся. Ее существенными характеристиками мы считаем:

- ◆ гуманистическую педагогическую позицию педагога по отношению к обучающимся, коллегам, родителям (аксиологический компонент);
- ◆ профессиональную компетентность, общий уровень образованности и эрудиции (когнитивный, профессионально–образовательный компонент);
- ◆ технологический уровень творческой самореализации, характеризующий креативное использование разнообразия педагогических технологий на этапах образовательного процесса (технологический компонент);
- ◆ культуру профессионального поведения, включающую нормы нравственности и этики педагогической деятельности, различные стили общения и взаимодействия, способы саморегуляции (коммуникативный, регулятивный компоненты).

Следует отметить, что уровень психолого–педагогической культуры зависит от сформированности всех ее компонентов: аксиологической, когнитивной, профессионально–образовательной, технологической, коммуникативной, регулятивной. Компоненты, входящие в структуру психолого–педагогической культуры, одинаково важны для характеристики каждого учителя, хотя индивидуальность учителя, своеобразие его личности, особенности характера накладывают отпечаток на их проявление.

Преподаватель, обладающий высоким уровнем психолого–педагогической культуры, будет ориентирован на общие принципы построения гуманистического образовательного пространства:

- ◆ природосообразность, биоадекватность, предполагающие признание духовно–физического здоровья как универсальной ценности человека;
- ◆ культурологический подход к образовательному пространству, обучение в контексте культур;
- ◆ личностно–ориентированный подход, постулирующий уникальность, индивидуальность каждого;
- ◆ личная ответственность человека за качество своей жизни, формируемая в процессе обучения технологиям построения собственной жизни в изменяющихся социально–экономических условиях;
- ◆ субъект–субъектное взаимодействие педагога и студентов как условие создания эффективного образовательного пространства.

В системе методических, организационно–педагогических средств повышения уровня психолого–педагогической культуры в вузе нами были выделены в качестве наиболее эффективных следующие:

- ◆ витагенная технологии обучения;
- ◆ демократические, диалоговые способы взаимодействия педагога и обучающихся (принцип партисипативности);
- ◆ вариативность в применении различных педагогических технологий с использованием инновационных методов организации учебного процесса в вузе;
- ◆ проектирование как инновационный метод управления.

Формирование психолого–педагогической культуры студентов в вузе осуществляется на технологическом уровне разработанной нами дидактической модели, предполагающем внедрение в образовательный процесс витагенной технологии, в основе которой лежит метод активизации жизненного опыта. В основе взаимодействия педагога и обучающихся должны лежать взаимоотношения на основе взаимного уважения, доброжелательности, сотрудничества, взаимопомощи. Мы полагаем, что использование в образовательном процессе витагенной технологии, разработанной К.А. Романовой, повышает уровень психолого–педагогической культуры обучающихся.

Витагенная технология состоит из трех этапов: проблемно–целевого, проектно–поискового, рефлексивного и выполняет аналитическую, проектировочную, мониторинговую, результативную функции. Теоретико–методологической основой витагенной модели является витагенный, или жизненный, опыт человека – опора на индивидуальный уровень развития субъекта при моделировании его дальнейшего саморазвития. К.А. Романова выделяет универсальные механизмы витагенного опыта: внешний, определяющий необходимые и достаточные условия для гармоничного взаимодействия человека со средой, и внутренний, характеризующийся единством возможностей (задатков) и способностей человека [Романова 2005: 186].

Педагогу, применяющему витагенную технологию в учебном процессе необходимо быть открытым (как учителю, так и ученику) собственным мыслям и переживаниям, способным открыто их выражать и транслировать в межличностное коммуникативное пространство; быть готовым принять и понять каждого ученика с его способностями и возможностями; быть способным к эмпатическому пониманию поведения каждого учащегося, обусловленного его внутренней позицией и индивидуальными особенностями. Витагенное обучение коренным образом видоизменяет образовательный процесс и позволяет осмысливать жизненный опыт личности в качестве самос-

стоятельного источника нового знания. Главной целью образования здесь является самоактуализация интеллектуально–психологического потенциала личности. А. Маслоу выделяет 14 характеристик "самоактуализирующейся личности", к которым относятся следующие: адекватное восприятие действительности; признание себя, других и природы; чувствительность к проблемам; желание одиночества и уединения; независимость от других; желание оценки своих действий; сочувствие или сострадание; уважение всех; нравственные качества; доброжелательное чувство юмора; творческий характер. Данные концепции характеризуют понятие "Я–концепции", отражающей самовосприятие личности и включающей в себя когнитивный, эмоциональный, волевой компоненты.

Для формирования позитивной самооценки преподавателю необходимо овладеть следующими умениями:

- ◆ умением понять и принять себя; умением понять и принять другого; умение произвольно направлять внимание на свои ощущения для их анализа и определения их характера;
- ◆ регулировать свое общение, способность устанавливать эмоциональный контакт, что предполагает способность к эмпатии – постижению эмоционального состояния другого, путем эмоционального вчувствования в его переживания.

Только педагог, обладающий высоким уровнем психолого–педагогической культуры, может характеризоваться как чувствительный педагог нового типа. Процесс формирования психолого–педагогической культуры педагога представляет собой взаимосвязанный непрерывный синтез когнитивного компонента (сознание, ум) и аксиологического (чувства, совесть, ценности, мотивация), результатом которого становится преподаватель нового типа, чувствительный к психолого–педагогическим изменениям и способный привести эти необходимые изменения в профессионально–образовательное пространство на коммуникативном и технологическом уровнях. Как результат, через компонент педагогической рефлексии происходит регуляция и необходимая коррекция педагогической деятельности. Только через внутреннюю культуру педагог сможет выстроить гармоничные и продуктивные отношения с обучающимися. Основываясь на чувствах (аксиологический) и мысли (когнитивный) педагог переходит к действию через коммуникативный и технологический компоненты, оценивает себя на этапе рефлексии и регуляции.

Сегодня ученые все настойчивее высказываются о необходимости перехода на принципиально новую образовательную парадигму, где человек, его развитие становится центром, ядром образовательного процесса, а культура (предметное содержание) является средством,

обеспечивающим это развитие (К.Я. Вазина, Э.Ф. Зеер, В.П.Зинченко, В.Я. Ляудис, М.К. Мамардашвили, Д.Б. Эльконин и др.).

Педагогическими условиями, обеспечивающими формирование психолого–педагогической культуры у студентов в вузе являются следующие: готовность преподавателей к формированию психолого–педагогической культуры; мотивация педагогов на формирование психолого–педагогической культуры; учет индивидуальных особенностей, потребностей и интересов обучающихся; профессиональная направленность психолого–

педагогических знаний; технологизация учебного процесса; субъект– субъектное взаимодействие педагогов и студентов; мониторинг сформированности психолого–педагогической культуры.

Для достижения поставленных задач педагоги нового типа должны обладать высоким уровнем психолого–педагогической культуры, в основе которой лежит профессиональная компетентность, доброжелательность, терпимость, понимание обучающегося, готовность строить взаимоотношения на основах паритета и взаимного уважения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаревская Е.В.Ценностные основания лично–ориентированного воспитания//Педагогика.– 1995.–№4.– С.29–36.
2. Вазина К.Я. Познание и духовно–нравственное сотворение себя.– Н. Новгород: ВГИПУ, 2010– 218с.
3. Ляшенко М.С.Научно–теоретические основы формирования психолого–педагогической культуры студентов в вузе.– Н.Новгород:ВГИПУ, 2010– 115с.
4. Романова К.А. Витагенная модель профессионально–экологического образования: монография.– Н.Новгород: ВГИПА, 2005.–360с.

© М.С. Ляшенко, А.Г. Аmano, (mslyashenko@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРЫ ДОСУГА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА

LEISURE CULTURE UPBRINGING OF JUNIOR STUDENTS UNDER THE CONDISIONS OF RURAL COMMUNITY

E. Namsing

Annotation

The article introduces the current state of junior students' leisure activities practice in the rural areas. It considers both positive and undesirable possibilities of leisure culture upbringing in the family; the peculiarities and main problems of students' leisure in the non-family communities. The author presents current trends in leisure culture upbringing of junior students and proves the necessity of pedagogical support to students' leisure under the conditions of rural community.

Keywords: upbringing, leisure, leisure activity, leisure culture of students, rural community, pedagogical support.

Намсинк Екатерина Викторовна
К.пед.н., доцент,
Омский государственный
педагогический университет

Аннотация

Статья знакомит с современным состоянием практики организации досуга младших школьников в условиях села. Рассмотрены как положительные, так и нежелательные варианты воспитания культуры досуга в семье; выявлены особенности и основные проблемы досуга школьников вне семьи. Автором отражены актуальные направления воспитания культуры досуга младших школьников, обоснована необходимость педагогического сопровождения досуга школьников в условиях сельского социума.

Ключевые слова:

Воспитание, досуг, досуговая деятельность, культура досуга школьников, сельский социум, педагогическое сопровождение.

Культура досуга – это часть внутренней культуры человека, состоящая в единстве мотивационного, поведенческого и рефлексивного компонентов и предполагающая наличие у него определённых личностных свойств, которые позволяют содержательно и с пользой проводить свободное время [1].

Решение задач воспитания культуры досуга в младшем школьном возрасте вызвано необходимостью развития личности, её сензитивностью к подобному педагогическому воздействию. Формирующиеся в этот период базовые основания личности оказываются устойчивыми и существенно определяют дальнейшее развитие человека.

Особенности культуры досуга младших школьников обусловлены социально-экономическими и территориальными условиями, возрастными особенностями детей, стилем семейного досуга [1].

Особую остроту проблема формирования культуры досуга младших школьников приобретает в условиях сельского социума, который, по утверждению Л. В. Байбородовой [2], характеризуется ограниченными возможностями для выбора занятий и видов досуговой деятельности, бедностью общения, однообразием контактов и форм взаимодействия, и, как следствие, психологичес-

кой незащищённостью ребёнка.

Специфике воспитания сельских школьников во второй половине XX – начале XXI века посвящен ряд диссертационных исследований, в которых нашли своё отражение общие вопросы воспитания и обучения (С. Н. Нювиков) [3], характеристика социокультурного и образовательного пространства современной сельской школы, миссия сельской школы (В. Г. Бочарова, З. А. Халюта) [4; 5], организация внеучебной деятельности школы в целях содействия жизненному самоопределению школьников (Е. Л. Булгакова) [6], социальный портрет современного ученика сельской школы, самоопределение выпускника сельской школы (С. А. Писарева) [ЦИТ. по 6], и другие.

В то же время недостаточно внимания уделено разработке вопросов педагогического сопровождения семейного досуга младших школьников в условиях сельского социума.

Исследование формирования основ культуры досуга младших школьников проводилось нами на базе начальных общеобразовательных школ Русско-полянского и Шербакульского районов Омской области. В исследовании приняло участие 52 ребёнка младшего школьного возраста и 96 родителей.

Анализ программ и планов воспитательной работы учителей начальных классов, а также программ дополнительного образования детей показал, что школа, работающая в условиях открытого сельского социума сумела сохраниться как образовательное, воспитательное, культурное и просветительное учреждение, занимающееся воспитательной работой не только с детьми, но и активно взаимодействующее с сельским социумом.

В ходе дальнейшего исследования был проведён опрос родителей младших школьников, который проходил в виде индивидуальной беседы (37 человек) и анкетирования (59 человек). В анкетировании участвовали те родители, которые сочли для себя эту форму опроса наиболее удобной. При опросе мы выявляли социальный статус родителей (работающие или нет), наличие в семье других детей, прародителей, уровень доходов семьи.

Нами было сформулировано 5 вопросов:

- ◆ Что Вы понимаете под досугом ребёнка?
- ◆ Кто, по Вашему мнению, должен заниматься организацией досуга ребёнка?
- ◆ Каким образом Вы организуете досуг своего ребёнка в семье?
- ◆ Какие проблемы организации досуга ребёнка существуют в вашей семье?
- ◆ В каких формах возможно сотрудничество семьи и школы по организации детского досуга?

Все опрошенные нами семьи относительно потенциала воспитания культуры досуга младших школьников были разделены на три группы:

1. Семьи с высоким воспитательным потенциалом и оптимальным уровнем организации досуга детей. К данной категории отнесены семьи с двумя и более детьми, разным уровнем доходов, социальным статусом родителей (часто работающие отцы и неработающие матери), но преимущественно имеющие среднее профессиональное образование. Можно отметить, что в этих семьях достаточное внимание уделяется построению внутрисемейных связей, сохранению, развитию и преемственности традиций семейного досуга. Взаимоотношения между всеми членами семьи строятся на уважении к личности ребенка и любви к нему, что создаёт благоприятные условия для воспитания детей младшего школьного возраста. Как показали опросы, эти родители ждут от школы не только обучения и развития детей, но и интересного общения детей со сверстниками, совершенствования у них навыков поведения в коллективе, содержательного досуга. Такие родители часто выступают членами родительских комитетов и активными помощниками учителей в организации досуга школьников, подготовке и проведении праздников, конкурсов, выставок и т.п., т.е. глубоко интегрированы в воспитательный процесс сельской школы.

2. Семьи со средним воспитательным потенциалом и допустимым уровнем организации досуга детей. К данной категории отнесены семьи с одним и более детьми, средним уровнем доходов и работающими родителями, преимущественно имеющими среднее образование. В этих семьях воспитанием ребёнка занимаются родители и прародители, но основной упор делается на заботу о здоровье и уход за детьми. Построению внутрисемейных связей и традиций досуга не уделяется достаточного внимания, взаимоотношения строятся на взаимной моральной ответственности и любви к ребёнку. Для большинства представителей этой группы школа – жизненно необходимый ресурс воспитания и "присмотра" за ребёнком. Данная категория родителей ожидает от школы не только полноценного развития, оздоровления, обучения и воспитания, но и организации интересного досуга. Отметим, что эта родительская группа, вряд ли сможет в силу занятости глубоко интегрироваться в воспитательный процесс сельской школы, активно посещать организуемые школой консультации, семинары и тренинги. В педагогическом взаимодействии с данной категорией родителей основной акцент делается на воспитание навыков правильной организации семейного досуга, жизнедеятельности семьи с целью преодоления ошибок, допускаемых в воспитании детей.

3. Семьи с низким воспитательным потенциалом и критическим уровнем организации досуга детей. К данной категории отнесены преимущественно многодетные семьи с низким уровнем доходов, неработающими или ведущими аморальный образ жизни родителями, преимущественно имеющими среднее образование. В этих семьях воспитанием ребёнка занимаются старшие дети и(или) прародители, присматривающие и ухаживающие за детьми. Построению внутрисемейных связей и традиций семейного досуга не уделяется достаточного внимания. Дети из таких семей находятся в тесном контакте с близкими родственниками, которые оказывают значительное влияние на их досуг. Школа рассматривается такими семьями как источник полноценного развития и обучения. Вместе с тем, данная группа родителей часто не включена в воспитательный процесс сельской школы, находится в позиции пассивных наблюдателей, не включаясь в работу по организацию досуга детей. Во взаимодействии с такими родителями основная задача состоит в установлении контактов, формировании представлений о родительских обязанностях, повышении педагогической культуры, в помощи родителям по устранению конфликтных ситуаций, по коррекции детско-родительских отношений и организации культурного семейного досуга.

Анализ результатов анкетирования и беседы с родителями показал, что: во-первых, родители и дети разобщены и мало времени проводят в общении друг с другом; во-вторых, позволил судить об относительной бедности

досуговой деятельности в семье. Так, среди видов досуговой деятельности, родители чаще всего указывали просмотр телевизионных передач, прогулки на свежем воздухе, чтение книг, газет, журналов, пребывание за компьютером, игры с ребенком.

В целом опрос родителей младших школьников показал, что: во-первых, родители и дети разобщены и мало времени проводят в общении друг с другом; во-вторых, позволил судить об относительной бедности досуговой деятельности в семье. Так, среди видов досуговой деятельности, родители чаще всего указывали просмотр телевизионных передач, прогулки на свежем воздухе, чтение книг, газет, журналов, пребывание за компьютером, игры с ребенком.

Проведённое нами исследование позволило определить основные социально-педагогические проблемы родителей в области воспитания культуры досуга младших школьников в условиях сельского социума: недооценка роли культуры досуга в жизни семьи и ребёнка; представление о школе как об основном источнике и ресурсе досуговой деятельности при второстепенной роли семьи; недостаточное владение родителями разнообразными способами организации досуга ребёнка; отсутствие целенаправленной деятельности семьи по организации досуга ребёнка; недостаточная включённость семьи в сотрудничество со школой по организации детского досуга. К другим проблемам, типичным для сельского социума, можно отнести однообразие среды, относительную культурную бедность и социальную примитивность среды, ограниченный доступ к культурным и образовательным услугам, замкнутость и изолированность людей от внешнего мира, консерватизм сельских жителей.

Опросы младших школьников (1–4 классы) показали, что среди интересов и увлечений детей на первом месте стоят телевидение и компьютерные игры, далее – прогулки на свежем воздухе, общение с друзьями, игры, спорт, музыка и художественное творчество. Лишь незначительное количество опрошенных назвали в качестве основных увлечений книги (обычно их дома не более ста) и коллекционирование. Практически не встречались в ответах школьников такие занятия, как театрализованная и экологическая деятельность, техническое творчество, прикладной труд и туризм. К сожалению, младшими школьниками не назывались виды досуга, способствующие повышению эрудиции (посещение выставок, музеев, путешествия и т.д.), которые стимулировали бы их познавательную активность, способствовали бы освоению общечеловеческой культуры, исторических и литературных ценностей, формированию целостного детского мировоззрения. В ряде ответов дети отмечали, что занимаются в кружках при школе, однако практически никем из детей не назывались такие формы организации досуга как

вечера встреч, творческие объединения, клубы, чья деятельность направлена на развитие коммуникативных умений, формирование способности использовать различные способы межличностного взаимодействия, повышение адаптивности к различным социальным ситуациям.

Для получения более полной информации о проведении семейного досуга младшим школьникам было дано задание выполнить два рисунка на темы: "Как я провожу свои выходные дни" и "Мои занятия дома в свободное время". Далее был проведён анализ фото- и видеоматериалов на тему "Досуг нашей семьи", предоставленных родителями младших школьников. Анализ полученных данных показал, что семейное представление о досуге ограничивается лишь отдыхом или отпуском, в то время как досуговая деятельность младших школьников должна носить образовательный, развивающий и воспитывающий характер.

В процессе участия в разработанной и реализованной нами совместно с учителями начальных классов образовательной программе, большинство родителей представили конкретные результаты-продукты совместной деятельности с детьми, среди которых можно выделить: создание проекта и фото-отчёта о проведении досуга с ребёнком, выпуск газеты "Традиция проведения свободного времени в кругу семьи"; дневник семейного досуга; календарь досуговой деятельности ребенка на год и другие.

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы.

Воспитание культуры досуга младших школьников в условиях сельского социума определяется досуговым потенциалом образовательной среды. Сельский социум предоставляет ребёнку возможности для творчества, самовыражения, физического и интеллектуального совершенствования, но часто данные возможности остаются невостребованными в силу особенностей семейного воспитания, недостаточной степени заинтересованности и готовности родителей к организации досуга ребёнка, несформировавшегося стиля семейного досуга, социально-экономических и других условий.

Досуг младших школьников в условиях сельского социума характеризуется следующими особенностями: недостаточной наполненностью продуктивными видами деятельности; однообразием и бедностью содержания, преобладанием пассивных форм проведения досуга; отсутствием достаточного количества событийно значимых созидательных практик жизнедеятельности у детей; развлекательной, а не образовательной и развивающей направленностью; недостаточным соответствием индиви-

дуальным склонностям и половозрастным интересам младших школьников; объектной позицией ребёнка.

Решение или смягчение проблемы воспитания культуры досуга младших школьников в условиях сельского социума, актуализирует поиск новых принципов организации деятельности сельской школы и форм более интенсивного использования педагогических ресурсов, социального окружения, внедрение модели педагогического сопровождения семей, заинтересованных в воспита-

нии культуры досуга младших школьников. Такое сопровождение должно быть основано на взаимодействии педагогов и родителей в организации досуга младших школьников и пониматься как совместная, взаимодополняющая деятельность, в которой каждый из субъектов взаимодействия в полной мере реализует свой потенциал для решения общей задачи – развития ребенка как субъекта детской досуговой деятельности, воспитания внутренней культуры человека, позволяющей содержательно и с пользой проводить свободное время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарипов Л. Ф. Формирование культуры досуга младших школьников в процессе компьютерных игр: Диссертация ... канд. пед. н., – Москва, 2015.– 150 с.
2. Байбородова Л.В. Сопровождение образовательной деятельности сельских школьников: монография. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2008. – 88 с.
3. Новиков С.Н. Методические основы эстетического воспитания учащихся сельских малокомплектных школ средствами народного декоративно-прикладного искусства: Диссертация ... докт. пед. н. – Орел, 1995. – 349с.
4. Бочарова В. Г. Стратегия и механизмы влияния образования на социальное развитие села / В. Г. Бочарова // Сибирский учитель. – Новосибирск: НИПКиПРО, 2009. – № 2(62). – С.13–18.
5. Халюта З.А. Педагогические условия формирования и реализации миссии сельской школы: Диссертация ... канд. пед. н. – Омск, 2001. – 171 с.
6. Булгакова Е. Л. Организация внеучебной деятельности сельской школы как условие жизненного самоопределения школьников: Диссертация ... канд. пед. н. – Омск, 2007. – 223 с.

© Е.В. Намсинк, (evr2006@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

"МУЗЫКАЛЬНО-ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ" КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

"MUSIC AND CREATIVE ACTIVITY OF PERSONALITY" AS A PEDAGOGICAL CONCEPT

N. Nefedova

Annotation

The development of the Russian Federation at the present stage is characterized by increased attention of society to culture. 25 December 2014. Vladimir Putin approved the "Fundamentals of cultural policy of Russia" and noted that "culture is the main thing that gives any society, any nation... We will need to act to bring culture to the height of public purpose, to ensure that she really was a natural regulator of life, defined the actions of people affect their attitudes towards their country, family, upbringing of children". It is worth noting that in our time, with particular urgency is the task of spiritual revival of society, the musical art solves the problem of humanization of education. The essence of spirituality is the communion of man to universal culture and values as guides of self-realization [3, p. 54]. Music is one of the strongest means for accommodation of a formative influence. Throughout human history music has been used in the upbringing of the individual. She artistically and indirectly reflects all aspects of life, and, therefore, can be used as a factor in the education of the whole person in modern society and not only its aesthetic side. The paper clarifies the concept of "Musical creativity". The essence of the investigated phenomenon is the relationship and mutual addition of the constituents of musical and creative activity: motivational, cognitive, activity, emotional-evaluative, communicative; partially describes pedagogical conditions.

Keywords: activity, creative activity, musical and creative activity, components of musical creative activity.

Нефедова Наталья Александровна
Аспирант, Челябинский государственный
институт культуры, каф. социально-культурной
деятельности, преподаватель МБОУ ДОД
"Детская музыкальная школа", г. Лесной
Свердловская область

Аннотация

Развитие Российской Федерации на современном этапе характеризуется повышенным вниманием общества к культуре.

25 декабря 2014г. Путин В.В. утвердил "Основы культурной политики России" и отметил, что "культура – это главное, что дает любое общество, любой народ... Нам предстоит на деле вывести культуру на высоту общественного предназначения, добиться, чтобы она действительно стала естественным регулятором жизни, определяла поведение, поступки людей, влияла на их отношение к своей стране, семье, воспитанию детей". Стоит отметить, что в наше время с особой остротой стоит задача духовного возрождения общества, музыкальное искусство решает задачи гуманизации образования школьников. Сущность духовности – приобщение человека к общечеловеческой культуре и ценностям как ориентирам самореализации [3, с.54]. Музыкальное искусство – одно из самых сильных средств, оказывающих на человека формирующее влияние. На протяжении всей истории человечества музыка активно использовалась в воспитании подрастающей личности. Она художественно и опосредованно отражает все стороны жизни, а, следовательно, может быть использована в качестве фактора воспитания целостной личности в современном социуме, а не только ее эстетической стороны. В статье уточняется понятие "Музыкально-творческая активность". Сущность исследуемого феномена заключается во взаимосвязи и взаимном дополнении составляющих компонентов музыкально-творческой активности: мотивационного, когнитивного, деятельностного, эмоционально-оценочного, коммуникативного; частично описаны педагогические условия.

Ключевые слова:

Активность, творческая активность, музыкально-творческая активность, компоненты музыкально-творческой активности.

Проблема развития музыкально-творческой активности рассматривается нами в контексте развития музыкальных и творческих способностей подростка, которые формируются и воплощаются в различных видах познавательной, коммуникативной и творческой деятельности. Результат данной деятельности не всегда обладает очевидной общественной ценностью, но участие в этих процессах важны для развития подростка. В ходе музыкально-творческой деятельности раскрывается творческий, интеллектуальный потенциал, индивидуальность ребенка, создаются условия для ак-

тивной самореализации и эстетического творчества, проявляется инициатива, самостоятельность, эрудированность в сфере музыкальной культуры, а также самообладание и коммуникабельность.

Исследователь Д.К. Кирнарская отмечает "Музыка – лучший педагог, который меняет способ мышления... она учит мыслить..." [4, с. 443].

Необходимо определиться с терминологической системой нашего исследования.

В словаре-справочнике исследователя В.С. Русановой развитие трактуется, как "объективный процесс непрерывного последовательного количественного и качественного изменения физических и духовных сил человека". Исследователь отмечает, что развитие в форме обучения и воспитания проявляется "как прогрессивное усложнение, углубление, расширение чего бы то ни было в человеке, как переход жизни и деятельности от низших форм к высшим. Развитие включает в себя физическую, физиологическую, психологическую, социальную и духовную эволюцию человека" [5, с. 108].

В нашем исследовании мы полагаем, что развитие – это процесс качественных изменений в психике, интеллектуальной и духовной сфере подростка, обусловленный влиянием внешних и внутренних, управляемых факторов.

Качественной характеристикой развития творческого потенциала подростков является его творческая активность.

Термин "активность" латинского происхождения, в буквальном смысле означает "деятельный, энергичный, инициативный".

В педагогических исследованиях данный термин рассматривается как важнейшая черта личности, которая состоит в способности изменения окружающей действительности в соответствии с потребностями личности, его взглядами и целями. Активность проявляется в труде, учении, творчестве и т.п.

На сегодняшний день творческая активность – это объект изучения не только педагогов, психологов, но и социологов, экономистов, аксиологов и других специалистов. Сегодня насчитывается свыше 400 научно-исследовательских работ по формированию и развитию творческой активности. Такое многообразие исследований творческой активности на сегодняшний день можно объяснить прежде всего актуальностью и востребованностью данной темы.

Современные представления о природе творческой активности складываются на основе анализа результатов теоретических и экспериментальных исследований.

Существуют различные точки зрения на проблему развития творческой активности. С конца XIX века в российских и зарубежных психолого-педагогических исследованиях проблема творческой активности рассматривалась с точки зрения повышенных интеллектуальных возможностей: Дж. Селли, Л. Термен, Г. Айзенк, Д. Векслер, Дж. Рензулли и др., а также личностных качеств человека: Ф. Баррон, Дж. Гетцельс, Дж. Карлсон, П.Ф. Кап-

терев, И.О. Овсянников, В.И. Экземплярский, Ц. Ломброзо, А. Маслоу, Р. Мэй, Г. Олпорт, К. Роджерс, Н. Роджерс и др.

Позднее в исследованиях нашли отражение взгляды о наличии взаимосвязи между творческой активностью и интеллектом личности: Э. де Боно, Ч. Айян, С.К. Эскалон, А. Джексон, М. Хоув, Е. Сювальд, Р. Поу, Т. Вужжек, А. Анастаси, а также научных трудах отечественных ученых: С.А. Аничкина, А.Н. Лук, Б.М. Теплова, А.М. Матюшкина, Н.С. Лейтес, Э.Чудновского, С.Юркевич, Н.Б. Шумаковой, Е.Л. Яковлевой, Н.А. Аминова, Е.И. Щеблановой, Н.В. Кочелаевой, Е.Н. Задориной, А.П. Тряпициной, Н.И. Фатеевой, Э.С. Чугуновой, С.Д. Давыдова, Д.Б. Богоявленской, Н.Е. Лазарева, С.Е. Матушкина, Р.А. Низамова, А.А. Сизого, Я.А. Пономарева, Е.Ю. Романовой и др.

Существует еще один подход к проблеме творческой активности, основанный на синтезе личностного и деятельностного компонентов, возникший в первой половине XX века в отечественной психологии и педагогике. Он основан на синтезе личностного и деятельностного компонентов. "Личностное качество, проявляющееся в преобразовании окружающей действительности рукотворного мира, формируемое в результате приобщения к продуктивной деятельности, обогащаемой приобретаемым личностным опытом" [2, с. 14] (А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Г. Ковалев, В.И. Кириенко, Б.Г. Ананьев и др.).

Творческую активность личности исследователь Б.М. Теплов рассматривал в связи со своеобразием психических процессов. Таких как: устойчивость творческого внимания; богатство воображения и зрительных образов; подвижность мышления и др.

Д.Б. Богоявленская рассматривает творческую активность, как внутренний психологическое ресурс человека, связанный с преобразованием и развитием деятельности, которое совершается по собственной воле.

Н. Е. Лазарев полагает, что творческая активность является интегративным качеством личности, состоящее из комплекса творческих способностей и мотивационной направленности личности на творческую деятельность.

Е.Ю. Романова характеризует творческую активность, как единство внутренних и внешних проявлений в качестве процесса, который начинается с творческого мышления и проявляется в активной творческой деятельности человека.

Мы полагаем, что творческая активность – это сложное многогранное понятие, интегрирующее интеллектуальные возможности и эмоционально-личностные каче-

ства человека, которые способствуют творческим достижениям в различных сферах жизнедеятельности.

Музыкальное искусство – одно из самых сильных средств, оказывающих на человека формирующее влияние. На протяжении всей истории человечества музыка активно использовалась в воспитании подрастающей личности. Она художественно и опосредованно отражает все стороны жизни, а, следовательно, может быть использована в качестве фактора воспитания целостной личности в современном социуме, а не только ее эстетической стороны, но и в формировании ее активности.

В.А. Сухомлинский называл музыку могучим средством воспитания. "Музыка – могучий источник мысли. Без музыкального воспитания невозможно полноценное умственное развитие ребенка. Развивая чуткость ребенка к музыке, мы облагораживаем его мысли, стремления" [6].

Известный российский композитор Р. Щедрин считает, что музыка – это огромный мир, окружающий человека. "Как воздушное пространство, как солнечная система, такой же необозримый и бескрайний. Мы иногда даже не осознаем, какое большое место занимает музыка в нашей жизни. Не будь ее, человек просто не смог бы выразить всего богатства своих чувств, всей сложности и многоцветности их – от яркой, ослепительной радости до глубокой и безысходной скорби..." [8, с. 13].

По–нашему мнению, музыкальная культура играет огромную роль в развитии творческой активности личности, т.к. "музыкальное искусство является сильнейшим средством, оказывающих на человека формирующее влияние, оно способно раскрыть в личности творческую индивидуальность и интеллектуальный потенциал, создать условия для активной самореализации и эстетического творчества, открыть безграничные возможности для самосовершенствования и саморазвития личности" [1].

В последние годы в научно–педагогических исследованиях существует интерес к проблемам формирования музыкально–творческой активности молодежи. Изучая современные исследования стоит констатировать тот факт, что данный процесс недостаточно разработан.

В нашем исследовании под музыкально–творческой активностью мы понимаем интегративное качество личности, которое выражается в устойчивой потребности подростка в музыкально–творческой самоактуализации и самореализации, предполагая переход музыкальных задатков и творческого потенциала личности в деятельность, направленную на создание новых (для общества и личности) ценностей.

Различные аспекты формирования музыкально–творческой активности подростков проявляются:

- ◆ в восприятии художественных ценностей (Н.А. Ветлугина, А.В. Катинене, Р.А. Тельчарова, О.П. Радынова);
- ◆ в запасе музыкально–слуховых впечатлений (А.Л. Готсдинер, Д.Б. Кабалевский, Н.А. Ветлугина, Э.Б. Абдулин, О.А. Апраксина, В.Д. Остроменский);
- ◆ в наличии собственного эмоционально–оценочного суждения о музыке (О.П. Радынова, Р.А. Егорова, Н.И. Чичерина, С.А. Фадеева, Е.В. Боякова);
- ◆ владении теоретическим анализом музыки (Б.В. Асафьев, Н.Г. Гродзенская, В. Каратыгин, А. Кастальский, В.Н. Шацкая, Б.Л. Яворский);
- ◆ сформированность понятийного аппарата (Б.В. Асафьев, Л. Мазель, В.В. Медушевский, Е.Н. Нейкинский, Л.Н. Сохор, Б.М. Теплов);
- ◆ наличии и развитость музыкальных задатков;
- ◆ в элементарном импровизировании, в сочинении простейших мелодий и аккомпанемента (Н.А. Ветлугина, Л.С. Выготский, И.А. Дзержинская, Т.Г. Казакова, Н.Г. Сакулина);
- ◆ в проявлении исполнительской инициативы, сопричастности (А.И. Буров, А. Введенский, С. Грузенберг, А.Ю. Козырева, О.И. Никифорова, И. Оршанский);
- ◆ в активной продуктивной музыкально–творческой деятельности; склонность к самореализации (Б.В. Асафьев, Н.А. Ветлугина, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.Л. Яворский).

Мы полагаем, что только активная музыкально–творческая деятельность способна сформировать ценностные музыкально–эстетические ориентации, эстетическое сознание и оказать решающее влияние на учащихся подросткового возраста.

В нашем исследовании мы рассматриваем музыкально–творческую активность как совокупность следующих компонентов: когнитивного, мотивационного, деятельностного, коммуникативного компонентов, которые проявляются в содержании творчества, позиции, опыте и общении учащихся подросткового возраста (см. табл. 1.)

Выделенные нами компоненты музыкально–творческой активности глубоко взаимосвязаны между собой.

Обобщая характеристику понятия "музыкально–творческая активность", отметим, что данная активность является способом существования личности, ее свойством, которое проявляется в жизнедеятельности, предметной деятельности, общении, самосознании.

В структуре музыкально–творческой активности под–

Таблица 1.

Компоненты музыкально-творческой активности.

Компонент	Определяющие функции	Проявления личности
Мотивационный	О направленность личности на музыкально-творческую деятельность	интерес к музыкальному творчеству, готовность и потребность в музыкально-творческой деятельности, стремление к самореализации
Когнитивный	Знание законов, видов и содержания музыкального творчества	стремление к расширению знаний, умений и навыков музыкального творчества; инициативность, самостоятельность, оригинальность
Деятельностный	Показатель степени овладения необходимыми умениями и навыками	усвоение основ творческой деятельности, сформированность умения оперировать ими; активная творческая самореализация
Эмоционально-оценочный	Эмоциональное, рефлексивное освоение ценностей, преобразование ценностей в убеждения и нормы.	Эмоциональная отзывчивость, самодисциплина, определение жизненной позиции; присвоение ценностного отношения, личностное самоопределение
Коммуникативный	Опыт участия в музыкально-творческой деятельности	Межличностное общение и взаимодействие с другими творческими объединениями

ростков, учащихся ДМШ и ДШИ, отражается уровни: их духовного, физического развития, эмоциональной–оце–

ночной, мотивационной, коммуникативной сферы, практические знания, умения, навыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базиков, А. С. Музыкальное образование в современной России: основные противоречия: дис. ... доктора. пед. наук: 13.00.02 / А.С. Базиков. – Тамбов, 2002. – 386 с.
2. Зотова, О.Н. Формирование музыкально–творческой активности у будущих воспитателей дошкольных образовательных учреждений в педагогическом колледже): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.07 / Зотова Ольга Николаевна. – Москва, 2003. – 200 с.
3. Калачева, Л. Музыка как фактор духовного развития личности школьника / Л. Калачева // Музыка и время. – 2007. – № 3. – С. 54 – 56.
4. Кирнарская, Д.К. Психология способностей. Музыкальные способности / Д.К. Кирнарская. – М.: Таланты–XXI век, 2004. – 496 с.
5. Словарь–справочник для специальности 071401 – "Социально–культурная деятельность" / авт.–сост. В.С. Русанова. – Челябинск: ЧГАКИ, 2009. – 176 с.
6. Сухомлинский, В.А. Избранные педагогические сочинения: т.1 / Сост. О.С. Богданова, В.З. Смаль. – М.: Педагогика, 1979. – 560 с.
7. Халабузарь П.В., Попов В.С. Теория и методика музыкального воспитания: Учебное пособие [Текст] / П.В.Халабузарь, В.С.Попов. – СПб.: Изд–во "Лань", 2000. – 224с.
8. Щедрин, Р. Музыка – это огромный мир, необозримый и бескрайний // Музыкальное просвещение. – 2007. – № 4 (44). – С. 1 – 18.

© Н.А. Нефедова, (Nefedova-natalia-aleksandrovna@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЦЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

AIMS AND PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT OF SCIENCE EDUCATION

*N. Pogibelskaya
A. Pogibelskiy*

Annotation

The article reveals the essence of the concept of "natural sciences education" from different perspectives, we discussed the importance of studying the natural sciences, given the goals and prospects of natural sciences education. The author presents the rationale of transformation natural sciences education in several aspects of meaning.

Keywords: postindustrial society natural sciences education natural sciences picture of the world, the transformation natural sciences education.

Погибельская Наталья Борисовна

*К. физ-мат. н., доцент,
МИЭТ, кафедра ОФ*

Погибельский Александр Прохорович

*К. физ-мат. н., доцент,
МИЭТ, кафедра ОФ*

Аннотация

В статье раскрыта сущность понятия "естественно-научное образование" с различных точек зрения, рассмотрена значимость изучения естественных наук, указаны цели и перспективы развития естественно-научного образования. Автором представлено обоснование трансформации естественно-научного образования в нескольких смысловых аспектах.

Ключевые слова:

Постиндустриальное общество, естественно-научное образование, естественно-научная картина мира, трансформация естественно-научного образования.

На фоне бесконечных разговоров о концепции постиндустриального общества, экономическое благополучие развитых стран по-прежнему в решающей степени определяется высоким научным и инженерно-техническим потенциалом.

Неоднократные программные заявления российского руководства о необходимости инновационного развития отечественной экономики свидетельствуют о серьезной озабоченности будущим нашей страны в мире, которое находится в непосредственной зависимости от наличия прочного фундамента в виде качественного образования и сложившегося научного мировоззрения.

Выработка мировоззрения критически важна в условиях развитой системы манипуляции сознанием, имеющей место в современном обществе. СМИ, определяющие информационную среду, не прививают желание и умение объективно оценивать достижения науки и искусства, а лишь пропагандируют средневековое мракобесие. Их воспитательное воздействие направлено в массе своей не на развитие духовных качеств, необходимых для восприятия и вовлечения в научно-технический прогресс, а большей степени сосредоточено на бездумном потреблении конечных его продуктов. Техническая безграмотность в сочетании с жизнью в мире машин, при-

вычка к прогрессу и утрата восприятия его как ценности приводит в конечном итоге к снижению аналитической деятельности и развитию патологических моделей поведения.

И можно констатировать тот факт, что современные школьники испытывают серьезные трудности в освоении дисциплин естественно-научного цикла в силу устоявшейся фактоцентрической модели познания и слабо развитых способностей к анализу и выстраиванию причинно-следственных связей. Это обусловлено современным образовательным стандартом по физике в средней школе.

В настоящее время в школах и даже в технических вузах число аудиторных часов по физическим курсам сокращается. Реальный лабораторный практикум вытесняется компьютерно-виртуальным или сокращается вовсе.

К тому же, опциональность ЕГЭ по физике приводит к соответствующему преподаванию и изучению данного предмета – по остаточному принципу. В связи с чем, количество выпускников школ, выбирающих инженерно-технические специальности крайне мало. Хорошо это или плохо ?

Сегодня образование превратилось в необходимый и

ключевой фактор экономического развития, основанно-го на знаниях; ее можно считать отдельной сферой национальной экономики, которая выполняет узловые цивилизационные функции, связанные с развитием и социализацией личности.

По мнению В.С. Степина, сегодня зарождается новый вид научной рациональности, при котором на первое место выходят не только объекты, субъекты и инструменты исследования, но и целесмысловые ориентации, которым следует исследователь [1].

Научная деятельность становится системным фактором, составляющей общей культуры, приобретает вид соединяющей ткани в ведущих областях человеческой жизнедеятельности [2].

Естественно-научные знания, в свою очередь, претерпевают значительные перемены, вносят собственный вклад в общечеловеческую культуру, состоящий из стратегий естественно-научного мышления, научной ментальности, научного мировоззрения и научной картины мира [3].

Остановимся на рассмотрении понятия "естественно-научное образование" (далее – ЕНО) и его концепций.

Согласно БСЭ, ЕНО "имеет целью подготовку специалистов в области естественных наук – биологии, геологии, географии, физики, астрономии, химии, математики и др." [4, с. 102]. В качестве недостатка приведенного определения следует отметить несколько вольное перечисление "естественных наук". Например, математика, в настоящее время, не причисляется к области естественных наук.

Различными исследователями делались попытки дать определение ЕНО. Так, по мнению Н.А. Васильевой ЕНО представляет собой целенаправленную деятельность по формированию системы естественно-научных ЗУНов, опыта познавательной-практической деятельности и ценностных ориентаций. [5, с. 10]

С ней соглашается С.Е. Старостина, полагающая, что результатом ЕНО должен стать как приобретенный объем связанных ЗУНов, так и совокупность личностных качеств учащихся: способность к творчеству, критичность мыслительных процессов, естественно-научное мировоззрение. По мнению исследователя, ЕНО представляется "личностно и социально значимым, благодаря его огромному мировоззренческому, методологическому, содержательному и познавательному потенциалу" [6, с. 55].

В настоящее время существуют разные концепции преподавания естественно-научных предметов в обще-

образовательной школе. Так, в соответствии с концепцией А.Г. Хрипковой, ЕНО следует начинать с интегративного курса по естествознанию, включающего конгломерат сведений по биологии, физике и химии [7, 8].

С данной концепцией спорит А.В. Усова, предлагающая "подход к изучению предметов естественно-научного цикла, основанный на опережающем изучении курса физики (начиная с V класса) и всей методической системы по реализации этого подхода" [9]

Сегодня для достижения значимых результатов в экономическом росте, нашей стране необходимо решить задачу по созданию научно-образовательной и инновационно-технологической инфраструктуры, соответствующей современным требованиям по возможностям обеспечения расширенного воспроизводства российских интеллектуальных ресурсов, нацеленную на генерацию новаций и их капитализацию посредством создания новых продуктов и технологий.

Формирование экономики инноваций, нацеленной на интенсивное развитие России, внедрение нанотехнологий и технологий ИТК, эффективное и бережное природопользование, энергосберегающие технологии, а также развитие перспективных исследований в военной и аэрокосмической сферах вызывают необходимость в приобретении принципиально новых знаний, которые можно получить лишь при изучении фундаментальных наук и осуществлении фундаментальных исследований, лишь результаты которых в состоянии гарантировать возникновение целиком новационных отраслей.

В развитых странах давно признана значимость приоритетного материально-финансового обеспечения фундаментальных исследований не только для сохранения лидерства в сфере научно-технических инноваций, но и для обеспечения будущей безопасности.

Современность постиндустриального общества ставит Россию перед барьерами: технологическим и научным [10]. Сущность технологического барьера заключается в отсутствии способности у многих российских инженерно-технических работников осваивать и реплицировать технологические новинки стран-лидеров. Сущность научного барьера проявилась в отступлении отечественной науки с занимаемых некогда ею передовых позиций. Оба обстоятельства привели к тому, что в высокотехнологичные сферы внедрились развивающиеся страны, ЕНО в которых оказалось по прошествии времени на достаточно высоком уровне, чтобы потеснить страны-лидеры в этой области [11].

Современное состояние отечественного ЕНО, по нашему мнению, неудовлетворительно. Его кардинальное изменение обусловлено необходимостью соответство-

вать современному уровню развития естественно-научных достижений, требованиям к уровню образованности личности, реалиям окружающего мира. Перенацеливание системы высшего профессионального образования (далее – ВПО) на реализацию компетентностного подхода при обучении студентов делает профессиональную компетентность выпускников основным результатом образования.

В современном российском образовании в условиях лавинорастущего информационного потока основное внимание должно уделяться проблемам развития личности, способной работать в современных условиях, самостоятельно оценивать ситуацию с помощью достаточно богатого воображения и развитой на основе знаний научной интуиции принимать ответственные решения.

Компетентностный подход вовсе не означает отход от необходимости фундаментальности образования. ЕНО, будучи частью ВПО призвано обеспечить формирование таких качеств выпускника, которые определяют оказывают влияние на готовность обучающихся усваивать профилирующие дисциплины.

Повышение качества ЕНО выдвигает на первый план проблему трансформации ЕНО, которую следует рассматривать в нескольких смысловых аспектах – в разрезе эффективности, мотивации и методологии.

В данной статье мы остановимся на обосновании трансформации ЕНО для студентов гуманитарного профиля

Показателем эффективности ЕНО в высшей школе должно стать приобретение базовых компетенций, обеспечиваемое в рамках ЕНО посредством:

- ◆ сформированности у выпускников вузов единых восприятия окружающего мира и естественно-научной картины мира;
- ◆ формирования мышления и мировосприятия, которые основываются на базовых концепциях современной науки;
- ◆ формирования интеллектуально развитого и технологически компетентного индивида, способного к осознанию природных феноменов, пределов допустимого воздействия на природу;
- ◆ подготовка специалистов, способных к творческому мышлению, самостоятельному принятию решений, к осознанию как личной, так и коллективной ответственности за результаты деятельности.

Перейдем к рассмотрению мотивационного аспекта трансформации ЕНО.

Получение образования невозможно в отсутствии достаточно развитой мотивации обучающихся, которая

должна быть основана на стабильном интересе к естественно-научным дисциплинам.

Ни для кого не является секретом, что за предыдущие десятилетия престиж ЕНО значительно пошатнулся, отношение студентов-гуманитариев к изучению естественно-научных дисциплин нельзя назвать позитивным.

При аргументации необходимости ЕНО, наиболее часто упоминаются следующие причины:

- ◆ создание инновационных технологий вызывает потребность в получении кардинально новых знаний, которые может предоставить только фундаментальная наука;
- ◆ потенциальная возможность многократного выбора будущей специальности, поскольку возникает вероятность смены направления профессиональной подготовки;
- ◆ усвоение научно-исследовательских методов, повышающее востребованность специалиста на рынке труда и вне сферы своей специальности;
- ◆ более успешная адаптация к жизни в обществе высоких технологий, вследствие владения определенным базовым набором естественно-научных сведений и знаний;
- ◆ ЕНО формирует критическое мышление, которое вкупе с наличием научного мировоззрения значительно затрудняет возможность внешней манипуляции, дает научные объяснения природным явлениям, имеющим сверхъестественное либо религиозное трактование.

Анализ вышеперечисленных причин позволяет высказать следующие предположения: для повышения мотивации студентов к ЕНО кроме новейших данных о достижениях естественных наук, в содержание ЕНО должно быть включено:

- ◆ ознакомление студентов-гуманитариев с ролью естественных наук в процессах инновационного развития, демонстрация социальной важности естественно-научных достижений современности, пояснение места естественно-научного знания в разрешении стоящих перед человечеством глобальных проблем современности;
- ◆ раскрытие сути и принципов методологии научного исследования, способствование владению указанной методологией на уровне практического применения;
- ◆ выявление направлений интеграции различных ветвей научного знания,
- ◆ демонстрацию вклада представителей естественных наук в формирование современных представлений во всем спектре научных достижений.

В результате проделанной работы неминуемо возникнет осознание того факта, что ЕНО является ценностным достоянием, стратегическим ресурсом и обязательным условием инновационного развития, уровень развития ко-

того является определяющим фактором развития общества и качества человеческого потенциала в целом.

При рассмотрении проблемы трансформации ЕНО, следует подчеркнуть, что оно должно представлять собой единство содержательной, методической, квалификационной и материально–технической составляющих. В связи с чем, последний смысловой аспект трансформации ЕНО (методологический) заключается в соответствии содержания естественно–научных дисциплин современным образовательным технологиям.

По нашему мнению, можно выделить следующие направления трансформации

1. содержательной составляющей ЕНО:

- ◆ определение соответствия современных достижений естественно–научного знания и содержания ЕНО в общеобразовательной школе;
- ◆ установление соответствия образовательных стандартов общеобразовательной школы с вузовскими образовательными стандартами;
- ◆ создание и внедрение в образовательный процесс учебно–методической литературы по дисциплинам естественно–научного цикла;

2. методической составляющей ЕНО:

- ◆ обеспечение условий по созданию индивидуального подхода при обучении как к обучающимся, которые проявляют интерес к предметам естественно–научного цикла, так и к обучающимся с низким интере–

сом к предметам естественно–научного цикла;

- ◆ создание образовательных ресурсов нового типа (интернет–ресурсы, ИКТ и т.п.);
- ◆ внедрение в процесс обучения современных образовательных технологий;
- ◆ внедрение новых способов и методов оценки достижений обучающихся и результатов обучения;

3. квалификационной составляющей ЕНО:

- ◆ совершенствование системы повышения квалификации школьных педагогов в сфере ЕНО;
- ◆ внедрение механизма, отвечающего за финансовое обеспечение преподавателей в сфере ЕНО.

4. материально–технической составляющей ЕНО:

- ◆ формирование качественно новой материально–технической базы для реализации ЕНО: специально оборудованные классы и лаборатории, современное оборудование и т.д.;
- ◆ организация центров взаимодействия профильных школ и научно–технических вузов, в стенах которых станет возможным осуществление взаимодействия школьных педагогов и преподавателей высших учебных заведений.

Реализация указанных направлений трансформации ЕНО невозможна силами лишь школы и вуза. Действенную роль должны сыграть государственная образовательная политика, деятельность и авторитет ведущих специалистов в сфере среднего и высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степин В.С. Теоретическое знание. – М: Традиция, 2000.
2. Бордонская Л.А. Связь науки и культуры в школьном физическом образовании и подготовке учителя. – Чита, 2002.
3. Камалеева А.Р. Интегративный характер современного естественно–научного образования//Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 3.
4. Естественнонаучное образование //Большая советская энциклопедия [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3–е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978, Т. 9.
5. Васильева Н. А. Становление естественно–научного образования в России в XVIII – первой половине XIX вв. (до реформ 60–х гг.): автореф. дис. кандидата пед. наук. – Челябинск, 2008.
6. Старостина С.Е. Естественнонаучное образование: содержание и стратегические ориентиры развития//Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. том 1.
7. Хрипкова А.Г. и др. О создании интегрированного курса "Естествознание"// Биология в школе. 1988. № 5.
8. Хрипкова А.Г., Мягкова А.Н. Создание интегрированного курса – объективная необходимость// Биология в школе. 1990. №1
9. Усова А. В. Естественнонаучное образование в средней школе // Педагогика. 2001. № 9.
10. Горшенин В. Шестой технологический уклад: вызовы для России //Бизнес–Ключь. 2010. №3–4 (40–41)
11. Карпенко О. М., Бершадская М. Д. Высшее образование в странах мира: анализ данных образовательной статистики и глобальных рейтингов в сфере образования. – М.: Изд–во СГУ, 2009.

МОРАЛЬ И АКСИОЛОГИЯ: ОТ ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ К НОВОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

MORALS AND AXIOLOGY: FROM THE PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE TO NEW PEDAGOGICAL CONCEPT OF EDUCATION

*D. Suarez Romero
F. Molina Roa*

Annotation

The article attempts to analyze the prospects of a new pedagogical concept of education in a philosophical context. It is noted that the main purpose of education is to develop students' common cultural values and patterns of behavior. However, a serious problem of modern education is to focus on the knowledge and not the cultural development. The lack of interest of students to the general cultural development leads to over-training and technical knowledge at the expense of humanities. According to the authors, it is necessary to adhere to personality-oriented model of development of students, according to which moral development is seen as the ultimate goal and the benefit. The most important role in the new pedagogical concept is given not only to teachers, but also parents, social environment of students. Thus, it is argued the idea of the need for education not only epistemological, but also on the axiological level. It is proved the relationship and interdependence of cognitive and value aspects of modern educational paradigm.

Keywords: pedagogy, philosophy of education, axiology, epistemology, moral values.

*Суарес Ромеро Д.А.
Аспирант, инженерный фак.,
Российский университет
дружбы народов, Москва
Молина Роа Ф.И.*

*Аспирант, экономический фак.,
Российский университет
дружбы народов, Москва*

Аннотация

В статье предпринимается попытка анализа перспектив новой педагогической концепции образования в философском контексте. Отмечено, что важнейшей целью образования является формирование у учащихся общепринятых культурных ценностей и образцов поведения. Вместе с тем, серьёзная проблема современного образования заключается в нацеленности на знания, а не культурное развитие. Отсутствие интереса учащихся к общекультурному развитию приводит к избыточному обучению техническим знаниям в ущерб гуманитарным. По мнению авторов, необходимо придерживаться личностно-ориентированной модели развития учащихся, согласно которой нравственное развитие воспринимается как высшая цель и благо. Важнейшая роль в новой педагогической концепции отводится не только педагогам, но и родителям, социальному окружению учащихся. Таким образом, утверждается идея необходимости образования не только на гносеологическом, но и на аксиологическом уровне. Доказывается взаимосвязь и взаимозависимость познавательных и ценностных аспектов современной образовательной парадигмы.

Ключевые слова:

Педагогика, философия образования, аксиология, гносеология, моральные ценности.

ВВЕДЕНИЕ

Философия образования состоит преимущественно в формулировании критических обзоров образовательной теории, которая включает в себя многочисленные теории различной доступности и уровней сложности — от простых методик обучения к многообразным теориям, связанным с социальным положением, политическими или религиозными взглядами. Потому можно сказать, что целью образования является создание образованного человека, соответствующего определённым интеллектуальным и морально-этическим критериям. Среди современных исследователей философских проблем образования можно назвать О.Е. Баксанского [Баксанский, 2010], А.П. Болховского [Болховский, 2013], Б.И. Коротяева [Коротяев, 2013], К. Робинсона [Робинсон, 2007], В.М. Розина

[Розин, 2007] и др. Образование — это главная и наиболее сложная проблема, которую когда-либо формулировали люди [Кант, 1991, 10–17]. Поэтому представляется важным получить представление о морали в образовании, чтобы затем продемонстрировать теоретическое развитие и выводы, которые должны стать ясны по итогам исследования.

Каждый человек складывается из собственного опыта в жизни и опыта взаимодействия с природой, из мировидения и концепции вселенной. Образование — это посредник, через которого человек принимает участие в развитии своей культуры, оно должно предоставлять естественный план обучения, которое закладывало бы базовые представления о мире, в котором существует человек [Флорес, 1996, 19–21]. То, что должно стать понятным в развитии этого исследования, включает в себя

важность выделения морали и вместе с ней общечеловеческих ценностей, являющихся основой всего человеческого существования и, следовательно, основой всего общества, и их важности для процесса образования.

Образование и педагогика

Образование обозначает методы, при помощи которых общество сохраняет свои знания, культуру, моральные и социальные ценности. Деятельностью в области образования занимаются обычно преподаватели, родители, церковь или любая другая социальная группа. Официальное образование — это то, которое приобретается в школе или ином образовательном учреждении, где работают люди, специально подготовленные к этой деятельности. Образование представляет собой длительный и самостоятельный процесс развития индивидуума в определённой среде, в соответствии с нормами, которые приняты в данном регионе или в данной стране. Кроме того, образование является процессом социализации, взаимодействия с обществом, связанного со знаниями, умениями, ценностями, которые нужны человеку для жизни.

Одной из конечных целей образования является добиться развития учащихся, для чего прививаются культурные ценности и образцы поведения, принятые обществом. Для чего также достигается базовое согласие и обеспечивается творческое усилие и движение по направлению к более сложным и развитым формам жизни. В этом значении образование выполняет функцию хранителя на принципах гибкости и адаптации, гармонично направляя развитие общества. С другой стороны, педагогика изучает условия получения знаний, их суть и собственное развитие, но, прежде всего, исследует, чем владеют обучающий и обучаемый в процессе обучения. Подобные мотивы у педагогики позволяют целям, созданным образованием, сохраняться далее, поскольку именно она является исполнительницей тех адекватных теоретических моделей, которые служили бы достижению данных целей.

Современный кризис образования

Одной из целей, которые должны быть прояснены в данной работе, является демонстрация группы проблем, которые обнаруживает себя при работе на количественную эффективность (знания) без культурного развития (ценности). Современный образовательный кризис очерчивается по этому критерию. Образование должно быть универсальным обучением, сконцентрированным на том, чтобы обучаемый получал знания посредством личного и трудового развития, но, в то же время, чтобы обучаемый развивался по моральным критериям, которые позволяли бы ему достигнуть той полноты, которую предполагает образование.

Образование перестало обращать внимание на моральные ценности. Школа сейчас сосредоточена на авторитарном режиме, который мешает полноценному развитию учащихся, поскольку школьная практика игнори-

рует формирование поведения, связанного с социальным уровнем обучающегося. Образование не уделяет достаточно внимания культурным особенностям и обстановке страны, а также ключевым темам современного мира: философии, религии, искусству, этике, эстетике и т.д.

Отсутствие интереса к обучению определённым базовым навыкам, таким как описанные выше, коренится в избыточном обучении техническим знаниям, что ведёт к бедности речевых, устных и письменных, навыков, не способствует развитию навыков чтения, не поддерживает обогащение словаря, не обучает правильному самовыражению. Большинство учащихся на всех уровнях не могут правильно использовать официальный стиль языка и, в результате, не могут ясно выражать свои мысли. Учащиеся допускают грубые орфографические и стилистические ошибки. Наблюдая эту проблему, нужно предположить обучение, связанное с жизнью, питаемое средой, опытом, связью с социальным окружением и его осмыслением.

Официальная роль образования должна сосредотачиваться на личностном развитии, прежде всего, на развитии способности получать знания, на тренировке вдумчивого познания, на развитии критического подхода, на практическом формировании моральных ценностей. Полноценное развитие должно давать личности необходимость гибкости, для того чтобы она имела возможность подстраиваться под перемены, рождённые общественной динамикой. Это требуется от преподавателей, которые специализировались бы в особых областях педагогической практики и которые знали бы, как обучать этим областям, от преподавателей, которые были бы способны понимать особенности обучаемого и имели бы ясное понимание возможностей, предполагаемых обстановкой, в которой проходит процесс обучения.

Мораль как главный принцип человека

Реализация морали в каждый период неотделима от базовых принципов, или основных правил поведения, которые действуют в определённом обществе в совокупности и представляют социальное единство. Это не касается моральных принципов, созданных только в теории, хотя и могущих опираться на этические концепции. Это касается тех принципов, которые обретают форму в той же социально-практической деятельности и эффективно регулируют поведение членов общества. Эти принципы имеют, таким образом, двойственный характер. Во-первых, они отвечают определённым требованиям общества, во-вторых, будучи, базовыми, служат основой для норм, которые регулируют поведение в данном обществе в определённом направлении.

Моральные принципы появляются в связи с определёнными требованиями общества, а также они могут быть предметом теоретической разработки с задачей обосновать необходимость этих принципов и, что более важно, обосновать их силу. В периоды социальных, поли-

тических, образовательных кризисов, таких, как наш, моральные ценности также переживают кризис. Кризис определённых принципов решается их заменой другими, которые отвечают новым социальным условиям. Тем не менее, пока не созданы необходимые социальные условия для реализации принципов, которые заменят предыдущие, на какое-то время может возникнуть ситуация растерянности или неопределённости. Одним из базовых критериев в том, где используется мораль, является разум. При помощи разума проясняется, как человеческий ум как таковой действует сам по себе, без отклонений, вызванных страстями, инстинктами или личными интересами. Кто действует в согласии с этим разумом, определяет, каковы на данный момент касающиеся его требования человеческой природы.

В согласии с предыдущим, человек с моральной ценностью — это тот, кто действует в согласии с собственными требованиями и склонностями с целью оставаться человеком. "Быть моральным" равнозначно "быть более человеком" (независимо от пола), быть более человеком значит, взять себе те качества, которые принадлежат по своей сущности самой природе человека, который размышляет над человеческой природой и раскроет требования, являющиеся основой прав и обязанностей каждого человека, таких как право на жизнь, на правду, на ответственность и т.д. Человек может приобрести моральную ценность, когда следует моральным нормам или, в общем, когда исполняет этические нормы.

Ключевым в моральном поведении является свобода, ведомая моральными ценностями. Человек живёт в обществе, и потому оказывается под воздействием своего положения и воздействия таких институтов, как семья, школа, государство, церковь. Моральный поступок — это тот, которому предшествует максима морального закона. Недостаточно вести себя в соответствии с законодательством, нужно вести себя по самому закону. Это действие по закону и по необходимости обозначает, согласно И. Канту, свободу и независимость, поскольку человек хочет жить удобно и приятно, а для этого необходимо, чтобы этот человек покинул царство лени и пассивного удовлетворения и встал лицом к лицу с бедами и утомлением, для чего и нужно придумать средства, чтобы освободиться собственными человеческими способностями и собственной волей [Кант, 1973, 45–67].

Следовательно, моральное действие предполагает, что в поступках субъекта существуют сознание и свобода. Настоящий моральный субъект — это личность, но личность социальная, ведь осуществление морали — это индивидуальное действие, но, в свою очередь, учитывая социальную природу личности, оно не может считаться делом сугубо индивидуальным, а также и потому, что принципы и нормы, определяющие моральное поведение, отвечают нуждам и интересам социума. Поведение в согласии с моралью, или моральное поведение, — это некая заданная ситуация, которая не является чем-то полностью спонтанным или непредвиденным, напротив, оно существует как определённая возможность, заданная в человеческом характере. Иначе говоря, схема поведения

человека не является случайной, до определённого момента она соответствует той манере реагировать на события и людей, которая постоянная и неизменна. Это означает, что нельзя отделить поведение личности от её положения в обществе, а также от общих и социальных форм поведения этой личности. В нём нужно видеть собственно неповторимые и вместе с тем стабильные формы деятельности, которым отвечает моральное поведение личности.

Мораль в узком смысле остаётся замкнутой в среде исключительно личностной, которая очевидно втягивает в себя условия собственно морали, а также ценности, которые формируются жизненными идеалами, личную идентичность, без которой невозможно достигнуть личностей зрелости и полноценности как главенствующей установки.

Сближение образования и моральных ценностей

Формирование ценностей в рамках педагогической работы — трудная задача, так как не рекомендуется злоупотреблять определёнными действиями вроде чтения нотаций и навязывания. Нужно искать пути для этого процесса и для каждого социального пространства осуществлять живое общение с обучаемым, и при этом живом общении возникнет общее пространство для тех, кто в общение вовлечён. Они разделят нужды, мысли, ошибки и мотивации. Ценности формируются частично из содержания обучения. Но было бы наивно думать, что образовательная деятельность с аксиологическими целями разрешает также и проблемы, с которыми сегодня сталкивается наше сообщество. Существуют теоретические построения, основывающиеся на выводе о предпочтительном характере ценностей как факта преимущественно психологической природы, которая проявляет себя в поведении субъектов и которая может меняться в зависимости от культурных, социальных и иных условий, в которых находится тот или иной субъект. Среди современных исследователей аксиологии образования можно назвать таких авторов, как С.З. Гончаров [Гончаров, 2014], Е.В. Картамышева [Картамышева, 2013], А.В. Кирьякова [Кирьякова, 2015], Г.Н. Тараносова [Тараносова, 2015], Г.И. Чижакова [Чижакова, 2013].

Один из методов, используемых в обучении ценностям, — это индукция как таковая, суть которой в движении от частного к общему. Посредством наблюдения за отдельными фактами действительности, их сравнения и разных экспериментов формулируются всеобщие моральные нормы. Дедукция — другой метод, рекомендованный для обучения ценностям. Он состоит в том, что из некоего закона, уже сформулированного, выводятся конкретные нормы поведения, которые можно было бы посчитать общечеловеческими законами. Суть морально-аксиологического обучения коренится в формировании ценностей, которые допускает моральное сознание, моральных чувств, привычек, которых требует общество познания [Мур, 1999, 17–21].

В морально-аксиологическом формировании важно иметь в виду, что моральное поведение характеризуется не только поступками, но также и системой взглядов, привычек и ценностей. В образовательной деятельности нельзя устанавливать рецепты, но необходимо учитывать отправные точки, зная и уважая индивидуальность каждого обучаемого, не важно детей или молодёжи. Они, будучи частью социальной среды, отвечают заданным привычкам и моделям поведения, оказываются под влиянием семьи, СМИ, спорта, культуры и т.д. Очевидно, что с образовательной среды посредством формирования ценностей можно улучшить гуманистический образ человека завтрашнего дня. Также важно иметь в виду, что всё, чему мы учим абсолютно всё всегда может формировать ценности, и когда формируются правильные оценки, они позволят ребёнку или молодому человеку адекватно ориентироваться в личной и общественной жизни. Конечная цель образования включает в себя развитие хорошего в людях, формирование людей, способных выбирать верную дорогу. Человек это то, что делает с ним образование [Кант, 1991, 24–31], и потому важна мораль как аксиологическая база, служащая основой педагогической практике.

Поддерживая И. Канта в мысли, что миссией обучения является развитие всех природных даров человека в надлежащем соотношении и связи с финальной целью, в той форме, которая позволяет человечеству двигаться в согласии с его судьбой, порождая поиск человеческого совершенства, под которым И. Кант понимал развитие талантов и моральных качеств. Следовательно, цель образования и цель человека это поиск развития человеческой природы, и цель эта включает в себя максимально возможное обретение данных способностей, которые и даны, чтобы быть развитыми самой волей человека или же самими собой.

Образование исходит из предпосылок человеческого развития, природного и морального. И. Кант в своей книге о педагогике утверждает, что в природных данных человека уже содержится склонность к добру без зародышей зла, что человек по природе своей морально ни добр, ни дурен, и что он имеет природные склонности ко злу. Отталкиваясь от этого, И. Кант заключает, что, будучи феноменом, человек по природе владеет тремя врождёнными склонностями: 1) животная склонность, или что то же самое иррациональная любовь к самому себе, которая предполагает представление о сохранении вида и представление о жизни в обществе; 2) предрасположенность к человечности (природному совершенству), или же рациональная любовь к себе, которая в основном включает желание быть равным другим в одном случае и превосходить других в другом случае; 3) предрасположенность к личностному началу, доброй воле, или же моральное совершенство [Кант, 1973, 45–67]. Все эти предрасположенности ведут к добру, но первые две могут получить извне некий изъян или дурное отклонение, которое подчинит себе всё развитие. Напротив, третью предрасположенность невозможно исказить. Следовательно, мы имеем утверждение, что человек добр по природе, в зна-

чении, что, будучи феноменом, он обладает природной предрасположенностью только к добру. Это не означает, что, будучи человеком, созданием, наделённым такой природой, он автоматически будет добродетельным, и также не значит, что ему не помешает никакое препятствие. Это всё значит, что для того, чтобы человек вернулся к добру, ему нужно дать образование, а у тех, кто предался злу, именно образованности и не хватает.

Всё сказанное выше относится к человеку как феномену, но далее здесь мы видим человека как ноумен, которому даны атрибуты свободы воли. Так как человек, наделённый этим состоянием, должен будет принять моральный закон как максимум поведения или оттолкнуть его, т.е. в данном случае, человек должен стать или совершенно добрым или совершенно дурным, всё же его долг быть добродетельным, и все должны рассмотреть возможность того, что быть добродетельными это обязательство, поскольку мы можем быть таковыми. Из этого И. Кант заключает, что для нас необходима возможность, используя для этого действие нашей свободной воли, выбирать быть добрыми, хотя мы не понимаем, каким образом подобные действия могут быть осуществлены. Только сам человек может сделать это, и И. Кант утверждает, что, если не соблюдать таким образом свою добродетель, то не будет и никакой заслуги и, следовательно, с точки зрения морали, человек не станет ни добрым, ни злым [Кант, 1991, 73–79]. Возможно, определённая сверхъестественная помощь может и понадобиться, но приходит она к человеку, который сначала согласился на неё и который сумел ею воспользоваться. И только тогда можно было бы поверить, что он добр. Каждый раз, когда опыт показывает нам, что человек обращается к добру, благодаря образованию, также мы видим, и что такой человек оказывается способным быть свободным и вместе с этим добродетельным.

Гносеология и аксиология

Рассмотрев сформулированные И. Кантом идеи относительно педагогики, можно отметить с большой ясностью ту самозависимость, которая необходима и явно существует между гносеологией и аксиологией. Всё осуществлённое теоретическое развитие и все изученные категории в этой работе должны прояснить эту связь. Нельзя помыслить человека с абсолютной гносеологической зависимостью, не предполагая также аксиологической связи. Сам факт, что человек есть человек, предполагает, что его нужно полагать моральным субъектом с положительными или отрицательными ценностями, с культурой или без неё, но, в конце концов, моральным объектом [Кант, 1991, 73–79]. Важность образования заключается именно в том, чтобы давать себе отчёт в существовании человека, которому необходимо образование не только ради познания, но также и не только ради морали. Невозможно постичь мораль без мышления в образовании. Так как человеческое существо не рождается с заданной моралью, и только при своём развитии в обществе человек развивается как деятель, наделённый

моралью, и качество его моральной структуры зависит от полученного им образования, из чего следует и замечание о полноценности, к которой должно стремиться образование.

Таким образом, аксиология как учение о ценностях в целом, рассматривающее и объясняющее существование и функционирование всего мира, созданного человеком, определённо важна для человеческой жизни и историко-социального развития человека. Аксиология по определению существует в мире, так как она развита настолько же, насколько развиты люди. Поэтому необходимо, чтобы аксиология играла базовую роль в развитии людей и чтобы она вносила свой вклад в полноценное образование. Образование отвечает за то, чтобы создавать условия, для которых это дело будет доведено до конца. Необходимо, чтобы посредством аксиологии человек становился моральным, причём не только индивидуально, но также и на общественном уровне. И здесь различные социальные и образовательные организации и учреждения играют решающую роль в обществе, делая так, чтобы аксиология присутствовала везде.

ВЫВОДЫ

1. Работники образования и родители должны прилагать усилия, чтобы развитие было счастьем для обучаемых, и наоборот. Обучаемый, в свою очередь, должен только прилагать усилия, чтобы совершенствоваться в области природной и моральной, а также стараться обрести собственную свободу с моральной точки зрения. Учитель, по И. Канту, это тот, кто способен сделать так, чтобы его ученики устанавливали связи между проблемами аксиологическими и гносеологическими.

2. Цель образования заключается в сочетании праведности и свободы сочетании, в котором моральное со-

вершенство является необходимым и первичным фактором, в который должна поместиться и свобода, но только в той степени, в которой она соотносится с моральным совершенством. Также образование станет ответственным за сохранение моральных принципов, которые педагоги, родители и учителя должны будут иметь, решая вопросы методов обучения и школьной политики, которые позволяли бы развивать учащихся для общества.

3. Необходимость учиться моральным ценностям создаёт проблему с целым рядом связей, но, так как с теоретической точки зрения этот ракурс не рассматривается, необходимо, чтобы существовала предложенная методология, которую мы углубили, чтобы сформировать данный ракурс. Конкретно же целью работы являются размышления теоретического характера в области философии педагогики, которые вносят идею реализуемой модели педагогики с методологической точки зрения для морального развития учащихся. Эта модель также делает жизнеспособным преподавательский труд в образовательном деле как таковом.

4. Чтобы преподавательский труд стал эффективным в аксиологической области, необходима нацеленность на личностную модель, которая включала бы моральные качества и которая базируется на теоретическом положении, что добродетель является высшим уровнем личностного развития. Тем не менее, с методологической точки зрения, необходимо выделить систему педагогических принципов, которая дала бы цельность модели, а сами принципы конкретизировались бы в учебном классе, в согласии с заданными требованиями общества. Инициатива, гибкость, а вместе с ними и профессиональный рост каждого преподавателя необходимы в его ежедневной трудовой деятельности, и педагогическая практика по-прежнему будет критерием правильности в формировании граждан, что и требуется обществом в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивный образ мира: Прологомены к философии образования. М.: Канон+, 2010. 224 с.
2. Болховской А.П., Говердовская Е.В., Ивченко А.В. Образование в глобализирующемся мире: философский взгляд // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2013. №5. С. 80–85.
3. Гончаров С.З. Аксиология культуры в контексте образования // Человек в мире культуры. 2014. №1. С. 10–21.
4. Кант И. Критика практического разума. Эдиториал Лосада, Буэнос-Айрес. 1973.
5. Кант И. Педагогика. Эдиториал Акал, Мадрид, Испания. 1991.
6. Картамышева Е.В. Аксиология образования в современном обществе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. №37. С. 10–12.
7. Кирьякова А.В., Мороз В.В. Аксиология креативности в контексте современной парадигмы образования // Высш. образование сегодня. 2015. №2. С. 60–64.
8. Коротяев Б.И. Взгляд в будущее высшего педагогического образования с позиций теории педагогической философии. Луганск: Изд-во ЛНУ им. Т.Г. Шеченко, 2013. 260 с.
9. Мур Т.У. Введение в философию образования. Эдиториал Трийас, Мехико. 1999.
10. Робинсон К. Образование против таланта. М., 2013. 336 с.
11. Розин В.М. Философия образования: Этюды исследования. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2007. 576 с.
12. Тараносова Г.Н., Решетникова Е.А. Ценностные ориентиры современного образования в реалиях нового времени // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. №2. С. 211–215.
13. Флорес О.Р. О педагогике и познании. МакГроу-Хилл, Колумбия. 1996.
14. Фрондиси Р. Введение в фундаментальные проблемы человека. Ф.С.Е., Колумбия. 1998.
15. Чижаква Г.И. Аксиология профессионально-педагогического образования // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. №2. С. 36–55.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГИБКОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

PROFESSIONAL THE FLEXIBILITY OF A SPECIALIST AS A PEDAGOGICAL PROBLEM

*O. Yastreb
A. Serykh*

Annotation

In the article the basic historical and pedagogical review of the literature that topical problem of Russian education, as professional flexibility. Brief description of the concept, analyzed the problems and location of the professional flexibility of the teacher. Shows the author's position on the issue.

Keywords: professional flexibility of the teacher, pedagogical flexibility, competence, competency, professionalization.

Ястреб Ольга Викторовна

*Соискатель, каф. психологии
и социальной работы, Балтийский
Федеральный Университет
им. Иммануила Канта*

Серых Анна Борисовна

*Д.пед.н., д.псих.н., профессор зав. каф.
специальных психолого-педагогических
дисциплин Балтийского Федерального
Университета им. Иммануила Канта*

Аннотация

В статье освещается базовый историко-педагогический обзор литературных данных такой актуальной проблемы российского образования, как профессиональная гибкость. Дана краткая характеристика понятия, проанализирована проблематика и место профессиональной гибкости педагога. Показана авторская позиция по данному вопросу.

Ключевые слова:

Профессиональная гибкость педагога, педагогическая гибкость, компетенция, компетентность, профессионализация.

В представлении модернизации российского образования до 2010 г. одним из главных смысловых положений преобразования содержания образования декларировался – компетентностный подход. Компетентностный подход – это приоритетное направление на осуществление целей российского образования: самоактуализацию, обучаемость, социализацию, самоопределение и развитие личности в целом.

В качестве инструментальных средств компетентностного подхода являются достижения целей образования: выступают принципиально новые образовательные структуры: компетентности и компетенции.

Основа профессиональной компетентности работника определяется его готовностью своевременно и оперативно решать необходимые проблемы и задачи. Мерой эффективности развития профессиональной компетентности считается присутствие нового знания, повышения качеств необходимых для эффективной работы [1].

Понятия "компетентность" и "компетенция" в образовательной среде не имеют единого толкования.

Исследованием компетентности и компетентностного подхода в образовании занимались различные ученые:

Н.В. Андронова, А.В. Баранникова, А.Г. Бермус, Ю.Н. Емельянов, В.В. Краевский, В. А. Якунин и многие другие. Компетенция рассматривается как обобщение когнитивного, личностного и предметно-практического опыта и как способность специалиста осуществлять компетентность в определенной профессиональной деятельности.

При рассмотрении работ о компетентности можно акцентировать внимание на том, что это комплекс умений, знаний и навыков, позволяющих эффективно выполнять необходимую работу [3].

Известный британский ученый Равен Дж. считает, что компетентность это определенная способность разного уровня, обязательная для эффективной реализации определенных задач (действий), содержащая узкоспециализированные знания и навыки, а также определенный алгоритм мышления в данном вопросе и осознание ответственности за свои действия [4].

Несмотря на то, что существует разница в терминологии, авторы совпадают во мнении, что в структуре компетентности существует три уровня: теоретический, практический и личностный. В российской психологии определенные аспекты компетентности были разобраны в прикладном значении, а именно, в качестве составной

части в профессиональной компетентности отечественного педагога.

Таким образом, А. К. Маркова предлагает рассматривать педагогическую рефлексию как структурный элемент педагогического умения, которая рассчитывает на направленность сознания внутрь самой личности, где происходит анализ видения себя [5].

Изучая психологическую суть профессионализма, А. К. Маркова обнаружила три вида профессиональной компетентности: профессиональная компетентность педагога (владение профессиональной деятельностью, умение анализировать и прогнозировать развитие профессиональных своих знаний и умений);

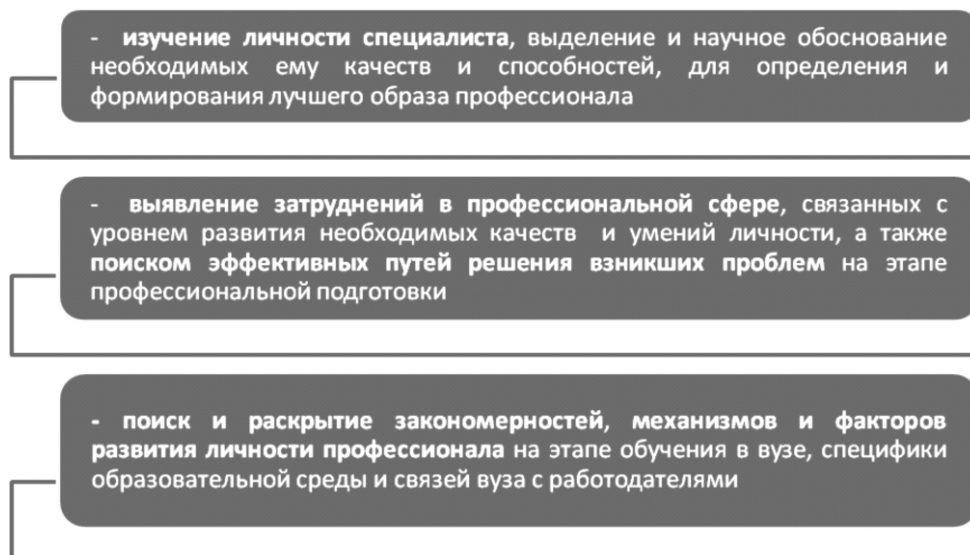
социальная компетентность – владение общей (коллективной) профессиональной работой, успешное сотрудничество с коллективом, знание правил общения в данной отрасли, ответственность за эффективность ре-

зультатов своей профессиональной деятельности;

личностная/индивидуальная компетентность использование личностного выражения и развития, посредством приспособления к профессиональным изменениям личности; способность планировать свою деятельность и принимать решения, владение приемами самоконтроля.

Рассматривая уточнение жизненных перспектив и раскрытия жизненных возможностей структуры личности профессионала, в различных психолого-педагогических исследованиях акцентируется на важности роли настроенности в его трансформации. (В. Г. Леонтьев, 1975; В. Г. Максимов, 1988; О.Г. Хамерики, М.М Поташкин, А.В. Лоренсон 1975; П.В. Худоминского, Л. Б. Проскуракова, 2000; Л. И. Фишман, 1997; А. Р. Фонарев, 2005)

Исследования по вопросам развития профессиональной гибкости будущего специалиста релятивно разделены на три группы:

Анализ исследований, которые посвящены проблемам профессионального развития и становления личности специалиста, демонстрируют, что российские ученые часто направляют свое внимание на изучение процессов развития личности в учебно-профессиональной деятельности. [7].

Тогда как, зарубежные ученые в большей степени интересуются направлением развития и становления личности профессионала непосредственно на рабочем месте.

В исследованиях И. И. Васильевой, Т. В. Корниловой описывались составные части профессиональной гибкости для предпринимателей, юристов и менеджеров. В ра-

ботах А. А. Деркач, Л. А. Степновой рассматривается понятие "гибкость" и ее взаимосвязь с проблемой компетентности государственных служащих. В.Д. Щадриков проводил исследования по изучению и определению различных видов профессиональной гибкости.

В настоящее время, направлением личностно – профессионального становления, куда входит и профессиональная гибкость, изучается многочисленными зарубежными и российскими психологами. П. Андерсон, Н.Е. Веракса, Дж. Гилфорд, В.В. Давыдов, К. Дункер, Г. В. Залевский, Р. Кеттел, Т. В. Кудрявцев, К. Левин, Л. М. Митина, П. Фресс, Л. Хаскелли и др.), однако, одной интерпретации ее содержания не выработано до сих пор. Р. Кеттел и К. Левин определяют гибкость как свойство, противопо-

ложное интегрированным свойствам личности.

Н. Лук говорил, что люди с более высоким показателем гибкости мышления имеют больше шансов натолкнуться на верную идею при решении какой-нибудь практической задачи" [9]

Д. Б. Богоявленская отмечает, что гибкость мышления предполагает выделение существенных сторон изменений, возможность отхода от привычных действий, от стереотипа, нахождение новых путей решения, комбинации элементов прошлого опыта". [10] Исследуя, творческое и продуктивное мышление зарубежные психологи выделяют гибкость, как одну из ее причин. В качестве основной меры гибкости мышления выносят такой критерий, как "целесообразное варьирование способов действий".

"Критерием гибкости мы можем считать эффективность деятельности, которая выражается (соответственно трёхкомпонентной структуре психики личности) в удольствии, обучаемости, производительности". [11]

Дефиниция гибкости была введена в российскую психологию Н.А. Менчинской, где гибкость мышления можно определить как модифицирование способов действия, в простоте преобразования знаний и перехода их из одного действия к новому.

Многие ученые дают различные определения профессиональной гибкости специалиста. Так, например, под гибкостью Л.М. Митина понимает интегративную характеристику личности, представляющую собой гармоничную комбинацию трех взаимозависимых индивидуальных качеств: эмоциональной, интеллектуальной и поведенческой гибкости.

"Структура профессиональной гибкости, ее основные компоненты и характеристики для различных сфер профессиональной деятельности рассматривалась в работах зарубежных и отечественных психологов. Б. Асверус при описании личностных особенностей современного немецкого предпринимателя указал, что одной из его основных черт является умение эффективно участвовать в совместной деятельности, проявляя гибкость и пластичность поведения. Изучение многообразия тех способов, которыми ученые интерпретируют новое и уже принятое знание, результаты наблюдений, и того, каким образом эта гибкость используется ими в своих целях, осуществлялось в работах А. В. Шкурко. Российскими психологами Е. С. Асмаковец, Т. М. Андреевой, А. А. Бодалевым, Ф. Н. Гоболоиной, Н. В. Кузьминой, Л. М. Митиной" [8].

Профессиональную гибкость позволительно продемонстрировать, как систему из дополняющего объединения трех частей: мотивационно-эмоциональной, когнитивной и коммуникативно-социальной.

Эмоциональная устойчивость специалиста является проявлением мотивационно-эмоциональной гибкости и описывается в исследованиях эмоционально-волевой нормализации состояний (А. Б. Серебрякова, Н. Е. Водопьянова, Ю. Мельник, Е. С. Старченкова, Д. С. Жилкин).

Под коммуникативно-социальной гибкостью специалиста является способность в себе такие качества, как общительность, самоконтроль, инициативность, умение разрешать конфликтные ситуации (Л.Э. Орбан, Г. С. Никифоров, М. Ф. Секач).

Когнитивная гибкость – направление, исследованное в меньшей степени. Дж. Браун и Е. Лангер дают определение когнитивной гибкости как способности личности придавать разные значения собственному опыту и присоединяться в поливариантные взаимосвязи между своим окружением. Доказано, что личностная гибкость является одним из основных профессионально-личностных качеств, помогающих генерированию и развитию профессиональной Я-концепции [12]. Профессиональная гибкость приобретает в настоящее время особое значение как способность справляться с изменениями и принимать быстрые решения. Педагогическая гибкость имеет в своей составной части сочетание трех ее видов – интеллектуальной, эмоциональной и поведенческой. Интеллектуальная гибкость является наименее изученной из видов профессионального развития педагога. По мнению Митиной, которая является сторонником личностно-развивающего подхода, "со стажем работы возрастает стереотипность мышления, закрепляются защитные психологические реакции, ведущие к снижению критичности, повышению авторитарности, неспособности принять другую точку зрения, ригидности. Все это препятствует взаимопониманию педагога и ученика, снижает эффективность педагогической деятельности, приводит к профессиональной деформации личности специалиста, не позволяет учащимся стать самостоятельными, самореализующимися, конкурентоспособными"[13].

Сущность профессиональной деформации специалиста как правило связывают: с приспособлениями к условиям, взаимосвязанным с профессиональной деформацией его личности как способом трансформации поведения, общения сообразно имеющегося у него опыта (обычно в сторону ухудшения, снижения качества) (А.А. Бодалёв, Е.М. Борисова, П.С. Выготский, С.Г. Геллерштейн, Т.А. Жалыгина, Р.Ф. Ихсанов, А.Н. Леонтьев, А.К. Маркова, Е.В. Руденский, П.А. Сорокин и др.); с нарушением гармоничности, единства, увеличивается количество переживаний, и соответственно отрицательных качеств и свойств личности (Г.С. Абрамова, С.П. Безносков, Р.М. Грановская, А.К. Маркова, Н.Б. Москвина, В.П. Подвойский и др.) [14, 15]. По мнению авторов С.П. Безносова, Р. М. Грановской, Л. Н. Корнеевой, А. К. Марковой, профессиональной деформации в большей степени подвержены

представители таких профессий, которые имеют постоянное взаимодействие с людьми: врачи, работники правоохранительных органов, руководители, работники сферы обслуживания, педагоги и т.д. [22].

Прямое влияние на различные деформации специалиста оказывают внешние (не спокойная политическая и экономическая обстановка в стране) и внутренние факторы (напряженные межличностные отношения между коллегами, семьей т.д.), что снижает продуктивность работы специалиста и разрушает его как профессионала в своем деле [16]. Эмпирическим путем были получены данные о том, что биологическое, природное, общественное и социальное начало являются основными условиями для профессионального развития человека в профессии. Поэтому педагоги и психологи основополагающую роль отводят самому специалисту и его активности в ней. Под активностью понимается – готовность к деятельности, инициатива и сама деятельность специалиста. Профессиональная активность разделяется на продуктивный и адаптивный тип. Поэтому активное поведение вытекает в состоянии готовности в профессиональной деятельности

и среде. Качественная и количественная характеристика потенциальных возможностей человека имеют большое значение при выборе вида профессиональной деятельности специалиста. Таким образом, различные ученые, также как и педагоги рассматривают проблему профессионального развития специалиста в свете профессиональной активности, процессов профессионализации и профессионального становления. Анализ литературных источников из многочисленных направлений дает возможность отметить основополагающее, в понимании профессиональной гибкости специалиста, как педагогическую проблему специалиста. ПГ – процесс общего развития профессионала как соучастника профессиональной деятельности, взаимообусловленный социальной ситуацией. В тоже время профессиональная гибкость рассматривает на ориентацию специалиста, на постоянную профессиональную деятельность и его развитие.

Профессиональная гибкость является неразрывно связанным показателем профессионального становления профессионала, трансформирующимся на различных этапах развития личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борщева Елена Александровна. Дополнительное профессиональное образование как фактор развития профессиональной компетентности специалиста // Вестник ОГУ . 2015. №2 (177). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dopolnitelnoe-professionalnoe-obrazovanie-kak-faktor-razvitiya-professionalnoy-kompetentnosti-spetsialista> (дата обращения: 18.11.2015)
2. Шиманская Татьяна Леонидовна. Аутопсихологическая компетентность беременных женщин как фактор эффективных отношений "мать – дитя" : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.01 / Шиманская Татьяна Леонидовна; [Место защиты: Московский гуманитарный университет]. – Москва, 2008. – 184 с
3. Perlmutter, M. & Nyquist, L. (1990). Relationship between self-reported physical and mental health and intelligence performance across adulthood. *Journal of Gerontology*, 45, 145–155.
4. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. – М.: Когито-Центр, 2002. – 396 с.
5. Маркова А. К. Психология труда учителя: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1993. – С 192
6. Российская Федерация. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации": [принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года.: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года.]: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф>, с. 36–37. (дата обращения: 18.11.2015).
7. Бордовская Н.В. Психология и педагогика : Учеб. для вузов / Н. В. Бордовская, С. И. Розум . – Санкт-Петербург и др. : Питер, 2011 . – 620 с.
8. Тодышева Т. Ю. К вопросу об успешности профессиональной деятельности менеджеров // Известия РГПУ им. А.И. Герцена . 2008. №54. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-uspeshnosti-professionalnoy-deyatelnosti-menedzherov> (дата обращения: 02.11.2015).
9. Лук А.Н. Психология творчества. – М.: Наука, 1978. – 128 с.
10. Боявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. – Издательство Ростовского университета, 1983. – С.140. –176 с
11. Г Бейтсон. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000. – 476 с.
12. Монография "Личностная гибкость в профессиональной деятельности менеджеров". LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Heinrich-Böcking-Str. Germany, 2012.
13. Митина Л.М. Учитель как личность и профессионал (психологические проблемы). М., 1994
14. Маркова А.К. Психология профессионализма. – М.: Международный гуманитарный фонд "Знание", 1996. – 308 с.,
15. А.Н. Леонтьев. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. СОЗНАНИЕ. ЛИЧНОСТЬ М.: Политиздат, 1975 – 304 с
16. Профессиональная деформация личности. Учебное пособие. (Составители А.В. Коваленко, Л.А. Шиканов). – Томск: Изд-во ТПУ, – 2009. – 90 с.

СУЩНОСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

INTRINSIC CHANGES IN THE RUSSIAN PRESS OF THE POST-SOVIET PERIOD

H. Aydogan

Annotation

The article is devoted to important qualitative changes of the periodicals in the post-Soviet period, identifying which by the end of the article the author came to the following conclusions:

1. the print media of modern Russia were the natural successors of Russian traditions of quality journalism, oriented on a wide mass audience;
2. development trends of Russian media have confirmed the importance of print media as a mouthpiece of interests of all society and means of communication unbiased information;

Thus, the author concluded that the print media of modern Russia, oriented on a wide mass audience and provides the most objective information, have become the spokesmen of interests of the entire society and leading instruments of formation of public opinion.

Keywords: media, newspapers, periodicals, the post-Soviet period.

Айдоган Хакан Джейхан

Аспирант, Российский

Университет Дружбы Народов

Аннотация

Статья посвящена важным качественным изменениям периодических изданий в постсоветский период, определив которые по итогам статьи автором были сделаны следующие выводы:

1. печатные СМИ современной России стали естественными продолжателями традиций отечественной качественной журналистики, ориентированными на широкую массовую аудиторию;
 2. тенденции развития российского медиапространства подтвердили значимость печатных СМИ как выразителя интересов всего общества и средства сообщения максимально объективной информации;
- Таким образом, автор сделал вывод о том, что печатные СМИ современной России, ориентированные на широкую массовую аудиторию и сообщаемые максимально объективную информацию, стали выразителями интересов всего общества и ведущими инструментами формирования общественного мнения.

Ключевые слова:

СМИ, пресса, периодическая печать, постсоветский период.

Общие сущностные характеристики постсоветских печатных СМИ объективно обусловлены сменой общественно-экономической формации, что отразилось на всех сферах жизни российского общества и не могло не отразиться на СМИ.

В середине 80-х гг. многие ранее действовавшие запреты были сняты пусть не законодательно, но провозглашенным лозунгом "что не запрещено, то разрешено" да и самим фактом проведения Апрельского Пленума ЦК КПСС, на котором резкой критике были подвергнуты предыдущие тенденции и факты в развитии страны.

Результатом стало резкое увеличение количества печатных СМИ. Как отмечает Р. Овсепян, если в 1987 г. в стране выходило свыше 7,5 тыс. газет, в том числе около тысячи центральных, республиканских, краевых и областных, более 2,5 тыс. журналов, то в 1989 г. в стране насчитывалось уже 8800 газет, разовый тираж которых составлял 230 млн. экз., и 1629 журналов тиражом свыше 220 млн. экз. Через год тиражи газет возросли на 4,6%, а журналов – на 4,3% [3].

В марте 1990 г. была изменена 6 статья Конституции

СССР, которая монополизировала право на руководство советским обществом за КПСС. В июне 1990 г. был принят Закон СССР "О печати и других средствах массовой информации", отменивший цензуру и – самое главное – предоставивший широкие права на учреждение средств массовой информации. Таким образом, ликвидировалось монопольное право государства (а по сути – КПСС) на издание периодической печати.

В результате, по данным Госкомпечати бывшего СССР, на 15 марта 1991 г. в стране было зарегистрировано около 1800 газет и журналов, рассчитанных на общесоюзную аудиторию. Около 850 газет выходило впервые. В их числе 233 принадлежали редакциям и издателям, 291 – общественным организациям, 124 – ассоциациям, 99 – кооперативам, 55 – совместным предприятиям, 24 – партийным организациям, 25 – акционерным обществам, 19 – религиозным организациям.

Если учесть, что Министерство печати и массовой информации Российской Федерации к середине марта 1991 г. зарегистрировало более 600 изданий, а Моссовет – около 300, то всего в Москве к августу 1991 г. выходило более 2600 газет и журналов, половина из кото-

рых – новые [4].

Издания существенно расширились типологически. Появились газеты Верховных Советов республик, областных советов народных депутатов, что в те годы было исключительно важным. Появились специализированные издания для бизнеса. Правда, подавляющее большинство новых изданий вскоре исчезли с рынка СМИ, не оставив сколько-нибудь значительных следов своего существования. Этому способствовали и начавшиеся вскоре радикальные экономические реформы. И все-таки конкуренция вызвала к жизни качественно новые издания: "Независимую газету", "Куранты", "Коммерсантъ" (с воскресным приложением), "Совершенно секретно" (ежемесячник) и др.

Как отмечает А.А.Грабельников, "сохранив свой знаменитый бренд, многие печатные издания в то же время представляют собой уже иные, новые газеты и журналы – и по содержанию, и по оформлению, и по принадлежности к издателю, и по читательской аудитории" [2]. Так, существенно обновляется редакционная политика ежедневной газеты "Московский комсомолец" и еженедельника "Аргументы и факты".

Неслучайно, шотландский ученый Брайан Макнейр называет развитие периодической печати в России с 1990 по 1992 гг. "золотым" веком российской прессы", объясняя этот образ как количественными, так и качественными изменениями [1].

Итак, к сущностным изменениям в сфере печатных СМИ в постсоветский период относятся:

1. Ликвидация партийно-государственной монополии на СМИ, отмена цензуры, декларирование свободы печати, перерегистрация всех основанных в советские времена печатных СМИ в качестве независимых. В дальнейшем эволюция принадлежности печатных СМИ, как старых, так и новых, пошла различными путями: большая часть из них попала в зависимость от капитала, часть осталась под государственным контролем или вернулась к нему, часть попала в руки самых различных собственников, небольшая часть осталась независимой.

2. Ликвидация партийной монополии на средства производства СМИ. Издательско-полиграфическая база также выходит из-под партийного контроля и становится независимой, однако в настоящее время многие издательско-полиграфические комплексы остаются под контролем государства.

3. Разрушение вертикальной структуры организации советских печатных СМИ. Типологическое разделение печатных СМИ на центральные, региональные и районные, а также многотиражные, осталось, но теперь скорее можно говорить о формировании горизонтальной систе-

мы организации постсоветских печатных СМИ.

4. Огромный количественный рост печатных СМИ и существенное расширение их типологического ряда, то есть появление большого количества изданий деловой, коммерческой, рекламной прессы, женских, молодежных, партийных, профессионально-специализированных изданий, вплоть до глянцевого журналов, не только ориентирующихся на богатых людей, но и формирующих определенный стиль жизни.

5. "Регионализация" печатных СМИ, появление большого количества новых региональных и городских изданий, их ориентация на местного читателя и местную проблематику, в значительной степени уход от мировой и общероссийской актуальной общественно-политической информации и проблематики, отказ от участия в политической борьбе на общероссийском (федеральном) уровне. Международная и общероссийская информация в региональных изданиях, с одной стороны, занимает все меньшее место, а с другой, – становится все более мифологизированной и менее достоверной.

6. Резкое сужение объема центральной ежедневной прессы. Немногие еще остающиеся центральные ежедневные (или почти ежедневные) издания ("Комсомольская правда", "Известия", "Труд", "Московский комсомолец") уже не в состоянии формировать полноценный актуальный информационный поток, ежедневную "информационную ленту" на всю страну из-за относительно малых тиражей.

7. Снижение в целом регулярности выхода печатных изданий. Это влечет за собой изменение характера информации, распространяемой печатными СМИ, которая становится все менее хроникальной, злободневной. С другой стороны, появляется все большее количество материалов аналитического характера, на "вечные" значимые темы, "житийных" материалов (биографии, интервью с известными людьми и т.д.). Конечно, невозможной становится и публикация продолжающихся материалов "из номера в номер", как в советской прессе.

8. Фактическая ликвидация вечерней прессы.

9. Существенный количественный крен в сторону бульварной прессы, появление всякого рода "желтых" изданий, ориентированных на сенсационные факты, подробности личной жизни "звезд" эстрады и шоу-бизнеса, мистических, астрологических, эротических и т.п. изданий.

10. Появление и широкое распространение новой модели редакции, состоящей всего из нескольких человек, достаточного для производства разного рода ставших очень популярными дайджестов из перепечаток центральной прессы. Отсюда в массе снижение качества производимой печатной продукции, информации, аналитических и других материалов (обилие непроверенных фактов, грубых фактологических ошибок в текстах на самую разную проблематику и т.д.).

11. Изменение характера информации, распростра-

няемой СМИ. С одной стороны, информация стала гораздо более оперативной и многоплановой, но с другой стороны, существенно снизилось ее качество, она во многом стала ангажированной, корпоративной и мифологизированной, что, естественно, негативно влияет на уровень ее достоверности.

12. Появление "новой волны" в журналистике – большого количества неопитов, непрофессионалов (получивших образование в других областях знаний), которые способствовали в массе общему снижению качества печатных текстов.

13. Формирование устойчивого рынка рекламы, играющей существенную роль в обеспечении нормального экономического функционирования всех печатных изданий

14. Перманентные сложности в работе редакций печатных изданий в соответствии с новой экономической моделью, в новых экономических условиях, которые провоцируют журналистов лоббировать за деньги интересы различных группировок, участвовать в экономических и политических информационных войнах.

15. Снижение влияния СМИ на массовую аудиторию и потеря ими авторитета. Сегодня население склонно скорее не доверять СМИ, так как интуитивно чувствует их превращение в немалой степени в средства массовой манипуляции общественным сознанием. Однако печатные СМИ в связи с глубокими традициями авторитетности качественной центральной прессы, сделавшей себе "имя" и "вес" еще в советские времена, а сегодня представленной изданиями универсального и практически общественно-политического типа ("Московский комсомолец", "Аргументы и факты"), все же пользуются в целом несколько большим доверием читателей.

16. Появление в СМИ большого количества новых жанров (дискуссии, "прямые линии", журналистские расследования, большой вес аналитических материалов), увеличение объема "жареных" публикаций на криминальные темы, увеличивающийся объем религиозной, суеверной и откровенно "мракобесной" информации о чудесах, магах, "потомственных ясновидящих", заклинателях, своеобразная "героизация" преступного мира, и, в то же время, обеднение общей жанровой палитры журналистики по

сравнению с советской (практически отсутствие очерков, фельетонов).

17. Существенное сокращение по сравнению с советской прессой объема обратной связи с читателями, количества публикуемых писем и ответов на них. Ушли с газетных полос обсуждения с читателями различных тем, публикации читательских мнений и мнений авторов публикаций. Понятно, что это связано с бурным развитием коммуникации с аудиторией через электронные СМИ и интернет, тем не менее, некоторые издания, например, еженедельник "Аргументы и факты", делают ставку на общение с читательской аудиторией и весьма в этом преуспевают, допуская обсуждение публикаций на своих сайтах читателями.

18. Существенное преобладание в СМИ развлекательной функции из-за ориентации на рейтинги для более эффективного с коммерческой точки зрения размещения рекламы, деградация ряда их "сущностных" функций – коммуникативной, культурно-образовательной, просветительской и социально-ориентированной. Однако в сфере печатных СМИ на собственно развлекательной функции сосредоточиваются совершенно определенные СМИ, другие же (в том числе "уважаемые" центральные издания общеполитического характера) стараются выполнять как раз социализирующие функции, успешно совмещая их с развлекательностью.

19. В совокупности со своими чрезвычайно развитыми сетевыми версиями печатные СМИ занимают сегодня ведущее место в системе СМИ России.

Таким образом, печатные СМИ современной России стали естественными продолжателями традиций отечественной качественной журналистики, ориентированными на широкую массовую аудиторию, а тенденции развития российского медиапространства подтвердили значимость печатных СМИ как выразителя интересов всего общества и средства сообщения максимально объективной информации. Все сущностные изменения, произошедшие с периодической печатью в постсоветский период создали благоприятные условия для выполнения печатными СМИ ведущей роли в формировании общественного мнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. McNair B. Media in post-Soviet Russia: an overview//European Journal of Communications. vol. 9. 1994. – p. 32–49.
2. Грабельников А.А. Средства массовой информации постсоветской России: пятнадцать лет спустя: Монография. – М.: РУДН, 2008. – 341 с.
3. Овсепян Р. История новейшей отечественной журналистики [Электронный ресурс] // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Ovsep/_07.php (Дата обращения 12.05.2015)
4. Печать Российской Федерации в 1998 году. Статистический сборник. М., 1999. 248 с.

АРГУМЕНТИРОВАННОЕ ЭССЕ КАК ЖАНР В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

ARGUMENTATIVE ESSAY IN EDUCATIONAL AND LANGUAGE CULTURE

I. Bagrov

Annotation

The article deals with argumentative essay as one of the main genres in European educational culture, which Russian students face while learning foreign languages. The difficulties of mastering it are caused by objective reasons. Different cultures make different demands on expressing reasons and arguments. Sufficient reasoning itself forms a special competence disregarding cultural affiliation. Anyway, mastering argumentative essay is crucial both for written communication and for academic writing.

Keywords: argumentative essay, writing, genre, foreign language, English language, French language.

Багров Юрий Дмитриевич
К.филол.н., ст. преподаватель,
Северо–Западный институт печати
Санкт–Петербургского государственного
университета промышленных
технологий и дизайна

Аннотация

Статья посвящена аргументированному эссе как одному из основных письменных жанров европейской образовательной культуры, с которым российские учащиеся сталкиваются при изучении иностранного языка. Трудности в его освоении вызваны объективными причинами. В разных культурах предъявляются разные требования к изложению собственных мыслей и доводов. Грамотная аргументация и сама по себе представляет собой отдельную компетенцию, независимо от культурной принадлежности. Между тем, овладение жанром аргументированного эссе необходимо как для письменной коммуникации в профессиональной сфере, так и для продолжения исследовательской деятельности.

Ключевые слова:

Аргументированное эссе, письмо, жанр, иностранный язык, английский язык, французский язык.

Аргументированное эссе как письменный жанр занимает прочное место в системе обучения студентов иностранному языку как для общих, так и для профессиональных целей. Подтверждением сему может служить уже само его включение в программу единого государственного экзамена по иностранному языку [4, с. 288]. Действительно, эта достаточно универсальная модельная форма полностью соответствует задачам обучения связному выражению собственных мыслей и суждений на изучаемом языке, являясь при этом тематически и функционально свободной, в отличие от жанров письма или, например, рецензии. По цели эссе может показаться схожим с принятым в России жанром сочинения–рассуждения. Тем не менее, различия между этими двумя формами весьма существенны, а кажущаяся их схожесть могут объясняться и трудности, связанные с его освоением российскими учащимися.

Аргументированное эссе (англ. argumentative essay, фр. *essai argumente*) – изначально учебный жанр письменной речи, но, тем не менее, вполне аутентичный, так как применяется в европейской системе образования и составляет основу культуры построения связного текста деловой, профессиональной и исследовательской тематики, понятную любому образованному носителю языка.

Система правил построения аргументированного текста, закреплённая образовательным стандартом и традицией, формирует определённый горизонт ожидания образованного человека, то есть сказывается не только на формировании его продуктивных речевых навыков, но и на рецепции чужого текста, который воспринимается сквозь призму жанровой модели. Таким образом, овладение жанровым канонам является непременным условием успешной коммуникации, так как только оно обеспечивает правильное восприятие письменного сообщения адресатом.

Следовательно, обучение написанию текстов подобного рода служит формированию у учащихся не только языковой, но и межкультурной компетенции. А. Н. Гаврилова также справедливо выделяет аргументативную компетенцию, относя к ней способность сформулировать и обосновать свою мысль, что особенно важно в рамках коммуникативного подхода. Автор подчёркивает, что развитие данной компетенции обеспечивает большую свободу в вербальном общении [2, с. 97]. Следует отметить при этом, что, хотя мы и указали на межкультурные различия как одно из главных обстоятельств, осложняющих работу российских студентов, само по себе выделение причинно–следственных связей, как было показано в

ходе эксперимента в университете Северного Иллинойса [7, с. 216 – 217], представляет собой трудность и для их сверстников, для которых английский язык является родным. Это доказывает справедливость выделения аргументативной компетенции, развитие которой не связано с ментальными различиями и представляет собой отдельную задачу. К большому сожалению, за пределами круга лингводидактических дисциплин этой работе не уделяется достаточного внимания, тогда как развитие критического мышления и способности анализировать и доказывать собственную позицию в идеале требует систематических решений. Текущее же положение вещей повышает значение иностранных языков в подготовке специалиста. Методикам развития критического мышления в ходе языковой подготовки посвящены специальные исследования [1].

Что касается межкультурного аспекта, следует учитывать, что в европейской, в том числе английской и особенно французской традиции повышенное внимание уделяется форме эссе, его структуре, которая должна наглядно отражать логику аргументации и связи элементов текста между собой. В российской же образовательной культуре формальные требования к письменным работам настолько строго не регламентируются и ограничиваются общекомпозиционным правилом "введение – основная часть – заключение". При этом в среднем образовании в центре связанного письма оказывается тематически более ограниченный жанр сочинения, главным образом, по литературе. Более жёсткие требования к форме, как, например, в части ЕГЭ по русскому языку, влекут за собой многочисленные трудности в порождении пусть и вторичного текста (заметим, на родном языке) [3, с. 46 – 53], понеже жёсткая регламентация и формализация оказывается чуждой прежде усвоенной образовательной культуре. В высшем же образовании формально-структурные требования к стандартным работам (курсовым, рефератам) также носят более общий характер. А письменные экзамены в вузах пока расцениваются как небесспорное новшество, и общепринятые, общепонятные требования к письменному ответу как жанру не регламентированы на уровне образовательной системы в целом.

Строгие требования к структуре аргументированного эссе неслучайны. Аргументация должна основываться на логике, а построение текста эту логику и иерархию логических связей отражать, наглядно демонстрируя, как одна идея вытекает из другой. Композиционный принцип "введение – основная часть – заключение" применим и здесь, однако требования к каждому из элементов более детализированы, подробны. Введение должно достаточно кратко и однозначно представлять обсуждаемую проблему и давать плавный переход к основной части. Здесь же может быть намечена её структура, своего рода план,

сформулированный в виде связанного предложения. Такой способ организации введения особенно популярен во французской культуре. Основное содержание аргументированного эссе может делиться на две или на три (не более) части.

Двухчастная структура характерна для "проблемных" эссе, которые раскрывают неоднозначный вопрос с двух разных сторон. Частным случаем является классическая, без особых затруднений усвоенная ещё в школе, модель "достоинства и недостатки", "за и против". В каждой из частей анализируются аргументы в поддержку соответствующей позиции. В заключении даётся вывод, обобщение аргументов, нюансы личной позиции пишущего (в том числе это может быть "примиряющая" точка зрения). Если нюансов много или они требуют пространной аргументации, нюансировка может составлять третий полноценный абзац эссе, а заключение представлять собой обобщение.

Эссе в защиту определённого тезиса также может быть двухчастным и строиться на аргументации в поддержку противоположной позиции в первой части и её критическом анализе, обоснованном опровержении во второй. Заключение закрепляет результаты аргументированного опровержения. При этом не следует намеренно ослаблять доводы в поддержку оспариваемого тезиса в первом абзаце. Одним из важнейших параметров оценки аргументированного эссе является его объективность и беспристрастное отражение противоположных точек зрения, тезисов и обосновывающих их аргументов.

Если же эссе строится не на оспаривании противоположной позиции, а на более пространной и подробной аргументации в защиту своей, такой текст традиционно строится по трёхчастной модели. При выборе такой структуры следует выделить три основных идеи, которые автор хочет подчеркнуть. Например, выделить три главных аргумента или рассмотреть проблему в трёх аспектах. Остальные мысли и аргументы могут служить для отстаивания соответствующих тезисов, вокруг которых они и группируются по абзацам. Эссе, построенное на двух основных доводах, считается слишком слабым и неубедительным. Больше трёх основных мыслей говорят о недостатке логической организации текста, об отсутствии иерархии аргументов. Такая работа выглядит хаотично. Отсюда традиционное требование трёхчастной структуры в подобного рода эссе.

Несмотря на то, что аргументированное эссе – жанр учебный, понимание его структуры означает понимание основных принципов, лежащих в основе построения любого аргументированного текста. Иными словами, это своего рода зонтичный жанр, охватывающий множество других аутентичных жанров, относящихся к различным

сферам человеческой деятельности. На данной основе могут строиться уже самые разные тексты от аналитической записки или даже газетной колонки до научного труда. Указанное обстоятельство также повышает значимость овладения аргументированным эссе, в том числе и при подготовке исследователей как предварительный этап обучения академическому письму на иностранном языке. Не секрет, что этот вопрос становится всё более и более актуальным.

Помимо структуры, особое внимание следует уделять лексическим средствам выражения логических и синтаксических связей, которые также служат высвечиванию аргументов и их иерархии в тексте. Сюда относятся союзы, вводные слова и конструкции, обороты, указывающие на отношения между отдельными элементами текста. Умелое использование широкого диапазона логических связей (англ. linkers; фр. connecteurs logiques) оказывает существенное влияние на восприятие доказательных текстов в иноязычной деловой культуре, а в системе образования прямо влияет и на их оценку. Требование широкого лексического запаса распространяется и на обычную лексику, и особенно на ключевые понятия по теме эссе, но особенно бросаются в глаза неоправданные повторы логических связей. Тем не менее, репертуар подобных средств у учащихся, как правило, невелик, поэтому знакомство с их разнообразием должно предварять изучение жанра аргументированного эссе, а более углублённое их изучение и в дальнейшем сопутствовать его освоению. Наибольшие трудности вызывают нюансы употребления тех или иных средств, выражающих сходные отношения. Поэтому удобно разбить логические средства на функциональные группы по значению и представить их, например, в виде глоссария с пояснениями. Знакомиться же с нюансами их применения следует уже на примерах связных текстов.

При обучении иностранному языку студентов нефилологических специальностей для подробного рассмотрения жанра аргументированного эссе перед самостоятельным его написанием, многочисленных примеров, разнообразных форм, типологии структур и планов едва ли возможно выделить достаточно времени, поэтому особую роль при освоении жанра играют подготовительные упражнения. Наиболее эффективно строить их каждый раз на работе с готовым текстом аргументативного плана, так как это сразу и упражнение, и ещё один пример для ознакомления. Зарубежные учебники это учитывают, однако предлагают обычно довольно примитивные задания на усвоение структуры. Самая распространённая их форма – расставить перемешанные абзацы в правильной последовательности. Подобные упражнения довольно пассивны и при этом слишком просты. Они не требуют от учащихся подлинного внимания к композиции эссе, осознания цели каждого из её элементов и внутренней

телеологии жанра в целом. Иными словами, такие задания не соответствуют описанным выше положениям и не развивают необходимых компетенций. Скорее, они подходят для освоения стандартных письменных форм широко известным методом заполнения жанрового шаблона, который применяется к резюме, формальным письмам, но не удовлетворяет целям обучения написанию эссе ввиду индивидуальности его содержания.

Уже начальный этап – знакомство с модельными текстами – должен включать в себя активный элемент, достижимый через самостоятельное преобразование примера, то есть редактирование, а не простое ознакомительное чтение. От простых заданий вроде разбиения на абзацы, нахождения логических связей и подбора синонимов довольно быстро можно перейти к более активным, требующим критического восприятия (ещё одно ключевое понятие для работы с аргументативными жанрами [5, с. 99]) предложенного текста.

Среди хороших вариантов можно выделить следующие:

- ◆ насытить готовое эссе логическими связками;
- ◆ отредактировать заданный текст, чтобы он звучал более объективно, нейтрально (при этом, в зависимости от уровня студентов, можно предлагать как простые случаи очевидно ангажированных текстов, так и более сложные задания с менее явными недостатками в непредвзятости изложения);
- ◆ составить эссе на основе заданного "скелета" из тезисов.

Очевидно, что подготовительные упражнения не заменяют самостоятельного написания эссе, а предваряют его.

Отдельной методической задачей является подбор тем эссе для самостоятельного написания. Создание самостоятельного связного текста может быть отнесено к одному из видов проектной работы, если понимать её в широком смысле [6, с. 11]. Этот вид учебной деятельности требует от учащегося широкого привлечения знаний из экстралингвистических сфер, использования неязыковых компетенций, что повышает аутентичность задания, но, с другой стороны, нередко приводит к непропорционально трудоёмкой подготовительной работе, не связанной с языком (изучение малоизвестной проблематики, подбор материала и т.д.), что представляется неэффективным в узком контексте рассматриваемой нами проблемы. Объём неязыковой подготовки не должен превышать время на собственно языковую деятельность.

Из этого следует, что темы, предлагаемые для эссе, должны принадлежать к сферам, достаточно знакомым

студентам на их предполагаемом общем культурном уровне и при этом достаточно очевидно проблематизироваться. То есть в рамках основного курса иностранного языка для общих целей предложенные темы можно рекомендовать выводить из общих или актуальных вопросов общественной жизни, культуры, морали, права, экономики, по которым студент в принципе способен высказывать суждения и обсуждать существующие точки зрения. Даже если работа выполняется учащимся дома самостоятельно, ключевой критерий для выбора темы может быть сформулирован так: смог бы студент справиться с этим заданием в аудитории без дополнительных материалов и будучи ограничен во времени?

В курсе делового иностранного языка и иностранного языка в профессиональной сфере темы эссе следует привязывать к направлению подготовки. В магистратуре оптимальными являются темы с исследовательским уклоном в соответствующей области знаний, что требует необходимых компетенций уже и от преподавателя.

Нетривиальна и задача оценивания такой работы, так как существенны не только лингвистические (грамматика, орфография, стиль) критерии, но также формально-структурные, о чём сказано выше, и содержательные. Причём имеет значение не столько количественная мера

оценки (баллы), сколько комментарии и замечания оценивающего.

Важно не столько подчеркнуть, выделить в тексте ошибки, логические неувязки, стилистические недостатки и изъяны в содержании, сколько достаточно внятно и подробно пояснить, почему именно тот или иной момент оценивается отрицательно. Аргументированное эссе – содержательный жанр, поэтому следует уделять внимание тому, чтобы каждое замечание не только отмечало, но и поясняло ошибку или неточность [8, с. 66 – 87], в идеале же настраивало студента на критический анализ собственной работы.

Таким образом, жанр аргументированного эссе представляет собой не просто письменное задание на самостоятельное текстопорождение. Это феномен определённой образовательной культуры. Работа над эссе помогает развить не только языковую компетенцию, но также и межкультурную, аргументативную, то есть имеет связь и с профессиональными компетенциями специалиста. Тем самым значение аргументированного эссе выходит далеко за рамки изучения иностранных языков, так как этот тип текста имеет в своей перспективе самые разные аутентичные письменные жанры от критической заметки до исследовательской статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айкина Т. Ю. Развитие критического мышления студентов технических специальностей в рамках дисциплины "английский язык" // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (145). С. 149–151.
2. Гаврилова А. Н. Практическое приложение теории аргументации в лингводидактике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 3. С. 94–100.
3. Заика В. И. Ответ на задание с развернутым ответом как вторичный текст (на материале ЕГЭ по русскому языку) // Актуальные проблемы современного словообразования. Кемерово: КемГУ, 2011. С. 46?– 53.
4. Пахотина С. В., Цаликова И. К. Практические рекомендации по обучению написания аргументированного эссе на английском языке (из опыта работы) // Наука и Мир. 2013. № 1 (1). С. 288–292.
5. Храброва В. Е. Развитие критического мышления при обучении английскому языку через чтение газет // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4–1 (60). С. 99–103.
6. Alan B., Stoller F. Maximizing the Benefits of Project Work in Foreign Language Classrooms // English Teaching Forum. Vol. 43 №4. P. 10 – 21.
7. Larson M., Britt M. A., Larson A. Disfluencies in comprehending argumentative texts // Reading Psychology. 2004. Vol. 25. №3. P. 205 – 224.
8. Lephala M., Pienaar C. An evaluation of markers' commentary on ESL students' argumentative essays in an ODL context // Language Matters: Studies in the Languages of Africa. 2008. Vol. 39. №1. P. 66 – 87.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ ВАН ЧУНА (I В.Н.Э) В ТРАКТАТЕ "ВЕСЫ СУЖДЕНИЙ" (КРАСОТА, ИСТИНА, ПРИРОДА И ЕСТЕСТВЕННОСТЬ)

* Работа выполнена в рамках Гранта Президента Российской Федерации (МК-6015.2015.6).

SOME PROBLEMS OF LITERARY THEORY WANG CHUNG (I CENTURY OF OUR ERA) IN HIS TREATISE "THE BALANCE OF JUDGMENT" (BEAUTY, TRUTH, NATURE AND NATURALNESS)

K. Baraboshkin

Annotation

The paper centers on some problems of Wang Chong's (I A.D.) literary thought, which can be found "Discourses Weighed" (Lunheng). The analysis is based on the translation of chapters from Wang Chong's work, which was made by the author.

Keywords: Chinese literature, Chinese poetics, Discourses Weighed, Lunheng, The Balanced Inquiries, Wang Chong.

Барaboшкин Константин Евгеньевич
Научн. сотрудник, каф. китайской
филологии, Институт стран Азии и Африки,
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые особенности литературной мысли Ван Чуна (I в.н.э.), изложенные им трактате "Весы суждений" (Луньхэн). Исследование основано на анализе глав трактата, переведённых автором.

Ключевые слова:

Ван Чун, Весы суждений, Китайская литература, Китайская поэтика, Луньхэн, Взвешивание суждений.

Китайская теория литературы как самостоятельная сфера знания оформляется к 3 в. н.э. Чаще всего первой китайской поэтикой называют главу Цао Пи (187–226 гг.) "Рассуждение о литературе" (Луньвэнь) из трактата "Рассуждения о классическом" (Дяньлунь), однако и до появления этого трактата, литературная мысль Китая прошла уже немалый путь развития. В связи с этим большой интерес представляет трактат "Весы суждений" (Луньхэн), написанный Ван Чуном (ок. 27–100 гг.). Трактат явился новаторским для своего времени, так как в нем Ван Чун переосмысливал предшествующую ему традицию. Являясь по большей части конфуцианцем в своих убеждениях, он не чуждался критики канонов и их авторов. Он считал, что те, кто писал каноны, прежде всего люди, а всем людям свойственно ошибаться. Стоит отметить, что хоть этот трактат и не посвящён целиком литературной проблематике, Ван Чун затрагивает в нём немало проблем, так или иначе связанных с нею – в его труде рассматриваются проблемы творчества, положение литераторов в обществе, назначение литературы, правдивость произведений, вопрос о соотношении древности и современности и многое другое.

Некоторые главы мыслитель целиком посвящает какой-либо одной проблеме, так, к примеру, его сильно волновала проблема "преувеличения" (цзэн) или, иначе говоря, гиперболы, в литературе, ей он посвятил одну главу. А обсуждение проблемы преувеличения подводит к

вопросу о критерии истинности, который автор считал в особенности важным для литературы, поэтому различию истины от "ложного" (сюй) мыслитель посвящает целых девять глав. Некоторые главы касаются литературы лишь отчасти, тогда как в других главах, не посвящённых литературным вопросам в принципе, литературная мысль все равно просматривается.

Так происходит, в первую очередь потому, что одним из основных факторов, побудивших Ван Чуна взяться за составление труда был своего рода хаос, царивший в канонической и комментаторской литературе. В "Весах суждений" мыслитель не раз упоминает о том, что в его время появилось множество гадательных книг и псевдоканонической литературы, которые повествовали о фактах, не имевших ничего общего с действительностью, и написанному в них доверяли. Такого рода литература набирала популярность, так как рассказывала о вещах удивительных и необыкновенных и будоражила сознание читателей. Ван Чун во многом посвящает свой труд борьбе с ложью, которую подобные сочинения порождали. Получается, что критерий истинности, который выдвигается автором, напрямую связан с литературой. Мыслитель даёт следующую характеристику своему труду: "Три сотни Песен (Шицзин) заключены в одной строке, гласящей: "Его мысль не уклоняется" [1, с. 20]. Десятки глав "Весов суждений" также заключены в одной фразе: "Ложь ненавистна" [2, с. 520].

Анализ литературных воззрений Ван Чуна проводился на основе переведённых автором данной статьи нескольких "литературных глав", то есть тех глав, в которых основной выступает литературная тематика: "В защиту творчества" (Дуйцзо), "О превосходстве и необычности" (Чаоци), "О преувеличении в [канонической] литературе" (Ицзэн), "Суждения о [различных] книгах" (Аньшу), "О необходимости восхвалений" (Сюйсун), "Об утраченных текстах" (Ивэнь), "Разъяснение [значимости] текстов [чжуцзы]" (Шуцзе); "Ложное в текстах [толкований канон]" (Сюйшу). Также были переведены и проанализированы главы, которые касаются литературы опосредованно, но идеи, высказанные в них напрямую влияют на литературную мысль Ван Чуна: "Об изначальной природе" (Бэнсин), "О направлении природы" (Шуайсин) и "О естественности" (Цзыжань). Конечно же, это далеко не все главы трактата, в которых затрагивается литературная тематика – сам трактат в дошедшем до нас виде состоит из 85 глав, поэтому характеристику литературных воззрений мыслителя сложно назвать окончательной, работа над анализом последующих глав трактата будет продолжена в дальнейшем.

Классификация литераторов и литературных произведений, вопрос о форме и содержании, а также превосходство литературы современности над литературой древности уже были описаны в другой статье [3, с. 87–90]. В данной публикации будут рассмотрены такие вопросы, как проблема соотношения красоты (мэй) и истины (чжэнь) в литературе и отражение принципов син (природа) и цзыжань (естественность) в литературной концепции Ван Чуна.

Первым, кто в истории китайской литературы поднимает вопрос о красоте и истине был Лаоцзы. Его высказывание в трактате "Дао Дэ цзин" "Нет красоты в правдивом слове, нет правды в сказанном красиво" [4, с. 170] обозначило эту проблему для последующих поколений. Однако, сам Лаоцзы или, к примеру, Чжуанцзы и его последователи, не уделяли практически никакого внимания теоретическому обоснованию единства красоты и истины. Последователи же Конфуция были абсолютно уверены в необходимости единства красоты и добра, однако они не считали, что этот вопрос нуждается в каком-либо дополнительном подтверждении и обсуждении. Ван Чун одним из первых после Лаоцзы не только обозначил проблему красоты и истины, но и дал её весьма убедительное теоретическое обоснование.

Прежде чем говорить о понимании Ван Чуном соотношения красоты и истины в литературе, стоит оговориться, что взнь (изящная словесность), о которой говорит мыслитель – литература в очень широком смысле. В категорию взнь включается не только художественная литература, но также каноны, историографические сочинения, комментарии, которые уже в следующую эпоху исключались из этого понятия.

Среди всех видов искусства самым полезным Ван Чун считал литературу. К таким же видам, как, к примеру, живопись, относился с пренебрежением [2, с. 341]. Изображать и описывать, по Ван Чуну, необходимо было только

то, что существует в нашем мире. Поэтому картины с "образами небожителей" он называет лживыми, аргументируя это тем, что в нашем мире не существует людей, чьи "плечи превращаются в крылья, кто может летать в облаках ..., и тех, кто живёт тысячами"[2, с. 37]. Получается, что в искусстве (и, прежде всего, в литературе) мыслитель ценит практическую пользу – искусство должно играть роль в управлении государством, оно должно описывать поступки предков, воспитывая последующие поколения. Мысль должна излагаться чётко и ясно, а главное – правдиво. Как уже писалось выше, в эпоху Хань появилось множество гадательных книг и псевдоканонической литературы, которая повествовала о фактах, не имевших ничего общего с действительностью. Однако такого рода литература была популярна, так как рассказывала о вещах удивительных и необыкновенных. И, конечно, в такой обстановке спор о красоте и истине обострился, а критерий истинности, который выдвигается автором, напрямую был связан с литературой. И понятие "истина" (чжэнь) настолько тесно переплетается у мыслителя с понятием "красота" (мэй), что на страницах его труда рождается новая категория: истинно прекрасное (чжэньмэй). Из проанализированных глав трактата, становится понятно, что истинно прекрасными являются те речи, которые направлены на борьбу с ложью. Это главный мотив "Весов суждений" и всей эстетики Ван Чуна. Но как достичь подобной истинности в произведениях? Главное, чего стоит избегать, по Ван Чуну, в искусстве – приукрашивания действительности. Ведь искусство, по мыслителю, обладает воспитательной функцией, а приукрашенная действительность отражается на качестве воспитания последующих поколений, что ведёт к нестабильности в обществе. Получается, что по Ван Чуну истина – это полное соответствие действительности в описании событий.

Исследователи ставят Ван Чуну в упрёк такое требование истинности и критикуют мыслителя за непонимание художественной специфики литературы, а также за замену художественной правды узкой фактографичностью. [5, с. 25; 6, с. 122–123]. Однако выше уже отмечалось, что литература понимается автором в широком смысле. И художественная правда, включающая вымысел, которую не учитывает, по мнению некоторых исследователей, Ван Чун, ещё не вполне осознаётся. Более того, из рассуждений мыслителя в главе "О преувеличении в литературе" следует тот факт, что Ван Чун не отрицает красоту слова, и не противится применению таких литературных приёмов, как гипербола или метафора. Однако он требует, чтобы такого рода "украшения речи" служили утилитарной функции литературы – помогали литераторам донести до людей истину. Мыслитель выступает лишь против "пустых украшательств" – произведений, которые написаны для красоты слога и не несут никакой смысловой нагрузки. Таким образом, можно сказать, что Ван Чун не столько отрицает художественную специфику литературы, сколько отодвигает её на второй план. На первом же плане стоит литература, которая играет роль в изменении общественных нравов: "Того, что несёт поль-

зу обществу – и сотня глав не повредит, а что не несёт пользы – и одно произведение будет бестолку". [2, с. 737].

Стоит также обратиться к ещё одному его высказыванию о том, что литераторы "записывают поступки людей, передают [последующим поколениям] их имена. Добродетельные люди желают [быть внесёнными в эти] записи, поэтому помыслы и деяния их добры; люди злые питают отвращение к [подобным] записям, и всеми силами стараются их запретить или сократить. Поэтому кисть литератора поощряет добро и искореняет зло". [2, с. 519].

Таким образом, идеал истинно прекрасного в искусстве у Ван Чуна – это произведение, которое написано простым языком, не искажает фактов действительности и играет большую роль в воспитании последующих поколений. Такой взгляд накладывает свой отпечаток на литературу, ставя функциональные жанры во главу угла. Но уже в этих рамках намечается тенденция и к пониманию эстетической функции словесного произведения.

Конечно же, написание произведения, как истинно прекрасного, так и содержащего речи, не соотносящиеся с действительностью, зависит, в первую очередь от литератора. А потому не менее важным представляется вопрос о таланте. Как уже было сказано, классификация литераторов по степени убывания таланта подробно разбиралась в другой статье [3, с 87–90]. Здесь же коснёмся вопроса о том, из каких рассуждений сложилась данная классификация, и что повлияло на суждения Ван Чуна о таланте и возможности его изменения в течение жизни литератора.

Несомненно, основополагающими для классификации литераторов по таланту являются рассуждения Ван Чуна о цзыжань (естественности) и син(природе человека).

Ещё у Лаоцзы В "Дао Дэ цзине" сказано: "Примером для людей является Земля, для Земли примером служит Небо, для Небес примером выступает Дао, Дао свой пример находит в самости(естественности)". [4, с. 155]. Несмотря на тот факт, что Ван Чун, является конфуцианцем, его отношение к термину цзыжань гораздо ближе к даосской школе – по мнению мыслителя, всё, что происходит в мире – естественно, все явления природы – результат небесного недеяния (увэй), идея о воле Неба, характерная для конфуцианской школы мыслителем воспринимается негативно: "Находящее выход ци не стремится создавать вещи, но вещи создаются сами собой, это и есть недеяние" [2, с.457]. Человек также рождается естественно, и обладает своей природой – Ван Чун сходится во мнении с единственным высказыванием самого Конфуция о син

(природе человека) в "Беседах и суждениях" (Луньюе): "Природа каждого с другим сближает, привычка друг друга отдаляет" [1, с. 114]. Сам же мыслитель утверждает, что, "корень человеческой природы [лежит] в естественности". По Ван Чуну, человеческой природе присуще добро и зло, они исходят из чувств, которые рождаются от инь и ян. Природа же человека зависит от соотношения добра и зла в его изначальномци. Существует два типа людей: те, в которых проявляется высший предел добра или зла – их природу изменить нельзя, тут Ван Чун ссылается на Конфуция: "Нельзя изменить только наивысшую мудрость и наибольшую глупость" [1, с. 114]. В большинстве случаев соотношение добра и зла таково, что составляет уровень так называемого чжунжэня (среднего человека), деяния которого зависят от его привычки. Саму изначальную природу изменить невозможно, зато можно повлиять на привычку. Такое влияние осуществляется благодаря воздействию на человека путём обучения и наставления.

Именно эти рассуждения имеют непосредственное влияние на размышления мыслителя о таланте: "Человеческая природа бывает и доброй и злой, как способности людей бывают высокими и низкими" [2, с.43]. А это находит отражение в его литературной концепции. Как уже говорилось выше, Ван Чун вводит классификацию литераторов – иерархию по убыванию в их природе изначального таланта. Согласно его собственной классификации, это: великие учёные (хунжу), литераторы (вэньжэнь), эрудиты (тунжэнь), учёные (жушэнь) и заурядные люди (сужэнь). И изначальную природу таланта изменить невозможно, точно также как нельзя изменить изначальную природу человека – не случайно мыслитель приводит аналогию с породой лошади: "Существуют такие лошади, которые способны пройти тысячи ли, но [они] всё равно не могут быть названы превосходными скакунами, так как у них другая масть" [2, с.516]. Человек, находясь, к примеру, в классе вэньжэнь, может своими талантами превосходить великих учёных, однако относиться к классу великих учёных он всё равно не будет. То есть, талант, который дан природой, может либо развиваться литератором, либо оставаться на уровне природного.

Подобным образом рассуждения о природе человека и естественности, которая лежит в её основе, влияют и на классификацию произведений, на теорию творчества, взгляды мыслителя на проблему древности и современности, и многое другое в литературной концепции Ван Чуна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов И.И. Изречения (Луньюй); Приложения. –Москва: Terra–Книжный клуб, 2009. –432 с. ISBN: 978–5–275–02057–1
2. Чжан Сыли. Полное собрание книг для чтения по древнекитайской культуре. Вып. 1. Т.19 –Чанчунь: ШидайВэнь'И, 2008 –741 с. ISBN: 978–7–5387–2362–5
3. Барабошкин К.Е. Литературная мысль Ван Чуна. Глава "О превосходстве и необычности" из трактата "Весы суждений"//Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение – 2014 – №3 – с. 87–90
4. Семенов И.И. Лаоцзы. Обрести себя в Дао –Москва: Республика, 1999. – 445 с. ISBN 5–250–02678–8
5. Лисевич И.С. Литературная мысль Китая –Москва: Наука, 1979–266 с.
6. Чжан Шаокан История литературной теории и критики Китая –Пекин: Издательство пекинского университета, 2005–359 с. ISBN 978–7–301–19026–5

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРАДИЦИОННЫЙ ТАЙСКИЙ ТЕАТР В НАЧАЛЕ XX В.

EUROPEAN INFLUENCE ON THAI TRADITIONAL THEATRE IN THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

K. Volkova

Annotation

The article deals with the transformation of Thai traditional theater lakhon. The reign of King Chulalongkorn is the important turning point in the modernization of Thai dance-drama. In the beginning of the 20th century the evolution of Thai theatre was influenced by European theatre. The features of new drama and its main differences from the traditional theater are analyzed in this article. It is shown that the development and reformation of traditional theater facilitated the transition of Thai theatrical art to a new era and the foundation of the modern Thai theatre.

Keywords: Thailand, Chulalongkorn, Thai theatre, drama, lakhon.

Волкова Ксения Борисовна

*Институт стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова,
каф. филологии стран
ЮВА, Кореи и Монголии*

Аннотация

Статья посвящена проблеме трансформации традиционного тайского театра лакхон в начале XX в. Период правления короля Чулалонгкорна стал важным поворотным моментом в развитии и модернизации тайской танцевальной драмы, эволюция которой проходила под влиянием европейского театрального искусства. Автором проанализированы особенности новых жанров драматургии и их главные отличия от канонических тайских форм. Показано, что реформы и развитие традиционного театра способствовали созданию драмы современного типа и переходу тайского театрального искусства в новую эру.

Ключевые слова:

Таиланд, Чулалонгкорн, тайский театр, драматургия, лакхон.

Сиам встал на путь современного развития во второй половине XIX в. Этот период отмечен возросшей опасностью вторжения западных стран, которые к этому времени уже оккупировали соседние государства. Осознавая угрозу колониальной экспансии Запада, король Чулалонгкорн (широко известный как Король Рама V) приступил к ускоренному реформированию страны. Модернизация коснулась всех областей жизни тайского общества и сочетала в себе синтез сиамских традиций и современных западных тенденций. Пятое правление отражало попытку просвещенного монарха сочетать лучшее из двух миров: старого и нового, тайского и западного. Чулалонгкорн считал невозможным полный отказ от традиций, так как перед лицом возрастающей опасности колониального вторжения стремился противопоставить "свое" традиционное "чужому" западному.

Просветительство в Таиланде было "просветительством сверху" с узкой социальной основой. Европейское влияние, в первую очередь, коснулось членов королевской семьи и аристократии, а затем уже распространилось за пределами дворца. Знакомство с западным искусством постепенно меняло характер мировоззрения и эстетические понятия тайцев. Во многом этому способствовала реформа образования, позволившая тайским

студентам получать образование на Западе, где они знакомились с европейской культурой. Их начинали привлекать новые для Сиамы формы театрального искусства, а драматургия становилась модным явлением в кругах просвещенных тайцев, поддерживающих вестернизацию сиамского общества.

Театр стал важным аспектом культурного реформирования, которое с политической точки зрения содействовало созданию имиджа Сиамы, как стабильной и современной нации, а также должно было продемонстрировать Западу богатство тайской культуры и величие королевского двора. Но король считал невозможным полный отказ от традиционных театральных форм. Таким образом, знакомство с искусством Запада еще не приводит к созданию театра современного типа; над ним тяготеет насаждаемое сверху преклонение перед традициями. Новые театральные формы все еще сочетают особенности сиамского классического театра, соединенные с западными тенденциями. Эволюция канонических зрелищных форм в этот период подготовила основу для зарождения и становления современных видов театра в Сиаме, а также способствовала переходу тайского театрального искусства в новую эру.

К началу правления Чулалонгкорна в Сиаме самым

распространенным видом театра была тайская танцевальная драма (лакхон рам), которую многие исследователи называют "сиамским балетом". Традиционно лакхон рам делили на придворный королевский театр (лакхон най) и внешний популярный театр (лакхон ноок). В период правления короля Рамы V сиамская театральная традиция начала меняться, появлялись новые формы, изменившие канон тайской драматургии. К их числу относятся: лакхон дыкдамбан, основанный на фольклорных сюжетах тхай, и сочетающий традиции сиамской танцевальной драмы с элементами европейской оперы и балета; лакхон пхан тханг, во многом напоминающий лакхон дыкдамбан, но берущий за основу заимствованные фольклорные сюжеты; и лакхон ронг, полностью ориентированный на европейскую оперу.

Причиной эволюции традиционных зрелищных форм стала отмена королевского указа о запрете частным лицам организовывать представления дворцового театра лакхон най, что ранее являлось исключительной прерогативой монарха и членов королевской семьи. В этот период начинали появляться частные труппы, и к началу XX века по стране уже действовало не менее двадцати известных театров, находящихся под патронажем аристократии. Это также дало толчок к слиянию внутреннего королевского и внешнего популярного театров, а также появлению переходных театров, сформировавшихся под влиянием европейской традиции.

Первым видом, возникшим под влиянием западного искусства, стал лакхон дыкдамбан. Тайское слово дыкдамбан означает "древность" или "предыстория". Создателями этого театра стали брат короля Принц Нарис и министр просвещения Тяо Пхрая Тхевет. Познакомившись в конце XIX в. с европейской оперой, они внедряли западные традиции в тайскую танцевальную драму, где актеры не только танцевали, но и параллельно исполняли свои вокальные партии, используя фольклорные сюжеты тайских народов.

Особенностями театра лакхон дыкдамбан, отличающего его от традиционной танцевальной драмы являлось, отсутствие декламаторов за сценой, комментирующих действия героев. Традиционно актеры не произносили текста, а использовали танцевальные движения и мимику для передачи эмоций, слова же декламировались рассказчиком за сценой. Принц Нарис считал такие действия актеров комичными и нереалистичными, отмечая, что, если актер физически присутствует на сцене, нет никакого смысла описывать их действия вербально. Вторая особенность в том, что в связи с отсутствием хора, танцоры сами исполняли свои вокальные партии. В-третьих, диалоги героев, традиционно написанные в стихотворной форме, в лакхон дыкдамбан были представлены в прозе. Герои использовали простой разговорный язык, даже ес-

ли они исполняли роли аристократов, что для консерваторов того времени казалось вульгарным и оскорбительным. Хотя сюжеты черпались из традиционных текстов, теперь они были разделены на сцены и действия, что сократило продолжительность представления. Еще одним новаторством стали художественные трехмерные декорации и звуко-световые спецэффекты в театре дыкдамбан. В прошлом выступления лакхон проходили под открытым небом без декораций во временных сооружениях, возводимых по особым случаям на несколько дней.

Следующей формой переходного театра стал лакхон пхан тханг, что буквально означает "тысяча путей" или "тысяча источников". Основное отличие лакхон пхан тханг от лакхон дыкдамбан в том, что первый брал за основу заимствованные фольклорные сюжеты, тем самым привнося литературное обновление в тайскую драму. Создателем этого вида театра был Тяо Пхрая Махин, выходец из аристократической семьи и владелец первого в Сиаме коммерческого театра. Сюжеты заимствовались из литературных источников Бирмы, Лаоса, Китая, Индии, Камбоджи. Благодаря новым сюжетам, появилась возможность экспериментировать с костюмами, декорациями и танцевальными движениями. Костюмы соответствовали сиамской придворной моде того периода, но сохраняли некоторые этнические особенности народов, у которых были заимствованы сюжеты. В танцах замечается меньше движений "рам на пхат" (традиционные движения лакхон), становится больше "рам чай бот" (движения, связанные с текстом). Интересно отметить отсутствие в новом театре традиционного подробного описания любовных сцен. С возросшим влиянием западной викторианской морали, король предложил исключить подобные сцены, боясь критики со стороны иностранцев, часто посещающих представления.

Европейская публика также смогла познакомиться с новым видом тайского искусства в 1900 году, когда Таиланд участвовал во Всемирной Выставке в Париже. Зрители были впечатлены мастерством тайских актеров и экзотичной музыкой. Тайский театр, представленный в октябре того же года в Санкт-Петербурге, вдохновил русского хореографа Михаила Фокина на создание сольного выступления "Сиамский танец", который был исполнен Вацлавом Нижинским в Мариинском театре.

Третьим переходным видом тайской драмы стал лакхон ронг, или лакхон придалай. Создателем этого вида театра считается Принц Наратхтип. Среди исследователей ведутся споры о происхождении данного жанра: одни утверждают, что на него повлияла малайская опера Лакхон Бангсаван Малаю, другие же отмечают влияние европейского искусства на новый вид театра.

Лакхон ронг был полностью ориентирован на евро-

пейскую оперу. Главным его отличием от предыдущих форм было отсутствие танцев в представлениях, что традиционно было чертой сиамского театра. Диалоги в лакхон ронг были представлены прозе, поэтической прозе или поэзии. Актеры пели свои партии, а повествование сюжета и припевы исполнялись хором. Основными сюжетами лакхон ронг становятся повседневная жизнь тайского общества, а также социальные и политические проблемы государства.

Сначала новый театр не был популярен среди тайцев, привыкших к традиционной танцевальной драме лакхон рам. С течением времени лакхон ронг стал получать положительные отзывы в среде придворной аристократии, а затем распространился и за пределы дворца, вытесняя другие виды театра. Настоящий успех к нему пришел, когда Наратхип поставил спектакль – оперу Сао Кхрыя Фа, адаптацию "Мадам Баттерфляй". Действия здесь происходят в Чиангмае, в живописной провинции на севере Таиланда, вместо Японии, рассказывая историю молодого офицера из Бангкока, который разбивает сердце про-

винциальной девушке.

Лакхон ронг в отличие от лакхон пхан тханг и дыкдамбабан сохранял популярность и был ведущим в течение долгого времени, вплоть до политических событий 1932 года, когда в стране произошел государственный переворот и сменился государственный строй. В архиве Национальной библиотеки Бангкока сейчас насчитывается около семисот пьес, написанных в этот период для театра лакхон ронг.

Краткий обзор материала дает возможность делать некоторые обобщенные выводы. В начале XX в. в Сиаме появляются переходные виды театра. Эволюция проходила под влиянием европейских традиций, но не теряла связь с сиамским искусством. Хотя новые виды лакхонов просуществовали совсем недолго, они смогли познакомить тайского консервативного зрителя с европейскими театральными веяниями, а также заложить основы для формирования европейской "разговорной" драмы и становления современного вида театра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева Е.Н. Буддизм тхеравады и развитие тайской литературы XIII – XVII веков. М., 2003
2. Brandon J.K. The Cambridge Guide to Asian theatre, Cambridge, 1997
3. Mattani Moj dara Rutnin. Dance, drama and theatre in Thailand. The process of development and modernization. Chaing Mai, 1996
4. Jedamski Doris. Chewing over the West. Occidental narratives in Non-Western readings, New York, 2009

© К.Б. Волкова, (egorovaksenya@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В УСЛОВИЯХ ЖАНРА РЕПОРТАЖ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ МАКСИМАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РЕЦИПИЕНТА

EFFECTIVE USE OF FUNCTIONAL-STYLISTIC DEVICES OF THE GENRE IN A REPORT IN ORDER TO ACHIEVE MAXIMUM IMPACT ON THE RECIPIENT

V. Ivanova

Annotation

The given article focuses on functional and stylistic devices of the report genre as a means of influencing the audience. The main objective of the article lies in to studying the effectiveness of functional stylistic devices under the genre of reportage. The study of various stylistic devices (including phonetic, lexical and syntactic), the frequency of their use and their impact on the target audience is based on the examples of the Russian-speaking and English-language reports. Also the article points out basic stages of development and formation of the report genre, its classification, composition (the location of headings, subheadings and major parts of the report) and lexical features, such as the terms relating to television and radio broadcasting. In conclusion the author points out that the impact that various reports produce on the audience is largely determined by the purpose and intention of the person who writes the text of a report.

Keywords: report genre, press, stylistics, stylistic devices, headings, journalistic style.

Иванова Виктория Викторовна
Студент, каф. теории и практики
иностранных яз. Института иностранных
языков, Российский Университет
Дружбы Народов

Аннотация

Данная статья посвящена функционально-стилистическим приемам жанра репортаж как средства воздействия на аудиторию. Главной задачей статьи является изучение эффективности функционально-стилистических приемов в рамках репортажного жанра. Различные стилистические приемы (включая фонетические, лексические и синтаксические), частота их использования и их влияние на целевую аудиторию рассмотрены на примерах русскоязычных и англоязычных репортажей. Так же в статье приводятся основные этапы развития и становление жанра репортаж, его классификация, композиционные (расположение заголовков, подзаголовков и основных частей репортажной статьи) и лексические особенности, такие как термины, относящиеся к теле- и радиовещанию. В заключении автор указывает на то, что воздействие, которое репортаж того или иного рода производит на аудиторию, во многом определяется целью и намерением того, кто писал текст репортажа.

Ключевые слова:

Репортаж, пресса, стилистика, стилистические приемы, заголовки, публицистический стиль.

В современном обществе информации отводится довольно значимое место. Таким образом, средства массовой информации (в том числе и репортаж, как один из полноправных жанров журналистики) обладают способностью существенно влиять на аудиторию и массовое сознание. Масштабы манипуляции массовым сознанием значительно увеличились с усовершенствованием технических возможностей СМИ. Однако, со времен возникновения первых СМИ, лексическое и стилистическое наполнение текста оказывало наибольшее влияние на аудиторию. Потенциальная аудитория, у которой не всегда есть возможность и выбор отказаться от ознакомления с той или иной информацией, в особенности подвержена влиянию, которое осуществляется с помощью функционально-стилистических особенностей различных жанров СМИ. Выбор тех или иных стилистических приемов в репортаже зависит от многих факторов,

таких как: сфера информации, тип целевой аудитории и эффект, которого автор репортажа желает достичь посредством данных стилистических приемов.

Таким образом, выбор данной темы обусловлен тем фактором, что огромное количество функциональных и стилистических приемов широко используется в жанре репортаж с целью формирования у читателя или слушателя определенного мнения по поводу того или иного события.

Актуальность темы заключается в том, что различные стилистические приемы, которые используются в репортажах, играют важную роль в оказании влияния на целевую аудиторию. Также стилистические приемы помогают осуществить одну из целей репортажа – привлечь внимание слушателя и повлиять на его мнение.

Объектом исследования являлось рассмотрение различных типов стилистических приемов на примерах русскоязычных и англоязычных репортажей.

Предмет исследования содержит репортажи, взятые из русскоязычных и англоязычных газет.

Цель работы заключалась в выявлении основных функциональных и стилистических особенностей репортажного жанра и анализе эффекта, который они производят на зрителей.

Задачей данного исследования являлось изучение различных структур написания и выявление частоты использования различных видов лексических и синтаксических стилистических приемов в репортажном жанре.

Современные СМИ характеризуются многообразием жанров, в рамках которых подается информация. Репортаж является одним из самых древних и самых распространенных жанров журналистики и средств массовой информации в целом. Как и другие информационные жанры, репортаж имеет свою историю развития и становления. Эти исторические особенности, в свою очередь, способствовали становлению определенных характерных признаков и особенностей данного жанра.

Репортаж – информационный жанр журналистики, в рамках которого то или иное событие освещается кратко и в оперативной форме, но с необходимыми деталями. При этом журналист описывает события от начала до конца, останавливая внимание на ключевых моментах. Сам термин "репортаж" происходит от французского слова "reportage" – "отчет" и английского слова "report" – "доклад, сообщение". При этом у исходных слов имеется общий латинский корень "reporto", т.е. "передавать".

А.А. Тертычный отмечает, что термин "репортаж" происходит от латинского слова "reportare", означающем "передавать", "сообщать". А.А. Тертычный так же говорит о том, что первые репортажи представляли собой, по сути, современные отчеты, так как в них приводились сведения о ходе судебных заседаний, итоги парламентских дебатов и различных государственных собраний. В таких отчетах журналист сообщал о новых событиях, которые, зачастую, свершались без его непосредственного присутствия или участия. Позднее "репортажами" стали называть те публикации, которые в российских СМИ называются очерками.

А. Кобяков определяет репортаж как "изложение актуального фактического материала, полученного с "места происшествия". Рассказчик – непосредственный участник события или наблюдатель. Здесь допустимы эмоциональность, междометия, субъективные ощущения.

Зачастую используется прямая речь, короткие диалоги. Объем газетного репортажа – от 100 строк" [11, с.18] Известный лингвист Г.Я Солганик говорит о том, что "репортаж – это глаза и уши читателя...Существует две тенденции, две словесные стихии, дающие в своем противоборстве яркий многоплановый стиль репортажа. Во-первых, тенденция к строгой документальности, достоверности, точному воспроизведению события; во-вторых, тенденция к живописному эмоциональному изображению действительности, стремление не только отразить событие, но и показать свое отношение к нему". [8, с.28]

Таким образом, целью репортажа является стремление журналиста рассказать о событии во всей его полноте, последовательно изложив его ход, указав причины и результаты.

Репортаж, как жанр журналистики, возник, возможно, раньше, чем сама журналистика и различные СМИ. Элементы репортажа можно найти даже в Ветхом и Новом Заветах Библии, как они были написаны очевидцами (или, по крайней мере, теми, кто считал себя очевидцами) и непосредственными участниками важных еврейских и христианских событий. Литературная же традиция репортажа возникла еще во времена античной Греции. Таким образом, труды Геродота, в которых он описывает свои путешествия по Средней Азии и Ближнему Востоку, можно рассматривать как прототип современных репортажей [7, с.72].

Одним из наиболее заметных и очевидных отличий репортажей нашего времени от их более ранних предшественников является их композиционное оформление. Если репортажи прошлого века имели определенную четкую структуру, за рамки которой журналисты практически не выходили, построение современного репортажа остается, как правило, на усмотрение самого журналиста. Таким образом, автор репортажа сам решает какой мыслью начать и закончить свое сообщение, что выдвинуть на первый или второй план. Кроме того, изменилось не только структурное, но и лексическое и синтаксическое построение репортажа. В наше время этот информационный жанр допускает широкое использование экспрессивно окрашенной лексики и различных стилистических приемов (в то время, как более ранние репортажи характеризовались нейтральной лексикой и отсутствие каких-либо выразительных элементов). В современном мире репортаж твердо утвердил свою позицию информационного жанра журналистики. В наше время практически ни одна газета и ни один выпуск новостей по радио и телевидению не обходится без репортажей. [8, с.14]

Наряду с информативностью, в современном репортаже так же присутствуют публицистические и аналитические начала. В связи с этим, возникают некоторые

сложности с составлением внутрижанровой классификация жанра "репортаж", а так же с определением его функционально – стилистических особенностей. В основе классификации репортажей лежат три задачи, а именно: каковы авторские методы фиксации и отображения действительности, какова цель репортера и, наконец, какова предметно – тематическая заданность репортажа.

Таким образом, по предметно – тематическому признаку, репортажи можно разделить на событийные, аналитические (проблемные), познавательные – тематические и репортажи–комментарии. [3, с.10]

1. Событийный репортаж – самый распространенный тип репортажа, который оперативно и в хронологической последовательности рассказывает о каком–либо ярком и общественно значимом событии. Предмет событийного репортажа – это событие, которое происходит на глазах репортера, поэтому текст подобного репортажа является непосредственно результатом наблюдений автора.

2. Аналитический или проблемный репортаж, как и событийный, в оперативной форме рассказывает об актуальном для общества событии. Отличие таких репортажей от событийных состоит в том, что в аналитических репортажах отображены события, которые требуют привлечения внимания официальных лиц и общественности в целом. В рамках аналитического репортажа журналист не только описывает произошедшее событие, но пытается выяснить причины его возникновения и развития путем рассуждения, подкрепленного реальными фактами.

3. Познавательные – тематические репортажи направлены на то, чтобы познакомить читателя с новыми и интересными событиями из жизни общества, тем самым развлечь его и расширить кругозор. Таким образом, на первый план выходит не оперативность или потребность осветить проблему, требующую решения, а стремление раскрыть и познать новые и неизвестные стороны жизни общества.

4. Репортажи – комментарии представляет собой не описание того или иного события, а его развернутый комментарий. При написании такого репортажа автор прибегает к следующим видам комментария: расширенный комментарий (объяснение факта пространственно), синхронный комментарий (доскональное объяснение факта) и комментарий специалиста, наиболее компетентного в той или иной области. [6, с.72]

С появлением в XX таких средств массовой информации, как радио и телевидение возникли профессии, такие как: теле– и радиожурналист. Соответственно, репортажи стали составлять не только для газет, но и для новых СМИ. В течение почти целого столетия теле– и радиорепортажи сформировали собственные поджанры репортажа, которые обладают собственными структурными и композиционными признаками и особенностями.

Радио появилось в Российской Империи в 1895 году, и, спустя несколько лет, в начале XX века, первые радиорепортажи начали появляться на российском радиовещании. [2, с.194]

Уникальные особенности радиорепортажа состоят в том, что он берется, как правило, с места событий, а рассказчиком выступает сам репортер. Таким образом, репортер должен обладать четкой дикцией, а речь должна быть поставлена грамотно и правильно. Для интервью в радиорепортаже репортеру важно не только использовать находчивость и умение рассказать интересно о каком либо событии, но и умение выводить разговор на нужную тему, а также способность получить максимум нужной информации от говорящего. [4, с.95]

Как и радио, кино появилось в Российской Империи в 1895 году. Однако, первая телевизионная передача была показана в Москве в 1931 году, а экспериментальное вещание началось в 1935. Таким образом, телерепортажи появились в нашей стране лишь во второй половине 30х годов XX века. [5, с.13]

Главная особенность телерепортажа, которая отличает его от газетного или радиорепортажа состоит в том, что в рамках телерепортажа журналист не только красочно рассказывает о каком–либо событии, но и показывает его зрителю. При этом видеоряд выполняет описательную функцию. [11, с.45]

Таким образом, теле– и радиорепортажи обладают собственными уникальными признаками и характеристиками. Однако общие признаки, элементы и правила написания репортажа присутствуют и соблюдаются в вышеуказанных поджанрах.

Репортаж, как информационный жанр и как способ выражения мысли журналиста, обладает особой четкой структурой и композицией, которые сопровождаются цельностью итогов наблюдения участника или очевидца описываемых событий.

Традиционно репортажи строятся по принципу пирамиды, т.е., читая первый абзац, становится ясно, какова главная тема репортажа, о чем пойдет речь далее. Второй и последующий абзацы расширяют эту тему, в них приводятся уточняющие детали и комментарии. Такая форма построения репортажа связана с тем, что репортеры прошлого века часто передавали информацию по телефону или телеграфу. Так как телефонные линии часто обрывались, а время было ограничено, необходимо было сказать всю наиболее важную информацию в начале, чтобы стало ясно, о чем вообще идет речь а лишь затем дополнять эту информацию уточняющими деталями.

В основном, репортажи различных жанров и поджанров схожи по своему графическому оформлению. Традиционно, первая буква в первом слове текста репортажа печатается большим шрифтом, чем остальные. Другим интересным аспектом газетного репортажа является заголовок, который, как правило, представляет собой четкое, лаконичное и, по возможности, интригующее сообщение. Заголовки репортажей составляют таким образом, чтобы привлечь внимание потенциального читателя и разжечь его интерес к тексту самого репортажа, поэтому они, чаще всего, состоят из одного простого предложения.

Подзаголовки, расположенные ниже главного заголовка, так же нередко используются в различных репортажах. При этом основная функция подзаголовка – объяснить значение главного заголовка, рассказать более подробно о содержании репортажа. В отличие от главного заголовка, подзаголовки могут состоять из сложного предложения или даже двух и более предложений. В некоторых случаях подзаголовки печатаются в тексте самого репортажа, тем самым как бы разделяя его на несколько частей, так называемых "подразделов". Стоит заметить, что инверсия, как и другие экспрессивно-выразительные средства значительно меньше используются в подзаголовках репортажей по сравнению с основными заголовками. [1, с. 34]

Лексика языка и его словарный запас имеют большое значение и влияют на цель сообщения. Манера выражения мыслей, которую использует автор, определяет эффективность или неэффективность посланного сообщения. Если лексическое наполнение сообщения не производит нужного эффекта, то коммуникация может быть неэффективна. Таким образом, автор репортажа может использовать простые и конкретные слова, или, наоборот, абстрактные понятия, в зависимости от того, какой эффект он хочет произвести. Выбор слов определяет эстетическое восприятие того или иного репортажа. Кроме того, с помощью лексических средств автор показывает свое отношение к теме репортажа и к событиям, которые в нем освещаются. [12, с.78]

Так как большое количество репортажей тесно связаны с различными сферами массовой информации, термины, относящиеся к теле- и радиовещанию, нередко используются в репортажах. Среди наиболее употребляемых терминов можно выделить "spot" – короткое рекламное сообщение или рекламный ролик, "Mass Media" – средства Массовой Информации, доставляющие рекламное сообщение обширной целевой аудитории, "press – clipping" – отслеживание и анализ выходящей в СМИ информации, "swindling" ("наркютка") – искусственное увеличение показов, кликов или иных оплачиваемых в системе событий с целью получения повышенной прибы-

ли [9.с.15].

В том или ином случае, большинство сообщений в современных СМИ, в том числе и репортажи, направлены на то, чтобы создать у зрителей или читателей определенное представление о том или ином событии и сформировать точку зрения, соответствующую представлениям создателей или заказчиков данного репортажа. Таким образом, современные репортажи направлены на то, чтобы управлять мнением масс, оказывая при этом довольно сильное манипулятивное воздействие. Для достижения того или иного манипулятивного воздействия, современные репортажи широко используют как композиционные, так и функционально-стилистические приемы. [10, с. 27]

Стилистические приемы различного рода часто используются в репортажах, делая их выразительными и запоминающимися. Кроме того, эти стилистические приемы позволяют автору репортажа повлиять на мнение читателя или слушателя, передавая ту или иную мысль в яркой и интересной форме. Так как цензура в наше время не является столь строгой, современные репортажи, в отличие от репортажей прошлого века, характеризуются широким использованием экспрессивно окрашенной лексики разного рода. Выразительные средства синтаксиса, как и структурные, смысловые и интонационные средства помогают сделать текст более ярким и интересным и, к тому же, обратить внимание аудитории на ту или иную мысль автора. Таким образом, подобная лексика позволяет автору репортажа достичь экспрессивности и сформировать у читателя мнение, угодное автору.

Стилистически маркированные слова и выражения, т.е. лексические единицы, обладающие коннотацией в дополнение к предметно-логической информации, наиболее часто используются в современных репортажах, чтобы сделать текст выразительным и интересным, а так же привлечь на себя внимание аудитории. Так как стилистически окрашенная лексика, как правило, представляет собой пласт лексики, не столь часто используемой в повседневном языке, она привлекает внимание оказать определенное эмоциональное воздействие, так как в яркой форме выражает мысли и чувства автора. Ниже представлены примеры использования стилистически маркированной лексики в англоязычных репортажах: "The extraordinary "A La Carte" (газета "USA Today", репортаж от 17.03.2014), "No one should ignore if you meet the same fate tomorrow" (газета "The Sun", репортаж от 01.05.2013).

Наиболее распространенным типом синтаксических средств выразительности в современных репортажах является стилистическая инверсия разного рода.

С помощью этого синтаксического стилистического приема логическое ударение и эмоциональное выделение какой-либо мысли ощущается без помощи интонации: "Miss Scotland – The Beauty she has is indescribable" (газета "The Sun", репортаж от 01.05.2010), "Roger Ebert's wife: He 'smiled the smile most cute and passed away'" (газета "The Sun", репортаж от 17.03.2012).

Таким образом, не только теле- и радиорепортажи, но и репортажи, напечатанные на страницах какой-либо газеты или журнала, не теряют своей эмоциональной окраски и выразительности.

Лексические средства выразительности (или тропы) широко используются в текстах репортажей, делая их более выразительными и яркими, тем самым привлекая внимание читателей и слушателей и оказывая сильное эмоциональное воздействие на аудиторию. Кроме того, тропы, как и экспрессивно окрашенная лексика, подчеркивают личное отношение автора к теме репортажа. Используя те или иные лексические приемы, автор репортажа создает позитивное или, наоборот, негативное отношение к событиям, о которых идет речь в репортаже, тем самым оказывая незримое давление на мнение читателя.

Стоит заметить, что наиболее искусно составленные

предложения в репортажах могут содержать два или более стилистических приемов и средств выразительности одновременно. К примеру, в предложениях "Romance Gone Wrong. How to avoid the floods of tears" (газета "The Sun", репортаж от 01.02.2014) содержится стертая метафора и эллипсис (глагол "has" в первом предложении опущен). Такие предложения обладают двойным эмоциональным эффектом и оказывают наиболее сильное воздействие на аудиторию.

В связи с тем, что все жанры современных СМИ имеют цель воздействия на аудиторию с целью управления мнением, а иногда и поведением масс, репортажи различного рода не являются исключением. Так как репортажи рассказывают об актуальных событиях и освещают в своих сообщениях довольно свежие новости, они зачастую являются первоисточником, из которого аудитория узнает о том или ином событии.

Таким образом, то, в каком свете репортер подает информацию, значительно влияет на отношение к нему читателей и слушателей. Именно допустимая вольность в построении репортажа и его лексическом наполнении позволяет репортеру выразить свое мнение и мысль в нужной форме, а так же произвести определенное воздействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Afrrev Laligens. An International Journal of Language, Literature and Gender Studies. Bahir Dar, Ethiopia. Vol. 1 (1) March, 2012:52–64
2. Бараневич Ю.Д. Жанры радиовещания: Проблемы становления, формирования, развития. – Киев : Выща школа, 1978. – 194 с.
3. Барманкулов М.К. Сравнительный анализ жанров (репортаж, развитие документализма) – Алма-Ата: Казахский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени С.М. Кирова, 1975.
4. Ирвинг Фэнг .Теленовости. Радионовости. – М. : Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания. 1993. – 95 с.
5. Ким М. Н. Технология создания журналистского произведения. – СПб. : Журналистика, 2001.
6. Киш Э. Э. Репортажи. –М.: Высшая школа, 1964.
7. Козлова М. М. История отечественных средств массовой информации. – Ульяновск: УлГТУ, 2002.
8. Несын Е.Н. Проблемы изучения теории и истории жанра репортажа. – Ставрополь: Вестник Ставропольского Государственного Университета, 2010.
9. Пол Стенли. Телевизионный репортаж. – М.: Практическое пособие для профессионалов. Internews network, 1997. – 15 с.
10. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. – М.: Аспект Пресс, 1995.
11. Солганик Г.Я. Язык современных СМИ. Журналистика и культура рус.речи. – М.: Русская Словесность, 2004.
12. Черникова, Е.В. Основы творческой деятельности журналиста. –М.: Гардарики,2003

ОДНОЧАСТЕРЕЧНАЯ И МЕЖЧАСТЕРЕЧНАЯ АНТОНИМИЯ В ПРОЗЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

ODNOCHASTERECHNAYA AND MEZHCHASTERECHNAYA ANTONYMY IN MARINA TSVETAEVA'S PROSE

Y. Kashitsyna

Annotation

The article is devoted to research of an *odnochasterechny* and *mezchasterechny* antonymy based on the prose of Marina Tsvetaeva. Till now in linguistics is no single approach to the study of antonymy. This paper presents a detailed structural classification of antonyms, which involves the allocation of *raznokornevykh* and *single-root* words with opposite meanings. In this article describes different points of view researchers, which study this issue, provides a detailed analysis of examples from the prose of Marina Tsvetaeva.

Keywords: antonymic paradigm, *odnochasterechnaya* *raznokornevaya* antonymy, *odnochasterechnay* *single root* ed antonymy, *mezchasterechnay* antonymy, Marina Tsvetaeva's prose.

Кашицына Евгения Григорьевна
Удмуртский Государственный
Университет, Ижевск, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию одночастеречной и межчастеречной антонимии на материале прозы Марины Цветаевой. До сих пор в лингвистике не выработано единого подхода к изучению антонимии. В данной работе представлена детальная структурная классификация антонимов, которая предполагает выделение разнокорневых и однокорневых слов с противоположными значениями. Приводятся различные точки зрения ученых, исследующих данный вопрос, дается подробный анализ примеров из прозы Марины Цветаевой.

Ключевые слова:

Антонимическая парадигма, одночастеречная разнокорневая антонимия, одночастеречная однокорневая антонимия, межчастеречная антонимия, проза М. Цветаевой.

На современном этапе развития русского языка исследованию антонимии уделяется большое внимание и чаще всего это связано с тем, что расширяется предметная область исследований. Доказательством этого факта служит возросшее число научно-исследовательских работ. В лингвистике определилось два понимания антонимии: узкое, ставшее классическим и широкое понимание, когда в сферу антонимии стал включаться более широкий корпус слов. При этом до сих пор не выработано единого системного подхода к ее изучению. По-прежнему существуют разногласия во взглядах исследователей, расхождения в толковании конкретных примеров.

В своей работе мы будем придерживаться широкого понимания антонимии, так как в поле нашего зрения попадают антонимы, являющиеся способом выражения контраста в художественной прозе М.И. Цветаевой. Именно поэтому нам интересны их индивидуально-авторские реализации, которые в совокупности с языковыми, на наш взгляд, наиболее полно отражают картину мира поэта. Окказиональные (индивидуально-авторские) антонимы, относясь, безусловно, к явлениям речевым, структурно расширяют рамки антонимической парадигмы.

Разновидности антонимии обнаруживаются при де-

тальном изучении структурной классификации антонимов, которая предполагает выделение разнокорневых и однокорневых слов с противоположными значениями. Е.И. Диброва и Н.Ю. Донченко в исследовании "Поэтические структуры антонимии" выделяют одночастеречную однокорневую антонимию, разнокорневую (лексическую) антонимию и межчастеречную антонимию [5, с. 99].

Однокорневые антонимы – это "антонимы, имеющие общую корневую морфему" (заметный – незаметный, довольный – недовольный, возможно – невозможно), а разнокорневые антонимы, соответственно, это "антонимы, различающиеся корневыми морфемами" (например, близкий – далекий, богатый – нищий, злой – добрый) [26, с. 65]. Детальное изучение однокорневой антонимии находим у Л.А. Новикова [12, с. 161–194]. Он анализирует антонимию глаголов: мобилизовать – демобилизовать; существительных: идейность – безыдейность, сборка – разборка и других частей речи.

Сторонниками одночастеречной разнокорневой антонимии или классической теории, являются Р.С. Гинзбург, В. Шмидт, Л.А. Булаховский, И.В. Арнольд, Г.Б. Антрушина и другие исследователи, которые считают, что в антонимические отношения могут вступать лишь разнокорневые слова одной части речи. Представители более "широкого" подхода в изучении антонимии считают, что

Антонимия	Однoчaстeрeчнaя aнтoнимия		Межчaстeрeчнaя aнтoнимия
	Разнoкoрнeвaя (лeксичeскaя)	Однoкoрнeвaя (грaммaтичeскaя)	
Чaсти рeчи			
Сaмoстoятeльнe чaсти рeчи	прил. - прил. сущ. - сущ. гл. - гл. мeст. - мeст. нaрeчe - нaрeчe	прил. - прил. сущ. - сущ. гл. - гл.	сущ. - прил. прил. - гл.
Служeбнe чaсти рeчи*	пpeдлoг - пpeдлoг	нe пpeдстaвлeнa	нe пpeдстaвлeнa

* Как утверждает Боева Н.Б. (см. автореф.Грамматическая антонимия..., с.20), семантически противопоставляться могут не только полнозначные слова, которые обладают "категориально - лексической семой "отношение", но и слова "самостоятельной и несамостоятельной номинации", "обладающие одноименной категориально-грамматической семой", например, предлоги.

оппозиции противоположности в языке не исчерпываются противопоставлением только слов однокоренных и слов одной части речи, – это Н.Б. Боева, Д.Н. Шмелев, Л.А. Бортэ, В.Д. Девкин, Е.И. Диброва, Э.И. Родичева, В.И. Скибина и другие. Таким образом, признается существование однокорневой однoчaстeрeчнoй aнтoнимии и мeжчaстeрeчнoй aнтoнимии. В своем исследовании мы придерживаемся второй (широкой) точки зрения. В прозе М. Цветаевой можно обнаружить как однoчaстeрeчнe антoнимы, вырaжeннe глaгoлaми, прилaгaтeльнoми, сущeствитeльнoми, мeстoимeниями, нaрeчиями, пpeдлoгaми, тaк и мeжчaстeрeчнe, вырaжeннe сущeствитeльнoм и прилaгaтeльнoм, прилaгaтeльнoм и глaгoлoм. Однoчaстeрeчнaя aнтoнимия у М.И. Цвeтaeвoй пpeдстaвлeнa кaк oднoкoрнeвыми, тaк и рaзнoкoрнeвыми aнтoнимaми.

Самой многочисленной группой можно по праву считать однoчaстeрeчнe рaзнoкoрнeвыe aнтoнимы, вырaжeннe имeнeм прилaгaтeльнoм. Oнa сoстaвляeт 24 %. Aнтoнимичeскиe oтнoшeния нaибoлee чaстo пpeдстaвлeны кaчeствeннoми прилaгaтeльнoми.

а) У нас молодая революция, а у них, во Франции, старая, буржуазная! [20, с. 182]

б) "И не мы одни были такая семья. Так встречало молодой символизм, за редчайшими исключениями, все старое поколение Москвы" [23, с. 223].

Согласно словарю антонимов русского языка под редакцией Л.А. Введенской, языковые разнокорневые антонимы "молодой" и "старый", выраженные качественными прилагательными, здесь представлены в третьем значении: "недавно возникший, образовавшийся, начавший деятельность" и "давно существующий, давно возникший, образовавшийся" [3, с. 204].

Однoчaстeрeчнaя рaзнoкoрнeвaя лeксичeскaя aнтoнимия, вырaжeннaя сущeствитeльнoми, нe мeнee мнoгoчислeннa и сoстaвляeт 22 %. Nаибoлee чaстo встpeчaющимися кoнтрaстными oбрaзaми для Мaринy Цвeтaeвoй

являются традиционные противопоставления: "жизнь – смерть", "друг – враг", "правда – ложь", "добро – зло". Одной из наиболее важных тем ее творчества является противопоставление духовного и материального, души и тела в значениях "относящийся к области духа, внутреннего мира, умственной деятельности человека" и "относящийся к вещественной, бытовой стороне жизни человека" [3, с. 140].

а) Смерть страшна только телу. Душа ее не мыслит. Поэтому, в самоубийстве, тело – единственный герой [20, с. 314].

б) Душа у меня – царь, тело – раб [20, с. 312].

в) Нервы – тончайший мост между телом и душой [20, с. 318].

Поэтесса часто размышляет над тем, что такое "тело" и что такое "душа", давая им свои характеристики: "душа – царь", "тело – раб", тем самым определяя, что тело подчиняется душе, а нервы обозначая, как "тончайший мост" между ними.

Рассмотрим однoчaстeрeчнyю рaзнoкoрнeвyю лeксичeскyю aнтoнимию, кoтoрaя пpeдстaвлeнa глaгoлaми и глaгoльнoми фoрмaми и сoстaвляeт 18 %.

Лицо – свет. И оно, действительно, загорается и гаснет [20, с. 147].

Характеристика лица представлена языковыми разнокорневыми антонимами "загораться" и "гаснуть" в значениях "вспыхивать, зажигаться, начинать гореть, светить" и "тухнуть, переставать гореть, светить" [9, с. 67]. По своей семантике данные антонимы являются комплементарными.

Менее частотными 15 % в прозе Марины Цветаевой являются окказиональные, контекстуальные антонимы, выраженные местоимениями (см. ст. "Особенности организации антонимической системы в прозе М.И. Цветаевой" [6]). Представляется, что при широком подходе к антонимии, когда признаётся существование речевых, окказиональных, индивидуально-авторских антонимов,

следует учитывать в этом ряду явлений и те семантические способы противопоставления, которые способны выражать местоимения. Эту гипотезу подтверждает и точка зрения О.Н. Селивёрстовой, полагающей, что у местоимений есть своё "собственное означаемое, причем построенное довольно сложным образом", при этом, "каждое из них несет свою информацию, которая не зависит от контекста" [18, с. 29]. Такого рода антонимия часто является нестандартной, хотя некоторые примеры можно встретить в словарях антонимов под редакцией Л.А. Введенской [3], М.Р. Львова [9].

Не отзываются при других иронически о своем животном (чем бы то ни было – любимом). Другие уйдут, свой–останется [22, с. 547].

Основу противопоставления составляет антонимическая пара, представленная притяжательным местоимением в единственном числе "свой" в значении "принадлежащий себе, свойственный себе" [9, с. 174] и определительным местоимением во множественном числе "другие" (в значении "иной – не этот, не данный или не такой, как этот, как прежде" [19, с. 183], "чужой" в значении "принадлежащий другому (другим), свойственный другому (другим)" [9, с. 174]).

Нередки случаи употребления одночлестеречной разнокорневой (лексической) антонимии, выраженной наречиями 12 %.

Почему мне совсем не стыдно быть плохо одетой <карандашом над строкой: в рваном> – и так бесконечно стыдно – хорошо <карандашом над строкой: в новом> одетой?! [20, с. 344].

Противопоставление представлено через языковые качественные наречия, характеризующие эмоциональное состояние "хорошо" и "плохо", образованные от прилагательных "хороший" и "плохой" в первом значении "обладающий положительными качествами или свойствами, такой как следует, характеризующийся положительно" и "лишенный положительных качеств или свойств, не такой, как следует, характеризующийся отрицательно" [3, с. 322].

Антонимичные отношения служебных частей речи, в частности, предлогов, явление, мало исследованное в современном русском языке. Можно встретить только некоторые замечания по этому поводу в работах таких лингвистов, как Р.П. Рогожникова [15], Е.Н. Виноградова [4], А.М. Чепасова [25], Г.А. Шиганова [27]. Тем не менее, противопоставление предлогов – характерная черта для прозы Марины Цветаевой (составляет 9 % примеров исследуемого материала). В своем творчестве она часто прибегает к графическому методу – противопоставляемые предлоги выделяет курсивом, тем самым намеренно акцентируя на них внимание читателя. Все предлоги, используемые Мариной Цветаевой, – разнокорневые, первообразные, простые.

Есть две ревности. Одна в себя, другая – от себя. Чем это низко – вонзить в себя нож? (Бальмонт) [20, с. 177].

С помощью антонимичных пространственных предло-

гов разводятся два понимания ревности: предлог "в" (обозначающий направленность внутрь, "употребляется при обозначении места, направления куда–нибудь или нахождения где–нибудь" [14, с. 66]) и "от" (обозначающий направленность во внешнюю среду, "указывает на что–нибудь удаляемое, избегаемое" – в данном случае употребляется не в своем прямом значении) [14, с. 466]. Это индивидуально–авторская антонимия, основанная на базе векторной противоположности.

Итак, большинство антонимов в прозе М.И. Цветаевой – это разнокорневые антонимы (составляют 46 %). У однокоренных слов "значение антонимичности возникает или как результат присоединения к одному и тому же слову антонимичных приставок (при– и у–, со– и раз–), или как следствие употребления приставки, придающей слову противоположный смысл (грамотный – неграмотный)" [8, с. 13]. При этом справедлива точка зрения Д.Н. Шмелева, что "признание антонимами только разнокоренных слов, по существу, не отражает действительного положения вещей, так как выражение антонимических отношений при помощи префикса не– занимает ведущее место в современном русском языке [28, с. 146]. Например, доверие – недоверие, довольный – недовольный, неудачный – удачный, неудобство – удобство. Творчество Марины Цветаевой дает богатый лингвистический материал для изучения антонимии: в нем можно обнаружить как языковые антонимы, образованные по представленной модели, так и индивидуально–авторские, ср.: "Звук слова "Мышатый" был сам шепотом моей любви к нему. Не шепотом это слово не существовало" [24, с. 46]. "Любование моей наружностью меня удивляет почти так же, как любовь к моим стихам, и совершенно так же, как не–любование – моей сущностью. [Наконец–то!]" [21, с. 186].

Одночлестеречная однокорневая (грамматическая) антонимия, встречающаяся в прозе Марины Цветаевой, представлена существительными, прилагательными и глаголами и составляет 38 %.

Наиболее широко в исследуемом материале представлена грамматическая антонимия, выраженная именем существительным, которая составляет 36 %.

а) Близну я воспринимаю не как отсутствие цвета, а как присутствие [22, с. 146].

Антонимия основана на языковых однокорневых антонимах, выраженных абстрактными существительными "отсутствие" – от производящего (мотивирующего) глагола "отсутствовать" со значением "не находиться, не присутствовать где–либо в определенное время" и "присутствие" – от производящего (мотивирующего) глагола "присутствовать" со значением "находиться, быть где–либо в определенное время" [9, с. 148].

б) "Единственный выход в старости – ведьма. Не бабушка, а бабка" [20, с. 179].

в) – "Умны, умны, не ум, а умище, – а все–таки – женщина!"

– "Я Вам никогда не обещала быть мужчиной!" [21, с. 76].

Антонимами считаются однокорневые слова, различающиеся наличием или же отсутствием суффикса субъективной оценки, а так же однокоренные прилагательные, одно из которых содержит суффикс превосходной степени, оценки, а другое – суффикс, обозначающий неполноту признака. Об этом свидетельствуют исследования А.А. Киреева[7, с. 12], Н.В. Баско[1, с. 54]. В данном случае индивидуально–авторское семантическое противопоставление однокоренных существительных "ум – умище", которые различаются отсутствием – наличием суффикса субъективной оценки, подчеркивается М. Цветаевой и на уровне стилистического противопоставления антонимов (акротеза), которое представляет собой утверждение, усиленное отрицанием, а также дополнительным семантическим гендерным противопоставлением "мужчина – женщина".

Рассмотрим одночастеречную однокорневую антонимическую парадигму, представленную именем прилагательным – она составляет 39 %.

Противопоставления, образованные посредством отрицательной приставки не-, где одно слово является производящим, а другое – производным более частотны, чем однокорневые прилагательные, различающиеся противоположными по значению приставками, которые используются в меньшей степени (входящий – выходящий, входящий – исходящий).

а) Сколько материнских поцелуев падает на детские головы – и сколько нематеринских – на детские! [23, с.480].

б) Есть нелюбовные трагедии и в природе: смерч, ураган, град. (Град я бы назвала семейной трагедией в природе).

– Единственная любовная трагедия в природе: гроза [20, с. 156].

Противопоставление однокоренных прилагательных со значением родства "материнских" – "нематеринских", "недетские" – "детские" и противопоставление однокоренных прилагательных "нелюбовные" – "любовная" образуется при помощи отрицательной приставки не- и синтаксического параллелизма. Дополнительным средством, усиливающим антонимию на лексическом уровне, является грамматическое противопоставление множественного числа единственному во втором примере.

Наиболее разветвленную систему однокоренной антонимии организуют глаголы. Чаще всего производные глаголы (члены антонимической пары) образуются от одного и того же производящего слова, при этом они не составляют словообразовательной пары, т.к. относятся к одной ступени словообразования и не связаны между собой отношениями производности. При этом использование префикса меняет семантическую структуру слова, а его лексико–грамматическое (словообразовательное) значение нередко начинает доминировать над значением всей основы в целом. Такая антонимия составляет 25 %

Было молча условлено и установлено, что они всегда будут приходить вместе – и вместе уходить [23, с.296].

Языковая антонимия выражена глаголами приходить в значении "идя, следуя куда–либо, достигая определенного места, прибывать в это место" и уходить в значении "покидать какое–либо место, отправляться куда–либо" [9, с. 148] посредством антонимичных префиксов при- и у-.

Итак, одночастеречная однокорневая (грамматическая) антонимия в исследуемой прозе выражена существительными, прилагательными и глаголами на разных уровнях языка: словообразовательном (представлена чаще) и морфологическом (противопоставлена единственным и множественным числом). В связи с этим, справедливо замечание М.В. Ляпон, что все грамматические изменения, преобразования слов в прозе Марины Цветаевой – это "прежде всего реализация ее творческой концепции слова, которое и в прозе предстает как арена столкновения разноуровневых смыслов" [10, с. 18].

Межчастеречная антонимия мало изучена в лингвистике. К выводу о существовании межчастеречных антонимов пришла Э.И. Родичева. Исследовательница отметила, что для возникновения антонимической оппозиции "не всегда обязательно идентичное грамматическое оформление слов – антонимов" [16, с. 285]. Само понятие "межчастеречной антонимии" вводит Е.Н. Миллер, трактуя его как "антонимию противоположных по лексическому значению слов разных частей речи" [11, с. 88]. По мнению Л.А. Новикова, межчастеречная антонимия – это разновидность речевой антонимии, он считает, что "максимально возможное различие обусловлено определённой ситуацией противоположения" [13, с. 85]. Этой же точки зрения придерживаются Е.И. Диброва, Н.Ю. Донченко[5], Н.Б. Боева[2], В.А. Сазонова[17], которые утверждают, что антонимами можно считать слова, принадлежащие к разным частям речи. В своих исследованиях они на большом языковом материале доказывают системность и закономерность данного вида антонимии.

Межчастеречная антонимия в прозе М.И. Цветаевой характерна для оксиморонной формы выражения. При этом оксиморонные антонимы нельзя назвать антонимами в полном смысле этого слова, т.к. они принадлежат разным частям речи и строятся на словах с противоположными значениями, объединяемых как определяемое и определяющее.

Наиболее часто межчастеречная антонимия в прозе М. Цветаевой представлена именем существительным и именем прилагательным.

а) Писательное чтение [20, с. 184].

Данная индивидуально–авторская антонимия основана на столкновении двух понятий "писательное" и "чтение". Зависимое слово писательный – окказионализм, выраженный формой прилагательного и образованный от глагола "писать", а главное слово – чтение, в значении "процесс действия от гл. читать" – "воспринимать написанное, произнося или воспроизводя про себя" [14,

с.886], выраженное именем существительным.

б) Белый негр – белогвардеец, то есть, чтобы не смешивать: любит белую муку, сахар и все земные блага. И, что уже серьезнее, горячо и глубоко богомолен. [23, с.463]

В основе оксиморонного словосочетания "белый негр" лежит цветовое противопоставление.

Межчастеречная антонимия, выраженная прилагательным и глаголом, глагольными формами не так частотна и составляет 16 %

"..." Таким сыном для А.А. оказался последний ребенок – Сережа, дитя ее души и тела, она живая – если бы ее с самого началане убили [24, с. 114].

Противопоставление прилагательного "живая" в значении "живущий, обладающий жизнью человек" и глагола "убили" в значении лишили жизни, умертвить, "умерший человек" [3, с. 146] является индивидуально – авторским.

На основании проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Одночастеречная антонимия в прозе Марины Ивановны Цветаевой высокочастотна и составляет 84 %: разнокорневая – 46 % и однокорневая – 38 %, а межчастеречная – низкочастотна и составляет 16 % от всего исследуемого материала.

2. Одночастеречную антонимию как симметричную и высокочастотную можно обозначить как исходное или первичное средство выражения противоположных значений в прозе М. Цветаевой, а межчастеречную антонимию – асимметричную и низкочастотную – как вторичное или производное средство выражения противоположных значений в исследуемой прозе.

3. Среди одночастеречной разнокорневой антонимии самой высокочастотной является одночастеречная разнокорневая антонимия, выраженная именем прилагательным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баско Н.В. Словообразовательная антонимия в русском языке (лингвистический и методический аспекты). Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященных памяти Галины Ивановны Рожковой / Ред. Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог–МГУ, 1998. Вып.6. С.51–59.
2. Боева Н. Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: автореф. дисс. д. филол. н. М., 2001. 32 с.
3. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 445 с.
4. Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л. К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 2: Синонимия и антонимия предложных единиц / Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2006, № 2. С. 18–37.
5. Диброва Е.И., Донченко Н.Ю. Поэтические структуры антонимии. М.: С.Принт, 2000. 183 с.
6. Кашицына Е.Г., Милютин М.Г. Особенности организации антонимической системы в прозе М.И. Цветаевой // Вестник УдГУ: История и философия. Вып.2, 2012г. С. 127–134.
7. Киреев А.А. Об антонимах // Русский язык в школе. 1954. №3. С. 10–13.
8. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2 000 антоним.пар/Под ред. Л.А. Новикова. М.: Рус. яз., 1984. 384 с.
9. Львов М.Р. Школьный словарь антонимов русского языка: Пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1987. 240 с.
10. Ляпон М.В. Проза Цветаевой: Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.
11. Миллер Е.Н. Антонимы разных частей речи // Русский язык в школе, 1987. №5. С.87–91.
12. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике. М.: Высш. школа, 1973. 245 с.
13. Новиков Л. А. Логическая противоположность и лексическая антонимия // Русский язык в школе. 1966. №4. С. 79 – 87.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
15. Рогожникова Р.П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания Текст.: Автореф. дис. .докт.. филол. наук / Р.П. Рогожникова. М., 1977. 25 с.
16. Родичева Э.И. К проблеме антонимии // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики (сборник). М.: МГУ, 1968. С. 262 – 297.
17. Сазонова В. А. Антонимы как средство выражения контраста в языке и художественной речи (на мат–ле прозы А. П. Чехова): Дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2011г. 165 с.
18. Селивёрстова О. Н. Местоимения в языке и речи / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1988. 151 с.
19. Словарь синонимов русского языка: справочное пособие / Под ред. А.Е. Евгеньевой. Л.: Наука, 1975. 648 с.
20. Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. Т.1. 1913 – 1919гг. / сост. Е. Б. Коркина и М. Г. Крутикова. М.: Эллис Лак, 2000. 560 с.
21. Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. Т.2. 1919 – 1939гг. / сост. Е. Б. Коркина и М. Г. Крутикова. М.: Эллис Лак, 2001. 542 с.
22. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис Лак, 1997. 640 с.
23. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т.4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. М.: Эллис Лак, 1994. 688 с.
24. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т.5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М.: Эллис Лак, 1994. 720 с.
25. Чепасова А.М., Голощапова Т.Г., Павлова Н.А., Помыкалова Т.Е., Соловьева А.Д., Хмелева В.Н., Шиганова Г.А. Лексические и фразеологические предлоги в современном русском языке. Учебное пособие. М.: Флинта, 2012. 176 с.
26. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. 2 изд., М.: Просвещение, 1972. 327 с.
27. Шиганова Г.А., Суровцева С.И. Антонимия предлогов как явление системы (на материале русского и французского языков). Вестник ЧГПУ, вып.11, 2012.С.328 – 335.
28. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.

КУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

CULTURAL FACTORS IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION

O. Kravivkina

Annotation

The paper deals with cultural peculiarities of scientific and technical discourse on different linguistic levels. It is the case study of scientific and technical texts and their translations in English and Russian published in Russian and foreign journals. The paper attempts to challenge the view that scientific and technical discourse is free from cultural factors and to prove that culture in scientific and technical texts is no less important than in other types of texts. Translators of technical texts should take into account cultural differences between source and target languages and level them out using translation shifts.

Keywords: Translation, technical translation, scientific and technical texts, culture, translation quality, translation shifts.

Крапивкина Ольга Александровна
К. филол. н., доцент,
Иркутский исследовательский
технический университет

Аннотация

Предметом исследования являются культурные особенности, которые находят проявление в научно-техническом дискурсе начиная с лексического уровня и заканчивая прагматической функцией текста. В статье делается попытка поставить под сомнение точку зрения о независимости научно-технических текстов от культурных факторов и доказать, что культурный аспект в научно-техническом переводе не менее важен, чем в переводе любых других видов текстов. Переводчики научно-технических текстов должны учитывать культурные различия, существующие между исходным и переводящим языками и сглаживать их с помощью переводческих трансформаций.

Ключевые слова:

Перевод, технический перевод, научно-технический текст, культура, качество перевода, трансформации.

В настоящее время научно-технический перевод является одним из наиболее востребованных видов перевода в России. Укрепляющиеся межгосударственные отношения и активное сотрудничество нашей страны в различных областях производства и науки предполагает непрерывный обмен научно-технической информацией и, как следствие, постоянную заинтересованность в качественном переводе научно-технических текстов.

Научно-технический перевод является одним из наиболее сложных видов перевода, поскольку требует от переводчика не только безупречного владения отраслевой терминологией, но и наличия специальных технических знаний. При этом данный вид перевода предполагает формально-логический стиль изложения, характеризующийся четкостью, ясностью формулировок и логичностью изложения. Основная задача научно-технического перевода состоит в точном и ясном доведении до реципиента предьявляемой информации. Это достигается логически обоснованным изложением фактического материала без выраженной эмоциональности.

Следует отметить, что под научно-техническим переводом в узком смысле, о котором идет речь в работе, мы понимаем перевод специализированных текстов в области науки и техники. В широком смысле научно-техниче-

ский перевод можно определить как перевод любых научных текстов, в которых встречаются специализированные термины [3].

Довольно распространенной является точка зрения, что научно-технический перевод зависит исключительно от понимания текста и знания терминологии. Научно-технические тексты традиционно считают независимыми от культурных факторов. В данной работе мы сделаем попытку поставить под сомнение данную точку зрения и доказать, что культурный аспект в научно-техническом переводе не менее важен, чем в переводе любых других видов текстов.

Теоретической основой нашей работы является работа немецкого исследователя Р. Штольце [8] *Dealing with cultural elements in technical texts for translation*, в которой она анализирует проявления культурной обусловленности научно-технического перевода в терминологии, языковой форме, синтаксисе, структуре текста и прагматике. К выделенным Р. Штольц аспектам мы добавили еще один – стилистику научно-технического текста. Кроме того, в своей работе мы опираемся на работу П. Кастберга *Cultural Issues Facing the Technical Translator* [6], который также пытается оказать культурную обусловленность технического перевода.

В работе мы проанализируем переводы научно-тех-

нических текстов с русского языка на английский, который считается *lingua franca* в области науки и техники, с целью обнаружить проявления культурной детерминированности начиная уровнем слов и заканчивая прагматикой текста.

Материал для анализа взят из различных научно-технических журналов, издаваемых в России и за рубежом.

Научно-технический перевод всегда считался механической работой по передаче имеющих готовые эквиваленты терминов с одного языка на другой, а сам язык научно-технических текстов не вызывал переводческих трудностей в силу ясности и четкости изложения. И если художественный перевод сопровождается, как считают многие, глубокими рефлексиями, технический требует лишь привлечения лиц с техническим образованием, которые владеют специальной терминологией. Как отмечает Х. Ортега и Гассет, перевод технических текстов не представляет особых трудностей, поскольку технические тексты пишутся не на естественном языке, а на искусственном, под которым он имеет в виду терминологию [цит. по 7]. В Энциклопедии "Британика" [5] отмечается, что результатом технического перевода, в отличие от художественного, является текст, коммуникативно равноценный оригиналу.

Взгляд на технический перевод как о механическом процессе, а не на творческую деятельность подтверждает и тот факт, что имена технических переводчиков крайне редко упоминаются в переведенных работах. Роль переводчиков сводится к техническим помощникам, "языковому зеркалу, не оказывающему особого влияния на содержание исходного текста, если, конечно, как пишет Ф. Айксела, они владеют специальной терминологией [2].

Однако нужно помнить, что научно-технический перевод является многогранной деятельностью, а к его результату предъявляются чрезвычайно высокие требования. Наличие данных требований, а также необходимость учета референциальной функции, норм технического языка, глубокого знания окружающей действительности, описываемой в тексте, позволяют говорить о самостоятельности научно-технического перевода как вида переводческой деятельности. Ф. Айксела также полагает, что чрезвычайно высокие требования к научно-техническому переводу выделяют его среди других видов переводческой деятельности, превращая в самостоятельную область исследования [там же].

Для обеспечения качественного перевода необходимо полное понимание переводимой тематики и объяснение ее доступным языком с соблюдением всех технических тонкостей. Компетентность в узкой отрасли, знание и понимание терминологии – залог качества перевода технического текста. В противном случае, перевод может повлечь за собой некорректное использование оборудования, что чревато самыми непредсказуемыми последствиями.

Но знание терминологии, отраслевая компетентность, соблюдение норм языка перевода недостаточны для

обеспечения высокого качества переводимых текстов. Научно-технические тексты, как и всякие другие виды текстов, погружены в определенный культурный контекст.

Научно-технический текст создается на естественном языке, а язык есть отражение культуры, которая определяет наше мировосприятие, проявляясь в языке. В любом языке можно обнаружить только ему присущие способы концептуализации мира. В переводе, в том числе и в техническом, культурная детерминированность проявляется и в лексике, и в грамматике, и в стилистических особенностях текста, и в его прагматической функции.

Как считает П. Кастберг, отрицание культурной обусловленности научно-технической сферы основывается на том, что законы науки выходят за рамки любой национальной культуры. Технический перевод долгое время считался областью точных наук, а идея о культурной обусловленности научно-технических текстов редко обсуждалась в теоретических исследованиях. Но, как полагает П. Кастберг, нельзя отрицать культурной обусловленности науки и техники, поскольку они являются артефактами профессиональной культуры [6]. Как утверждает А. Эйнштейн, наука – это совокупность не только законов, но и фактов, это творение человеческого ума [4].

Р. Штольце считает, что перевод научно-технических текстов предполагает не только знание и понимание терминологии и специфики определенной отрасли. Любое высказывание научно-технического текста содержит как когнитивную информацию определенной тематики, так и имплицитные отсылки к культурному багажу говорящего субъекта [8]. Поэтому технический переводчик должен хорошо ориентироваться в культуре как исходного языка, так и языка перевода и помнить, что всякий дискурс, жанры составляющих его текстов, стиль изложения и т.п. формируются в определенном культурно-историческом контексте.

Таким образом, культура присутствует в любом тексте, в том числе техническом, а культурно обусловленные конвенции текстопорождения представляют зачастую большую трудность для переводчиков научно-технической литературы. Поэтому умение распознавать культурные элементы в технических текстах, как пишет Р. Штольце, является обязательной компетентностной составляющей технического переводчика [там же].

Р. Кастберг выделяет пять основных компетенций технического переводчика:

1. Общеязыковая компетенция, то есть владение исходным и переводящим языками.
2. Владение языком для специальных целей.
3. Знание определенной отрасли науки и техники.
4. Собственно переводческая компетенция
5. Культурная компетенция [6].

Понимая под культурой набор правил, стереотипов, норм поведения, ценностей, свойственных некоторому

обществу, мы соглашаемся с Р. Штольце и П. Кастбергом и попытаемся на фактическом материале доказать, что точка зрения об "акультурности" научно-технического дискурса является необоснованной.

Культура – это не материальное явление. Она состоит из предметов, людей, эмоций, взглядов и убеждений. Культура – это определенный набор кодов, которые предписывают человеку некие модели поведения с присущими им ощущениями и мыслями. Культура – это способ организации бытия, восприятия действительности. Культура определяет, как нам говорить и писать, как воспринимать друг друга. Следовательно, культурные элементы могут присутствовать эксплицитно и имплицитно в любом тексте, что создает определенные трудности в процессе перевода, оказывая влияние на качество перевода, если переводчик не способен адекватно интерпретировать имплицитные культурные следы или интерпретирует их неверно [8].

Общеизвестно, что концептуальные системы технических дисциплин являются стандартизированными. Однако данная стандартизация не универсальна, несмотря на все усилия ISO (Международной Организации по стандартизации). На пути к унификации стоит постоянно растущее число технических понятий и дисциплин. Концептуализация предметов у каждого народа происходит под воздействием культурно-исторических факторов.

Р. Штольце демонстрирует культурную обусловленность концептуализации в технической сфере на примере названий инструментов в английском и немецком языках. Сравним данные процессы еще и с русским и французским названиями. Французская лексема *soudure* не имеет однозначного эквивалента в английском, немецком и русском языках, так как термин обозначает и сварку (англ. *welding*, нем. *Schweissen*), и пайку (*soldering*, *Loten*). Это, конечно, не означает, что во французской технической культуре не проводится различия между данными методами соединения материалов, или что во Франции используется только один метод металлообработки. Просто во французской культуре выработались свои способы различения данных методов соединения материалов, отличные от тех, которые существуют в английской, немецкой или русской культурах.

Далее следует отметить, что культура оказывает влияние не только на концептуальные системы различных дисциплин, но и на способы словообразования. Приведем пример технического термина на английском, немецком, французском и русском языках: англ. *fuselage skinning*, нем. *Rumpfbekleidung*, фр. *revetement de fuselage*, рус. обшивка фюзеляжа.

Английский и немецкий термины представляют собой сочетание двух существительных, причем немецкий термин образован с помощью одного слова, что обязательно нужно помнить в процессе перевода. Во французском и русском языках порядок слов в терминологическом сочетании обратный немецкому и английскому языку, при

этом во французском словосочетании добавляется предлог *de* для передачи родительного падежа, который в русском передается с помощью окончания. В английском языке, в отличие от французского и русского, получили распространение номинативные словосочетания: *skin buildup* – подкрепление обшивки, *wing top skin* – верхняя обшивка крыла, *edge inspection* – контроль кромок (при сварке).

В данной структуре все существительные расположены линейно в виде цепочки, что часто вызывает трудности при переводе с английского языка на русский, поскольку сложно правильно определить границы таких словосочетаний и установить структурно-семантическую связь между членами такой цепочки.

Однако языковые различия, являющиеся результатом влияния культурных факторов, не ограничиваются уровнем словосочетанием. Они очень ярко проявляются и на синтаксическом уровне. Так, синтаксические структуры русского и немецкого языков являются более эксплицитными по сравнению с английскими синтаксическими конструкциями. Приведем примеры перевода с английского языка на русский:

1. *For storing, each carton is marked with up arrows.* – Правильное положение при хранении указано нанесённой на каждую упаковку стрелкой "вверх".

2. *Maintain a safe operating distance to other personnel.* – Следите за тем, чтобы во время работы другие люди находились на безопасном расстоянии.

Носители русского и немецкого языков более склонны к открытой вербализации пропозиционального содержания, в то время как в английских высказываниях смысл часто является имплицитным, что требует привлечения контекста для его декодирования. Поскольку имплицитность/эксплицитность речи является особенностью идиоматического использования языка, Р. Штольце полагает, что она обусловлена культурными факторами и должна быть отнесены к культурному аспекту перевода [8]. Таким образом, переводчику нужно помнить, что там, где английский допускает лаконизм, русский или немецкий языки требуют выразить мысль полностью [1].

Однако нужно отметить, что и английскому языку свойственна семантическая избыточность, которую требуется устранять при переводе на русский язык. Речь идет о так называемых парных синонимах. Приведем примеры: *the disadvantages and drawbacks* – недостатки; *the invention or discovery* – изобретение; *the purpose and object of the invention* – цель изобретения; *to improve and increase the efficiency* – повысить КПД; *changes and modifications* – изменения; *the spirit and intent* – суть изобретения; *the field and scope of the invention* – область изобретения.

В английском языке данные лексические единицы чаще всего выполняют декоративную функцию, являясь не-

отъемлемой составляющей делового и научного стилей. Русскому деловому и научному стилям такие "украшательства" не присущи, поэтому их следует избегать в переводе.

В пользу культурного своеобразия научно-технических текстов говорят и отличающиеся в разных языках жанровые конвенции и стилистические нормы. Сравним, к примеру, инструкцию к электрическому бытовому прибору на русском и английском языках.

Mains Plug is the TV connecting/disconnecting device to AC mains electric supply. This plug must remain readily attached and operable when TV is in use. – Сетевая вилка служит для отключения устройства. Вилка должна оставаться исправной.

Данный пример иллюстрирует, что русское высказывание является более лаконичным, чем английское. В частности, мы видим лексическое опущение в описании устройства – connecting/disconnecting device – служит для отключения; далее в русской версии не упоминается о том, что вилка должна быть исправна во время работы телевизора (англ. in use).

Рассмотрим еще один пример.

The user is informed of the status of the unit by means of five LED indicators on the terminal display and two LED indicators (yellow and green) on the main board. – Состояние агрегата отображается с помощью пяти светодиодов на дисплее и двух светодиодов (красного и зелёного) на основной плате контролёра.

В русской версии цвета yellow и green переданы как красный и зелёный. Следует отметить, что в техническом английском языке оранжевый цвет обозначается словом yellow, а в русском – red. Без сомнения, за такими различиями стоят культурные предпосылки.

Please note the arrow for direction of rotation on the fan

scroll. – Направление вращения должно совпадать со стрелкой на корпусе вентилятора.

В английской версии присутствует этикетное междометие please, отсутствующее в русском предложении. Английское высказывание сформулировано в форме повеления, в то время как русское имеет характер долженствования. Следует отметить, что английское повелительное наклонение в русских версиях довольно часто становится изъявительным со значением долженствования: Please respect the flow directions (inlet-outlet) mentioned on the unit. – Трубы водяного контура необходимо подсоединить в соответствии с маркировкой INLET (ВХОД) и OUTLET (ВЫХОД) патрубков агрегата.

Причины различий в характере изложения инструкций культурно детерминированы, поскольку английскому языку формы вежливости присущи в большей степени, чем русскому. В русском среди способов вежливо обратиться с просьбой можно выделить сослагательное наклонение с частицей "бы", модальные глаголы, пожалуйста, отрицательные конструкции. В английском ключевым словом является please, которое необходимо для любой просьбы, и поэтому встречается в английской речи гораздо чаще, чем в русской.

В заключение подчеркнем, что переводчики любых текстов, в том числе и технических, должны учитывать культурные различия, существующие между исходным и переводящим языками, и сглаживать их с помощью переводческих трансформаций. Технический перевод, как и любой другой вид перевода, требует создания коммуникативно равноценного текста на переводящем языке, что невозможно без культурных фоновых знаний. Культурные элементы в текстах имеют определенную языковую форму, проявляясь на различных уровнях – лексическом, грамматическом, стилистическом, прагматическом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климоз Б.Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. – М.: П. Валент, 2006. – 508 с.
2. Aixela F. The Study of Technical and Scientific Translation: An Examination of its Historical Development // The Journal of Specialized Translation. – 2004. – Issue 1. – P. 29–49.
3. BITRA. URL: http://www.ua.es/dfing/tra_int/bitra_en.htm (accessed on 27.09.2015).
4. Einstein A. The Evolution of Physics. The Growth of Ideas from Early Concepts to Relativity and Quanta. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
5. Encyclopedia Britannica. URL: <http://www.britannica.com> (accessed on 23.09.2015).
6. Kastberg P. Cultural Issues Facing the Technical Translator // The Journal of Specialized Translation. – 2007. – Issue 8. – P. 104–108.
7. Ortega y Gasset J. The Misery and the Splendor of Translation / R. Schulte, J. Biguenet (eds.). Theories of Translation: An Anthology of Essays from Dryden to Derrida. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – P. 93–112.
8. Stolze R. Dealing with cultural elements in technical texts for translation // The Journal of Specialized Translation. – 2009. – Issue 11. – P. 124–142.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ РЕЦЕНЗИЙ)

INTENTIONAL TYPES OF AUTHORS (A CASE STUDY OF LITERARY REVIEWS)

N. Molitvina

Annotation

The article represents types of author as a case study of contemporary literary reviews in print and online media. Types of critics and reviewers in existing scientific works are allocated for various reasons and reflect individual style, personal preferences, strategies of interaction with literature and reality. The author proposes generic types of reviewers that correspond with global textual intentions and change of priorities in book reviewers' practice from analysis with arguments, evaluation and interpretation to presenting themselves, advertising and entertainment. Literary expert, linguist in specialized issues continues the tradition of analytical criticism in journals writing for intellectual reader, preferring interpretation and evaluation to polemic or self-presenting. Journalist, advertising specialist is a type of author in glossy magazines about leisure time that combine strategies of magazine and newspaper criticism. Creation of a writer's reputation, promoting new names and self-presentation prevail there above reasoned analysis. "Evaluator" of literature, bibliographer is a type of author of lists, ratings that writes short texts – mini-reviews – that are close to annotations, comments, feedback in new online projects, deliberately combines informing and advertising strategies.

Keywords: author, critic, reviewer, intention.

Молитвина Надежда Николаевна
Аспирант, фак. журналистики,
каф. стилистики русского языка,
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Аннотация

Статья представляет типы автора на примере современных литературных рецензий печатных и сетевых изданий. В существующих научных работах типы критиков и рецензентов выделяются по разным основаниям и отражают индивидуальный стиль, личные предпочтения, стратегии взаимодействия с литературой и действительностью. Автор предлагает обобщенные типы рецензентов, соответствующие глобальным текстовым интенциям и смене приоритетов в практике книжных обозревателей с аргументированного анализа, оценки и интерпретации до самопрезентации, рекламы и развлечения. Литературный эксперт, филолог в специализированных изданиях продолжает традицию аналитической журнальной критики в расчете на подготовленного читателя, предпочитая полемику или самопрезентации интерпретацию и оценку. Журналист, рекламщик – тип автора досуговых глянцевого изданий, совмещающих стратегии журнальной и газетной критики. Создание репутации писателя, продвижение новых имен и самопрезентация преобладают здесь над аргументированным анализом. "Оценщик" литературы, библиограф – автор списков, рейтингов, создающий короткие тексты на стыке мини-рецензии и аннотации, комментария, отзыва в новых сетевых проектах, намеренно сочетающий стратегии информирования и рекламы.

Ключевые слова:

Автор, критик, рецензент, интенция.

С появлением специализированных медиа, посвященных сфере досуга, в качестве новых площадок для рецензий и литературных обзоров и выходом рецензентов на массовую аудиторию неспециализированных медиа в практике книжных обозревателей меняется суть рецензирования и его форма. И хотя "толсто-журнальное" и газетное, "тонкожурнальное", рецензирование всегда различались в отечественной традиции по цели, структуре, композиции, содержанию, языку, новая критика иначе представляет ситуацию на книжном рынке, отдает предпочтение коммерческим писателям, развлекательным и рекламным речевым стратегиям и малым жанрам.

Возникшие в 2000-е годы медиа наделяют литературную журналистику новыми свойствами: происходит

смена приоритетов с полемики, просвещения, интерпретации, прогноза до подчеркнуто субъективной оценки, самопрезентации, развлечения. В то же время происходит универсализация, обезличивание текстов, когда каждый новый обзор или рецензия отражают формат издания вместо индивидуального стиля.

Модифицированным жанрам соответствуют типы авторов, выступающие в нетрадиционных для критиков литературно-художественных журналов амплуа. Образ, или тип рецензента, может служить убедительным основанием для типологии современных разновидностей рецензии.

Описывая автора художественного и публицистического текстов, исследователи различают образ автора и

категорию автора.

Образ автора (в художественной литературе) определяется в сопоставлении с личностью писателя и фигурой повествователя. Это "концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчицами и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого" [Виноградов, 1971, с. 118].

Категория автора (в публицистике) определяется отношением к действительности и отношением к текстам. Объективное, субъективное, оценочное или безоценочное отношение, редко встречающееся в чистом виде, позволяет говорить об авторе—"пропагандисте", "полемисте", "редакторе", "летописце", "художнике", "аналитике", "репортере" или "исследователе" [Солганик, 2001, с. 76–80].

В критике, сочетающей качества публицистики и художественной литературы, образ и категория автора исследуются с разных позиций.

Сопоставляются фигуры литературоведа, критика и журналиста (обозревателя, рецензента). За литературоведом закрепляется место в академическом издании, критика отграничивается от журналистики и делится по статусу и задачам адресанта на профессиональную и дилетантскую. При этом различаются роли критика в литературном журнале и в массовой печати [Критика: эмоции, смысл, будущее, 2011].

Рассматриваются персональные коммуникативные и интерпретационные стратегии. Практика ведущих критиков рубежа XX–XXI веков иллюстрирует разнонаправленность литературного процесса, поиск новой идентичности – "критика-патриота", "постмодерниста", "критика-семиотика", "фантомной идентичности" или "журналиста в критике" [Говорухина, 2010, с. 286–415].

Описывается набор речевых масок, связанный с тактикой самопрезентации. Основываясь на ролевых перевоплощениях авторов, выделяются речевые маски критика—"врача", "учителя", "родителя", "библиофила", "блогера", "читателя", "ребенка", "свидетеля", "простачка" и "зануды" [Морева, 2014, с. 442–447].

Галерея портретов на основе статей и рецензий выстроена в монографии "Критика – это критики" С. И. Чуприниным. Герои С. И. Чупринина – критики старого и нового поколений: автор "критической прозы", "стилист" "шестидесятник" Лев Аннинский, "университетский", "профессорский" критик Анатолий Бочаров, "ментор" Наталья Иванова, "миноритарий" Илья Кукулин, "мечтатель"

Андрей Немзер, "землеустроитель" Дмитрий Бак, "мыслящая единица" Лев Данилкин и другие. Критики нового поколения ("последнего призыва") делятся С. И. Чуприниным по типажам (или маскам): эстет, хам, умник, смельчак, провокатор, сплетник, ерник, пижон [Чупринин, 2015, с. 433].

Альтернативный, хотя меньший по объему, цикл портретов в журнале "Литература" предлагает А. Г. Башкатова. С опорой на саморефлексию критиков и на стратегии их взаимодействия с литературой, читателем, действительностью здесь представлены "критик-инвентаризатор" Сергей Чупринин, "мифотворец" Валерия Пустовая, "вольнодум", "публицист" Владимир Новиков, "неклассический критик-деконструктор" Евгения Вежлян, "балганский дед", "шоумен" Василий Ширяев, "критик-текстофил" Юлия Щербина, "критик-блогер" Евгений Ермолин, "трансгрессор" Александр Чанцев, "движущийся филолог" Сергей Оробий, "библиофаг", "интеллектуальный журналист", "профессиональный читатель" Ольга Балла [Башкатова, 2015]. Критик, по А. Г. Башкатовой, – сотворец и собеседник, миссионер и медиатор между автором и читателем. Критика – вызов, осмысление и полемика, средство самовыражения и воздействия на читателя, способ оценить качество текста и "вырастить" собственный, авторский жанр.

Под действием экстралингвистических факторов в современном медиадискурсе происходит изменение коммуникативных характеристик жанров. Рецензия – первичный для критики жанр – адаптируется под формат массовых печатных и сетевых изданий. Ее разновидности различаются по объему, содержанию, структуре, задачам, стилю изложения, образам адресанта и адресата. В том числе отличает современные рецензии интенциональность (как "способность текста отражать авторское коммуникативное намерение" [Клушина, 2012]).

Остановимся подробнее на интенциях критиков, влияющих на коммуникативные характеристики рецензий, и посмотрим, о каких типах автора можно говорить в современной практике книжных обозревателей с большим или меньшим присутствием личности рецензента в тексте.

Литературный эксперт, филолог ("НГ-Экслибрис", "Кольта" и др.)

Тип литературоведа, эксперта, филолога складывается на страницах специализированных изданий, где преобладает подчеркнуто объективное, отстраненное, преимущественно нейтральное аргументированное повествование, сближающее рецензию с научным дискурсом (теорией и историей литературы). Интерпретация и оценка – традиционные задачи литературно-художественной

критики – заметно влияют здесь на коммуникативные характеристики текстов. Беспристрастный наблюдатель, автор стремится объяснить исключительность произведения в контексте текущего литературного процесса, не допуская при этом излишне категоричных высказываний. Повествование от 3 лица преобладает над личными суждениями, страдательный залог – над действительным. Унаследованные от критики предыдущих поколений задачи эстетического воспитания и просвещения сказываются на логичности и подробности рассуждений, расшифровке терминов и критических параллелей. Эксплицитно выраженная, обоснованная оценка, иллюстрации–цитаты, объективная текстовая модальность, минимум домыслов, личных впечатлений и ассоциаций, широкий контекст, выраженные интертекстуальные связи, сложившиеся правила представления авторов, научный аппарат (от внутритекстовых и затекстовых ссылок до библиографии) и вопросно–ответная форма изложения (как полемика с писателями, читателями, коллегами) подчеркивают статус критического высказывания, даже ограниченного рамками малого жанра:

Трудно назвать стихи Горалик сложными с точки зрения выбранного языка, в этом смысле они вполне демократичны (что совпадает с ее стратегией автора–"многостаночника", да простится мне эта техническая метафора), но также трудно назвать их "простыми", так как они в явной и неявной форме соотносятся с самыми разными областями знания, от фольклористики до фармакологии, и "перемалывают" множество дискурсов, вскрывая неочевидные и тупиковые связи между ними. Например, эсхатологические мотивы в этих текстах становятся более выпуклыми на фоне нарочито сниженных или объективистских пассажей... (Денис Ларионов, "Кольта", 2015, 15 июля).

Журналист, рекламщик ("Афиша–Воздух", "Коммерсант–Уикэнд" и др.)

Экспрессивность, намеренное нарушение логики повествования и свободная композиция, категоричность оценок, интрига, узнаваемый идиостиль и выраженное присутствие рецензента в тексте характерно для другого "полюса" "тонкожурнальной" критики и литературной журналистики – с автором–обозревателем, журналистом, рекламщиком или пиарщиком. Этот автор открыт по отношению к читателю, легко становится на его сторону, позиционирует себя как скептика ("Врач этот великий, побольше нас с вами, скептик..." – Лев Данилкин, "Афиша–Воздух", 2015, 30 окт.), добросовестного критика ("К хорошей книжке придирается не хочется, но добросовестность не позволяет хвалить без оговорок" – "Афиша–Воздух", 2015, 8 июня) и лидера мнений ("Подобную ситуацию... очень смешно описывал на собственном опыте

Александр Чудаков в романе "Ложится мгла на старые ступени" (который мы не устанем пропагандировать, пока он не придет в каждый дом)" – "Афиша–Воздух", 2015, 8 июня). Его "восторженность" и "всеядность" (отличный нон–фикшн, лучший триллер, бестселлер номер один) не высоко ценится в профессиональном цехе, однако оправдывается новыми функциями газетной и сетевой критики: развлечением читателей, рекламой и выбором книжных новинок.

"Оценщик" литературы, библиограф: автор списков, рейтингов, книжных полок ("Теории и практики", "Букмейт" и др.)

Авторы популярных "списков" в печатных и сетевых медиа к числу рецензентов относятся весьма условно: короткие тексты по поводу книг пишутся на стыке мини–рецензии с аннотацией, комментарием, отзывом. "Полка" и "список" полностью подчиняется концепции автора, прямо или косвенно присутствующем в каждом высказывании. Авторские интенции при этом расходятся существенно (от информирования до рекламы, настойчивой рекомендации или антирекомендации) и зависят не только от объекта рецензирования, но и от статуса рецензента.

Опубликованный в 1950–х и изданный в пяти томах, этот исторический роман, первоначально написанный на тамильском языке, рассказывает историю Раджараджи Чолы Первого – одного из королей династии Чола, правившего в X–XI веках. Создание романа заняло у Кришнамурти три года и шесть месяцев – вероятно, его чтение займет столько же (не учитывая необходимость изучения языка) ("Подвиг концентрации: 10 самых длинных романов", Ксения Васильева, "Теории и практики", 2015, 17 апр.).

Литературный критик Алиса Ганиева довольно давно переключилась в прозаики. Только что вышел роман "Жених и невеста", но посоветовать хочу в первую очередь дебютную повесть "Салам тебе, Далгат!" о дагестанском пареньке, бродящем по Махачкале. Повесть может показаться невнятно написанной, но это – импрессионизм с примесью экспрессионизма. Реплики персонажей в основном косноязычны, но так в Дагестане, где чуть ли не в каждом селении свой язык, и говорят. Короче, почитайте ("Новая русская проза" – книжная полка Романа Сенчина в электронной библиотеке "Букмейт", август 2015).

В условиях коммерциализации литературы тематическая подборка и книжная полка позволяют найти компромисс между информацией и анализом, выстроенной иерархией современной словесности и комментарием за–

метных явлений.

Существенно отличающиеся один от другого типы авторов иллюстрируют основные стратегии книжных обозревателей современных специализированных, качественных, массовых печатных и сетевых медиа, отражают взгляд на критику как на искусство, науку и журналистику.

Займствуя "самоназвания" из профессиональных дискуссий на страницах специализированных изданий, мы можем выделить обобщенные типы рецензентов, соответствующие основным форматам современной литературной журналистики и глобальным текстовым интенциям.

Рецензент-литературовед (литературный эксперт), филолог работает в специализированных изданиях, продолжающих традицию аналитической журнальной критики в расчете на подготовленного читателя. Убедительность, объективность, проблемность, близкий к нейтральному стиль и обширный контекст сближают его тексты с академическими исследованиями. Ведущие авторские интенции – интерпретировать и оценить книгу, разобрав идею, стиль, фабулу, сюжет, особенности характеров, творческую биографию автора, художественный и социальный контекст.

Журналист, рекламщик – тип автора досуговых глянцевого, "интеллектуальных" сетевых и печатных изданий,

совмещающих стратегии журнальной и газетной критики. Создание репутации писателя, продвижение новых имен и самопрезентация преобладают здесь над аргументированным анализом. Повествование строится на "особых приметах" книги, скандальности, премиальности и запоминающихся с точки зрения аудитории фактах.

"Оценщик" литературы, библиограф – автор новых сетевых проектов, близких по задачам к информационной газетной критике и рекламе. Краткие оценки, поверхностные ассоциации, развлекательные ходы ориентируют читателя на книжном рынке, привлекают внимание, позволяют отразить не только художественную литературу, традиционно являющуюся объектом рецензирования, но и документальную. Этот тип автора чаще других работает с популярными среди читателей списками и рейтингами.

Образ рецензента складывается подобно образу автора в художественном произведении, но с меньшей условностью. Из разрозненных замечаний формируется целостное представление о специализации и творческой биографии критика, помогающее ориентироваться на книжном рынке не хуже высказанных автором прямых положительных и отрицательных оценок.

Равно важными для характеристики рецензентов остаются личность автора и созданный им образ, метод работы, иерархия ценностей, отношение к писателю и читателю, идиостиль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкатова А. Г. По направлению к идеалу // Литература. 2015. Часть I. № 57. [Электронный ресурс]. URL: <http://literatura.org/criticism/1299-anastasiya-bashkatova-po-napravleniyu-k-ideal.html>.
2. Башкатова А. Г. По направлению к идеалу // Литература. 2015. Часть II. № 65. URL: http://literatura.org/issue_criticism/1493-anastasiya-bashkatova-po-napravleniyu-k-ideal-chast-ii.html
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
4. Говорухина Ю. А. Русская литературная критика на рубеже XX–XXI веков: дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01. Томск, 2010.
5. Клушина Н. И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме // Медиаскоп. 2012. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://mediascope.ru/node/1242>
6. Критика: эмоции, смысл, будущее // OpenSpace. 2011. 26 мая. [Электронный ресурс]. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/22635/>
7. Морева А. Н. Типология речевых масок в жанре литературной рецензии (на материале "Литературной газеты") // Вестник Нижегородского ун-та. 2014. № 1(1).
8. Солганик Г. Я. Автор как стилообразующая категория публицистического текста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3.
9. Чупринин С. И. Критика – это критики. Версия 2.0. М., 2015.

КЛАССИФИКАЦИЯ И СИСТЕМАТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ

CLASSIFICATION AND TAXONOMY OF SOCIAL DIALECTS

O. Morozova

Annotation

The article deals with the taxonomy of social dialects, professional language as a social dialect. Special attention is paid to professional dialects and jargons group. National language specifies the term sublanguage, and the combination uncodified sublanguage indicates the existence of the standard part of sublanguage – codified.

Keywords: social dialect, sublanguage, professional version of the language, professional speech and communication.

Морозова Ольга Алексеевна
К.филол.н., ст. преподаватель,
Елабужский институт Казанского
Приволжского федерального
университета

Аннотация

В статье рассматривается таксономия социальных диалектов, профессиональный язык как один из видов социального диалекта. Особое внимание уделяется профессиональным говорам и групповым жаргонам. На общенациональный язык указывает термин подъязык, а сочетание некодифицированный подъязык указывает на существование соответствующей стандартной части подъязыка – кодифицированной.

Ключевые слова:

Социальный диалект, подъязык, профессиональный вариант языка, профессиональная речь, коммуникация.

В современном обществе стремительно развиваются международные контакты, новейшие технологии, происходит оперативный обмен информацией, и, соответственно, возникает необходимость вовлечь в спектр исследовательских интересов профессиональные языки. Все более актуальным становится процесс изучения различных аспектов межкультурной профессиональной коммуникации.

Язык развивается и функционирует в обществе как социальное явление, отражая естественные процессы данного общества, подвергаясь воздействию общественных факторов. Социальное общество неоднородно и соответственно это проявляется в социальной дифференциации языка. Разные социальные группы, совокупности людей, имеют различные социальные признаки и выполняют различные общественно необходимые функции. Различают обычно: общественные классы, профессиональные группы, возрастные группы, а так же производственные бригады, компании друзей, соседей. Устойчивая социальная общность характеризуется едиными условиями жизнедеятельности людей, состоящих в каких-то отношениях и объединенных общей культурой.

В основе классификации социальных диалектов – функциональный параметр [2, с. 236]: (1) собственно профессиональные "языки" (лексические системы рыбаков, нефтяников, моряков, сапожников, других промыслов и занятий); (2) групповые (корпоративные) [4, с. 297] жаргоны учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других коллективов; (3) условные языки (арго) ремесленников-охотников, торговцев и близких к ним социаль-

ных групп; (4) жаргон (арго) деклассированных. Социальные диалекты подразделяются на две группы: профессиональные говоры и жаргоны (тайные условные языки – арго, корпоративные говоры – сленг, классовые жаргоны – язык аристократии) [5, с. 3]. В качестве примера рассмотрим профессиональные "языки" и групповые (корпоративные) жаргоны. Современные исследования в социальной диалектологии позволяют сделать ряд выводов: (1) Между профессиональными языками и социальными жаргонами почти во всех случаях ставится знак равенства, но это не совсем справедливо, так как между ними имеются коренные отличия. В основе профессионального социума – практическая деятельность, которая осуществляется на основе определенных законодательно утвержденных актов. И любой профессиональный коллектив имеет связь с органами власти, обслуживаемый нормативной, литературной составляющей соответствующего профессионального подъязыка. Понятие "социальная общность" является родовым по отношению к понятию "профессиональная"; (2) Характеристика жаргона (как правило, социального) в современной лингвистической литературе рассматривается в отрыве от литературной составляющей соответствующего языка. И это может быть в определенной степени оправдано. Социальные коллективы (например, молодежные, религиозные, коллективы по интересам) могут быть стихийно возникшими, общественными, они могут не иметь контактов с органами власти, им не нужна официальная составляющая, необходимая в профессиональном коллективе для контактов с государством; (3) Существует утверждение,

что жаргон (молодежный, студенческий, военный) возникает, развивается и функционирует на почве общенационального языка. Но следует заметить и то, что жаргон как форма существования языка никогда не утрачивает своих связей с нормативной составляющей – стандартной, кодифицированной частью соответствующего профессионального подъязыка, реализуемой в рамках соответствующей терминосистемы. Студент, владея кодифицированным вариантом и в устной речи заменяя его на некодифицированный всегда ощущает дихотомию "стандарт" – "субстандарт". В этих условиях исследуя только жаргонизированную часть подъязыка, исследователь "режет по живому", отсекая кодифицированную часть и игнорируя реально существующие связи языковых единиц. И если арго деклассированных или жаргон сутенеров не имеют соответствующего кодифицированного компонента, то исследователь любого профессионального варианта языка не может игнорировать соответствующую терминологию. Таким образом, термин жаргон в отношении некодифицированной части профессионального языка неудовлетворителен тем, что (1) нивелирует различия между социальными и профессиональными формами существования языка; (2) и игнорирует наличие соответствующего профессионального стандарта. Термин подъязык указывает на связь с общенациональным языком, а сочетание некодифицированный подъязык указывает на существование соответствующей стандартной части подъязыка – кодифицированной.

Результатом взаимодействия различных факторов и культур является такая историческая категория, как профессиональный язык, основной характеристикой которого является употребление терминов или лексико-фразеологических единиц, которые бы им соответствовали. Важно не только их использование в речи, но и развитие.

Устная речь очень разнообразна, в ней присутствует огромное количество функциональных стилей. [6, с. 105]. Это различные виды профессиональной, но не научной речи. Если, профессиональное общение врачей еще можно отнести к научному образу самовыражения, то общение врачей с больным – это другой уровень. То же самое можно сказать о разговоре работников гостиницы или бухгалтерии, общению нефтяников на буровой. При существующих различиях в речи разных профессиональных групп в ней есть и общее: явная близость к раз-

говорной речи [6, с. 29].

Нужно понимать, что важными компонентами профессиональной речи являются языковые средства, выбор которых обусловлен социальными, психологическими и лингвистическими потребностями. К такой речи мы относим термины, профессионализмы и слова, у которых отсутствует стилистическая окраска. Это может быть любая речь, но ее связь должна быть обусловлена профессиональной потребностью, как правило, специалистами локальной области.

То, чем занимаются представители определенной профессии и является предметом профессиональной речи. Данный ее вид по большей части является устной формой речи, тем не менее, может быть и письменной. К письменной профессиональной речи мы можем отнести деловые документации, письменное деловое общение. Такая речь используется как в официальной, так и в неофициальной обстановке. Задачей общения в нашем случае является обеспечение профессиональной деятельности. Наиболее отличительные признаки профессиональной речи – это, прежде всего, её связь с терминами, профессионализмами, сленгом.

Итак, можно сказать, что профессиональная речь – это и есть особый коммуникативный вид деятельности, который обеспечивает, собственно, саму профессиональную деятельность, при этом любая коммуникация, происходящая между специалистами на профессиональные темы, может протекать как в устной форме, так и в письменной, как в официальной обстановке, так и нет.

В профессиональной речи можно встретить огромное количество жанров. Их многообразие удивляет. Сюда входят письменные жанры, обладающие свойствами научного изложения: техническое описание, руководство и т.д. Помимо них, входят и речевые жанры: например, инструкция. К профессиональной речи могут быть отнесены и тексты команд, функционирующие в речи летчиков, горняков и т.д. Так же как и инструкции, команды выполняют в речи нормативную функцию, регламентируя профессиональную деятельность человека. Но в отличие от инструкций, выполняющих наряду с нормативной еще и информативную функцию, команды наделены функцией сигнальной. Это отличие обуславливает различие форм этих речевых жанров [3, с. 34].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении /Н. Д. Андреев. – Л.: Наука, 1967. – 404 с.
2. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика /В.Д.Бондалетов. – М.: Просвещение, 1987. – 236 с.
3. Гарбовский, Н.К. О функционально-стилистической вариативности языка [Текст] / Н.К. Гарбовский // Вопросы системной организации речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 9-35.
4. Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты /В.М. Жирмунский – Л., Гослитиздат. 1936. 297 с.
5. Красса С.И. Арготические фразеологизмы в современном русском языке: семантический и лингвокультурный аспекты /С.И. Красса – Ставрополь, 2000. – 158 с.
6. Сиротина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.

К ВОПРОСУ О ВАРИАНТНОСТИ В СФЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРЕМИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

TO THE QUESTION ABOUT
THE VARIATION IN THE SPHERE
OF FUNCTIONING OF PROVERBS
IN THE RUSSIAN AND ENGLISH
LANGUAGES

*E. Osheva
S. Shustova*

Annotation

The paper discusses the questions of variation in the sphere of functioning of proverbs based on the Russian and English languages. Synonymous, lexical, grammatical substitutions fulfill a function of specification, in this case certain evaluativity and variative conceptual content become actual. The Russian corpus presents the wide variation in contrast to English because it has more functional richness of paremiological means.

Keywords: variation, synonymous substitution, lexical substitution, addition, function, corpus, functional richness.

Ошева Елена Анатольевна

*К.филол.н., старший преподаватель,
Институт иностранных языков
и лингвокоммуникаций в управлении,
Государственный университет
управления, Москва*

Шустова Светлана Викторовна

*Д.филол.н., профессор, каф. рекламы,
связей с общественностью и гуманитарных
дисциплин, Пермский институт
экономики и финансов*

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы вариантности в сфере функционирования паремий на материале русского и английского языков. Синонимические, лексические, грамматические замены выполняют функцию уточнения, в этом случае актуализируются определенная оценочность, вариативное понятийное наполнение. В отличие от английского, русский корпус паремий демонстрирует более широкую вариантность, что свидетельствует о функциональном богатстве паремиологических средств русского языка.

Ключевые слова:

Вариантность, варьирование, синонимическая замена, лексическая замена, аддиция, функция, корпус, функциональное богатство.

Исследованием паремиологии занимаются многие современные лингвисты, такие как С.Н. Аверина [1], Н.Ф. Алефиренко [3], О.Н. Антонова [5], Е.Е. Бровкина [6], М.М. Копыленко, Э.Д. Попова [12], Г.Л. Пермяков [14], И.А. Подюков [15], Н.Н. Семененко [18], О.Е. Фролова [19] и др. В отечественной паремиологии изучаются закономерности образования паремий, их объективные характеристики, синтаксическая структура, функциональные свойства, а также особенности их бытования в языке и речи. Исследования посвящены в большей мере национальной картине мира [13, с. 21].

Английские и американские исследователи, такие как W. Mieder [24, 25], A. Dantes [22], B.J. Whiting [26], делают акцент на сопоставительных вопросах, сравнивая паремиологию различных языков. Изучение паремиологии ведется с точки зрения психологии, литературоведения, лингвистики, истории, фольклористики и антропологии. Американские исследователи, также как и отечественные, затрагивают анализ происхождения, историю паремий, их структурные и семиотические особенности.

По мнению К. Ажежа, вариативность – это и есть сама реальность, и всякие попытки редуцировать или игнорировать её приводят к построению лингвистики, лишенной социального содержания [2, с. 216].

Языковая и речевая вариативность с разных позиций становятся объектом и предметом научного анализа различных дисциплин: языкознания, философии, психолингвистики, психологии и др. В общем языкознании вариативность признается важнейшим многомерным свойством языковой системы, заслуживающим выделения в самостоятельный объект всестороннего изучения с позиций внешней и внутренней лингвистики, синхронии и диахронии [8, с. 76]. В лингвистических работах часто используются понятия "вариативность", "вариантность", "варьирование", "вариант". Чаще всего данные термины используются недифференцированно, обозначая при этом несколько различных понятий.

Г.В. Демидова отмечает, что понятие вариативность, или вариантность, не является изначально лингвистиче-

ским. Этот междисциплинарный термин, с помощью которого обычно характеризуют структуру, существование и функционирование объектов, получил распространение после опубликования работ представителей Пражского лингвистического кружка. Он двояко используется в работах, посвященных единицам языка и их функционированию. Вариантность – это характеристика языковой модификации, являющейся результатом эволюции использования разных языковых средств для обозначения сходных или идентичных явлений. Основными характеристиками вариантности являются понятия "вариант", "инвариант", "варьирование" [10, с. 494].

Варьирование является основным источником исторических изменений, а также формой реализации изменений, а вариантность представляет собой источник и форму реализации тех формальных изменений, которые претерпевают лингвистические единицы, представленные данными рядами вариантов [16, с. 53]. Варьирование языка в различных сферах и условиях его коммуникативного использования стало одной из задач сравнительно новой отрасли языкознания – социолингвистики, а относительно парадигматических и синтагматических вариантов помогала создавать адекватные описания при исследовании грамматических особенностей отдельных языков [21, с. 18].

Вариантность изучается в различных аспектах, например, Л.А. Глинкина рассматривает грамматическую вариантность как объект исторической русистики. Автор отмечает, что "узловые вопросы вариативности онтологически связаны в отечественном и зарубежном языкознании с такими глобальными проблемами, как отдельность и тождество слова, соотношение в нем лексического и грамматического, взаимодействие словообразования, словоизменения и формообразования, поуровневый анализ парадигматики и синтагматики языковых единиц, формирование нормы, специфика речевой деятельности и сферы коммуникации, механизм языковой эволюции. Такая многомерность предмета вариативности придает новому направлению в лингвистике интегративный характер [8, с. 77].

Живое употребление языковых единиц стимулирует их варьированность. Все единицы языка представлены в виде множества вариантов, это обусловлено присущим им свойством "экземплярности". Каждая единица существует в виде множества экземпляров, оставаясь при этом собой. Само бытие отдельной единицы языка есть её варьирование, сосуществование множества ее вариантов [20, с. 81]. Варьирование фиксируется на всех языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, семантическом, синтаксическом.

Д.Н. Давлетбаева, рассматривая внутримодельную вариантность фразеологических единиц в русском и английском языках, предлагает выделить следующие типы структурных вариантов: грамматические, лексические, количественные, смешанные. На примере фразеологических единиц автор делает вывод о том, что в русском

языке грамматическая вариантность представлена намного разнообразнее, чем в английском языке, что объясняется спецификой грамматического строя русского языка [9, с. 91]. Автором выделяются также лексические субституции на основе синонимических, тематических, гиперо-гипонимических рядов и др. Варианты с неодинаковым числом компонентов, образованных путем их усечения или прибавления, называются количественными вариантами. В смешанных вариантах сочетаются грамматические и лексические типы вариантности [9, с. 91].

Вариантность является одним из интереснейших явлений в паремиях – в нем проявляется воздействие специфических факторов, характеризующих в целом функционирование паремий в паремиологическом пространстве, то есть в окружении выражений, с которыми она связана разнообразными отношениями. Это дает основания для особого сопоставления этих единиц, для выявления общего, типического, повторяющегося – в том числе и в варьировании [17, с. 5–6]. А наблюдение за явлением вариантности способно прояснить динамику фразеобразования, лингвистические факторы появления и дальнейшего развития устойчивых единиц, их речевую "гибкость" [17, с. 7].

В русском и английском паремийных фондах выделяются 4 группы различных видов вариантности (материалом для исследования послужили словари [4, 7, 11, 22, 23, 24, 25, 26]). К этим разновидностям относятся синонимические замены, лексические замены, изменения грамматической формы и аддиции.

Синонимические замены

Синонимия свойственна всем естественным языкам и является важнейшим типом парадигматических отношений. В фокусе нашего внимания находятся синонимические замены. Регулярно встречаются синонимические замены имени существительного (N1 → N2): Бог (господь) терпел и нам велел; Свет (мир) не без добрых людей; Видит око (глаз), да зуб неймет; Моя хата (изба) с краю, я ничего не знаю; Первая рюмка (чарка) колом, вторая соколом, третья мелкими пташечками.

Фиксируются синонимические замены глаголов. Следует отметить, что особенностью глаголов является их способность втягивать в вариантную парадигму синонимические формы, образованные от одной основы, от разных основ с помощью разных приставок (V1 → V2): Пошел (зашел) к куме, да засел в тюрьме; Кто старое помянет (вспомынет), тому глаз вон; Заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьет (расшибет); Пришла беда, отворяй (растворяй, открывай) ворота; Семь раз примерь (отмерь), один раз отрежь.

В паремиях наблюдаются замены имени прилагательного (Adj1 → Adj2): Мала (невелика) птичка, да ноготок востер (остер); Нет милее дружка, как родная (родимая) матушка; Худую (дурную, сорную) траву из поля вон; Смелому горох хлебать, а несмелому (робкому) и пустых

щей не видать.

В процессе анализа эмпирического материала выявлены редкие случаи местоименных замен (Pr1 → Pr2): Который (какой) палец ни укуси, все одно больно; Всякому (каждому) своя болячка больна; На всякого (каждого) мудреца довольно простоты. Редко встречается синонимия адвербиальных компонентов паремий (Adv1 → Adv2): Там (езде) хорошо, где нас нет; Раньше (прежде) смерти не умрешь.

В английском языке выделяются следующие группы синонимических замен:

Замены имени существительного (N1 → N2): The devil (Satan) rebuking sin; The beggar may sing before the thief (before a footpad); Lord (God, Heaven) helps those (them) who help themselves; If an ass (donkey) bray at you, don't bray at him; You cannot judge a book by its cover (binding).

Замены имени прилагательного (Adj1 → Adj2): Appearances are deceitful (deceptive); Empty vessels make the greatest (the most) sound; A good (the greatest) remedy for anger is delay.

Замены глагола (V1 → V2): Speak (talk) of the devil and he will appear; To draw (pull) in one's horns; All that glitters (shines) is not gold.

Встречаются замены наречий (Adv1 → Adv2): Misfortunes never comes alone (singly).

Лексические замены

Рассматривая вопрос о лексических заменах, необходимо иметь в виду взаимозаменяемость компонентов паремий. Данные компоненты сближаются на основании представлений, входящих в значения слов (реалии окружающего мира). Применительно к вариантности паремий речь может идти о паремиологической динамике, то есть о варьировании устойчивых выражений, варьировании их компонентного состава и семантических характеристик. Для паремиологии лексическое варьирование является наиболее значимым, так как, по мнению Е.И. Селиверстовой, оно представляется обычной формой существования паремий, естественным проявлением ее языковой вариативности [17].

Анализ материала демонстрирует замены различных частей речи, например, имен существительных (N1 → N2): По платью (по одежке) встречают, по уму провожают; Выше лба уши (глаза) не растут; Седина в бороду (голову), а бес в ребро; Запас кармана (мешка) не трет.

Рекуррентными считаются также случаи замены глагола (V1 → V2): Бабушка еще надвое сказала (гадала): либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет; Не спросясь (не зная) броду, не суйся в воду; Дело не медведь в лес не уйдет (не убежит); Нужда скачет, нужда пляшет (плачет), нужда песенки поет.

Довольно часто отмечаются случаи замен имен прилагательных (Adj1 → Adj2): Барышу наклад большой (родной) брат; Дорого яичко к великому (светлому) дню; По грибы не час, и по ягоды нет, так хоть по сосновы

(еловые) шишки.

В результате анализа выявлены примеры замен наречий (Adv1 → Adv2): Пословица недаром (не мимо) молвится.

Характерными мы считаем также случаи местоименных замен (Pr1 → Pr2): Будет и на нашей (моей, твоей) улице праздник; Вашими (твоими) бы устами да мед пить; Не мой (твой, наш, ваш) воз, не мне (тебе, нам, вам) его и везти.

Единичными примерами представлены смешанные тип замен, например, замена имени прилагательного на местоимение (Adj → Pr): На чужой (на всякий) роток не накинешь платок; От домашнего (своего) вора не уберешься.

В английском языке так же, как и в русском, встречаются лексические замены. Замена имени существительного наблюдается довольно часто (N1 → N2): The face is the index (mirror) of the mind (heart); Give him an inch and he'll take a yard (an ell); Life is not all cakes and ale (beer and skittles); The receiver (accomplice) is as bad as the thief.

Частотными являются случаи замен глаголов (V1 → V2): After dinner sit (sleep) a while after supper walk a mile; Between two stools one goes (falls) to the ground; Don't whistle (halloo) until you are out of the wood; To make (to turn) the air blue; To put (set) the cart before the horse.

Анализ материала демонстрирует редкие случаи замен имен прилагательных (Adj1 → Adj2): Fortune favours the brave (the bold); If you want good (foolish) advice, consult an old man; His bark is louder (worse) than his bite.

Единичны случаи замены местоимений (Pr1 → Pr2): To love somebody (something) as the devil loves holy water.

Довольно редко встречаются замены предлогов (Prep1 → Prep2): When in (at) Rome, do as the Romans do; наречий (Adv1 → Adv2): Politeness costs little (nothing), but yields much; союзов (Conj1 → Conj2): The cat would eat fish and (but) wouldn't wet her paws; артиклей (Art1 → Art2): A (the) cat may look at a (the) king.

Следует отметить наличие смешанных типов замен: а) артикль и притяжательное местоимение (Art → Pos.Pr): All is not grist that goes to the (his) mill; Don't burn the (your) candle at both ends; б) наречие и числительное (Adv → Num): Always (three times) a bridesmaid but never a bride; в) существительное и личное местоимение (N → Pr): A friar (he) who asks alms for God's sake begs for two; г) прилагательное и наречие (Adj → Adv): Anticipation is better (twice) than realization.

Изменение грамматической формы

В отдельную группу замен мы относим изменения грамматической формы слова. Здесь выделяются такие подгруппы, как изменение рода, частеречной принадлежности, числа, редукция формы, использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, изменение падежа либо выбор одного из окончаний падежа: а) изменение рода: Дурак (дура) спит, а счастье у него (у ней) в

головах стоит; Старый конь (старая кобыла) борозды не испортит; б) изменение частеречной принадлежности: Взял (взяв) лычко, отдай ремешок; в) изменение числа: Волков (волка) бояться – в лес не ходить; Дурака (дураков) учить, что мертвого лечить; Дуракам (дураку) закон не писан; Лбом стены (стену, стенку) не прошибешь; г) редукция формы: Не всякое (не всяко) лыко в строку; Быль молодцу не укор (не укора); Всякий (всяк) молодец на свой образец; За вкус не берусь, а горяченько (горячо) да мокренько будет; Ласковое теля (телятко, теленок) двух маток сосет; д) наличие уменьшительно-ласкательных суффиксов: И на старуху (старушку) бывает проруха (прорухка); Деньги (денежки) счет любят; Игуменья за чарку (чарочку), сестры за ковши; Не учили, покуда поперек лавки (лавочки) укладывался, а во всю вытянулся – не научишь; е) изменение падежа либо выбор одного из окончаний падежа: Для милого дружка и сережка (сережку) из ушка; Перерод хуже недороду (недорода); Колос от колоса (колосу) – не слышать голоса; Суженого и конем (на коне) не объедешь.

Так же, как и в русском языке, в английском наблюдаются случаи изменения грамматической формы: а) изменение залога: 'Almost' never killed a fly (was never hanged); Never put off till tomorrow what you can do (can be done) today; б) изменение формы глагола: Once bitten (bit), twice shy; Speak of the devil and he will appear (is sure to appear); в) изменение формы притяжательного падежа: Blushing is virtue's color (the color of virtue).

Аддиции

На материале русского языка выявлены случаи функционирования аддиций (дополнительный компонент): а) субстантивная аддиция: Укатали сивку (бурку) крутые горки; Воду (в ступе) толочь – вода и будет; Жив (человек) смерти боится; Авось да небось – возьми да (из головы) брось; б) адъективная аддиция: В (чистом) поле четыре воли; День (летний) год кормит; Не поглядев в святцы, да и бух в (большой) колокол; в) адвербиальная аддиция: (Пока) Баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает; Кто в море не бывал, тот (досыта) Богу не маливался; г) глагольная аддиция: Как собака на сене (лежит): сама не ест и другим не дает; Не единым хлебом (будет) жив человек; Не с чего (ходить), так с бубен; По сытому брюху хоть обухом (бей); д) местоименная аддиция: Все мы люди, все (мы) человеки; Знай (всяк) сверчок свой шесток; Золото моем, (а сами) голосом воем; е) количественная аддиция: За (одного) битого двух небитых дают; ж) союзная аддиция: Беды мучат, (да) уму учат; Без имени (и) овца баран; Без труда не вынешь (и) рыбку из пруда; Что с возу упало, то (и) пропало; з) сентенциальная аддиция: Без Троицы дом не строится (без четырех углов изба не становится); Бог наплатил, никто не видал (а кто и видел, тот не обидел); Бог не без милости (казак не без счастья).

Для английского языка также характерны различного рода аддиции в структуре паремии: а) артиклевая адди-

ция: (A) bad tree does not yield good apples; (A) bad workman blames his tools; (The) apparel makes the man; б) сентенциальная аддиция: Christmas comes but once a year (but when it comes it brings good cheer); Absence makes the heart grow fonder (but don't stay away too long); We are all Adam's children (silk makes the difference); When alone, we have our thoughts to watch (when in the family, our tempers; when in society, our tongues); в) адвербиальная аддиция: The best is (oftentimes) the enemy of the good; The apparel (often) makes the man; It (always) takes two to make a bargain; г) глагольная или предложно-глагольная аддиция: No news (is) good news; Accidents (will) happen in the best of families; (Don't) stretch (out) your arm farther than the sleeve will reach; д) предложная и предложно-артиклевая аддиция: The absent are always (in the) wrong; There are more ways of killing the dog than (by) hanging; Might as well be hanged for a sheep as (for) a lamb; The best is cheapest (in the end); е) союзная аддиция: (As) cool as cucumber; Birth is much, (but) breeding is more; ж) местоименная аддиция: No sweet without (some) sweat; з) субстантивная аддиция: Nothing goes over the (devil's) back but that comes out under the (devil's) belly; и) адъективная аддиция: One father is (worth) more than a hundred schoolmasters [13, с. 45].

Как в русском, так и в английском языках синонимические замены наблюдаются в области функционирования разных частей речи: имени существительного, прилагательного, глагола, наречия, местоимения. Синонимические замены глагола чаще представлены в русском языке, чем в английском. Помимо синонимических замен наша выборка демонстрирует лексические замены, которые наблюдаются при функционировании таких частей речи, как имя существительное, глагол, имя прилагательное, наречие, местоимение. Однако для английского языка характерны также замены предлогов, союзов и артиклей. В лексических заменах русского и английского языков выделяются смешанные типы. Так, в английском языке представлено большое количество смешанных типов: замена артикля на притяжательное местоимение, замена наречия на числительное, замена существительного на личное местоимение, а также прилагательного на наречие. Для русских паремий выделена одна группа: замена прилагательного на местоимение.

Синонимические и лексические замены могут выполнять функцию уточнения, так как позволяют не только отразить мысль, но и придать слову определенную оценочность. В отличие от английского, русский корпус паремий имеет от двух до трех лексических вариантов разного рода замен, что позволяет отразить функциональное богатство средств русского языка. В обоих языках представлено изменение грамматической формы. В русских паремиях отмечаются случаи изменения частеречной принадлежности, числа, падежа, редукции формы и наличие уменьшительно-ласкательных суффиксов. Для английского языка свойственно изменение залога, формы глагола и формы притяжательного падежа.

Группа аддиций, представленная в двух языках, фиксируется на морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях языка. Аддиции наблюдаются в области функционирования имен существительных, имен прилагательных, наречий, глаголов, союзов, числительных и местоимений. Для русских паремий характерны союзные и сентенциальные аддиции, в то время как в английском они представлены небольшим количеством примеров, однако в английском, в отличие от русского, выделяются

предложно-артиклевые и предложно-глагольные аддиции.

Паремический смысл представляет собой семантическую категорию, которая актуализируется посредством паремических средств (паремии) и обладает обобщенным значением. Паремии имеют относительную независимость значений от контекста употребления и способны сохранять "прозрачность" внутренней формы высказывания в условиях разных событийных фонов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина С.Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка. Дис. ... к. филол. н. Краснодар, 2005. 159 с.
2. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Пер. с ф. Изд. 2-е, стереот. М.: Едиториал УРСС, 2008. 304 с.
3. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология: учеб. пособие для бакалаврского уровня филол. образования. Москва: Флинта; Наука, 2009. 342 с.
4. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. Москва: Художественная литература, 1988. 431 с.
5. Антонова О.Н. Функциональные свойства паремий-трансформов в англоязычном публицистическом дискурсе. Автореф. ... к. филол. н. Москва, 2012. 28 с.
6. Бровкина Е.Е. Пословицы как продуктивные единицы языка и фольклора (на материале французского языка). Автореф. Дис. ... к. филол. н. Курск, 2006. 23 с.
7. Васильева Л.В. Краткость-душа остроумия. Английские пословицы, поговорки, крылатые выражения. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2004. 350 с.
8. Глинкина Л.А. Грамматическая вариантность как объект исторической русистики // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 76-79.
9. Давлетбаева Д.Н. Внутримодельная вариантность фразеологических единиц // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 2 (66). С. 90-93.
10. Демидова Г.В. Варьирование и синонимия в англоязычной терминосистеме переводоведения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5 (2). С. 494-497.
11. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. Москва: Изд-во "Советская энциклопедия", 1967. 536 с.
12. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Фразеосочетания в системе языка. 2 изд. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. 192 с.
13. Ошева Е.А. Паремииологическое пространство: лингвокультурная специфика (на материале русского и английского языков). Монография. Пермь: НП ВПО "Прикамский социальный институт", 2013. 152 с.
14. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Гл. ред. вост. лит., 1988. 236 с.
15. Подюков И.А. Семиотический аспект текста паремии // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста. Соликамск: СГПУ, 1999. С. 152-158.
16. Расторгуева Т.А. Изучение количественных показателей грамматических вариантов в английском языке // Филологические науки. 1976. № 4. С. 52-61.
17. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы : постоянство и изменчивость. СПб.: МИРС, 2009. 270 с.
18. Семененко Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2011. 342 с.
19. Фролова О.Е. Пословица и её отношение к действительности // Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология. 2005. № 4. С. 125-132.
20. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: "Большая Российская энциклопедия". 1998. 685 с.
21. Ярцева В.Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка // Вопросы языкознания. 1983. № 9. С. 17-24.
22. Dandies A. The Wisdom of Many: essays on the Proverb / Dandies A., Mieder W. New York : Garland, 1981. 326 p.
23. Guli M. A Dictionary of Anglo-American and Albanian Proverbs / M. Guli. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010. 348p.
24. Mieder W. A Dictionary of American Proverbs. New York; Oxford: Oxford University Press, 1992. 710 p.
25. Mieder W. Proverbs are never out of fashion. Popular wisdom in the modern age. New York; Oxford, 1993. 109 p.
26. Whiting B.J. Modern proverbs and Proverbial sayings. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1989. 709 p.

СЛОВА КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ "СОСТОЯНИЯ"

THE WORDS OF THE CATEGORY OF STATE AS A MEANS OF EXPRESSING "STATE"

E. Perzhu

Annotation

In our article the focus of attention is on the linguistic category of state and its expression at the grammatical level with the help of the words of the category of state. The definition of the category of state, semantic and morphological classifications of the words of the category of state as well as their usage in sentences have been given in the article. It has been shown that the words of the category of state are a special part of speech expressing the state of people or things at a particular period of time. Numerals, adverbs of time, nouns denoting days of the week, months, and years are used in order to show state duration. The immersion of people/things into a certain state might be partial or complete and expressed with the help of adverbs. According to the material under examination, the words of the category of state are frequently used with the state verb "to be" and less frequently with such verbs as "to fall", "to remain", "to lay", "to feel", "to stretch out", "to sprawl", "to look", "to drop", "to sound", "to seem", etc.

Keywords: the category of state, state, the words of the category of state, grammatical level.

Пержу Екатерина Александровна

Соискатель, каф. англ. филологии и лингвокультурологии, Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению лингвофилософской категории состояния и выражению этой категории на грамматическом уровне при помощи слов категории состояния. В статье приводится определение категории состояния, рассматривается семантическая и морфологическая классификация слов категории состояния, сочетаемость и употребление слов категории состояния в предложении. В статье показано, что слова категории состояния являются словами особой частью речи, выражающей состояние человека/предмета в определенный промежуток времени. Числительные, наречия времени, существительные, обозначающие дни недели, месяца, используются для ограничения длительности состояния во времени. Степень погруженности предмета/человека в определенное состояние может быть частичной или полной и выражается при помощи наречных идентификаторов. Как показал исследуемый материал, слова категории состояния чаще всего употребляются с глаголом состояния to be, реже с другими глаголами, такими как to fall, to remain, to lay, to feel, to stretch out, to sprawl, to look, to drop, to sound, to seem и другими.

Ключевые слова:

Категория состояния, состояние, слова категории состояния, грамматический уровень.

Категория состояния (КС) была описана еще во времена античности. Аристотель [1] был первым, кто описал категорию состояния. Философ рассматривает категорию состояния не в ряду 10 категорий, а как составляющую категории качества. Всего Аристотель выделял четыре группы качеств: переходящие и устойчивые качества, врожденные способности и способности, претерпеваемые свойства и состояния, очертания и имеющийся у каждой вещи внешний облик. Так, например, рассматривая устойчивые и переходящие качества/свойства человека или вещи, Аристотель пишет о том, что "человек находится в том или другом состоянии и вместе с тем быстро изменяется, становясь из теплого холодным или из здорового больным, и точно так же в остальных случаях, если только какое-нибудь из этих состояний не укоренится и не окажется неустрашимым, а такое состояние можно было бы, пожалуй, уже назвать устойчивым свойством" [1, с. 73], а устойчивые свойства характерны качествам, так как качества вещи или чело-

СОКРАЩЕНИЯ:

КС - категория состояния;

СКС - слова категории состояния;

BNC - British National Corpus;

MMD - MacMillan Dictionary of the English Language.

века "более продолжительные и мало подвержены изменениям" [1, с. 73]. Рассуждая о длительности и изменчивости качеств вещи, Аристотель приходит к выводу о том, что "те явления, которые возникают от чего-то легко прекращающегося и быстро исчезающего, называют состояниями, но не качествами" [1, с. 75]. Таким образом, Аристотель показывает, что качество – это не то же самое, что состояние (несмотря на то, что он рассматривает состояние как часть категории качества), так как качество – это более устойчивое свойство вещи, чем состояние. На основе всего вышесказанного можно утверждать, что Аристотель в своих трудах заложил основы

философского знания о категории состояния.

Философы XX века продолжают развивать учение Аристотеля о состоянии как свойстве бытия и рассматривают КС как отдельную категорию.

Существование КС как лингвистической категории признается многими современными лингвистами, среди которых Г.А. Золотова [6], М.В. Всеволодова [2], И. П. Матханова [8], О.А. Дубнякова [3] и другие.

Определения КС в лингвистике во многом схожи и зачастую совпадают с определениями КС в философии: современные отечественные лингвисты берут за основу при определении КС определения, разработанные современными философами.

Одно из наиболее полных определений КС, раскрывающих ее сущность как лингвистической категории, было дано И.П. Матхановой. И.П. Матханова определяет состояние как отражение в языке "специфической формы бытия человека и мира, возникающей под воздействием внешних или внутренних факторов и обладающей стабильностью в течение некоторого времени" [8, с. 10 – 11]. Из определения И.П. Матхановой видно, что КС в лингвистике, как и КС в философии, носит временной характер, то есть можно говорить о пространственно-временном и переходящем характере КС.

На грамматическом уровне КС может быть выражена словами категории состояния (СКС). Вопрос о существовании СКС в современном английском языке поднимали и поднимают многие отечественные и зарубежные грамматисты.

Как правило, зарубежные лингвисты не выделяют СКС в отдельную часть речи: слова типа *alive, asleep, aware, afraid* рассматриваются ими либо в системе прилагательного (как особый вид прилагательного – предикативное прилагательное), либо в системе наречия.

Так, например, Н. Poutsma относит слова типа *alive, asleep, aware, afraid* к наречиям. Лингвист ставит их в один ряд со словами типа *afew, away* [17, с. 132].

George O. Curme [14], E. Krusinga [16], Charles F. Hockett [15] относят слова типа *alive, asleep, aware, afraid* к прилагательным. Так, например, Charles F. Hockett пишет: "Thus English afraid is one of a dozen or so words used only as adjectives <...>, afraid and its kindred <...> constitute a special small subclass of that class" (рус. "английское слово *afraid*, как десяток подобных ему слов, используется как имя прилагательное <...>, *afraid* и другие слова, обладающие схожими характеристиками, <...> образуют небольшой подкласс класса прилагательных") [15, с. 241].

R. Quirk и S. Greenbaum предлагают разбить слова, обозначающие состояние, с префиксом *a* – на две группы: *a*-adjectives (например, *asleep, afraid, alert* и т.п.) и *a*-adverbs (например, *around, away* и т.п.) [18, с. 129].

В отличие от вышеприведенных лингвистов Р. Roberts считает, что слова типа *alive, asleep, aware, afraid* не принадлежат к системе прилагательного поскольку данные слова, не употребляются с наречием *very* (*The boy was

very asleep), не обозначают качество ("it [asleep] doesn't indicate any quality he [the boy] has" [19, с. 278]), не употребляются в атрибутивной функции. К какой части речи принадлежат слова типа *alive, asleep, aware, afraid* лингвист не уточняет.

В отличие от зарубежных лингвистов большинство отечественных англистов признают существование СКС как особой, независимой части речи. Тем не менее, среди отечественных лингвистов, признающих существование СКС как отдельной части речи, нет единого понимания об "объеме", "наполненности" этой части речи.

Некоторые лингвисты рассматривают данную категорию не только по формальным, но и по семантическим признакам. Так, например, Б.М. Лейкина [7], А.В. Павлова [10] относят к СКС словосочетания типа "глагол + предлог" и "глагол + наречие": *to be in, on, up, down, over* и т.п.:

Your son is down with enteric. [7, с. 240]

Или I don't really wish to talk about those things, now we are over it. [10, с. 129]

По словам А.В. Павловой, слова типа *on, in, up, over* являются СКС, поскольку они выражают "временное состояние субъекта" и "употребляются в предикативной, а не обстоятельственной функции" [10, с. 129].

Другие лингвисты рассматривают данную категорию более "узко", включая в нее слова, выражающие состояние, оформленные префиксом *a* – (типа *alive, asleep, aware*) и слова, не имеющие морфологического оформления (типа *glad, ill, sorry*). Так, например, Л.О. Пипаст [11] предлагает делить СКС на три группы. К первой группе лингвист относит слова типа *afloat, afire, asleep* и др., а именно СКС, которые развились из сочетания предлога *on* с существительным. Вторая группа включает слова типа *afraid, ashamed, aghast* и др. "Большая часть слов этой группы развилась из причастия II различных переходных глаголов, которые в настоящее время в языке уже не существуют" [11, с. 5]. К третьей группе Л.О. Пипаст относит слова типа *ill, glad, sorry, (un)well* и др. Слова данной группы лингвист рассматривает как грамматические омонимы прилагательных и наречий. Так, например, слово *sorry* как СКС выражает психическое состояние лица: "We are sorry for him" [11, с. 15]; в то время как прилагательное *sorry* используется в значении "плохой, жалкий": "sorry attempts" [11, с. 15]. Учёный полагает, что СКС занимают "промежуточное положение между глаголами и прилагательными" [11, с. 3], поскольку обладают некоторыми свойствами, присущими как прилагательным, так и глаголам. Употребление СКС в составе сказуемого в качестве предикативного члена, по мнению лингвиста, сближает СКС с прилагательными и глаголами.

Наиболее "узкое" определение СКС как самостоятельной части речи было дано В.Н. Жигадло, И.П. Ивановой, Л.Л. Йофик [5]. Грамматисты рассматривают слова категории состояния как слова отдельной части речи, так как эти слова, с одной стороны, имеют свои семантичес-

кие, синтаксические и морфологические особенности, а с другой стороны, слова категории состояния не обладают всеми характеристиками, присущими прилагательным. В данной работе за основу будет взят подход В.Н. Жигадло, И.П. Ивановой, Л.Л. Йофик к определению СКС как слов независимой части речи.

СКС – это слова особой части речи, "выражающие качественное состояние лица или предмета в определенном момент времени в настоящем, прошедшем и, реже, будущем" [5, с. 124]. Их внешним выразителем является префикс –а, они не имеют степеней сравнения, и не используются в препозиции к существительному.

В.Н. Жигадло и др. [5] делят все СКС на две семантические группы: устойчивые СКС (около 30) и неустойчивые СКС (более 100). К устойчивым СКС лингвисты относят СКС, выражающие психическое состояние лица (afraid, ashamed, aware и т.д.), СКС, выражающие физическое состояние лица (alive, awake asleep и т.д.), СКС, выражающие состояние движения, деятельности (afoot, astir, ahead и т.д.), физическое состояние предмета (afire, aflame, aglow и т.д.), положение предмета в пространстве (askew, aslope, askint и т.д.). К семантической группе неустойчивых СКС лингвисты относят СКС синонимичные устойчивым СКС (agleam, ashine, aglare и т.п.) и слова, выражающие такие понятия, которые не могут быть переданы устойчивыми (atremble, ashiver, ashake и т.п.).

Учение В.Н. Жигадло и др. о СКС как словах отдельной части речи развил П.И. Шлейвис [13]. В своей работе "Слова предикативы в английском языке" лингвист предложил развернутое семантическое деление СКС. Все СКС П.И. Шлейвис делит на шесть групп. К первой группе лингвист относит слова, обозначающие психическое состояние субъекта (например, ashamed, afraid, aghast и др.). Во вторую группу лингвист включает слова, выражающие определенное состояние умственной деятельности субъекта (например, aware, alive и др.). Третья группа, согласно П.И. Шлейвису, охватывает слова, характеризующие физическое состояние субъекта (например, alive, asleep, awake и др.). К четвертой группе СКС лингвист относит слова, выражающие состояние движения, деятельности (например, afloat, afoot и др.). Пятая группа СКС – это слова, выражающие физическое состояние предмета (например, afire, aflame и др.). Шестая группа СКС включает все оставшиеся СКС, а именно слова, выражающие состояние предмета, характеризующие его положение в пространстве (например, ajar, askew, aslant и др.), слова-темпоративы (например, anew, afresh, awhile и др.), слова, выражающие количественные отношения (например, apart, alone, asunder и др.), слова, обозначающие признак предмета (например, alike, akin, again и др.), а также слова, выражающие состояния заблуждения или неправильного толкования (например, amiss, astray и др.) [13, с. 68 – 111].

Помимо семантического деления СКС на группы, существует морфологическое деление СКС. По морфоло-

гической структуре СКС, по мнению М.Р. Миндиашвили [9], могут быть подразделены на три группы. К первой группе относятся морфологически членимые СКС (например, afire, afoot, awry). Это наиболее "продуктивный и многочисленный" [9, с. 15] тип СКС, в котором "выделяется префикс а– и основа существительного, глагола или прилагательного" [9, с. 15 – 16]. Ко второй группе относятся морфологически "мнимо" членимые СКС (например, aslope, alone). По мнению М.Р. Миндиашвили, в данных лексемах можно выделить префикс а–, именную и глагольную основу, однако такое членение исторически не оправдано. Современная морфологическая структура этих слов является результатом переразложения морфем. Многие из этих слов восходят ко второму причастию. Такое развитие сопровождалось, как правило, исчезновением существующего в языке глагола. К третьей группе М.Р. Миндиашвили относит морфологически нечленимые СКС (например, aware, agog, aloof).

Б.С. Хаймович и Б.И. Роговская [12], как и вышеупомянутые лингвисты, придерживаются "узкого" понимания СКС и рассматривают СКС как независимую часть речи, выражающую состояние субъекта или объекта, хотя и называют эти слова иначе. Б.С. Хаймович и Б.И. Роговская для обозначения слов типа alike, asleep, aware вводят их собственный термин "adlinks". Лингвисты полагают, что "words of category of state" is hardly a felicitous appellation: it is cumbersome and the word 'category' has usually a different application" [12, с. 200]. По аналогии с термином "adverbs" грамматисты вводят термин "adlinks of state", отражающий, по их мнению, основные свойства и признаки слов типа alike, asleep, aware.

В настоящей статье за основу взят термин СКС, поскольку данный термин используется большинством отечественных лингвистов, признающих существование СКС как отдельной части речи. Использование термина adlinks, как нам кажется, может привести к путанице в определениях и непониманию того, о каких словах идет речь.

Рассмотрим более подробно сочетаемость и употребление СКС в предложении на основе одного из наиболее употребительных СКС asleep.

СКС asleep, согласно англо-английскому толковому словарю MMD, имеет два значения. В первом значении MMD определяет СКС asleep как "not awake" (рус. "спящий"), а во втором значении – как "if your foot, hand, etc. is asleep, it is numb (you can't feel it)" (рус. "онемевший") [25, с. 96]. Всего нами было рассмотрено 352 примера употребления слова asleep в предложении. Чаще всего СКС asleep употребляется в словосочетаниях глагол + asleep и существительное + asleep.

Наиболее частотным случаем употребления сочетания глагол + asleep является случай употребления слова asleep с глаголом be. Из 352 случаев в 187 случаях asleep употреблялось с глаголом-связкой be. Словосочетание be asleep "сообщает информацию об осмыслении

говорящим сна как временного состояния, в котором находится денотат подлежащего и которое противопоставляется состоянию бодрствования. Сон в этом случае репрезентирует состояние небодорствования, недействования, отключенности" [4, с. 6]:

By ten, Mr. McKee is asleep on a chair, the dog is groaning faintly, and people appearing and disappearing. [21, с. 5]

Don't you want to see baby, Soames? She is asleep.

Of course, – said Soames, – very much. [22, с. 375]

В 109 рассмотренных нами примерах слово asleep употреблялось с глаголом fall в значении "впасть в состояние сна, уснуть, заснуть". Глагол fall указывает на переход человека/животного из некоего начального состояния бодрствования в некое конечное состояние, состояние сна:

Just as his magic awoke the town that first day of summer, Douglas puts the town to sleep on this last day of summer, thinking about the summer that remains in the dandelion wine as he falls asleep. [20, с. 127]

В исследованном материале также встретились примеры употребления СКС asleep с глаголом stay (2), указывающим на состояние, в котором пребывает человек/животное в какой-либо временной промежуток:

Experiments have been performed to investigate, at different times of the day and night, how easy it is to fall asleep, how likely it is to wake up spontaneously, and how long volunteers can stay asleep. [24, с. 72]

Так же были рассмотрены словосочетания remain + asleep (3). Значение словосочетания remain asleep схоже со значением словосочетания stay asleep:

If a link exists between body temperature and the sensation of fatigue, then it is reasonable to enquire if the abilities to fall asleep and remain asleep are also related to body temperature. [24, с. 73]

Кроме того, были выделены случаи употребления asleep в словосочетаниях с такими глаголами как lay (1), feel (2), stretch out (1), sprawl (2), look (2), drop (1), sound (6), seem (3). Данные словосочетания можно разделить на 3 смысловые группы:

А) словосочетания со значением "быть в состоянии сна"

It lay asleep on a piece of sacking the gardener had discarded from around the rose-bush he was planting. (BNC)

I was so tired, I felt asleep. (BNC)

By midnight the end-of-course party is in full swing, but most cadets, like the General, sound asleep. (BNC)

Б) словосочетания со значением "погрузиться в состояние сна"

An elderly man sat at a table beside an open fire, a large pint of beer and a small glass of whisky on the table, an Alsatian stretched out asleep at his feet. (BNC)

On the couch under the window her husband sprawled asleep, open-mouthed, snoring out the reek of beer. (BNC)

Owen had dropped asleep in his chair. (BNC)

В) словосочетания со значением "выглядеть

спящим"

The hills themselves looked asleep, the heather glowed dust-blue in the hazy light, and the people, after a night of little sleep and hours of walking and standing, now looked stunned as they sat on the grassy banks, leaned on dykes, or lay on their backs in the hayfields, munching oatcakes and drinking the last of their water. (BNC)

Both parents seem asleep. (BNC)

В 28 из 352 рассмотренных нами словосочетаниях слово asleep употреблялось в постпозиции к существительному:

And now he was lurching about his flat with innocent children asleep in their beds, and he had lied to Helga. (BNC)

Кроме того, встретилось 2 случая употребления asleep в сравнительных конструкциях (as asleep, as though asleep) и один случай использования asleep в препозиции к существительному (the asleep robber):

<...> they missed their revenge the asleep robber. (BNC)

Для указания на погруженность человека/животного в сон сочетания глагол + asleep используются с такими наречиями, как half, practically, almost и другие:

Jolyon smiled, still half asleep. [22, с. 501]

The patients had all been washed and set up in their chairs and most of them seemed to be almost asleep. (BNC)

But the police never thought to ask if there was one missing, because the lady of the house was fast asleep in bed, wasn't she? (BNC)

Границы отрезка времени, в течение которого наличествует состояние сна, часто не получают конкретного обозначения, поэтому информация о том промежутке времени, во время которого человек/животное прибывали в состоянии сна, передается специальными языковыми единицами:

Disillusionment of Ten O'Clock: The houses are haunted | | By white night-gowns. <...> Only, here and there, an old sailor, | | Drank and asleep in his boots, | | Catches Tigers | | In red weather. [23, с. 108]

His head felt to the left, he jerked it up at once; it fell to the right. It remained there he was asleep. <...> And all the unnumbered generations of his yeoman ancestors, wont of a Sunday to stand akimbo <...> [22, с. 80]

СКС asleep также сочетается с предложными словосочетаниями в постпозиции, вводимыми, как правило, предлогами after, before, in, with и др.:

That night he boarded a small ship flying a Finnish flag and fell asleep in the deserted wheelhouse. (BNC)

СКС asleep может сочетаться с инфинитивом в постпозиции:

She fell asleep to be claimed by hot, tortured dreams. (BNC)

СКС asleep может употребляться в предложении без каких-либо распространенных элементов:

When Erika tiptoed back into the bedroom Omi was asleep. (BNC)

Помимо выше описанных примеров сочетаемости

СКС *asleep*, данное СКС может употребляться в предложении с союзным и бессоюзным придаточным предложением в постпозиции:

I knew she wouldn't be asleep after what you've been putting her through. (BNC)

Итак, на примере СКС *asleep* было показано, что СКС – это слова особой части речи, выражающие состояние предмета/человека в определенный временной промежуток. Специальные языковые единицы, такие как числительные, наречия времени, существительные, обозначающие дни недели, месяца, используются для ограничения длительности состояния во времени, для указания на тот временной промежуток, в котором человек/предмет находился в том или ином состоянии. Степень погруженности предмета/человека в определенное состояние может быть разной (частичная/полная погруженность). Для

указания ступени погруженности в определенное состояние чаще всего используются наречные идентификаторы. Чаще всего СКС употребляются с глаголом состояния *to be*, реже с другими глаголами, такими как *to fall, to remain, to lay, to feel, to stretch out, to sprawl, to look, to drop, to sound, to seem*. Внутри словосочетаний типа глагол + СКС выделяются отдельные семантические группы, в зависимости от семантического типа используемого глагола.

Всего можно выделить три смысловые группы: словосочетания со значением "быть в состоянии сна", словосочетания со значением "погрузиться в состояние сна" и словосочетания со значением "выглядеть спящим". Помимо словосочетаний глагол + СКС, СКС могут употребляться в сравнительных конструкциях и в постпозиции к существительному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель Категории. – Соч. в 4-х т. Т. 2. М., 1978. 286с.
2. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000. 502с.
3. Дубнякова О. А. Категория состояния в современном французском языке: на материале конструкций с фундаментальными глаголами *avoir, etre, faire*. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. СПб., 2006. 22с.
4. Елисеева А.Г. Семантический анализ языковых единиц, противопоставляемых по признаку действие – состояние. М., 1977. 71с.
5. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Йофик Л.Л. Современный английский язык. М., 1956. 350с.
6. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 351с.
7. Лейкина М.Б. О категории состояния в современном английском языке. // Ученые записки ЛГУ. Вып. 21, № 180, Л., 1955. С. 240 – 244.
8. Матханова И.П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке. Автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук. СПб., 2002. 44с.
9. Миндиашвили М.Р. Функциональная характеристика слов-предикатов в английском языке. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 21с.
10. Павлова А.В. Синтаксические средства выражения категории состояния в английском языке. // Вестник ЧелГУ. Вып. 82, № 24 (315), 2013. С. 128 – 130.
11. Пипаст Л.О. К вопросу о категории состояния в современном английском языке. Автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук. Л., 1951. 25с.
12. Хаймович Б.С., Б.И. Роговская Теоретическая грамматика английского языка. М., 1966. 299с.
13. Шлейвис П.И. Слова предикаты в английском языке. Ростов-на-Дону, 1985. 126с.
14. Curme O. *George English Grammar*. N.Y., 1953. 310p.
15. Hockett F. *Charles A Course in Modern Linguistics*. USA, 1970. 636p.
16. Kruisinga E. *A Handbook of Present-Day English*. USA, 1931. 482p.
17. Poutsma H. *A Grammar of Late Modern English*. The Netherlands, 1914. 728p.
18. Quirk R., Greenbaum S. *A Universal Grammar of English*. London, 1982. 137p.
19. Roberts P. *English Syntax*. N.Y., 1964. 594 p.
20. Bradbury R. *Dandelion Wine*. М., 2009. 318p.
21. Fitzgerald F. Scott *The Beautiful and Damned*. USA, 2009. 310p.
22. Galsworthy J. *The Forsyte Saga*. М., 2008. 724p.
23. Stevens W. *Collected Poems of Wallace Stevens*. N.Y., 1984. 537p.
24. Waterhouse J. M., Waterhouse M.E., Minors D.S. *Your body clock: how to live with it*. Oxford, 1990. 324p.
25. MacMillan Dictionary of the English Language. М., 2005. 1664p.

СРАВНЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ЧЕРТ КАЗАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ И ПРАЖСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА

Самарин Дмитрий Александрович

*К.филол.н., доцент каф. правового обеспечения
национальной безопасности, ФГБОУ ВПО
"Байкальский государственный университет",
филиал в г. Якутске*

THE CONTRAST OF CONCEPTUAL FEATURES OF THE KAZAN LINGUISTIC SCHOOL AND THE PRAGUE LINGUISTIC CIRCLE

D. Samarin

Annotation

In the article views of representatives of the Kazan linguistic school and the Prague linguistic circle on crucial problems of linguistics are analyzed. The aim of this paper is to compare their approaches to the study of the language. In program guidelines of both unions some similar moments are traced, a fact of the methodological influence of Kazan scholars' ideas on works of Prague linguists has been especially underlined. The positions of two schools are compared in the examination of a socio-psychological nature of the language and the suitability of using synchronic, diachronic, onomasiological and semasiological methods for the investigations of linguistic facts. As a result of research a continuity of theories of the Kazan school of I.A. Baudouin de Courtenay and V.A. Bogoroditsky in ideas of V. Mathesius and his circle has been revealed.

Keywords: phonology; synchrony; diachrony; language; speech; onomasiological approach; semasiological approach; sentence.

Аннотация

В статье анализируются взгляды представителей Казанской лингвистической школы и Пражского лингвистического кружка на ключевые проблемы лингвистики. Цель настоящей работы состоит в сравнении их подходов к исследованию языка. В программных установках обоих объединений прослеживаются схожие моменты, особо подчеркнут факт методологического влияния идей казанских учёных на работы пражских лингвистов. Позиции двух школ сопоставлены в отношении изучения социально-психологической природы языка и целесообразности применения синхронического и диахронического, ономаσιологического и семасиологического приемов к исследованиям языковых фактов. В результате проведённого исследования выявлена преемственность теорий Казанской школы И.А. Бодуэна де Куртенэ и В.А. Богородицкого в идеях В. Матезиуса и его кружка.

Ключевые слова:

Фонология; синхрония; диахрония; язык; речь; ономаσιологический подход; семасиологический подход; предложение.

Первая половина XX столетия в европейской лингвистике ознаменовалась ростом активности различных лингвистических обществ. К числу наиболее продуктивных объединений относятся Казанская лингвистическая школа И.А. Бодуэна де Куртенэ и В.А. Богородицкого и Пражский лингвистический кружок В. Матезиуса.

Казанская лингвистическая школа была создана в Казани И.А. Бодуэном де Куртенэ (1845–1929) в 1875 г. Наиболее активными из всех участников бодуэновского кружка были В.А. Богородицкий (1857–1941) и Н.В. Крушевский (1851–1887). Занятия в лингвистической школе заключались в обсуждении и анализе новых идей в российской и зарубежной лингвистике. В дальнейшем именно В.А. Богородицкий стал самым крупным представителем Казанской лингвистической школы (КЛШ). Он стал её руководителем после отъезда И.А. Бодуэна де Куртенэ из Казани в 1883 г. Деятельность данного объ-

единения, таким образом, продолжалась до 1941 г.

Пражский лингвистический кружок был организован в столице Чехословакии В. Матезиусом (1882–1945) в 1926 г. Кроме него, видными представителями Пражского лингвистического кружка (ПЛК) были Н.С. Трубецкой (1890–1938), Р. Якобсон (1896–1982) и Й. Вахек (1909–1996). Кружок стал одним из основных центров структурной лингвистики. К направлению ПЛК относятся, таким образом, определение "пражский структурализм" и Пражская школа функциональной лингвистики. ПЛК распался в 1953 г.

Казанская школа оказала большое влияние на суждения российских и зарубежных учёных о языке. Прежде всего, это касалось проблем фонологии. В статье с одноимённым названием И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: "При изучении произношения как физического явления мы имеем дело со звуками языка, а при изучении психичес-

кой стороны произношения – с фонетическими представлениями, с фонемами, а также с их составными частями и сочетаниями" [5, с. 354]. Н.В. Крушевский в "Вопросе о гуне" подчеркнул неделимость фонетических единиц при корреспонденции и корреляции, отметив: "Фонетическая единица может быть названа фонемою (разрядка Н.В. Крушевского)" [6, с. 409]. Фонему он отличал от звука (антропофонической единицы). По сравнению с коллегами, В.А. Богородицкий термин "фонема" почти не употреблял.

Непосредственная роль представителей КЛШ в развитии европейской лингвистики, и особенно, фонологии, отмечалась многими западными лингвистами. В. Вольски признавал за учёными Казани первенство в решении основных проблем лингвистики. В статье "Die Fachsprache der Sprachwissenschaft seit den Junggrammatikern" он подчеркнул: "За формированием фонематической теории стоит Казанская школа, здесь наряду с И.А. Бодуэн де Куртенэ и Н.В. Крушевским (которые, в том числе, различали звук и фонему), также В.А. Богородицкий (со своими работами по экспериментальной фонетике)" [16, S. 1352]. Казанские лингвисты, несомненно, во многом опередили своё время. Они повлияли на взгляды Ф. де Соссюра и его Женевской школы (Ш. Балли, А. Сеше и С.О. Карцевского), а также Пражской школы (В. Матезиуса и Р. Якобсона). Таким образом, в этих лингвистических обществах был дан импульс будущим социолингвистическим исследованиям.

Синхронический подход к изучению языка И.А. Бодуэн де Куртенэ называл статическим, а диахронический – динамическим. Ещё в "Подробной программе лекций в 1877–78 учебном году (1879)" в отношении фонетики он отмечал: "Исследованием законов равновесия языка занимается статика, исследованием же законов движения во времени, законов исторического движения языка – динамика" [4, с. 110]. Позднее он, сохраняя противопоставление статики и динамики, попытался отделить последнюю от истории на основе различия между индивидуальным и племенным языком. Через несколько лет В. А. Богородицкий повторил эту идею в своей магистерской диссертации: "Мы должны теперь перейти к рассмотрению русского вокализма с точки зрения динамической, т. е. со стороны развития во времени" [1, с. 111]. Подобным образом рассуждал о возможном рассмотрении системы в порядке сосуществования или последовательности и Н.В. Крушевский. Он положительно отзывался о приведённой В.А. Богородицким интерпретации звуковых законов [7, с. 215]. Таким образом, в деле разграничения статики и динамики он стал на его сторону. Это положение И.А. Бодуэна де Куртенэ позже разрабатывалось другими его учениками.

На разграничение синхронии и диахронии Ф. де Соссюром, несомненно, повлияло его знакомство с теориями

учёных КЛШ. В.А. Богородицкий в сноске в конце своих "Этюд по татарскому и тюркскому языкознанию" прокомментировал этот факт: "И так, идею "синхронизма" при лингвистических сопоставлениях я выдвинул за целую четверть века до появления "Cours de linguistique generale" (1916) де Соссюра, который имел в своём распоряжении вышеназванную мою немецкую брошюру (Einige Reformvorschlage...), и если нет в его книге упоминания о ней, то это я объясняю посмертным изданием его книги, отчасти составленной по записям слушателей" [2, с. 154–155]. Это заявление позволяет лучше оценить значение Казанской школы в истории лингвистики.

Одним из принципов исследования социальной стороны языка казанские учёные считали признание равноправия всех языков. В Казанской школе отстаивалась необходимость изучения языков местных народов – татар, марийцев, чувашей и других [10, с. 160]. По инициативе И.А. Бодуэна де Куртенэ в университете были восстановлены кафедры тюркских и финских языков и организовано факультативное преподавание татарского языка. Эта линия исследований была успешно продолжена В.А. Богородицким и его последователями.

Социологическое направление было характерно и для представителей Пражского лингвистического кружка. Основные установки кружка связаны с теорией функциональной грамматики его основателя и первого президента Вилема Матезиуса (1882–1945). Й. Вахек подчёркивал, что, хотя подход пражских фонологов основывался на традициях русских лингвистов (в первую очередь, И. А. Бодуэна де Куртенэ), они критично относились к ряду положений КЛШ. В "Лингвистическом словаре пражской школы" он указывал: "В противоположность психологизму Бодуэна де Куртенэ они подчёркивали социальную обусловленность фонологических явлений, но они впали в другую крайность в недооценке психологических аспектов языковых явлений" [15, р. 134]. В этом проявились фонологический идеализм ПЛК и стремление к отделению фонологических фактов от звуковой реальности.

В среде пражских структуралистов подчёркивалось наличие в синхронии элементов диахронии. В тезисах ПЛК представлена концепция языка как "функциональной системы", отрицавшая барьеры между этими двумя подходами, в отличие от Ф. де Соссюра и Женевской школы. Эта идея отражена в статье В. Матезиуса "О потенциальности языковых явлений": "Звуковые кривые, а следовательно, и звуки, ими обозначаемые, нерегулярны, подобно листьям деревьев: две никогда не совпадают полностью, но отдельные кривые одной и той же разновидности похожи друг на друга и отличаются от кривых других разновидностей" [8, с. 10]. Итак, В. Матезиус представлял себе потенциальность ограниченной, анализируя источники синхронических изменений с учётом

работ О. Есперсена, Ф. Брюно, А. Марти и других лингвистов. Но переходы между синхроническим и диахроническим состояниями подразумевают языковое развитие. В.А. Богородицкий с его синхронно–диахронным методом в этом отношении был более последователен.

В тезисах учёных ПЛК рассматривались и другие стороны языка. Г. Хельбиг писал в книге "Geschichte der neueren Sprachwissenschaft. Unter dem besonderen Aspekt der Grammatik–Theorie": "Эти тезисы относились и к литературному языку: выдвигалось требование рассматривать поэзию саму по себе, а политические, социальные и экономические факторы, напротив, как лишь "внешние факторы" [12, S. 49]. Интерес деятелей кружка к литературному языку естественно затрагивал стилистические проблемы. Их актуальность для исследований ПЛК подчеркнул Ф. Данеш. По его словам, стилистика находилась "в центре интереса пражских учёных с самого начала" [11, p. 119]. Она рассматривалась как лингвистическая дисциплина (лингвистилистика), связанная с языковой эволюцией. Для филологов ПЛК было типично синхронизировать изменения с другими чертами языка.

Процесс живой речи, или функцию общения, В.А. Богородицкий рассматривал с двух сторон – со стороны говорящего и со стороны слушающего. Процесс коммуникации между ними возможен при двух условиях: 1) при наличии объективного момента – колебательного состояния воздушной среды под действием органов произношения говорящих и его восприятия слухом собеседников и 2) при ассоциации в их уме с одними и теми же словами схожих представлений. В связи с этим учёный указывал на неравносильность их языкового процесса: "Нужно прибавить, что языковой процесс не один и тот же у говорящего и слушающего: у говорящего речь есть функция мысли, так как у него мысль ищет соответствующего словесного выражения из запаса слов и оборотов, хранимых его памятью; у слушающего же наоборот–мысль есть функция речи или, точнее, слуховых представлений, возбуждённых у него слышимую речью; короче: в процессе речи у говорящего мысль как бы ведёт за собою слова, у слушающего же–наоборот–под влиянием слов складываются мысли" [3, с. 3]. Если деятельность говорящего движется в направлении от мысли к слову, то деятельность слушающего – в обратном направлении. Несмотря на отсутствие у В.А. Богородицкого чёткого вывода о необходимости ономаσιологического и семасиологического подходов к изучению языка, различие подходов говорящего и слушающего на уровне речи неизменно встречается в его трудах.

Хотя в лингвистической концепции В.А. Богородицкого преобладают семасиологические установки, он возражал против жёсткого противопоставления ономаσιологического и семасиологического подходов. В отличие от него В. Матезиус приоритетной считал именно ономаси-

ологическую грамматику, называя её "функциональной" (в отличие от семасиологической, "формальной" грамматики). В книге "Jazyk, kultura a slovesnost" он писал об их историко–научном различии: "В то время как старая лингвистика, опирающаяся прежде всего на интерпретацию текстов, исходила из готовых языковых структур и спрашивала об их значениях, продвигаясь таким образом от формы к функции, новая лингвистика, опираясь на свой опыт с современными языками, исходит из потребностей выражения и спрашивает, какими средствами эти потребности выражения в анализируемом языке удовлетворяются" [14, s. 30]. В работах же В.А. Богородицкого термин "формальный" употреблён в отношении ономаσιологической грамматики.

Для выявления психической стороны предложения В. А. Богородицкий, как и В. Матезиус, сопоставлял две его интерпретации – аналитическую, идущую от В. Вундта (1832–1920), и синтетическую, идущую от Г. Пауля (1846–1921). По В. Вундту, предложение разделяет целостное мнение о ситуации на более мелкие представления. Автор "Психологии народов" писал: "Поэтому эти оба качества, препозиция предиката и выделение речи в маленьких предложениях, разлагающих связь мыслей на её отдельные моменты, так же характерны в звуковом языке аффективной дикции" [17, S. 218–219]. А Г. Пауль в "Принципах истории языка" утверждал: "Данное мною ранее определение гласило: предложение является выражением, символом того, что в психике говорящего произошло соединение нескольких представлений или групп представлений, а также средством возбуждения в психике слушателя такого же соединения тех же самых представлений" [9, с. 143].

Приведённые формулировки показывают полярность позиций немецких учёных в отношении предложения.

В. Матезиус критически оценивал взгляды обоих немецких учёных. По поводу взглядов В. Вундта и Г. Пауля на проблему предложения чешский языковед в статье "Несколько слов о сущности предложения" резюмировал: "И, тем не менее, обе стадии при создании предложения являются важными, поскольку в действительности предложение создаётся благодаря синтезу этих стадий" [13, s. 173]. В каждом предложении В. Матезиус выделял два элемента: основу высказывания (тему) и его ядро (рему). Смысл создания предложений он связывал с обменом новой информацией на фоне прежних сведений, уже известных обоим участникам диалога. С учётом наличия этих двух элементов необходимо использовать актуальное членение предложения. В. Матезиус предлагал заменить психологический подход функциональным, направленным на понимание сущности предложения. В данном случае взгляды В. А. Богородицкого и В. Матезиуса на природу предложения сходятся.

Но в интерпретации психической стороны предложения В. А. Богородицкий опередил чешского лингвиста как минимум на десять лет. Русский учёный писал о разложении целого впечатления на подлежащее и сказуемое: "Такое разложение может получать то или другое направление, соответственно тому, на каком признаке предмета остановилось наше внимание" [З, с. 175]. Процесс образования мысли-предложения у говорящего он считал более сложным, так как тот содержит в себе разделение как первую фазу мысли и сочетание элементов как вторую фазу, получающую выражение в предложении. В сложности этого процесса В. А. Богородицкий и видел причину расхождений В. Вундта и Г. Пауля. У слушающего же процесс восприятия предложения будет обратным, состоящим в образовании единой мысли из её отдельных элементов.

Вслед за немецким учёным Г. Габеленцем, А. А. Потебня и Ф. Ф. Фортунатов, например, на первое место выдвигали учение о "психологических" подлежащем и ска-

зуемом. Эти понятия В. А. Богородицкий считал совершенно чуждыми для психологии. На примере выражения "птица летит", в котором оба слова могут играть роль психологического подлежащего, он отмечал негативный фактор проникновения в грамматику логического элемента [З, с. 177]. Исключение В. А. Богородицким искусственных категорий из синтаксиса и сохранение за главными членами предложения их формально-грамматического значения подтверждает более логичное восприятие им категорий синтаксиса по сравнению с В. Матезиусом с его теорией актуального членения предложения.

Проведённое сопоставление установок учёных КЛШ и ПЛК демонстрирует общность их взглядов на социально-психологическую природу языка и необходимость применения синхронического, диахронического, ономазиологического и семасиологического подходов к его изучению. Вместе с тем в сфере исследований фонологии и синтаксиса очевиден приоритет казанских исследовательниц языка над разработками пражских лингвистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богородицкий В.А. Гласные без ударения въ общерусскомъ языкѣ: диссертация на степень магистра сравнительнаго языковѣдѣнія. –Казань: Типографія Императорскаго Университета, 1884. – 152 с.
2. Богородицкий В.А. Прибавления // Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию / [Вступительная статья П. Кузнецова]. – Казань: Татиздат, 1933. – С. 150–156.
3. Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. – 312 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
4. Бодуэн де Куртэнз И.А. Подробная программа лекций в 1877–78 учебном году (1879) // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – С. 108–117.
5. Бодуэн де Куртэнз И.А. Фонология. Перевод с польск. (1899) // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – С. 353–361.
6. Крушевский Н.В. К вопросу о гуне (1881). Исследование в области старославянского вокализма [О чередовании звуков] // Хрестоматия по истории русского языкознания. Под ред. Ф.П. Филина. Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. – М.: Высшая школа, 1973. – С. 405–410.
7. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке // Избранные работы по языкознанию. (Составитель Ф.М. Березин). – М.: Наследие, 1998. – С. 96–222.
8. Матезиус В. О потенциальности языковых явлений // Избранные труды по языкознанию: Пер. с чеш., англ. / Загл. ст. Д.В. Сичинавы. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – С. 3–30. (Лингвистическое наследие XX века.)
9. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 501 с.
10. Самарин Д.А. Социально-психологический характер языка в теориях лингвистов XIX–XX столетий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 9–1 (39). – С. 159–162.
11. Danes F. Prague School Functionnalism as a Precursor of Text Linguistics // Cahiers de l'ILSL. – 1994. – № 5. – Pp. 117–126.
12. Helbig G. Geschichte der neueren Sprachwissenschaft. Unter dem besonderen Aspekt der Grammatik-Theorie. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1986. – 392 S.
13. Mathesius V. Nekolik slov o podstate vety // Jazyk, kultura, slovesnost. – 1923. – S. 169–173.
14. Mathesius V. Jazyk, kultura a slovesnost. – Pr.: Odeon, 1982. – 528 s.
15. Vachek J. Dictionary of the Prague school of Linguistics. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2003. – x, 213 p.
16. Wolski W. Die Fachsprache der Sprachwissenschaft seit den Jung-grammatikern // Fachsprachen: Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft = Languages for Special Purposes / hrsg. von L. Hoffmann, H. Kalverkamper und H.E. Wiegand. – Berlin; New-York: W. de Gruyter, 1998. – S. 1341–1355.
17. Wundt W. Volkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. 1 B. Die Sprache. – 2., umgearb. Aufl. – 1 T. – Leipzig: Verlag von W. Engelmann, 1904. – 667 S.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БАЛЛАДА В ПОЭЗИИ ПРЕРАФАЭЛИТОВ (Д.Г. РОССЕТТИ, А.Ч. СУИНБЕРНА, У. МОРРИСА)

LITERARY BALLAD IN THE POETRY
OF PRE-RAPHAELITES (D.G. ROSSETTI,
A.CH. SWINBURNE, W. MORRIS)

A. Sapozhnikova

Annotation

The article discusses British ballad traditions and their development in Pre-Raphaelite ballad. Stylistic means and devices typical for British popular ballad are viewed and analyzed in the poetry of Dante Gabriele Rossetti, Algernon Charles Swinburne, and William Morris. Besides, specific features characteristic for the ballad works of each author, and their innovative approaches to ballad genre are found out and described.

Keywords: English popular ballad, Pre-Raphaelites, tradition, innovation, repetition, refrain.

Сапожникова Анна Юрьевна
К. филол. наук,
Волховский филиал РГПУ
им. А.И. Герцена

Аннотация

В статье освещаются традиции британской народной баллады и их развитие в балладной поэзии английских прерафаэлитов. Стилистические средства и приемы, характерные для народной баллады, рассматриваются и анализируются в поэзии Данте Габриэле Россетти, Алджернона Чарлза Суинберна, Уильяма Морриса. Кроме того, выявляются и описываются особенности балладной поэзии каждого из авторов, новаторство в разработке данного стихотворного жанра.

Ключевые слова:

Английская народная баллада, поэты-прерафаэлиты, традиция, новаторство, повтор, рефрен.

Баллада – жанр, возникший в средние века у романских и германских народов. Первое упоминание о балладе относится к XII веку [18, с. 584]. По форме баллада является эпическим произведением, обладающим также лирической и драматической окраской.

Английская народная баллада представляет собой объективное описание какого-либо события (без его осмысления), все подчинено развитию сюжета [16, с. 32]. Общей для английских баллад чертой является фрагментарность повествования, то есть отсутствие вступления и вводных характеристик, а также то, что действие ведется скачкообразно, без пояснений, без постепенного развития и характеристики промежуточных этапов.

В английской балладе речь идет о конкретных лицах. Это проявляется уже в самом названии баллады, которое всегда содержит имя собственное (May Margaret; Sir Patrick Spens), и каждый герой в балладе обязательно назван. С этим связано употребление большого количества терминов родства. Большое внимание уделяется внешнему виду человека – отсюда употребление существительных, обозначающих физические свойства человека (hair, eyes, hands).

Балладный стиль имеет характерные черты. Баллада "любит" точность, в ней все определено, поэтому если герой, например, уезжает, то оговаривается срок его воз-

вращения. Представляют интерес числа: так, братьев, отстаивающих честь сестры, всегда семь; свита, сопровождающая главного героя, обычно состоит из 24 или 54 человек. Цифрами 3 и 7 указывают на время, действия человека, его возраст.

В центре внимания баллады находится в первую очередь сфера физических действий человека – отсюда постоянное употребление глаголов движения: to run, to go, to ride. Лексика охватывает все стороны жизни человека, но основной упор при этом делается на описание не внутренней, а внешней стороны, связанной с процессом деятельности. Так, любовь в английской балладе рассматривается, прежде всего, с физической стороны.

Для английской баллады характерно употребление прилагательных со значением цвета, здесь целая "гамма красок". Например, красный цвет обозначается как red, rose red, red scarlet, blood red, red gold, коричневый как brown, berry-brown, nut-brown, белый – white, lily-white, milk-white.

Английская баллада как жанр была рассчитана на самую широкую аудиторию, на людей разных социальных слоев. Поскольку цель баллады – донести до слушателя сюжет, цепь событий, то, естественно, и стиль баллады не может использовать сложные поэтические приемы, ко-

торые будут лишь отвлекать внимание. Таким же требованиям должен быть подчинен и метрический рисунок баллады, и ее строфика.

В результате синтаксический и ритмический рисунок английской баллады выглядит довольно несложным. Предложения здесь в основном простые, нераспространенные. Законченность строке придает и то, что обычно она завершается ударным слогом – мужской клаузулой; таким образом, строка кончается не только по смыслу, но и произносительно. Связи между предложениями отличаются большой простотой, распространены параллельные структуры, отсутствуют сложные конструкции. Для развития сюжета в английской балладе используются вопросы. Зачастую сама баллада построена как ряд вопросов и ответов на них. Распространена прямая речь, при отсутствии косвенной.

Английская баллада сохраняет изначальную песенную основу, музыка определяет ее ритм – четкий, энергичный. Большое значение для ритмической характеристики баллады имеет метр. Основной размер английской баллады – ямб, но метрическая сетка здесь нередко нарушается, число неударных слогов между ударными может колебаться (от 0 до 2). Обычная балладная строфа состоит из четырех строк; первая и третья не имеют рифм и включают четыре ударения, а вторая с четвертой рифмуются и насчитывают по три ударения [17, с. 98].

В балладе практически отсутствуют тропы, нет метафор и риторических фигур, кроме стойких эпитетов, основанных на древней песенной традиции. Достаточно часты архаизмы, диалектизмы, связанные с местом и временем создания произведений. Рефрены, или припевы народных баллад не несут смысловой нагрузки ("Binnorie, o Binnorie"; "Ay, lally, lilly"). Обычно они не варьируются в тексте произведения, а остаются статичными.

Как жанровая форма английская баллада опирается на прочные и устойчивые традиции. Особую популярность английские баллады обрели в эпоху романтизма. Данный жанр активно развивался в творчестве поэтов озерной школы – У. Вордсворта, С.Т. Кольриджа, Р. Саути [15, с. 186].

В последующие годы интерес к балладному жанру в Англии не угасал. В свое время ему отдали дань У.М. Теккерей, Р. Киплинг, О. Уайльд, У.Х. Оден, У.Б. Йейтс и многие другие авторы XIX и XX вв. Каждый из баллаdistов воплощал в творчестве собственные идейно-художественные принципы, которые по-разному реализовывались в каждой конкретной поэтической системе; в силу этого жанровые и лингвостилистические особенности литературной баллады у каждого из авторов имели специфику. В то же время можно выделить и группы баллад

по сходным идейно-эстетическим установкам авторов.

Крупнейшие исследователи английской литературной баллады (Г. Лоуз, А. Фризмэн и другие) выделяют в своих работах такой тип баллады, как "баллада прерафаэлитов" (Pre-Raphaelite ballad). Под этим названием традиционно объединяют произведения трех авторов: Д.Г. Россетти (1828–1882), А.Ч. Суинберна (1837–1909), У. Морриса (1834–1896). В связи с этим важной задачей литературоведения является выделение общих черт, характерных для "баллад прерафаэлитов", описание наиболее ярких баллад каждого из упомянутых авторов, выявление степени их связи с народной традицией.

Баллады художника-прерафаэлиты Д.Г. Россетти близки традиционным лишь до определенной степени. Сам поэт-художник говорил о них как о "современно-старинных" балладах. Исследователь английской литературной баллады А. Фризмэн применяет к ним термин "псевдо-баллады" [5, с.23]. Действительно, многое в них выдает мышление и чувства человека нового времени.

Яркой чертой баллады Россетти была стилизация, т.е. поэтом использовались техники баллады, но его произведения были слишком сложны для балладной традиции. Например, в балладе "Сестра Хелен" рефрен, который в традиционной балладе не нес никакой смысловой нагрузки [5, с. 23], становится здесь сложным эмоциональным комментарием, обретает роль "внутреннего монолога", отражающего психологическое развитие действия:

*"But he calls for ever on your name,
Sister Helen,
And says he melts before a flame".
"My heart for his pleasure fared the same,
Little brother".
(O Mother, Mary Mother,
Fire at the heart, between Hell and Heaven!)...
"Here's Keith of Westholm riding fast,
Sister Helen,
For I know the white plume on the blast".
"The hour, the hour sweet I forecast,
Little brother".
(O Mother, Mary Mother,
Is the hour sweet, between Hell and Heaven!)*

[13, с. 30–33]

Рефрен меняется с каждой строфой, играя роль "внутреннего монолога", дающего автору возможность подчеркнуть эмоционально значимые детали. В то же время этот слишком усложненный, эмоционально насыщенный рефрен отвлекает внимание читателя от непосредственного действия. В данной балладе исследователь Г. Лоуз выделяет несколько основных источников влияния (народная баллада, литературная баллада, историко-культурное влияние) [8, с. 92].

В балладном творчестве поэта-праерафаэлиты Уильяма Морриса нарративный элемент выражен достаточно ярко. В большинстве баллад Моррис не столь сосредоточен на создании эффектов звучания или передаче оттенков чувств, как Россетти: всю балладу легко представить как последовательность сцен, ничто не отвлекает от наблюдения за сюжетом. Моррис стремится в первую очередь ... создать достоверный ряд средневековых персонажей" [13, с. 494], поэтому в его произведениях нет глубокого психологизма: чувства рыцарей и дам просты, хотя персонажи и окружены благородной обстановкой.

Заглавное произведение первого сборника Морриса "Защита Гвинеvры" само по себе было полемичным по отношению к викторианскому пониманию нравственности. Названием стихотворения и книги Моррис дает понять, что намерен "защищать Гвинеvру", образ которой, особенно после выхода в свет "Королевских идиллий", ассоциировался с супружеской неверностью. В отличие от Теннисона, не скрывавшего отрицательного отношения к этому образу, Моррис изображает Гвинеvру прекрасной, восхищается смелостью, с которой она отстаивает свое право на любовь. Такая трактовка образа королевы Моррисом была смелой, новаторской для своего времени.

"Стог сена на болоте" – баллада, которую практически все исследователи Морриса [13, с.494; 1, с.1436; 5, с.308–309] признают наиболее откровенно, натуралистично изображающей жестокость средневековых нравов. Приведем фрагмент ее концовки, повествующий об убийстве знатным французским вельможей возлюбленного своей жены:

*Right backward the knight Robert fell,
And moan'd as dogs do, being half dead,
Unwitting, as I deem: so then
Godmar turned grinning to his men,
Who ran, some five or six, and beat
His head to pieces at their feet*

[13, с. 267].

Аналогичной иллюстрацией средневековых нравов в изображении Морриса служат строки баллады "Суд Божий":

*"Swerve to the left, son Roger", he said,
"When you catch his eyes through the helmet-slit,
Swerve to the left, then out at his head,
And the Lord God give you the joy of it!"*

[13, с. 241–242].

Рефрены в балладных произведениях Морриса очень близки народным, он прекрасно владеет техникой повтора. В балладах праерафаэлитов неорганичный, не имею-

щий отношения к действию рефрен, впервые появляется именно у Морриса. Чрезмерную декоративность некоторых из них, несомненно, следует приписать влиянию старшего "собрата"-праерафаэлиты – Д.Г. Россетти. Интересно, что в некоторых балладах Морриса присутствуют рефрены на французском языке (видимо, это связано с тем, что они написаны по мотивам произведений французского средневекового хрониста Жана Фруассара):

*A golden gillyflower to-day
I wore upon my helm always,
And won the prize of this tourney.
Hah! hah! la belle jaune giroflee.*

[13, с. 245]

Однако есть у Морриса и несколько баллад, где, в отличие от фольклорного произведения, рефрен участвует в развитии действия. Порой Моррис делает рефрен "эмоциональным комментарием", подобно Россетти; порой "символическим", как у Суинберна (см. ниже). В частности, для этого им применяется варьирование рефрена (например, в балладе "Голубая беседка" [1858]).

*...And ever the great bell overhead
Boom'd in the wind a knell for the dead,
Though no one toll'd it, a knell for the dead.
...And ever the chevron overhead
Flapped on the banner of the dead;
(Was he asleep, or was he dead?)*

[13, p. 248]

В 1857 г. в Оксфорде с праерафаэлитами, приглашенными для росписи конференц-зала университета, знакомится начинающий поэт А.Ч. Суинберн, отпрыск старинного аристократического рода. Биографы по-разному описывают обстоятельства этой судьбоносной встречи. Сам Суинберн вспоминал, что Д.Г. Россетти попросил его позировать для одной из картин. Вскоре он начинает писать, подражая их стилю, особенно У. Морриса и Д.Г. Россетти. Отдельные биографы утверждают, что определяющее влияние на Суинберна в конце 1850–х гг. оказывало в большей степени творчество Морриса, отчасти потому, что Моррис находился в Оксфорде дольше других художников [8, с. 69].

Ко времени оформления оксфордского конференц-зала готовился к печати первый сборник стихов Морриса "Защита Гвинеvры", многие произведения из которого поэт читал друзьям по вечерам после окончания работ. На юного Суинберна, присутствовавшего при этом, произвела впечатление смелая, необычная трактовка средневековья и своеобразие стиля произведений поэта-праерафаэлиты. "Когда Моррис прочел "Канун битвы при Креси", "Бланш", "Стог сена у реки" и "Защиту Гвинеvры", интенсивность чувства, пронизывавшего монотонные

обрывистые строки поразила его неожиданной и яркой красотой. Суинберн осознал чарующее своеобразие искусства прерафаэлитов... Он понял, что он – ...один из них" [8, с. 67–68; 6, с. 23, с.42].

Баллады А.Ч. Суинберна, которые он начал писать в этот период, по мнению Г. Лоуза [8, с. 88], А. Фридмэна [5, с. 302], Н. Вюрцбах [14, с. 174–175], гораздо ближе традиционным по сюжетным, образным, стилистическим особенностям. Сборник "Стихотворения и баллады, первая серия", вышедший вскоре после знакомства с прерафаэлитам, не случайно оканчивается именно шестью балладами ("После смерти", "Королевская дочь", "Чайки", "Сын-убийца", "Мэй Джанет", "Год любви"). Значимую роль произведения в жанре английской баллады играют и в третьей серии "Стихотворений и баллад".

Литературная слава пришла к А.Ч. Суинберну позже, чем к другим прерафаэлитам, однако его мастерство как поэта-баллариста вызывало высокую оценку задолго до официального признания. Д.Г. Россетти, делясь со знакомым впечатлением от новой драмы Суинберна, писал в 1858 г.: "Мне понравилась его драма... но все же я считаю, что настоящее призвание Суинберна – это баллады" [12, т. 1., с.23].

Мнение Уильяма Морриса было еще более показательным. Известно, что в 1880–е гг. У. Моррис даже отстранил поэта от участия в издании народных баллад из опасения, что тот "вставит туда собственные произведения, которые никто не отличит от народных!" [5, с. 10].

Анализ выводов, сделанных исследователями английской литературной баллады в целом, позволяет сделать вывод о том, что со временем мастерство Суинберна-баллариста совершенствовалось. Существует точка зрения, что даже "современные" формально-содержательные элементы его баллад (как правило, неизбежно возникающие в литературной балладе, а в балладе Суинберна – почти неуловимые) были введены автором намеренно [7, с. 60; 3, с. 70–72].

В отдельных балладах А.Ч. Суинберна ощутимо влияние техники прерафаэлитов: цветовая образность, описательные детали, архаизация речи персонажей. А. Фридмэн пишет: "Единственное излишество его баллад в слишком частом использовании цветочных эпитетов и не свойственной балладе увлеченности декорумом" [5, с. 302].

В балладе Суинберна усложнен рефрен, однако не в том смысле, что у Россетти. Если у поэта-художника рефрен орнаментален либо эмоционально значим (попытка отразить состояние героя, описав его), то у Суинберна рефрен всегда символичен, иносказателен.

В некоторых случаях имеет место развитие действия на символическом уровне одновременно с прямым повествованием – например в балладе "Королевская дочь".

*We were ten maidens in the green corn,
Small red leaves in the mill-water:
Fairer maidens never were born,
Apples of gold for the king's daughter.*

[10, с. 245].

В дальнейшем в рефрене лишь варьируются названия предметов, находящихся в воде, и подарков, которые получит героя.

*Small white birds in the mill-water...
Fallen fruit in the mill-water...
A little wind in the mill-water...
A little rain in the mill-water...
Broken boats in the mill-water...
White wine and red for the king's daughter...
Golden gloves for the king's daughter...
A bed of gold for the king's daughter...
Sorrow of heart for the king's daughter...
The pains of hell for the king's daughter...*

[10, с. 245–246].

Символический характер "предметов в воде" и "подарков" помогает проследить развитие действия в балладе (М. Нордау определил их как символы морального падения героини, обнаруживая в произведении завуалированную тему инцеста) [17, с. 73].

В отличие от Россетти, Суинберн чаще обращается к традиционным балладным сюжетам, знатоком которых он был. В работе Г. Лоуза [8, с. 88–90] убедительно доказано, что сюжеты большинства баллад Суинберна не выходят за рамки народных.

Чаще всего Суинберн избирает следующие темы в балладном творчестве:

1. чрезвычайные обстоятельства (предательство)
2. драматизм событий
3. лирическое выражение горя, гнева.

Однако Суинберн "рассказывает старые истории новыми способами", гораздо чаще используя параллелизм, внутренние повторы, чем того требует традиция. Ощущение трагизма создается непрямым путем: с помощью метафор, фоноструктурных особенностей произведения, что создает некий "эффект отстраненности". Его баллады более музыкальны и плавны, как песни, тогда как слог традиционных баллад резок, отрывист, неровен. Г. Лоуз так пишет об этих отклонениях баллад Суинберна от народного канона: "Он вводит больше деталей, больше ме-

тафор и символов вместо прямого действия, тогда как традиционной балладе присущи прямота и простота" [8, с. 89].

Россетти и Суинберна как поэтов сближает то, что в своем балладном искусстве оба для передачи человеческих настроений и чувств прибегают к синтезу искусств. Синтез искусств следует рассматривать как экстралитературное художественное средство: Россетти использует живописные сравнения и эпитеты, а Суинберн – ритмико-фонетические возможности стиха не для придания изображению реалистичности, а для эмоционального воздействия на читателя.

Декоративность, описательность творчества Россетти контрастирует с энергией некоторых суинберновских образов. Россетти ближе пространственное, объемное мировосприятие. "Если у человека есть хоть какой-то поэтический дар, он должен рисовать", – писал он [Цит. по: 2, с. 74]. Суинберн отказывается от живописного элемента в поэзии и призывает обратиться к искусству, протяженному во времени. Подобно музыкальному произве-

дению, его тексты воздействуют на читателя не с помощью одного живописного образа, а всей совокупностью своего звучания. Во многих его произведениях можно выделить определенные фонемы, повторяющиеся с повышенной частотностью, и это протяженное во времени воздействие сообщает всему произведению суггестивность.

Итак, учитывая факты, указанные выше, мы можем сделать вывод о том, что балладная поэзия прерафаэлитов в той или иной степени сохраняет внешние, формальные признаки народной баллады, однако в ней отчасти реализуется присущий всему творчеству прерафаэлитов принцип "синтеза искусств". Вместе с тем, в своих балладах прерафаэлиты порой трансформируют содержательную часть жанра, бросая вызов устоям викторианской этики: от затрагивания некоторых из проблем до открытого эпатирования чувств читателей.

По отношению к творчеству Д.Г. Россетти и У. Морриса балладная поэзия А.Ч. Суинберна, с формальной и содержательной точки зрения, ближе народной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baugh A.C. A Literary History of England. New York, 1948. – 1673 с.
2. Benson A. Rossetti. London, 1926. – 238 с.
3. Ehrenprice A.H. Swinburne's Edition of Popular Ballads. New York, 1966. – 190 с.
4. Ford B. A Guide to English Literature. In 7 vols. London, 1962.
5. Friedman A. The Ballad Revival. Chicago – London, 1961. – 383 с.
6. Hares-Stryker C. An Anthology of Pre-Raphaelite Writings. Sheffield, 1997. – 665 с.
7. Hyder Cl. C. Swinburne and the Popular Ballad. New York, 1964. – 309 с.
8. Laws G. The British Literary Ballad. Southern Illinois Press, 1972. – 180 с.
9. Lafourcade G., La jeunesse de Swinburne. In 2 vols. Strassbourg, 1929.
10. Swinburne A.Ch. Poems and Ballads, First Series. London, 1912. – 329 с.
11. Swinburne A.Ch. Poems and Ballads, Third Series. London, 1889. – 181 с.
12. Swinburne A.Ch. Swinburne letters: In 6 vols. New Haven, 1959 – 1962.
13. The Pre-Raphaelites and their Circle / Ed. C.Y. Lang. The University of Chicago Press. Chicago – London, 1975. – 508с.
14. Wurzbach N. Tradition and Innovation: the Influence of Child Ballads on the Anglo-American Literary Ballad // The Ballad and Oral Literature. Harvard Univ. Press, 1991. С. 171–192.
15. Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы. М., "Высшая школа", 1998. – 528 с.
16. Витковская А.Д. Опыт сопоставительного исследования английской и французской средневековой баллады // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология. 1981. №5. С. 29–36.
17. Жирмунский В.М., Английские народные баллады. //Английские и шотландские баллады. – М.: Наука.– 1973. – 160 с.
18. Anthology of English and American Verse., Progress Publishers, 1972. – 720 с.
19. Нордау М. Вырождение / Пер. с нем. и предисл. Р. И. Сементковского. М.: Республика, 1995. – 400 с.

7-10 июня 2016
Новокузнецк / Россия

УГОЛЬ и МАЙНИНГ **РОССИИ**

23-я Международная специализированная выставка технологий горных разработок, обогащения, выемочной и подъемно-транспортной техники
УГОЛЬ РОССИИ и МАЙНИНГ

7-я Международная специализированная выставка
ОХРАНА, БЕЗОПАСНОСТЬ ТРУДА и ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

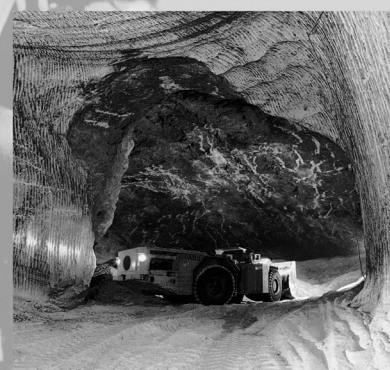
2-я Международная специализированная выставка
НЕДРА РОССИИ

уголь

руды

промышленные минералы

Для всех отраслей
горнодобывающей
промышленности

охрана и безопасность труда

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ:

Выставочный комплекс "Кузбасская ярмарка"

ул. Автотранспортная, 51, г. Новокузнецк.

т./ф: (3843) 32-22-22, 32-24-43

e-mail: transport@kuzbass-fair.ru, zayceva@kuzbass-fair.ru

www.kuzbass-fair.ru

РЕКЛАМА

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Agakishiyev I. – Candidate of historical sciences, assistant professor of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

e-mail : almamater412@mail.ru

Amano A. – Master student of 1 course, Faculty of Humanities Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

e-mail : asya_amano@mail.ru

Aydogan H. – Peoples' Friendship University of Russia

e-mail : aydoganhakanc@gmail.com

Bagrov I. – North-West Institute of Printing Arts of St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design

e-mail : ybagroff@gmail.com

Baraboshkin K. – Research scientist, Department of Chinese Philology, Institute of Asian and African studies Moscow State University

e-mail : baraboshkin-kons@yandex.ru

Berezhneva A. – MBOU Secondary school №5 them. BUT. Krivoshapkina (with in-depth study of specific subjects) GO Yakutsk

e-mail : egorkina_a_89@mail.ru

Bikbaev V. – PhD of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages of the Novosibirsk Higher Military Command School

e-mail : vadim_bikbaev@mail.ru

Buchko N. – Candidate of historical sciences, the senior lecturer, far east state humanitarian university

e-mail : buchko65@mail.ru

Chuardin G. – Candidate of historical sciences, Assistant Professor at the chair of Russian history, Orlov State University

e-mail : snotra@orel.ru

Dolgopolova I. – The Berezniki branch of the Perm national research Polytechnic University

e-mail : i_dolgopolova@mail.ru

Dyakonov B. – Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Analysis of Systems and Company Decisions, Ural Federal University n.a. the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

e-mail : dyakonovbp@mail.ru

Golikov A. – Ph.D., the director of the Pedagogical Institute FGAOU HPE "North-Eastern Federal University. MK Ammosova

e-mail : alex_golikov@mail.ru

Gross E. – Junior researcher at the Department of World History and International Relations of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

e-mail : gross.alena@mail.ru

Gryzlova A. – Competitor of the Department of Russian history from ancient times to the XX century St. Petersburg State University

e-mail : Anastasia-Gryzlova@mail.ru

Ivanova V. – Student of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages Institute of Foreign Languages of the Russian Peoples' Friendship University

e-mail : vikabest@list.ru

Kashitsyna Y. – Udmurt State University, Izhevsk, Russia

e-mail : ekashitsyna@inbox.ru

Katchalov D. – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Transport Economics, The Ural State Transport University

e-mail : lada7.54@mail.ru

Kerzhentseva A. – Ph.D., associate professor, Head of the Department of primary education institute training and retraining of Kabardino-Balkaria State University

e-mail : ker-anna@yandex.ru

Kirillova S. – Orenburg State University, Municipal budgetary educational institution "Primary school No. 11" Buzuluk, Orenburg region, primary school teacher, the highest category

e-mail : SK24071969@yandex.ru

Kochneva T. – Deputy director for educational work in the municipal educational institutions of additional education "Norilsk children's art school"

e-mail : nortani@yandex.ru

Kotov A. – Phd. in history, associate professor of Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, St.-Peterburg

e-mail : akotov@inbox.ru

Kozubovskaja L. – Associate Professor of Foreign Languages and Public Relations, Perm National Research Polytechnical University

e-mail : Lena-sentebova@yandex.ru

Krapivkina O. – Candidate of Philology, Associate Professor, Technical University of Irkutsk Research

e-mail : koa1504@mail.ru

Kruglov V. – Graduate Student, Department of civil law and process of the PRUE

e-mail : VladimirKrugloff@yandex.ru

Kudryavtsev N. – Tyumen State University Ishim Teacher Training Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University

e-mail : nvkudryavtsev@mail.ru

Lyashenko M. – Cand. ped. Sciences 13.00.08, assistant professor of foreign language Professional Communication, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

e-mail : mslyashenko@mail.ru

Molina Roa F. – Graduate student of the Faculty of Economics of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

e-mail : 19832008f@gmail.com

Molityvina N. – PhD student, Department of Journalism, Department of Russian Language Stylistics Moscow State University of Lomonosov

e-mail : molityvina@mail.ru

Morozova O. – Candidate of philological sciences, senior lecturer, Elabuga Institute of Kazan Volga Federal University

e-mail : Olga22006@eandex.ru

Namsing E. – Ph.D., Associate Professor, Omsk state pedagogical University

e-mail : evr2006@list.ru

Nefedova N. – Graduate of the Chelyabinsk state Institute of culture The Department of social and cultural activities, Specialty "Theory, methodology and organization of socio-cultural activity"

e-mail : Nefedova-natalia-aleksandrovna@mail.ru

Osheva E. – PhD in Philology, Head Teacher English Language Department, Institute of Foreign Languages and Linguistic Communication in Management, State University of Management, Moscow

e-mail : sweetyhel@mail.ru

Perzhu E. – External doctorate student, Department of English Philology and Cultural Linguistics, St. Petersburg State University St. Petersburg, Russia

e-mail : perzhu_katya@mail.ru

Pogibelskaya N. – Associate professor, Department of General Physics Moscow Institute of Electronic Engineering

e-mail : n_pogibelskaya@mail.ru

Pogibelskiy A. – Associate professor, Department of General Physics Moscow Institute of Electronic Engineering

e-mail : n_pogibelskaya@mail.ru

Samarin D. – Candidate of Philology, Associate Professor of Legal Support Department of National Security, VPO "Baikal State University", a branch in Yakutsk

e-mail : dsamarin2011@yandex.ru

Sapozhnikova A.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Volkhov affiliation

e-mail : anna_sapozhn@mail.ru

Sentebova E.

Associate Professor of Foreign Languages and Public Relations, Perm National Research Polytechnical University

e-mail : Lena-sentebova@yandex.ru

Serykh A.

Doctor of Education, Doctor of Psychology, Professor, head of the Department of special psychological and pedagogical disciplines Baltic Federal Universitetaimeni Immanuel Kant

e-mail : annaserykh@rambler.ru

Shustova S.

DSc in Philology, Professor of Advertising, Public Relations and Humanities Department, Perm Institute of Economics and Finance

e-mail : lanaschust@mail.ru

Suarez Romero D.

Graduate student of the Faculty of Engineering of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

e-mail : douglas170667@gmail.com

Suslov A.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities, Kazan National Research Technological University

e-mail : plusha131333@yandex.ru

Tiskinek A.

Graduate, Gorno-Altai State University, GASU

e-mail : tiskinek@gmail.com

Turlai I.

The Belarusian State University, Minsk

e-mail : istur@yandex.ru

Volkova K.

Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, MV University, Department of. Philology Southeast Asia, Korea and Mongolia

e-mail : egorovaksenya@mail.ru

Yamaeva E.

Doctor of history, Professor, Gorno-Altai State University, GASU

e-mail : tiskinek@gmail.com

Yastreb O.

Competitor of the Department of Psychology and Social Work Baltic Federal Universitetaimeni Immanuel Kant

e-mail : aholga@mail.ru

Zainullin L.

Assistant, Department of Philosophy and Cultural Studies, Kazan State University of Culture and Arts

e-mail : l_ainullin@list.ru

Zubko O.

Candidate of Historical Sciences (Ph) specialist of the Centre for international relations and activities, Vinnytsia National Agrarian University

e-mail : zubko1975@rambler.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh.ru).